

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРОКСИД ЗОРН

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2016

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2016 — 2(43)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Задушевный разговор с авторами и читателями.....	3
К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЭТА-СТИЛИСТА РУССКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА ГУМИЛЕВА (1886—1921)	
От редакции.....	14
Николай Степанович Гумилев. Стихотворения.....	15
Валерий Савостьянов. Из Бежецкого цикла.....	24
Ефим Гаммер. Арктика.....	29
Белла Верникова. Стихотворение из цикла «Дороги воспоминаний».....	34
Лидия Довыденко. Гумилевская осень в Калининградской области.....	35
КРУПНЫЙ ЖАНР (ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЯКИ)	
Владимир Федоров. Созвездие Марии: Историческая драма.....	42
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Елена Аверьянова. Дворовые зарисовки.....	92
Рудольф Артамонов. Белые пляжи Бали.....	97
Николай Макаров. Наши в Африке (продолжение).....	100
Алексей Яшин. Война в Арктике: Из рассказов Николая Андреяновича. Совесть союзника. Покушение на члена правительства.....	107
Ольга Карагодина. Симураны.....	122
Геннадий Маркин. Плис для Глафиры.....	128
Вячеслав Михайлов. Вызов.....	142
Ольга Несмеянова. Связной (продолжение).....	155
Федор Ошевнев. Конверт без обратного адреса.....	166
Виктор Хромов. Как здоровье английской королевы?.....	181
Василий Бабушкин-Сибиряк. Сербиянка.....	183
Игорь Карлов. Как бы не так.....	187
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ. ПЕРЕВОДЫ	
Игорь Лукьянов. Новые стихотворения.....	196
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве. Эпическая поэма. Ч. III. Дежавю (продолжение).....	204
Стивен Ули. Стихотворения (в переводе с нем. Ала Пантеляга).....	208
Вика Щербакова (8 лет). Тучкины штучки.....	211
Ольга Артемова. Нас воспитывала честность мамы.....	213
Наталья Артемова. Картинка из детства.....	217
Елизавета Баранова (Весина). Стихотворения.....	221
Нина Гаврикова. Зима седая с возрастом созвучна.....	226

Николай Тимохин. Переводы из Джона Китса.....	229
Анатолий Аврутин. Вдали от России.....	233
Виталий Квитковский. Колыбельная (в переводе с укр. В. Резцова). На бойню.....	238
Александр Гутгин. Душой прижаться к сердцу твоему.....	239
Ирина Кедрова. Прекрасна жизнь!.....	244
Лидия Шишко. Городу Полоцку.....	246
Олег Пантюхин. Весна.....	250
Ольга Борисова. На юга!.....	251
Яков Шафран. Звучат колокола (цикл стихотворений).....	254
Сергей Редков. Радикалы.....	258
Сергей Лебедев. Дядя Ваня.....	260
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Сергей Одинокоев. Спаситель нашего города.....	264
Рагим Мусаев. Хроника провинциальной оккупации.....	270
Алексей Гусаков. Слово о литературе.....	294
Марк Дубинский. Неконъюнктурные рассказы Сергея Крестьянкина.....	301
Геннадий Маркин. Две сюжетные линии, как две линии жизни.....	304
Ольга Борисова. Поиски истины (О новой книге Сергея Лебедева).....	308
Борис Рябухин. «Мертвые сраму не имут...».....	313
Сергей Прохоров. Работа ума и сердца.....	316
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	319

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — ntomach@tsu.tula.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
 Правления Союза писателей России
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом
 международных связей
 Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
 поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
 Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
 Академии российской литературы
 Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тулская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — газета «Слово писателя» (Минск, Белоруссия)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского государственного университета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате) См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: www.pz.tula.ru/pzBgr.html и www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР С АВТОРАМИ И ЧИТАТЕЛЯМИ

Традиция художественного описания общения участников литературного процесса — от автора до читателя посредством «книгоиздателя» и «книготорговца» — суть прерогатива русской и советской классики; чтобы далеко в лес за дровами не ходить, сошлемся на известные стихотворения М. Ю. Лермонтова и В. В. Маяковского.

Так и мы, свято следуя традициям отечественной литературы, решили дружески побеседовать с авторами и читателями нашего журнала. Последнее вовсе не означает, что нас не интересует мнение таковых в отношении других литературных журналов. Скорее наоборот: чем шире круг равнодушных к современному состоянию русской литературы, тем весомее их мнение *in summa*. А вот и первая реплика редактору...

Въедливый читатель. А не кажется ли вам, уважаемый редактор, что сейчас образовалась некая, порочная в своей основе, избирательная «кружковщина»? Я имею в виду ту нездоровую ситуацию, когда каждый журнал обрастает кругом «своих» (именно в кавычках!) авторов, что, в свою очередь, влечет за собой формирование достаточно ограниченного круга постоянных читателей. Вот, к примеру, возьмем пару-тройку столичных, так называемых, по советской еще традиции центральными, «толстых» литературных журналов, не озвучивая политкорректности ради их наименования. Неважно, какой они ориентации (извиняемся за двусмысленное сейчас слово): патриотической, либеральной, верноподданнической и пр. И что видим? — А лицемерие одинаковое: из номера в номер одни и те же авторы с многостраничными «задумчивыми» романами, «километрами» то гневно-патриотических, то либерально-вольнлюбивых стихов, публицистикой, от которой во рту возникает вполне ощутимый вкус жеванной ваты... Говоря словами классика революционного марксизма, «узок их круг». И даже если не очень далеки они от народа, то весьма близки к составу редколлегии, а чаще всего и входят в этот славный список... Уж и не знаю, что сказать о круге читателей таких журналов.

Редактор. Полагаю, что столичных, бывших «центральными» журналов есмь число сугубо ограниченное и «трогать их за вымя», как писали одесские классики, не стоит. Даже то хорошо, что еще остались издания с господдержкой, что позволяет им выходить «гигантскими» по нашим временам тиражами в несколько тысяч экземпляров... Действительно, мало их числом и далеки они от всероссийского читающего народа: в библиотеки сейчас не комильфо ходить, в киосках «Роспечати» только глянцевое чтиво-смотриво, институт подписки почти что в Лету канул. Теперь по сути вашего вопроса-размышления.

Эффект вполне реальной, наблюдаемой «кружковщины» в вашей интерпретации несомненен. На наш взгляд, как главного редактора, хотя и с невеликим, но все же десятилетним стажем руководства созданным им же «толстым» литературным журналом, главной движущей силой разбиения единого русского (советского, сейчас российского) литературного процесса на «кружковщину» является, как это ни диковато поначалу звучит, воспоминание о лучшей в мире на все времена организации советской литературы. Почти как в эстрадной юмореске, дескать, имею тяжелое на-

следие советской власти: бесплатные два высших образования, квартиры себе и детям и прочая, и прочая.

Да, согласимся мы с эстрадными куплетистами, именно советская власть виновата в том, что нынешняя литература в России, являет собой почти что убожество. Опять же по сравнению с советским периодом. Косвенная апология современной русской литературы — тот факт, что на Западе-Востоке (почти что «Западно-восточный диван» Гёте...) как таковой художественной литературы давно и вовсе нет. Одно присуждение «Нобеля» по литературе за прошедший год сугубо политизированной публицистической журналистке чего стоит! То, что она «приписана» к явно постсоветской Белоруссии, роли здесь не играет...

Словом, рухнула в одночасье организованная советская литература и распалась на кружки. И совсем не удивительно, что их объединяющими центрами стали, в основном, вмиг обессилевшие на полном безденежье и увядшие в затянувшемся безвременье областные писательские организации, тем паче раздраенными евтушенковскими молодцами-апрелевцами, но именно журналы, преимущественно вновь явившиеся русскому миру и далеко не всегда «в столицах и университетских центрах». Попросту говоря, центрами таких своеобразных литкружков стали провинциальные (периферийные по-советски) журналы. К таковым, ничтоже сумняшеся, мы относим и «Приокские зори». Ваше слово, товарищ автор?

Автор старого закала. Я так полагаю: журнал есть, если он имеет печатный тираж. А всякие там интернетовские игрушки — это словоблудное любительство. Вот и «Приокские зори» имели десять лет тираж, значит, и считались журналом, даже всероссийским ордена Г. Р. Державина, а теперь это интернетовская пустышка, надувающий сам себя пузырь. Вы уж извините меня, товарищ редактор. Почему вы, ваши редакция и редколлегия так скоро сдались, опустили руки, не ищите господдержки в форме грантов, меценатов, или спонсоров по-нынешнему?

Редактор. Уважаемый Порфирий Дормидонтович, автор широко известной даже за пределами нашей области исторической тетралогии «Чугун не ржавеет», как-то запутался в скоробегущих годах новейшей истории нашей страны, точнее того, что осталось от некогда 1/6 земной суши. И пусть он не думает, что ваш покорный слуга в восторге от всех этих «гэджиков» во главе с интернетом. Кстати, Порфирию Дормидонтовичу следует уточнить в названии тетралогии, что не ржавеет только серый, литевой чугун, черный — передельный ржа охотно ест. Но навалился класс-гегемон, то бишь всемирно организованная и глобально продвигаемая телекоммуникационная виртуальная реальность — и все подмяла под себя, как мама-кошка в период лактации неторопкую мышку (с «кити-кэта» молоко у кошки слабо идет...).

...И здесь у меня сразу два парадоксальных вопроса возникает, причем даже и не особо-то в связи с референцией многоуважаемого Порфирия Дормидонтовича, а именно: читают ли в этом интернете сугубо литературные произведения, те же «толстые» журналы, и нужно ли сейчас издание литературных журналов в традиционном бумажном виде? Ответы на эти вопросы и будет ответом автору исторической тетралогии лауреату поощрительной районной премии.

Я — человек абсолютно далекий от интернетовского, вообще компьютерного чтения. Потому долгое время даже с невольным интересом относился к «продвинутым» пользователям этой штуковины. Прозрение пришло к окончанию деятельного периода десятилетнего издания «Приокских зорь» в бумажной и электронной формах. Сопоставляя характерные моменты в активной переписке с авторами и читателями журнала, невольно сделал для себя вывод: практически нет отзывов на публикации от авторов и читателей, не державших «бумажный» журнал в руках, это нам легко было отследить. Для подкрепления такого неожиданного вывода — на фоне

оголтелой рекламы СМИ интернета как всеобщего просветителя — побеседовал (с наводящими вопросами) по «программе-выборке», все же имею ученое звание профессора по кафедре ЭВМ, с этими самыми продвинутыми пользователями. И выяснил, что из собственно художественной литературы изредка читаются только пасквильные стишата, как говорили в советское время, «про руководителей партии и правительства». Конечно, все это несколько преувеличено, но неоспоримо, что *интернет (преимущественно) в части художественной литературы используется не как средство познавательно-эстетического погружения в мир творчества, но, в лучшем случае, как эквивалент «перелистывания журнальчика»* (это из телерекламы: «Дэну позвонить или журнальчик полистать?»). Итак, вместо видимого парадокса имеем, увы, обыденную реальность.

Также снимается парадоксальность и с вопроса о нужности (полезности) нынешнего издания литжурналов в «бумаге».

...Возмущенные авторы и читатели, но более авторы. Распни его, распни! Может на костер дьявольский свой журнальчик потащишь? «Собрать бы книги все да сжечь!» Ату его, ату!

Редактор. Молю, дайте последнее слово перед аутодафе! Порфирий Дормидонтович, вам вредно так волноваться, ведь еще не дописали шестой том эпопеи «Не нужен нам берег турецкий». Давайте рассуждать здраво, ведь в духе антиалкогольного времени насухуюнашсамит-посиделки проводим!

Автор, еще не издавший книг (сквозь гомон неудовольствия). Так дайте же, вы, книжники и фарисеи, обосновать редактору столь неожиданное заявление, а то вы одно талдычите: в Кашенку его, в Кашенку!

Редактор. Спасибо, мой юный друг. Пора, уже пора тебе начать книги писать и издавать. Поднакопи малость денжат и хотя бы полсотни экземпляров тисни. Конечно, за Порфирием Дормидонтовичем тебе в этом деле не угнаться, что сделал себе капитал в начале лихих девяностых, кинув своих коллег по кооперативному издательству и обанкротив его в пользу своего банковского счета... Зато сколько пользы он принес нашей литературе, издав «полный бант» своих трилогий, тетралогий и опупей... извиняюсь,— эпопей! А по сути ненужности издания сейчас литературных журналов «в бумаге», хотя и «в цифре», как я уже сказал, они мало кому нужны, имею честь сообщить вам следующее.

...Впрочем, опять советская власть избаловала. Она приучила читателей и, конечно, «огонораренных» авторов к 200...300-хсоттысячным тиражам (а для некоторых и более того) центральных журналов и не менее 50...100 тысячным для периферийных. Плюс идеально организованная всесоюзная подписная система и смешная стоимость журналов. Попасть на их страницы можно было только авторам с проблесками дарования и таланта, зато можно наутро, после выхода очередного номера проснуться «с именем»! Конечно, отчасти работало «телефонное право» и презумпция «датской» поэзии, но — весьма умеренно, как осознанная необходимость (это по Гегелю определение понятия свободы...), вовсе не портившая высокий литературный уровень нашей периодики. Помню свой первый опубликованный в свердловском журнале «Уральский следопыт» рассказ «Сизиф», а выходил тот «Следопыт» тиражом триста тысяч и на огромной территории от Волги до Камчатки вполне конкурировал с вовсе привилегированной «Юностью»...

Досадливый автор. Не надо нас агитировать за советскую власть! Давай, редактор, ближе к делу: почему свой-то журнал хоронишь?

Редактор. Ну-у, к делу, так к делу, как примерно о том же говорил Ги де Мопассан. Издавали мы с помощью Тульского госуниверситета, за что глубоко ему признательны, почти десять лет «Приокские зори» тиражом 250 экземпляров. Печатали ав-

торов, как и сейчас это делаем, абсолютно бесплатно, ибо это наша принципиальная позиция: печатать за плату — это, по нашему мнению, абсолютное безобразие. Чем, кстати говоря, теперь и занимаются многие журналы и альманахи. Не все, конечно, но все же... Уж лучше так, чем никак.

Теперь бесплатный сыр закончился. Тому же университету, как и всем госучреждениям, «сверху» запретили все нецелевые расходы. А литература у нас в *Год литературы* стала де-факто «нецелевым делом». Искать меценатов-спонсоров? Во-первых, мы и это испробовали с нулевым эффектом. Во-вторых, в своем ли вы уме, дорогие наши советчики? На Руси меценатство в области культуры было лишь единюжкой: во второй половине XIX века, когда почти все купечество (торговое и заводское) происходило из староверов-старообрядцев, которые исповедовали принцип государственного стяжательства, то есть лишней копейки-полушки в своих делах не переплачивали, в трактирах обходились чаем с баранками (на двоих пить чай на пять копеек — см. у Н. С. Лескова в «Чертогоне»), но накопленные миллионы с собой в могилу не брали, детям-бездельникам ни гроша не оставляли, но все возвращали народу в дарах: церкви и художественные галереи, балетные театры и книгопечатание для народа: знаменитые книжки-копейки и так далее. Такими были Морозовы, Мамонтовы, Третьяковы, Сабашниковы и многие другие. Обычно здесь кивают на разгульных купчиков из пьес Островского, но тот писал на «конъюнктуру». Лучше Лескова читайте...

Ни до, ни после меценатов в России не являлось. В советское время, конечно, таковые не требовались; см. выше, да и сами прекрасно все помните. И вы, многоуважаемые, хотите хоть грош-полушку (это на современные деньги где-то за сотню рублей) получить от нынешних нуворишей, с пистолетами и мордобойными кулачищами братков из бывших спортсменов-чемпионов разворовавших все, что в России было создано и накоплено царями и генсеками? Да они вас за эти гроши-полушки удавят! Самим, мол, не на что в Куршавель скатать с вагоном элитных проституток, отдохнуть от биржевых «бузINESSов» и прочих спекуляций... Перекреститесь, кто успел в духе времени воцерковиться, и трижды сплуньте через левое плечо! А то вообще что-либо литературное сочинять, тем более печатать запретят.

Обратиться к госвластям за поддержкой в издании журнала? — Так вот я демонстрирую пухлую, как том громкого уголовного дела, папку переписки такого характера с областной администрацией, где напираю на то, что «Приокские зори», как все-российский журнал, является литературной визитной карточкой нашего города и области. Ответ от разных по времени губернаторов один: денег на такие штуки нет и не будет. Сейчас, правда, стали рекомендовать участвовать в конкурсе губернских грантов, но это на Западе-Востоке (см. выше) заявки на гранты рассматривают по ожидаемой результативности, у нас же... не буду даже занимать ваше внимание рассуждениями на такие глупые темы...

Старинный читатель. Безрадостное будущее вы рисуете, товарищ редактор. Неужели всерьез говорите о ненужности сейчас литжурналов в любом виде: бумажном и электронном? Но ведь свои-то «Приокские зори» продолжаете выпускать: внук мне его находит в интернете — читаю с экрана, а живую, на бумаге читаю все свежие номера в Центральной городской библиотеке, что имени Льва Николаевича, благо рядом проживаю. Никак не могу взять в толк. Поясните, пожалуйста.

Редактор. Я что-то переборщил, наверное. Перепутал грамматические категории: сослагательное наклонение заменил на сугубо утвердительное. Все ведь дело в сравнительности, коль скоро начали с советской организации литературного процесса. Нет, конечно, журналы, в том числе и «Приокские зори», и его альманах «Ковчег», будут продолжать издаваться как в электронной форме, так и в бумажном виде.

Просто читательская аудитория за последнюю четверть века сократилась даже не в разы, но на полтора-два порядка.

Что же касается интернетовского представления журнала, то все же надеемся на создание устойчивого читательского контингента. Попривыкнув люди к чтению таких электронных журналов. Была бы качественная проза, поэзия и незапиаренная, литературная — подчеркнем это, публицистика, а читатель, уже практически лишенный возможности держать в руках бумажные издания, приучится читать с экрана. Тем более, появились в изобилии электронные книжки: скачал на нее свежий номер журнала — и читай себе в удовольствие, лежа на диване! Конечно, здесь мы утрируем, но выражаем сдержанный оптимизм. Именно поэтому мы в прошедшем году расширили свое интернетовское присутствие: кроме собственного своего сайта «Приокские зори» представлены на всероссийском литературном сайте «Русское поле» и на евразийском сайте «Мегалит». Член редколлегии журнала Ефим Гаммер (Иерусалим, Израиль) представляет «Приокские зори» на международных сайтах. На сайте «Мегалит» представляется и альманах «Ковчег» журнала, а также авторские книги серий «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори». Так что и мы виртуальных мышей ловим!

А вот с бумажными журналами, увы, дело уже непоправимое. Настолько непоправимое, что редакция к юбилею «Приокских зорь», когда он еще издавался «в бумаге» Тульским госуниверситетом, подумывала отказаться от издания бумажного тиража, оставив лишь пару десятков экземпляров для рассылки в ведущие библиографические центры страны, писательские союзы, редакции центральных литературных газет, в пару-тройку солидных зарубежных библиотек (США, Германия, Израиль).

Редактор продолжает на фоне нарастающего шума. Да-да, вы не ослышались, граждане-товарищи, господ среди вас нет, господа только одну книжку на ночь читают: чековую банковскую... Именно самим отказаться от тиража, совершенно ненужного сейчас для литературных журналов (см. «идеологическое» обоснование выше). Давайте-ка для убедительности прикинем по-бухгалтерски на счетах-костяшках. Это вот как уважаемый наш классик Порфирий Дормидонтович любит доказывать, оперируя цифирью — числом страниц, строк на них и знаков в строке, что его историко-порнографическая тетралогия «Чугун не ржавеет» на два авторских листа больше «Войны и мира», а его же эротический двухтомник «Прасковья в садах Эдема» и вовсе на три печатных листа побивает баки «Анне Карениной»!

Итак, почти половину тиража мы рассылали-разносили по библиотекам города, райцентров, центральных и зарубежных храмов литературы. То есть эта половина считай что пропадала, ибо в библиотеки сейчас никто не ходит. Более того, время от времени члены редакции (не путать с редколлекцией!) делали инспекции по библиотекам нашего областного центра и докладывали главному редактору нечто удручающее: за исключением нескольких центральных библиотек, в остальных годовые комплекты журнала в буквальном смысле свалены в угол. И оправдание, причем вполне серьезное, хранительниц печатной мудрости: на стендах, мол, *местов* нет, только подотчетные, за которые деньги плачены, журналы и помещаются, а ваш ведь бесплатно нам дают?! Да и все равно читателей у нас не случается...

Большую часть второй половины тиража рассылали по всей стране тож в библиотеки, писательские организации и пр. Судя по отсутствию (за 10 лет издания!) откликов, сообщений и пр., судьба этих экземпляров такая же. Но зато радовала Белокаменная: часто получали письма от благодарных читателей, что-де вот зашел в правление <далее идет название уважаемой литорганизации> и *приобрел* там свежий номер вашего великолепного журнала! Да, Москва город деловой, присылаемые им бесплатно журналы всю продают. Но для нас и это великая радость: журнал обрел

читателя, ведь, если за него заплачены кровные, то от корки до корки человек прочитает — не дармовщина ведь какая!

Итак, не надо быть продвинутым психологом, чтобы сообразить: бесплатное печатное слово читателя никогда не найдет!

...Оставшиеся от тиража десятков-полтора экземпляров заказывают, не преминув поворчать, что редакция не высылает *обязательный* авторский экземпляр*, неохотно заказывают и авторы текущего номера. Итак, посвятив все время на труды по изданию бумажного журнала, собственно издавать его только для удовлетворения страстного желания 5—10 авторов каждого номера иметь его экземпляр в своей домашней библиотеке? Даже Порфирий Дормидонтович назовет это парадоксом, но ведь так было и есть? Вот если деньги брать за публикации — весь тираж тотчас раскупят, но это не в наших правилах (см. выше).

В итоге сейчас мы пришли к оптимальной, принятой во всем (литературном) мире форме издания наших «Приокских зорь» — без тщетных поисков несуществующих меценатов, без устоявшегося отсутствия господдержки, в то же время очень гибкой, позволяющей выбирать наиболее приемлемый для автора и читателя вариант, а именно:

— в электронной форме журнал размещается на сайтах, о которых речь шла выше;

— желающие иметь бумажный вариант, заказывают журнал в издательстве Тульского госуниверситета, которое печатает журнал по предварительным заказам на коммерческих условиях; процедура заказа, начиная с № 1, 2016 «Приокских зорь», открывает рубрику «Хроника литературной жизни»; редакция журнала заказов не принимает и в переписку по этим вопросам не вступает;

— авторы и читатели сами могут отпечатать нужное им количество экземпляров в своем городе — сейчас даже в небольших городах имеются минитипографии с электронной печатью от одного экземпляра. Для этого автору по его просьбе редакция высылает файл оригинал-макета журнала бесплатно;

— наконец, авторы, желающие, чтобы номера журнала с их произведениями поступили в ведущие библиографические центры страны, в руководство писательских организаций, в редакции центральных литературных газет и т.п., могут *исключительно добровольно*, но заботясь о популяризации своего творчества, высылать в нашу редакцию по 1 экземпляру. Принцип здесь простой: сам о себе (в смысле популяризации) не позаботишься — никто другой не позаботится.

Как и прежде, книги серий «Библиотека и «Приложение к журналу «Приокские зори» авторы печатают сами, предварительно согласовав это с редакцией журнала. Условия публикации в альманахе «Ковчег» журнала «Приокские зори» несколько иные — за разъяснениями обращаться по e-mail: bonyans@yandex.ru Итак...

Экономный автор (а кто из нас сейчас не экономит? — Даже Абрамовские и Березовичи...) И... и сколько же экземпляров журнала сейчас стоит в издательстве вашем, и если самому печатать?

Редактор. Во-первых, издательство далеко не наше, но университетское; во-вторых, стоимость единичной печати, то есть на «электронке» с минимальной коммерческой надбавкой всюду одинакова: порядка 800 рублей за журнал объемом 260... 280 страниц.

Рядовой читатель. Ого! Нет, сейчас лучше быть читателем на интернете, чем писателем на бумаге! Но почему так немисливо дорого? Опять предбывшая советская власть виновата?

* И когда были эти «обязательные» экземпляры? Надо полагать, что эти авторы в советское время и не помышляли печататься, ибо тогда, даже при копеечных стоимостях изданий, автор сам покупал номер с его публикацией в журнальном киоске, а за 10 «авторских» экземпляров изданной книги бухгалтерия издательства вычитала из гонорара...

Редактор. Конечно, она, родимая, в ответе, что приучила всех нас к мизерным ценам на печатную продукцию, из которых, ввиду огромных тиражей, кстати говоря, складывать приличные гонорары авторам. Само существование тысяч профессиональных писателей, то есть безбедно живущих на эти самые гонорары, обо многом говорит. На этот счет не поленитесь почитать «Колонку главного редактора» в последнем номере «Приокских зорь» ушедшего года. *Года литературы*, между прочим...

А почему так дорого? Потому что в результате демреформ в стране полностью уничтожена ранее мощная полиграфическая промышленность. До основания, а затем... затем вся наша полиграфия, уже собственно печатающая, перешла на импорт, долларовой, разумеется. И когда усилиями Запада, загоняющего Россию в грандиозный тупик, а еще более стараниями наших выдающихся реформаторов-экономистов, рубль понизили в три раза по отношению к доллару-евро, во столько же раз возросла в рублях, которому скорее для смеха даже смайлик, Р по аналогии с \$ и €, присвоили, и стоимость печатания тех же бумажных журналов, да к тому же по привычке девяностых и двухтысячных годов аппетиты всей цепочки — от оптовиков до владельцев крохотных типографий — отнюдь не уменьшились...

Экономный автор. А вот мы говорили, что у некоторых других журналов стоимость, конечно, повысилась, но не до восьмисот, а всего лишь до трехсот — четырехсот рублей! Значит издательство, что взялось печатать «Приокские зори», — чрезмерный хапуга?

Редактор. Вы, уважаемый, автор известный в нашем городе и его окрестностях. Тем более вы должны по роду своего участия в литпроцессе знать хотя бы азы издательского дела, не уподобляясь, например, руководству и большинству членов нашей областной писательской организации, не ведающих разницы между издательством и типографией, логотипы которых стоят в книге. Так вот, уважаемый автор, если тираж составляет менее ста экземпляров, то его печатают на машине с электронным вводом оригинал-макета, в просторечии — «электронке». При тираже свыше сотни используется более простая техника навроде ризографа. Соответственно и стоимость расходных материалов здесь в разы меньше.

Наивный читатель. Так заказывайте вашему издательству сто — двести и так далее экземпляров!

Редактор. Наверное, я напрасно собрал вас, а еще более напрасно развлекал вас разговором, что называется, с аргументами и фактами. Еще раз повторю для наиболее непонятливых: издательство не наше, но по доброте душевной взяло на себя хлопоты по исполнению заказов на печатание журнала. Но в издательстве нет матери Терезы, там люди сугубые реалисты. С чего это они будут печатать сто — двести и так далее экземпляров, если журнал закажут от силы пять — шесть авторов, причем по одному — два экземпляра? Это я не с потолка взял — по десятилетнему опыту все проверено.

Голос с задних рядов. Сами виноваты: приучили за десять лет к дармовщине!

Редактор. Вот — голос мужа, но не мальчика! Истину речешь, мой друг: каемся, приучили, разбаловали за десять лет. Истинно — опять же повторюсь, — дармовому призовому коню даже в зубы смотреть не будут, а тщедушным хромоногим осликом, купленным за три таньга на бухарском базаре, не устанут любоваться! Так создан человек. Но все одно, как не устаю повторять: плату за публикации брать не будем!

Знаете, надоело без конца разъяснять сугубо материальные вещи: и так едва ли не каждую вторую «Колонку» посвящаем этому неблагодарному делу. Уже не говорю о ворохе циркулярных писем, что рассылаем почти сотне наших авторов; все одно масса не старающихся нас понять. А прилагать неимоверные усилия по изданию тиража по приемлемым ценам и все для того, чтобы пять — шесть, от силы десять авторов со

всей-то необъятной страны смогли поставить журнал с их стихами и рассказами на «авторскую» полку домашней библиотеки, суть сизифов труд. Давайте лучше поговорим о чистом литературном содержании нашего орденосного журнала.

Порфирий Дормидонтович (как губернский классик, не обижаясь на ремарки редактора). А-а скажите, любезнейший, почему за десять лет издания я не получил от вас приглашения печататься в вашем журнале? Нельзя, милейший, так разбрасываться талантами, тем более что я не таю на вас никаких обид.

Редактор. А уж я-то как не обижаюсь на вас, многопочтенный Порфирий Дормидонтович! Хотя бы вы каждый том из своих многочисленных ди-три-и-тетралогий сопровождаете пространными предисловиями, основное содержание которых суть недоумение, что до сих пор вам не дали «нобеля» по литературе, и подписываете эти предисловия с утомляющим однообразием моей фамилией. Хорошо в нашей мало-черноземной губернии читающие люди знают о вашей столь оригинальной странности... Теперь к делу. Мы не практикуем персональных предложений, но рады всем стремящимся на наши страницы, конечно, если заведующие отделами прозы и поэзии, люди не предвзятые, одобряют.

Так что, почтеннейший Порфирий Дормидонтович, оформляйте свои материалы, что считаете нужными для опубликования в журнале, строго по принятым у нас правилам и направляйте в редакцию.

Порфирий Дормидонтович (донельзя оскорбленный). Как, я, классик, буду тратить свое драгоценное время на какую-то оформиловку! Вы забылись, сударь! Зайдите в областную библиотеку, где целая стеллажная полка занята моими творениями, выберите что вам нужно, сами оформляйте по каким-то вашим правилам и — печатайте! Не премините вспомнить об обязательном авторском экземпляре и гонораре! Я покидаю вас, господа, ибо время у меня по секундам расписано на ведение фундаментального литературного исследования, как единственного в мире писателя-баркововеда, творчества незабвенного Ивана Семеновича, в соседнем с его бывшим имением селе я имел честь провести детские и юношеские годы.

(Порфирий Дормидонтович с неизменным «дипломатом» в правой руке покидает собрание).

Редактор (обескуражено разводя руками). Как шутовали старинные наши кухонные диссиденты: «Вы слушали по «Маяку» произведения советских композиторов, а сейчас послушаем музыку». Есть все же желающие по сути дела высказаться? А то наше время пребывания в этом зале истекает, за дверьми уже толпятся участники следующего мероприятия: собрания местных историков-инициативников, по обратному к 1917-му году переименованию некоторых улиц города.

(Ответив на ряд малозначительных вопросов, опять же преимущественно эмоциональных в части современной дороговизны печатания, редактор сказал заключительное слово).

Редактор. Буду по возможности краток, тем более — слышно из-за дверей, что историки-инициативники из пединститута уже не на шутку сцепились: в честь кого переименовывать улицу Чапаева — Колчака или Деникина? Опять же старинные наши кухонные диссиденты, яростно принижая творчество Шолохова, шумели, что-де «Тихий Дон» украли у писателя-белогвардейца, а «Поднятая целина» вся вытащена «шутовством» деда Щукаря. Конечно, это все чушь собачья, но в нашем случае почти так: ушел фундаментально доисследовать «Луку...» Ивана Семеновича Баркова наш почтеннейший Порфирий Дормидонтович и — тоскливо и грустно стало нашему собранию. Резюме: как ни странно, но такие одиозные фигуры скрашивают нашу маловеселую сегодняшнюю жизнь. В психологии масс, подотрасли этой уважаемой литераторами гуманитарной науки, такое явление по-ученому именуется коллегиаль-

ной фрустрацией. Уж поверьте мне, профессору по сходным наукам, а по-русски: перенесением желаемого на действительное. Остальное — сами на досуге поразмышляйте.

Наше невеселое время прямо-таки частоколом этих фрустраций огорожено. Вот купил как-то полкило «Кара-кума» — попить чайку с любимыми с детства конфетами. Попробовал сразу по выходу из кондитерской лавки: черт-те что! Безвкусно. Но прочитал надпись на фантике, что мельчайшими буквами пропечатана, и все понял: не в Москве на «Красном Октябре» их сейчас фабрикуют, а в нижегородском Сормово. Помните ту старинную песню, за единую которую ее автору-композитору Иосиф Виссарионович велел дать премию своего имени: «Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем поселке парнишка живет»... Это про Сормово, где до новейших времен строились почти все дизельные подводные лодки и много-много других кораблей и судов. А сейчас там эрзац-конфетки вместо их делают. Все же пирожник и сапожник — разные профессии.

...Извините, что-то не туда повело. А впрочем — туда, куда надо. Писательское ремесло есть дело наисерьезнейшее. И пишущие суть разные: кораблестроители и конфетчики — по нашей фрустрационной ассоциации. Все они по-разному живут, в различных кругах общаются. Но есть одно сугубо демократическое место, где все они равны перед читателями и друг с другом общаются запросто без взаимных представлений и чинопочитаний. Это — литературный, не запиаренный журнал. Такими журналами были «Современник» Пушкина; тот же «Современник», продолженный Некрасовым, и особенно его же «Отечественные записки», где на равных печатались живые и грядущие классики и робко начинающие авторы из дворян, разночинцев и даже мастеровых, крестьян, мецан и прасолов — вспомним Кольцова и Никитина.

С другой стороны, пока есть хоть какая-то возможность издания журналов и, главное, традиция их чтения не только авторами, но и более-менее осязаемой аудиторией, будет жива и сама словесность, понимаемая как общенациональный литературный процесс. Не будет журналов и / или их читателей, даже если сохранится авторское книгоиздание — канет в небытие и сама литература народа. Так что вроде как не одобренная нами в начале беседы журнальная «кружковщина» далеко не худшая из бед: на безрыбье и рак рыба.

У нас нет готовых рецептов поддержки журнального дела, в том числе на примере «Приокских зорь»; о принятом нами варианте смешанного электронно-бумажного издания мы достаточно сказали выше. «Поток» здесь, конечно, дает интернетовское распространение. Душа истинного читателя и автора, конечно, противится пользованию «гэджиками» в виде компьютерного экрана или электронной книжки, но — против лома нет приема, раз в настоящую эпоху глобализма* Тайным (пока) мировым правительством взят жесткий курс на «оцифровывание» всего человечества, ибо так легче всего сделать человечество придатком телекоммуникационных сетей, то есть винтиками мирового человеенника — очень удачный термин нашего выдающегося ученого-логика А. А. Зиновьева: по аналогии с пчельником, муравейником, термитником и так далее...

А что касается бумажных журналов — тоже см. выше, но здесь, уже без всякой фрустрации, читателям, а особенно авторам, следует накрепко усвоить и занести в свою память: к сожалению, время, то есть советская и начальная постсоветская эпоха, бесплатного сыра закончилось. Сейчас и далее, особенно в России, но отчасти и за рубежом, бумажный «толстый» литературный журнал все более становится гур-

* В многотомной научной монографии автора «Живая материя и феноменология ноосферы» только что издан 12-й том: «Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма» (по аналогии с названием известной работы В. И. Ленина).

манским блюдом. Отсюда: если автор желает украсить номером журнала с его произведением свою книжную полку, то и должен относиться к этому благому делу как кулинарный изыскатель или коллекционер, для которых стоимость уступает место их уважению, прихоти...

На фоне такого положения дел порой приводит в полнейший восторг требование, аналогичное почтеннейшему нашему Порфирию Дормидонтовичу, авторами приснопамятных «обязательных» авторских экземпляров и даже гонораров!? По редакционной статистике, которая у нас хорошо поставлена, круг таких наивных (по жизни же весьма прагматичных) авторов почему-то замыкается на провинциальных поэтессах, провозглашающих себя «лучшими поэтами России», и, как это ни покажется странным, на отставных полковниках спецслужб. И прямо-таки елеем по душе приписки к сопроводительным письмам еще более наивных авторов: «От гонорара отказываюсь». Исполать вам, дорогие!

И еще момент, о котором мы уже не первый год не устаем назидательно повторять в «колонках» нашего журнала, а именно: в сегодняшней ситуации в корне должно меняться взаимоотношение автора и редакции литературного журнала. Тот и другая всегда являлись участниками единого литературного процесса, причем один без другого по отдельности существовать как субъекты этого процесса не могут; противное — нонсенс. Сейчас наступило для литературы «время дикобраза»; несмотря на столь жесткое название, суть этого эвфемизма достаточно гуманная: в зимний холод члены этого семейства метрового размера грызунов стараются в своей норе согреть друг друга своим животным теплом. Но здесь возникает сложность из-за сорокасантиметровой длины их очень жестких и нескладывающихся игл: чем ближе прижмешься, тем (взаимно) теплее, но и острия игл дикобразных родителей и неразумных деток все ощутимее колются. Некоторое время норная семья ворочается, детки пищат, взрослые шипят. И так до тех пор, пока вся ячейка дикобразного общества устроится таким образом, что всем тепло, а иглы не жалят.

Полная аналогия с современной журнальной литературой в контексте взаимоотношений редакции и авторов. Также, каковыми эти отношения мыслятся в идеале, цена которому — само существование журнальной периодики. Здесь животное тепло ассоциируется с четким пониманием, что сейчас журнал и авторы суть единая семья, стойко обороняющаяся от всех напастей: тарифы на типографические услуги, «Год литературы», наличие Порфириев Дормидонтовичей, глухота и слепота (к журналу) администраций всех уровней, невнимание центральных литературных изданий и писательских союзов, а также нашей местной писательской организации, руководствующейся в отношении «Приокских зорь» девизом: «Если не мы, то лучше никто», и пр. и пр. А уколы иглками, писк и шипение суть то же самое, но со стороны отдельных авторов, не понимающих или не желающих понимать трудности нашего дня. Редакция и авторы! — давайте любить друг друга, уважать взаимно, а порой и прощать невольные обиды. «Ребята, давайте жить дружно!»

Вот еще вдогонку хотел сказать быстрым речитативом: берегите русский язык — от пагубного влияния СМИ, в первую очередь. Ведь что ни день, то новое иностранное, чуждое слово, или в чуждом смысле, внедряют в великий и могучий. Буквально на днях-неделях все теле- и радионовости запестрели словечком «атака» — это про игиловцев в Европе и по всему миру. До сих пор в нашей лексике это называлось по-русски: теракт, нападение и пр. А сейчас — только атака. Но ведь западное слово — от английского *attack* — имеет иной смысл, чем русская «атака». У нас — это сугубо военный, войсковой — уточним, термин. Или в переносном смысле навряд «атака на русский язык» (см. чуть выше). А ихняя «*attack*» — это наше «нападение». Так зачем же СМИ все переворачивает с головы на ноги и наоборот? Впрочем, мы уже не одну «колонку» посвятили борьбе с засорением русского языка иностранщиной...

То же касается и профессиональной терминологии, особенно около-спортивной. Вам приятно слышать: «N победила в матче, сделав пять бёрды против одного богги» (это об аристократическом гольфе).

Но что-то сейчас и радует: под Новый год по ТВ показали музыкальный конкурс — искали претендентов на большой концерт в Кремлевском дворце. На ура прошли ребята, исполнившие «И вновь продолжается бой...»; Пахмутова и Добронравов присутствовали в зале, а члены жюри Елена Ваенга и Диана Арбенина восторженно приветствовали это исполнение. Хоть что-то доброе из прежнего возвращается народу...

И вы, дорогие наши авторы, пишите о чем думаете, что называется «не скрывая лиц». А то игиловцы-удальцы запугали (за оплату в долларах) весь мир почище ядерного оружия. Даже воюющим против них приходится лица свои и Ф.И.О. скрывать! Но ведь диктор Левитан и киноактер Крючков, заочно приговоренные доктором Геббельсом к повешению на Красной площади, лица свои не скрывали! Да, навалился глобалистский класс-гегемон на человечество...

Однако, ребята, наше время вышло, уже в двери протискиваются историки-доцентши из пединститута, что собираются все улицы города переименовать. Как говорят в Одессе, основоположники набежали! Спешно покидаем зал, держите карманы руками... в смысле зажимайте уши!

В зал с криками врываются переименователи, скандируя новые названия улиц: «Колчаковская», «Деникинская», «Тухачевского», «Шкуро», «Атамана Семенова»!..

* * *

По установившейся традиции во втором номере журнала представлены материалы к очередной годовщине Победы Советского Союза над Германией, ее союзниками и сателлитами в Великой Отечественной войне.

* * *

В номере приняли активное участие члены дружественного «Приокским зорям» Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Также представлены публикациями авторы из Израиля, Германии, Казахстана и с Украины.

**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЭТА-СТИЛИСТА
РУССКОГО СЕРЕБРЯННОГО ВЕКА
НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА ГУМИЛЕВА
(1886—1921)**

От редакции. В плеяде выдающихся русских поэтов конца XIX — начала XX вв. фигура Николая Гумилева стоит несколько особняком, хотя бы даже и проживая в Царском селе в одно и то же время с Анненским и Ахматовой — с последней в семейном союзе, а Иннокентия Анненского Гумилев полагал своим «поразительным учителем»:

*Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.*

«Лебеди Царского Села», — назвал эту поэтическую тройку Николай Оцуп, поэт русского зарубежья (1894—1958), в своей сорбонской диссертации, сам уже ученик Гумилева. А между ними и первой тройкой «лебедей Царского Села» — Жуковским, Пушкиным и Карамзиным суть все русское литературное пространство XIX века...

В Гумилеве, даже на фоне многоликой поэтической жизни России рубежа веков, все было необычно, начиная с необычной формы головы, в которой анатом сразу видит последствия родовой травмы. А враги Гумилева сравнивали его с вечным и пустым гимназистом... Гимназичеством они полагали, разумеется, и его опьянение природой, свободными просторами и вообще его личность героя легенды (Н. Оцуп): его путешествия в Восточную Африку — в Сомали и Абиссинию, кстати, которой в те годы так интересовался императорский генштаб... и откуда он привозил все новые и новые книги стихов. А его уход добровольцем-кавалеристом на войну: три солдатских Георгия и тяжелое ранение, загадочная командировка в Париж в 1916 году? И одновременно он возглавляет литературное направление акмеизма, в поэзии его на равных ставят с Редьярдом Киплингом — певцом британского империализма. А еще малоудачный брак с Анной Ахматовой, который, впрочем, оправдан хотя бы тем, что дал жизнь Льву Николаевичу Гумилеву, выдающемуся советскому ученому, создателю науки этногенеза, имя которого по праву может быть названо рядом с академиком В. И. Вернадским...

И сколько было бы этих «а еще», если бы не расстрел поэта по обвинению в контрреволюционной деятельности. Кстати, весьма неактивной деятельности. И здесь все те же легенды или были — опоздавшее на полчаса распоряжение об отмене казни, вымоленное Горьким.

Но при всех легендах и былях столь неординарной личности Николай Гумилев для всех нас, прежде всего, поэт. И опять же, как поэт, он стоит особняком в многочисленной и многогранной когорте великого русского Серебряного века: он поэт-стилист; барокко — его стиль. Разве что Валерий Брюсов здесь его коллега, но где академик-поэт Брюсов и где Поэт (с большой буквы) Николай Гумилев?

...А впрочем, кто давно не брал в руки томики Гумилева, прочтите несколько его стихотворений, помещенных ниже.

Николай Степанович Гумилев СТИХОТВОРЕНИЯ

НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны,
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

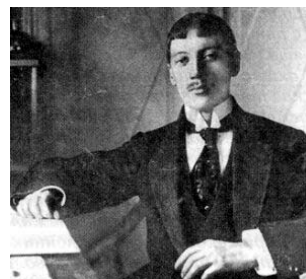
Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты проходишь мечтой бездумной,
Звенья восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумье в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста! —

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали
Обольстительней меня
И как только день растает,

Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам;
Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносила я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заранее.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклоняясь в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтоб жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепье ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик нослышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листы,
Шагреновые переплеты!

ОТРЫВОК

Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутком... о ужас!

УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

*...Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом баумачки.*

Анна Ахматова

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям,
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не все ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана». —
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Вспоминаньем о невзгодах.

ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллея.

Там вечером и страшно, и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.

РАЗГОВОР

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдье площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам, ни птицам
Не позавидует она в тиши аллея.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

«Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет "*Lap'titeTonkinoise*"».

«Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мира их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

«Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд, ведь очень небогато
И просто разубрал всевышний небеса».

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

«Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.
Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом».

«Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растением или зверем...
Знай, иначе помочь тебе я не могу».

И все идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И все спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый,
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай.
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.

Пред ним я склонился в восторге тайном.
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

ВИДЕНИЕ

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон)
— «Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье». —

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий)
— «От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы». —

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

СТИХИ ИЗ БЕЖЕЦКОГО ЦИКЛА

Родился 02.09.1949 в д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, р-на Тульской обл., поэт, эссеист, публицист, член Союза писателей России (1997), член Международного Литературного фонда (2007), член Международной Гильдии писателей (2014). Ветеран труда (2011). Автор 10 книг. Лауреат многих международных и всероссийских премий, конкурсов и форумов. Награжден Почетными грамотами: Министерства культуры Российской Федерации (2010), Союза писателей России (2010), другими грамотами, дипломами, благодарственными письмами, юбилейными памятным медалями.

ОБЕРЕГ

От бессмысленной тоски я
Обнаружил оберег —
Убежать в края тверские,
В город славных русских рек.

Небеса реки Мологи
Лягут морем возле ног —
Смыть мороку и тревоги,
Соль и пыль моих дорог.

Ну а в речке Остречине
Есть, сказали мне, ключи,
Что кручину по дивчине
Лечат лучше, чем врачи.

И еще: похвалит если
Речка третья — Похвала,
То ко мне вернутся песни,
Что воюют против зла...

У икон поставлю свечки —
И, коль так захочет Бог,
Здесь еще четвертой речки
Мне откроется исток.

Эта речка вдохновенья! —
И по ней из года в год
За ахматовскую тенью
Гумилевская плывет.

Людям в мире этом новом
Так нужна ее вода,
Чтобы греть, как солнцем, Словом,
Словом строить города...

И, прощаясь, монастырский
Крест крещу: живи вовек
Оберег мой богатырский,
Город славных русских рек!..

ЭККУРСИЯ

В барском доме, бывшем доме матери поэта Николая Гумилева, где он какое-то время жил со своей женой поэтессой Анной Ахматовой, в советское время располагалась сельская школа. А сейчас там создан музей «Дом поэтов»

Храмы, скверы, льнозавод,
Остречина и Молога...
Ах, какой экскурсовод!
И поэт — каких немного!

Сам Геннадий Иванов —
Неужели не слышали? —
Древность Бежецка и новь
Комментирует стихами.

Как же любит край он сей!
Нас ведет в музей Шишкова,
В краеведческий музей...
И еще в один, где школа

Его первая была,
Где учился и при этом
Чья, не знал, к нему сошла
Благодать — и стал поэтом.

Лишь потом, когда страна,
Устыдясь запретов косных,
Назвала их имена —
Он узнал великих крестных...

Нам таких судьбою школ
Не дано — и, чуть ревнуя,

Мы пойдем за ним пешком
В даль, заветную, родную:

На ахматовский порог,
Под окошки Гумилева —
Как велит сыновний долг
И наследственное Слово...

ДИВАН

В Градницах, в «Доме поэтов»,
Много хороших предметов.
Можно в просторной гостиной
Полюбоваться картиной,
Той, где на фоне сирени
Девушка-стихотворенье —
С видом печальной гадалки
В красном своем полушалке.

Можно на стульчике старом
Сесть, как случалось и барам,
За этот (копия, что ли?)
Маленький письменный столик
И, зажигая подсвечник,
В сумерках зимних ли, вешних —
Чудный сонет о любви
Другу оставить в альбоме.

И даже можно у бюста
Мудрого Льва Гумилева
О людоедстве искусства
Молвить горячее слово,
Ибо нередкая плата
За сотворенье шедевра —
Пуля, петля или плаха!
А не рубли и не евро.

Многое можно сегодня...
Но я стою у дивана,
Где было Богу угодно,
Чтобы спала наша Анна.
Узко ей было, хрустко
Спать — я читал об этом.
Как страстотерпцам русским —
Так и большим поэтам?
Может бы, ей — на сено,
К звездам, к поющей птице?..

Здесь на стене висела
Икона «Христос в темнице»...

**ПАМЯТНИК
ГУМИЛЕВЫМ И АХМАТОВОЙ
В БЕЖЕЦКЕ**

Теперь молчу, теперь не лезу в спор я:
Зачем они сошлись, как день и ночь,
Сын Балтики седой и Черноморья
Сверкающего дочь.

И для чего — на счастье ли, печали,
Соперничество, вечную борьбу? —
Их ангелы беспечные венчали,
Одну даря судьбу...

Она сегодня — в полный рост и в кресле,
А он — высокий скромный барельеф.
Да, разные!
Но высекались песни!
И с ними — сын их Лев!

Ах, памятник — их вечное свиданье,
Тот мудрый Божий промысел яви
И укрепи нас в кротости — в страданье
И в яростной любви!..

* * *

Памяти Николая Гумилева

Мне тяжело, подвалов душных
Вдыхая гниль, вживаться в мир
Тех подземелий гэгэушных,
Где был расстрелян мой кумир.

Где под конвоем привидений
Его вели в последний мрак
И злую силу совпадений
Вершил казенный вурдалак...

Так страшною слепой судьбою
Судьбу народа увенчал
Поэт, что чудной ворожбою
И дождь, и солнце приручал.

И горько думать мне, что Словом
Владели б и мои слова —
Но механизм волшебный сломан
Того святого колдовства.

РОССИЯ, РУСЬ...

Россия, Русь, ты столько погубила
И до меня, и на моих глазах —
Трепещет мое сердце, как рябина,
Взрастая на крови и на слезах.

Здесь так опасно русским называться,
В метель и бурю стоя посреди
Чернобыльских бескрайних резерваций
И Беловежской воющей беды.

Как трудно здесь Добрыне и Микуле:
Чуть что не так Ивану-дураку —
Двух «с» твоих
Безжалостные пули
Свистят и точкой ставятся в строку!

В твоих Торжках, Веневах и Белевах
Живем всегда мы — как перед грозой...
Но все же ум твой задний
Гумилевых
Поймет, оплавав позднею слезой!

И лишь за то одно, что на поминках
Рыдаешь ты солдатскою вдовой,
Мы будем смысл искать в твоих суглинках
И красить кровью снег передовой...

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

АРКТИКА

Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, был журналистом морской газеты, ходил в арктические плавания, автор 18 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, победитель многих конкурсов. Живет в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия), широко печатается в журналах и газетах России, а также в популярных изданиях США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдавии и других стран, переводится на иностранные языки.

1

*Николай Гумилев называл свою поэзию
Музой Дальних Странствий.*

*Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.*

Николай Гумилев

В далекой Абиссинии,
надеюсь, небо синее.
А здесь у нас, а здесь у нас,
сплошной здесь «аут» и «атас».
Волна легко кренит строку.
Стихи рисуются в дугу.
Над ними пялится звезда,
отнюдь не Южного Креста.
Глядит она на лепку букв,
как будто в буквах ищет звук.
Но кто звезде понятие дал —

какие буквы он писал?
И я не буду «Мудрой Крохой».
Иди, звезда, своей дорогой!
Иначе из нехитрых слов
ты все поймешь про НЛЮ.
«Тарелка», да, из-под воды
вспорхнула и туды-сюды.
Над нашим танкером скользнула,
к эсминцу «Смелому» прильнула.
И, помигав для куража,
пошла сквозь небо, не спеша.
Эсминец пушку вмиг нацелил.
Стрелять стрельнул он с тряской в теле.
Но выстрел был плохого сорта —
снаряд упал вблизи от борта.
А мы глазели, мы глазели,
но очень умно — мимо цели.
Поскольку вскоре под расписку
твердить пришлось, что эту «миску»
мы не видали зрячим оком.
Иначе — выявиться лохом,
сменить каюту на клетушку
в ближайшей к Амдерме «психушке».
О, нет, к таким делам бунтарским
мы не готовы в море Карском.
По курсу — норд, стаканы — чок,
а мы в рот водку, и молчок!
«Тарелки» — здесь, «тарелки» — там.
А нам? Сто грамм! И по домам!
Идем не в Абиссинию,
и держим нашу линию.
Не вправо нам, не влево нам,
комедь приемлем, но без драм.

*Рейс 1970 года, Мурманск — Амдерма,
борт танкера «Алуксне»*

2

Любят поэты бурлящее море,
«ревущее» жостью, годной в утиль.
А я, с поэтами этими споря,
я выступаю за штиль.
Отбросим слов басовое величие —
отбросим «тайфун», «ураган», «циклон».
Сегодня штормит во мне самое личное,
и не унять, только выдавить стон.
Дрожит под форштевнем Карское море.
Нептун исполняет русалкам ноктюрн.
Брызги на рубке — прилудною молью,

ветер их быстро — к ногтю.
До порта тралить еще параллели,
к чертовой Амдерме идти и идти.
Сегодня как будто два шторма спелись:
тот в Карском, и этот в груди.
Спелись и носят, как шляпку норд-остом.
Но я не Синдбад-мореход.
Ему было просто: пожалуй на остров
где Джинн обустроит сказочный грот.
Молнии в небе — острые шпоры —
тщатся пришпорить табун лошадей.
Из тесных конюшен — дизель-моторов
на волю гоню их — шпарь по воде!
Гей, молодцы — рысаки удалые,
в постромки параллелей впрягись!
Вскиньте над морем гривастые выи,
поговорим с ним «за жизнь».
Курс на мой город сейчас берут птицы.
Расселятся где-то у наших квартир.
А мне — знаю я — в новый раз не влюбиться.
Но ведь не скажешь об этом в эфир.
Любят поэты бурлящее море,
чтобы в штормах и самим побурлить.
Но штиль — это лучше сегодня — по-моему.
Завтра? До завтра надо дожить.

3

Вперевалку шагаем по лесу.
«Глянь, пьяны!» — говорком ожгло.
...Вперевалку судно у полюса,
вперевалку к полюсу шло.
И скрипели льдины натружено,
продираясь вдоль черных бортов.
Не до завтрака, не до ужина,
и ни слова насчет «по сто».
Иней крыл трюмный люк брезентовый.
Угасала в ста метрах даль.
Был как глаз от болезни базедовой
на клотике вспучен фонарь.
Вперевалку шагали к полюсу.
Ныне по лесу, к Дому кино.
Словно курс пролагаем, полосу
оставляем в траве за спиной.
Говорок: «моряки полупьяные!
С утра — гляньте — набрались уже!»
А в душе — в глубине — слова бранные
перекатываются в душе.
Мы пьянели от буйства циклона,
забывая про солнечный луч.

И, казалось, на плечи тонны
штормовых оседают туч.
Мы пьянели от радужной цвети
опаленной солнцем воды.
Мы пьянели, глотая ветер
от удачи и от беды.
Мы пьянели от мыслей тоскливых,
Счастье в чем, если жизнь — стороной?
Волны-кони! За пенную гриву
вас схватить и галопом домой.
Обрастали колючей медью
лица, меняя в неделю колор.
Мы пьянели. Но «пьянство» это
разве нам поставишь в укор?

4

Ртутный столб скончался от мороза.
Задохнулась наледью река.
Солнце на людей взирало косо,
как взирало, может быть, века.
Что века нам, если мы робели
и от солнца прятались в очки.
На заиндевелой параллели
ветры зажимали нас в тиски.
Но спасенье мы искали в книгах.
С днем сегодняшним искали связь.
Самиздат проглатывали лихо,
копировку делали, таясь.
Заходил у нас порою ум за разум.
Что там книги, если глубь и суть
человека мы читали без подсказок,
стоило в глаза его взглянуть.
Что он стоит? Крепок духом?
Выдержит? Сорвется ли в запой?
Слабому желали мы: «ни пуха!»
Сильному: «останься быть собой!»
Обходились без мудреных тестов.
Пусть их! Были — будут — есть!
Мы читали по живому, как по тексту
то, что в книгах даже не прочесть.

5

Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.
Меж деревьев бродит волком
и стихи читает ветер.
В нем полно тоски натужной,
болью страх его засеян.

Он хотел быть ветром южным,
а судьба снесла на север.
Путь теперь нелеп и долог.
А стихи? Стихи — на ветер.
Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.

6

Не будем, не будем, не будем
стонать, как луна на ветру.
Мы будем рассказывать людям
о том, чего ждать поутру.
Мы будем такими, как были.
Иными не быть уже нам
везде, где из звездной пыли
земной воздвигается храм.
Шторма... разве ищем их в море?
Но к ним пролагаем пути.
И море рифмуется с горем.
А горе всегда впереди.
Над нами высокое небо.
Под нами бездонная мгла.
И мы без движения слепы —
потомки морского орла.

Белла Верникова
(г. Иерусалим, Израиль)

**СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ЦИКЛА
«ДОРОГИ ВОСПОМИНАНИЙ»**

Рисунок Беллы Верниковой. Иллюстрация к стихотворению Николая Гумилева «Озеро Чад»

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, член Союза писателей Израиля. Входит в редколлегию одесского альманаха «Моря». Родилась 28 ноября 1949 г. в Одессе в семье офицера. Раннее детство прошло в Иркутске, где отец служил военным геодезистом. После демобилизации отца в начале 1960-х семья вернулась в Одессу. Окончила Одесский университет, работала в Литературном музее и в университетской газете. В настоящее время работает в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме. Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии и Японии, в иностранной периодике в переводе на английский и японский языки. Автор семи книг (стихи, эссе, графика, детская книга).

ПЕТЕРБУРГ

Твоя квартирка на Морской
завязана в дорожный узел,
направо — магазин складской,
налево — сауна с джакузи.

В закрытой на замок стране
ты читал изъятые страницы
и, роясь в книжной старине,
стальные нарушал границы.

Среди бумажной шелухи
ты находил мне Гумилева,
и ты любил мои стихи
за точно сказанное слово.

И дальше строки не тебе,
а страсти выйти за пределы,
нацеленности на побег,
которая и мной владела.

Лидия Довыденко
(г. Калининград)

ГУМИЛЕВСКАЯ ОСЕНЬ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Родилась в Могилевской области БССР, окончила Гомельский государственный университет. Писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, доцент кафедры экономических наук Санкт-Петербургского университета управления и экономики (Калининградский институт экономики), главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега». Автор 16 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: «Тайны Пиллау» — 18 серий и других. Автор около тысячи теле- и радиопередач, журналистских статей, 36 научных работ. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», Международного литературного фестиваля «Русский стиль». Лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», межрегионального литературного конкурса имени А. Т. Твардовского «За далью даль», победитель Международной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Краснознаменск

В августе 1914 года в северо-восточной части территории нынешней Калининградской области развернулись события Первой мировой войны. Они описаны в «Красном колесе» А. И. Солженицына, «Зато Париж был спасен» В. И. Пикуля, «Потерянном сердце» А. И. Куприна и других произведениях. Но практически отсутствуют художественные исследования по второму прусскому наступлению русской армии, которое началось в октябре 1914 года. Исключением является документальная повесть Н. С. Гумилева «Записки кавалериста», в которой первые две главы связаны с боями в Восточной Пруссии. Поэт принял непосредственное участие в боевых действиях на территории Калининградской области (Ширвиндт — поселок Кутузово, Пилькаллен — поселок Добровольск, Ласденен — город Краснознаменск, Шилленен — поселок Победино) в течение десяти суток, с 17 по 27 октября 1914 года.

26 октября 2002 года в поселке Победино Краснознаменского района, во дворе школы на большом камне из красного гранита была установлена мемориальная доска, посвященная Н. С. Гумилеву. Ее авторы — художники, скульпторы Людмила Богатова и Олег Сальников. Они попытались создать образ воина и поэта в форме улан-

ского полка с развевающимся за спиной плащом, на котором просматриваются скачущие всадники. «Осенью 1914 года в бою за Шилленен — ныне Победино — участвовал великий русский поэт, кавалерист Николай Гумилев», — гласит надпись на памятной доске.

*И теперь мы ходим по дорогам,
Где его разбросаны следы, —*

написала учитель школы Нина Цветкова к открытию памятника.

Ежегодно мероприятия в память о поэте проходят в октябре в Краснознаменском районе. Есть теперь в России не только Болдинская, но и Гумилевская осень! Приезжают калининградские ученые, писатели, творческие люди, краеведы, представители города-побратима — Краснознаменска Московской области, а наши краснознаменцы принимают у себя гостей. В приподнятой атмосфере стихи поэта звучат, как будто только что написаны:

*И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте.*

Война идей

Германия в Первую мировую войну в своем стремлении к гегемонии ставила себе целью ослабление Франции, сокрушение России, уничтожение ее влияния на страны Восточной Европы. Тогда Германия могла бы говорить на равных с Америкой и Британской империей, контролируя зону от Пиренеев до Мемеля, от Черного до Северного морей, от Средиземного до Балтийского моря, Германия тогда могла бы позволить себе конкурировать с Соединенными Штатами за мировое экономическое господство. Причем фельдмаршал Мольтке-младший утверждал, что славянские народы и Россия слишком отстали в культурном отношении, чтобы взять на себя руководство человечеством, а Германия определит развитие человечества на несколько столетий. Также канцлер Бетман-Гольвег считал необходимым после войны заключить договор с побежденными Англией и Францией против России, чтобы вычеркнуть ее из европейского контекста. Для этого он уже в августе 1914 года сформулировал два основных направления деятельности: использовать подрывные действия для будущего ослабления России и создать несколько буферных государств между Россией и Германией-Австро-Венгрией для отбрасывания России назад «так далеко, как это возможно».

Решение таких задач требовало небывалого напряжения. Германия демонстрировала поразительный военный потенциал и организационную силу. Уже в начале войны выяснилось, что готовая к жертвам русская армия, несмотря на подвижность и готовность к потерям, не может возобладать над научно организованной военной маши-

ной германцев. Но и Германия не смогла реализовать заявленные цели. Что же противопоставила Россия высокоорганизованному германо-австро-венгерскому союзу?

Сверхнациональный, сверхпартийный смысл настоящей войны — вот что, по мнению философа Е. Н. Трубецкого, составляет силу России, славян и их союзников. Задаваясь вопросом о значении идей в истории, о смысле подвига и веры в праведность освободительной войны, философ размышляет и об исторической роли и судьбе России. Превращение Европы в «культурную орду, где все народы служат рабами одного», на взгляд философа, совершенно недопустимо для России. Так, волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное Я: «Именно тогда она становится сама собою, именно тогда она обретает свой собственный образ Божий, когда она освобождает другие народы; так есть, так было и так будет».

«России нужно чувствовать,— писал Евгений Трубецкой,— что она служит не себе только, а всему человечеству, всему миру». В этой черте, на его взгляд, есть что-то изначальное, что составляет самую сущность России: «Когда мы освобождаем угнетенные пароды, мы всегда неизменно чувствуем, что это именно и есть настоящее дело России, то единственно существенное дело, ради которого стоит воевать»*.

Охотник

Путешественник и отличный стрелок, дважды побывавший в Африке, где обучился охотиться, целясь левым глазом и стреляя с левого плеча, с началом войны Гумилев добился переосвидетельствования состояния здоровья, так как еще в 1907 году был освобожден от службы в армии из-за «близорукости правого глаза и некоторого косоглазия», и был принят вольноопределяющимся или, как говорили в те времена, «охотником» в сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде.

Гумилев сам выбрал кавалерию («Люблю на необъезженном коне // Нестись по лугу, пахнущему тмином...»), уже в начале сентября 1914 года он находится в Кречевицких казармах под Новгородом, где проходит учебный курс военной службы. «А на стрельбе и Гумилев, и я одинаково были на первом месте»,— вспоминал Ю. В. Янишевский.

Поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и гомеровскую «Илиаду». Как писал А. Я. Левинсон, «патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание».

Из Кречевиц Гумилев вместе с другими вольноопределяющимися был направлен во 2-й маршевый эскадрон Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка и прибыл в Литву, в Россиены, 30 сентября 1914 года. Россиены сейчас называются городом Рассейняй; он расположен поблизости от Каунаса (тогда Ковно). В течение двух недель в Россиенах с вновь прибывшими нижними чинами, среди которых был поэт Гумилев, проводились ежедневные учения пешим строем и на лошадях. Первое стихотворение о войне «Наступление» написано именно в Россиенах под впечатлением рассказов его однополчан, уже участвовавших в Гумбиненской операции:

*Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

* Трубецкой Е. Н. Смысл войны // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. (Мыслители XX века). С. 352

14 октября Лейб-Гвардии Уланский полк включили в состав 1-й отдельной кавалерийской бригады, в 3-й Армейский корпус. Командиром бригады был генерал-майор барон Майдель (у Гумилева в «Записках кавалериста» генерал М.). Лейб-Гвардии Уланским полком командовал полковник Дмитрий Максимович Княжевич. В полку было шесть эскадронов, первый эскадрон обозначался как эскадрон Ее Величества (ЕВ), куда и был зачислен Николай Гумилев.

«Священные дни»

В период с 17 по 27 октября была предпринята вторая попытка наступления российских войск в Восточной Пруссии. 17 октября с боем были взяты Владиславов (ныне г. Кудиркос-Науместис в Литве) и Ширвиндт (ныне пос. Кутузово Калининградской области). Перед эскадронами Уланского полка стояла задача — разведывать расположение противника. Если в немецких войсках была хорошо поставлена разведка с воздуха, то у российских самолетов не хватало мощности долететь до границы с Восточной Пруссией, и поэтому в разведку отправлялись конные разъезды. Они обнаруживали противника и вызывали огонь русской артиллерии на себя. В течение десяти суток Гумилев находится в разъездах, дозорах, участвуя в атаках, прикрывая артиллерию, проводя усиленную разведку и осуществляя сторожевое охранение. С 21 по 24 октября Уланский полк располагался вдоль границы с Пруссией по реке Шешупе, в окрестных деревнях Бобтеле, Кубилеле, Рудзе, Мейшты, Уссейне (не сохранились). Единственный путь для наступления нашей конницы был на Шилленен (Победино). Вот как пишет об этом Гумилев: «Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была — заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила».

23 и 24 октября эскадроны Уланского полка продолжали усиленную разведку. «На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения».

25 октября началось наступление российских войск. «Через несколько дней в одно прекрасное утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту». Уланский полк Гумилева двигался по шоссе. Два немецких эскадрона и 50 велосипедистов были выбиты из Шилленена, отошли на Ласденен. Уланский полк заночевал в усадьбе Бартковен (теперь не существует), которую Гумилев описал так в «Записках кавалериста»: «Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег». 26 октября наступление русских войск

было продолжено. Гумилев записывал: «На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал по полю, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хотя бы ландштурмистов. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впиалась в дверной косяк вершка на два от моей головы».

Барон Майдель докладывал о бое 26 октября командиру 3-го корпуса генералу Епанчину: «...благодаря доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, как господ офицеров, так и нижних чинов, полк этот показал блестящие примеры храбрости». По разным причинам (возможно, потому что полк очень берегли) Лейб-Гвардии Уланский полк было решено вернуть в Россиены. Как пишет Гумилев: «Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещение»*. В Ковно Гумилев находился до 8 ноября, а затем был получен приказ о следовании в Ивангород (сейчас город Демблин в Польше). Первые дни войны поэтом воспринимаются как «священные»: «Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и в первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному, и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя».

«Лучшее время жизни»

Гумилев отправил 1 ноября из Ковно письмо Михаилу Лозинскому: «...я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя,— я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка... Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов,— а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступлении все герои, при отступлении все трусы — это относится и к нам, и к германцам...»

«Война», «Солнце духа» и «Священные плывут и тают ночи» написаны под впечатлением «боевого крещения».

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

*Тружеников, медленно идущих,
на полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.*

* Там же. С. 536.

Стихи Гумилева о войне относят к лучшим во всей «военной» поэзии в русской литературе, где выразилось его религиозное восприятие войны. Сборник «Колчан», куда вошли его первые стихи о войне, поэт давал на отзыв философу о. Сергию Булгакову. Об отзыве неизвестно. Но большинство критиков оценило военную лирику Николая Гумилева как «высшее достижение русской и мировой поэзии в этом жанре», потому что «он не только описывает реальность — он ею живет» (И. Анненский), «любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувство личной чести... — по этим трем пунктам всегда готов был заплатить собственной жизнью» (А. И. Куприн).

*...Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.*

«Сокровищница культуры духа» может пополняться в дни общего «повышения жизни», как выразился Е. Н. Трубецкой, определяя духовный смысл войны в ее первые месяцы, когда весь многовековой культурный опыт начинает переосмысливаться и ощущаться иначе: «Нас как-то глубже захватывает и красота русской природы, и наша своеобразная мелодия, и вся вообще духовная глубина русского искусства». Военные стихи Гумилева — одно из наиболее ясных откровений духовного смысла войны. Анна Ахматова писала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой «Илиаду»... Он любил вспоминать себя солдатом: «И святой Георгий тронул дважды // Пулею нетронутую грудь...» («Память»)

«Солнце духа»

А тема прусского неба, «древнего и высокого», в которое Николай Гумилев всматривался в свои первые фронтовые дни, его «священные дни» получили продолжение в стихах последнего сборника Гумилева «Огненный столп». Это книга, в которой собраны «вершинные», зрелые стихи. Многомерные образы в ней дышат космическими интуициями, метафизическими прозрениями. Высокой красоты и силы поэтическое слово наполнено мудрой философской мыслью.

Одно из сложнейших стихотворений «Заблудившийся трамвай».

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...*

Стихотворение оказалось прощальным признанием в историческом «буране», будто вырывающем у Судьбы какую-то весть о гибельном спасении мира.

Гумилев писал, что человеческому духу свойственно сводить все к единому. Стихи и религия — одно, слово поэта обладает магической силой. Здесь мне думается, что эта мысль Гумилева сближает его с Платоном, который мечтал, чтобы философы правили миром. Поэт для Гумилева — человек, способный при помощи слова овладеть пространством и временем, прошлым и будущим. Величественный гимн Слову,

его таинству и чудотворству, его возвышению над «низкой жизнью» создал Гумилев. Он все в себе подчинил Слову; отсвет этого Слова лег на его легендарную судьбу. Обреченности человека «идти все мимо» прекрасного, непониманию и равнодушию к глубоким корням и причинам существования человека на земле поэт противопоставляет осознанность в желании идти глубже в познании природы, причин бытия, сущности живого. «Бессмертные стихи» дают не уже имеющееся, а то, что можно дать еще: осознание и мудрость.

В стихотворении «Мои читатели» (сборник «Огненный столп») Гумилев, отвечая себе на вопрос, чем будет «любезен он народу», возвращался к своим военным годам, когда в полной мере постиг науку «не бояться»: «Когда вокруг свищут пули, // Когда волны ломают борта... // Я учу их, как не бояться, // не бояться и делать, что надо...»

Духовное рыцарство и «героику» выделил в творчестве поэта представитель Русского Зарубежья Роман Плетнев: «Сообщение мое касается героики и героя, воина и поэта, человека вещего духа предсказаний, веры и возвышенного слова о Слове-ипостаси и о поэзии. Помнил, видно, Гумилев слова апостола Павла: «Все мне дозволено, но не все мне полезно... и ничто не должно обладать мною». Все испробовал Николай Степанович, от наркотиков до страстной любви к женщине, и ничто не покорило его дух, его силы и сердце... Одно разве — героика.

Радостно и гордо имя его, и хочется говорить о поэте, даровавшем нам кованые или звонко литые стихи — силы духа. В них мощь дыхания, предметная ясность, конкретность впечатляющего изображения. Но важнее всего в них и в жизни Гумилева храбрость, доблесть, герой и героизм. В наше же время лжи и трусости герой и его вера, слово и дело важнее всего. Герой — это тот, кто ради великого, ради божеского, ради человечности жертвует собой. Восторг победы над слабостью и трусостью, над податливой мягкотелостью немощной доброты; великий порыв в борьбе есть истинный героизм»^{*}.

«Солнце духа» зажигается сегодня в пробуждающейся России, ясно горит в бодрствующих сердцах. Читающая Россия совершает паломничество в Михайловское — к Пушкину, и в Краснознаменский район, в Калининградскую область, «чтобы вдохнуть тот же воздух», прочувствовать Гумилевскую осень.

* Плетнев Р. Записки русской академической группы в США. 1972. Т. VI.

КРУПНЫЙ ЖАНР (ЗНАМЕНИТЫЕ ТУЛЯКИ)

Владимир Федоров
(г. Москва)

СОЗВЕЗДИЕ МАРИИ
Историческая драма

Федоров Владимир Николаевич — поэт, прозаик, драматург. Действительный член Академии духовности, Академии российской литературы, член-корреспондент Академии поэзии России, заслуженный работник культуры, лауреат Государственной премии Якутии, лауреат Большой премии России, международных премий «Триумф» и «Литературный Олимп», а также обладатель других писательских и государственных наград. Автор восьми сборников стихов, нескольких повестей, романа «Сезон зверя», более десяти пьес, поставленных в Сибири, Москве и Санкт-Петербурге, ряда научно-популярных изданий о традиционных верованиях. Долгое время жил на Крайнем Севере, в Якутии, в настоящее время работает главным редактором «Общеписательской Литературной газеты» в Москве.

Пьеса поставлена в Русском академическом театре города Якутска и с успехом там идет буквально в эти дни. Главные герои Василий и Татьяна (Мария) Прончищевы — родом из Тульской губернии. И Семен Челюскин тоже родился там. Кинопроект по этой пьесе кинокомпании «КАРО Продакшн» получил в 2015 году гранты Министерства культуры РФ и Русского Географического общества. Начало съемки художественного фильма (рабочее название «Командор Полярной звезды») запланировано на весну текущего года, окончание — на конец года. Он уже попал в список 25 самых ожидаемых российских фильмов 2016 года. В тексте пьесы стоят песни, на них написана музыка русским композитором Виктором Климиным, они звучат в спектакле, будут звучать и в фильме.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Поэт — персонаж, ведущий рассказ от лица автора.

Петр I — российский император, положивший своим Указом начало Великой Северной экспедиции.

Василий Прончищев — лейтенант флота, командир Ленского отряда Великой Северной экспедиции.

Мария — тульская дворянка, жена лейтенанта Василия Прончищева.
Семен Челюскин — штурман Ленского отряда, помощник и друг Василия Прончищева.
Витус Беринг — командор Великой Северной экспедиции, обрусевший датчанин, связавший судьбу с Россией.
Анна — жена Витуса Беринга, предприимчивая молодая особа.
Дмитрий Овцын — лейтенант флота, командир Енисейского отряда, друг Василия Прончищева.
Екатерина Долгорукая — невеста Петра II, сосланная после его смерти в Сибирь императрицей Анной Иоанновной.
Анна Иоанновна — российская императрица.
Бирон — герцог Курляндский, обер-камергер, фаворит Анны Иоанновны.
Миллер — академик, начальник научного отряда экспедиции, немец по национальности и ученому духу.
Делакруа — шпион, устроенный под видом иноземного ученого в экспедицию для ее подрыва и хищения секретных сведений.
Удаган-Куо — якутская красавица-шаманка.
Петр Ласиниус — лейтенант флота, командир Колымского отряда, датчанин на русской службе.
Мартын Шпанберг — капитан, помощник Беринга, отличавшийся жестокостью и свирепым нравом.
Иван Попов — гардемарин, ученик Навигацкой школы, открытой Берингом в Якутске.
Дамаскин — иеромонах, священнослужитель экспедиции.
Степан Зверев — матрос отряда Прончищева.
Андрей Зырянов — матрос отряда Прончищева.
Остальные матросы, участники экспедиции, жители России и Якутии.

Практически все герои драмы — реальные исторические личности, современники и участники Великой Северной экспедиции. Самому старшему из них, Берингу, в ту пору исполнилось 50 лет, остальные были намного моложе: командирам отрядов едва стукнуло по 30, Марии и Анне было чуть за 25, а Екатерине и того меньше. События, описанные в пьесе, происходили в 1720—40 годах, что полностью отвечает действительности, но автор из художественных соображений иногда позволял себе совмещение и смещение времени и пространств.

Настоящее имя Прончищевой было неизвестно науке более двух столетий, и только в 1983 году, когда уже существовал первый вариант этого произведения, российские историки выяснили, что ее звали Татьяной. Тем не менее, автор решил оставить свою героиню под именем Марии, с которым она много лет жила в легендах и преданиях, в устах полярных исследователей и которым на всех картах мира обозначены бухта, полуостров и гора, названные в ее честь на побережье Ледовитого океана. Такой факт, на взгляд автора, не мог быть простой ошибкой картографов...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Тревожно вспыхивают и гаснут огни Зимнего дворца, на фоне окон беспокойно мечутся тени придворных с криками «Государю плохо!», «Лекарей быстрее!», «Го-

сударь очень плох!», «Его Величество в беспамятстве!» «Петр Алексеич, батюшка, родимый!» Тени подхватывают едва не упавшего царя, укладывают его на кровать. Кто-то из дам обмахивает царя веером, вбегают лекари...

Но в диссонанс всеобщей тревоге и панике начинает звучать музыкальная тема «Дворец — танец шутов».

Эта тема отныне и до самого конца будет сопровождать недалекую наследницу Петра Великого, любительницу шутов и оружейной пальбы Анну Иоанновну, а также ее фаворита Бирона, который и до воцарения, и после не расставался с императрицей ни днем, ни ночью и, как известно, фактически правил за нее страной.

Пока же Анна и Бирон не предполагают о своем будущем взлете и сидят у самовара в далекой Курляндии. Анна Иоанновна, больше похожая на провинциальную помещицу, чем на наследницу трона, держит в руках письмо из столицы и пересказывает его красавчику Бирону. Несколько шутих пытаются ненавязчиво развеселить хозяйку, но она не обращает на них внимания, увлеченная новостями из письма.

Анна Иоанновна. Опять наш государь всех изумил! Ох, не живется спокойно Петру Алексеичу! Не живется... Учудил дядюшка, дай ему Бог здоровья (крестится) и долгого царствования.

Бирон. О чем вы, Анна Иоанновна? Никак государь указ какой необыкновенный изволили подписать? Али реформацию новую замыслили?..

Анна Иоанновна. Да какую тебе реформацию! В Неву бросился, в воду ледяную. В ноябре-то месяце!.. (Поворачивается раздраженно к шутихам.) Пошли прочь! Не до вас теперя! (Снова обращается к Бирону.) Вот ты бы, Ернст Биронов, решил бы на такое? В Неву ледяную?..

Бирон. В Неву?! В ноябре?! Увы, Анна Иоанновна, я не столь отважен, как наш великий государь...

Анна Иоанновна. А за меня бы бросился?..

Бирон (припадая к ее руке). За вас, ваша светлость, я и в огонь пламенеющий, и в воду ледяную... А государь, они по какой причине соизволили?!..

Анна Иоанновна (выдергивая руку из ладоней Бирона и возмущенно произнося). В том-то и суть, по самой ничтожной!.. Какие-то там то ли матросы, то ли гар... (смотрит в письмо, отыскивая слово) гарда... гарды...

Бирон (подсказывая). Гардемарины, быть может...

Анна Иоанновна. Точно, гардемарины, не выговоришь, будь они неладны, на шлюпке плыли да перевернулись. А он и прыгнул с корабля своего в воду! Спасать бросился! Двух али трех на берег вытащил. Рази императорское дело матросишков спасать да энтих, как их, гар... гарда... тьфу!..

Бирон. Гардемаринов...

Анна Иоанновна. Мало ли их у него, чтоб живота императорского не щадить! Рази они того стоят?!

Бирон. Да не стоят, конечно! Побережь бы себя государю императору...

Анна Иоанновна. Поберегся! Слег теперя от простудной немочи! Обезножил, (тычет в письмо) пишут, вовсе обезножил, благодетель наш, защитник... Из-за такого-то ничтожества...

Бирон (мечтательно-двусмысленно). Дай ему Бог здравия, а вашему великому роду Романовскому — долгого и счастливого царствования... (Припадает к ее руке, а потом смеется и начинает обнимать Анну.)

Анна Иоанновна (наигранно пытаясь остановить Бирона). Ну же, баловник, не в такой же печальный час... Я вон шутих своих с горя прогнала... Ну же, баловник, конфузно теперя... Пристойней за государя помолиться да в лесок съездить, на охотку малую, на зайчишек, без веселья, смиренно...

Бирон (смелея). На охотку можно и опосля... И помолиться опосля...

Действие переносится в Навигацкую школу Санкт-Петербурга. Звучит музыкальная тема «Гардемарины». Мы оказываемся в фехтовальном зале, где увлеченно сражаются на рапирах гардемарины Семен Челюскин и Дмитрий Овцын. Вдруг в зал вбегает гардемарин Василий Прончищев. Прекратив бой, Челюскин и Овцын бросаются приветствовать друга, которого, судя по всему, уже давно не видели.

Челюскин (обнимая Прончищева). Привет! Наконец-то явился, гардемарин Прончищев, душа пропадающая!

Овцын (хлопая по плечу). Привет, Василий, привет! И где тебя столь носило?!..

Прончищев (закашлявшись, немного смущенно). Да вот носило...

Челюскин. Не случилось ли дома чего недоброго? Али сам захворал? Кашляешь вон...

Прончищев. Да нет, нет. Дома все в полном здравии. И я тоже. А сие (хлопает по груди) — пустяк, к завтраму пройдет. Промок малость в водичке студенной...

Овцын. А где ж ты тогда столь долго плутал?

Прончищев (спешно скидывая кафтан, беря в руки рапиру). Потом, Дима, потом расскажу...

Овцын (вставая в позицию против Прончищева). Уж не в соседском ли опять имении?.. Угадал?!

Прончищев (сознаваясь). Угадал...

Челюскин. У родичей той самой девицы Кондыревой, о которой ты сказывал?..

Прончищев. У них, Семен, у них...

Овцын. Приворожила никак?

Прончищев (обреченно). Что уж от друзей скрывать...

Овцын. Ну, ты герой!..

Челюскин. Герой-то герой, да чем теперь сей амур обернется... Голова-то где была?

Прончищев (сникая). Не было головы... Да и сейчас нету... Не знаю, что и делать.

А коли выгонят...

Овцын. Мы за тебя постоим! (Обращаясь к Челюскину.) Правда, Семен? Постоим?

Челюскин. Конечно! К командиру пойдём. Друзей в беде не бросают!

Овцын. Да не тушуйся ты так! Мы же гардемарины! Птенцы Петровы!

Челюскин. И впрямь, выше голову, гардемарин Прончищев! А ну, бери рапиру! Защищайся!

Звучит тема «Гардемарины», и друзья, прерывая фехтование, все вместе поют песню.

Нас с тобою манят в далекий путь шторма и грозы,
Нас обветренный парус мчит по морю призрачных снов.
И цветет в наших грезах лишь одна на свете роза —
Это роза ветров, несущих к подвигу ветров.
Мы же гардемарины!
Мы же гардемарины!
Наши души едины,
Единые сердца.
Вместе мы до конца!
Рядом мы до конца!
С другом мы до конца!
Мы с тобою пройдем, как долг велит, боя и бури.
Наш Андреевский росчерк будет в небе гордо сиять.
И нести будут нас восходам встреч среди лазури

Наша вера и честь, у нас которых не отнять.
Мы же гардемарины!
Мы же гардемарины!..

Песня прерывается прозвучавшим приказом: «Гардемарин Прончищев, немедленно явиться к начальнику школы!» И следом голос невидимого начальника начинает устраивать разнос Василию.

Голос. Гардемарин Прончищев, нам доложено, что ты опоздал к началу занятий на две недели! Али беда какая приключилась?

Прончищев. Никак нет, ваша светлость...

Голос. Тогда изволь объясниться!

Прончищев (выдавливая из себя). Я... по дороге... ваша светлость... в соседнее имение... к Кондыревым... заехал...

Голос. И что?

Прончищев. И... и... не смог сразу, ваша светлость...

Голос (раздраженно). Чего не смог?!

Прончищев. Уехать не смог, ваша светлость...

Голос. Почему?

Прончищев. За-за-гостился...

Голос (взрываясь от возмущения). Загостился! На две недели! Да ты мыслишь, гардемарин, чего говоришь-то?! Али тебе школа Навигацкая, что приют бродяжий?! Ответствуй!

Прончищев. Никак нет, не приют, ваша светлость... Виноват...

Голос. Гнать таких в три шеи надобно!

Прончищев. Простите, ваша светлость... Никогда более...

Голос. И впрямь бы выгнал, коли не был бы ты, гардемарин, в науках навигацких столь хорош...

Прончищев. Никогда более, ваша светлость...

Голос. В карцер на две недели! На хлеб и воду! И чтоб ни шагу из школы до последней аттестации.

Прончищев. Слушаюсь, ваша светлость... (*Затемнение*).

Картина вторая

Звучит музыкальная тема «Поэт», на ее фоне появляется автор повествования и начинает читать стихи, объясняющие зрителю причину, по которой он решил поделиться с ним этой историей любви.

Поэт.

Я — поэт... И не раз
на волшебных крылах
вдохновения
я над сенью веков
и над дальними далями мчал.
Много я повидал
и высоких страстей,
и горения,
но такую любовь,
лишь однажды
я вдруг
повстречал!

Понял я в тот же миг,
что теперь не узнаю
покою,
даже если Господь
на уста мне возложит печать.
Мне уже не избыть,
Не забыть мне во веки такое,
О любви их
святой
Я обязан всем вам
рассказать!

Поэт исчезает. Действие переносится в карцер, где сидит Василий Прончищев.

Прончищев (рассуждая вслух). Как же, как я мог разом уехать от любви моей ненаглядной! Да эти две недели, как день единый, промелькнули... И ведь столь лет друг друга знали, с детства вместе играли... и ничего... а тут полыхнуло, как пожар... Милая моя!.. *(Начинает петь.)*

Пусть хотят нас разлучить,
Только нас не разделить,
Я мечтою буду жить,
Я тобою буду жить.
Я мечтою буду жить,
Я тобою буду жить.

*Милая моя, любимая, ты у огня,
Родимая, в сиянье дня,
Нежная моя красивая, ты жди меня,
И я к тебе вернусь!..*

Я пройду сквозь шторм любой,
Я пройду сквозь смертный бой,
Только б встретиться с тобой,
Только б рядом быть с тобой!
Я пройду сквозь смертный бой,
Только б рядом быть с тобой!

Прончищев (закончив пение, вздыхая). Вернусь-то вернусь, да вот только когда... Теперь ни к ней, ни домой до будущей осени не отпустят... И как я только доживу-то до дня того?.. Кажется — и вовсе не дождусь... А как же она там, Машенька моя милая?.. Грустит ли по мне, али забылась уже с подруженьками?..

Начинает звучать музыкальная тема «А ты, где ты?», в осеннем лесу появляется грустная Мария, которая любит Василия так же сильно, как он ее, и так же не может дождаться их встречи. Она поет.

Мария.

Снова на исходе лета
В ливнях золотого света
Расцвели опять осенней радугой мечты.
Я тебя забыть не в силах,
Я тебя зову, мой милый.

Я тебя люблю,
А ты, где ты?

Неужели так случилось,
Что судьба нас разлучила
И не суждена нам скоро встреча?
Я тебя забыть не в силах,
Я тебя зову, мой милый,
Я тебя люблю,
Я тебя люблю!

Я своей любви не скрою,
Я взлечу над всей Землею
И в последний миг тебя увижу с высоты.
Я тебя забыть не в силах,
Я сгорю звездой, милый.
Я тебя люблю,
А ты, где ты?!

Мария. Где же ты, Васенька мой милый? Неужель не слышишь, как я тут по тебе тоскую?.. (*Достает из-за корсета письмо, пробегает глазами.*) Неужто и впрямь тебя на побывку не отпускают?.. А может... А может, сам не хочешь?.. Разлюбил, может?.. Нет! Нет!.. Я же тебя уж который год люблю и жду, Васенька...

Картина третья

Вновь звучит тема «Гардемарины». Морские штурманы Василий Прончищев, Дмитрий Овцын и Семен Челюскин, оживленно разговаривая, входят в усадьбу Кондыревых. В руках у Василия — большая цветная коробка с иностранными надписями.

Прончищев. Слава Богу, отслужили первый год! Как только вытерпел, сам не знаю!.. А вдруг она откажет? Вдруг не захочет со мной под венец?..

Челюскин (стараясь поддержать друга). Да как отказать такому герою! Лучший выпускник Навигацкой школы! Первый штурман! Самой царевой яхтой командуешь!

Прончищев. Да разве это ж главное... Столь времени не видались, может, она уж разлюбила...

Овцын. Если любила по-настоящему — не разлюбила.

Прончищев. А ты-то откуда знаешь, у тебя же еще никого не было...

Челюскин. А он из книг, из романов французских. Овцын же у нас читатель первостатейный.

Овцын (Челюскину). Тебе ли насмехаться, Семен, сам еще ни одной девицы под руку не держал...

Прончищев. Да, хороши у меня сваты-помощники, столь искушены в делах амурных...

Челюскин (первым увидев Марию). Тише!.. Вон, смотрите, не она ли это, Василий? Кра-си-ва-я...

Прончищев. Она! Она! Любимая!

Мария. Вася, Васенька!.. Приехал...

Василий и Мария спешат навстречу друг другу, едва сдерживаясь, чтобы не броситься в объятия. Василий протягивает Марии коробку.

Мария. А что это такое?

Василий. Подарок. Туфельки тебе. Из Парижу.

Мария (всплескивая руками). Да неужто из самого Парижу?!. Васенька! (Целует Прончищеву в порыве благодарности). А примерить можно?

Василий. На то и куплены!

Мария тут же с восхищением и осторожностью (а вдруг малы!) надевает туфельки.

Мария (радостно). Впору! Впору, Васенька! Как по мерке! (Кружится от избытка чувств).

Друзья одобрительно хлопают Василия по плечам, мол, молодец, угодил невесте!

Начинает звучать вальс «Как музы'ка поет». Василий приглашает Марию на танец, во время которого звучат слова их объяснения. Семен Челюскин пытается заставить себя не смотреть на Марию, но не может этого сделать — он влюбляется в нее с первого взгляда.

Василий (начиная петь первым).

Как музы'ка поет!
Дай же руку скорее, любимая!
Как музы'ка поет,
И как крылья растут за спиной!
Ты Богиня моя,
Ты звезда моя неугасимая!
Я люблю и молю:
Согласись стать моею женой!

Мария (отвечая Василию).

Как музы'ка поет!
Я согласна, согласна, мой суженый!
Как музы'ка поет,
Я об этом мечтала года!
Ты единственный мой,
О другом и не грезила мне я.
Об одном лишь прошу,
Чтобы рядом мы были всегда.

Василий.

Я могу обещать
В этот миг только сердце горячее,
Только смелость и честь
Я могу в этот миг предложить.
И на свете прожить
Не сумею, родная, иначе я,
Чтоб России моей,
Как любви твоей, не служить.

После окончания вальса, к радости всех собравшихся (кроме потрясенного Челюскина) начинается знакомство родственников Марии с друзьями Василия, а потом и приготовление к помолвке. Но все это обрывает гонец, который вбегает и кричит: «Господа штурманы!.. Господа штурманы!.. Срочный приказ! Государь император немедленно призывает вас к себе!.. Немедля призывает!.. Плох он очень...» Едва не начавшаяся помолвка прерывается и откладывается на неизвестный срок.

Овцын оставляет свою даму, Прончищев — растерянную и расстроенную Марию, не менее расстроенных ее родственников. Челюскин украдкой бросает прощальный взгляд на невесту. Друзья спешат к умирающему Петру I.

Звонит колокол, начинается хор «Умирает царь».

Умирает царь, умирает царь,
Умирает...
Из дворца летит, третий день летит
Хриплый глас.
Призывает царь, призывает царь,
Призывает
Всех птенцов своих, чтоб последний им
Дать наказ.

Умирает царь, умирает царь,
Умирает,
И в его руках огонек свечи
Так дрожит.
Умирает Петр, умирает Петр,
Умирает,
Но его мечты завершить сполна
Нам велит.

Когда Прончищев, Челюскин и Овцын оказываются в царском дворце, у постели умирающего Петра уже стоят Витус Беринг, Шпанберг, Миллер и Ласинус, а также царедворцы и лекари. На некотором отдалении находятся Анна и Бирон. Увидев, что все собрались, царь приподнимается на постели и объявляет свою последнюю волю.

Петр (с трудом, преодолевая боль). Ну, здорово, здорово, слуги мои верные...

Все. Здравия желаем, ваше величество. Здравия желаем...

Петр (прерывая всех взмахом руки). Да какое там здравие... Немного мне осталось... Потому и призвал так спешно... *(Обращается к Витусу Берингу).* Поддай-ка мне карту, Беринг!.. *(Разворачивает с помощью Беринга карту, где все побережье севера и востока России от Оби и до Амура — сплошное белое пятно.)* Империей правим, просвещенными людьми себя мним, а того не ведаем, где в море Ледовитом края империи нашей, и сколь далеко они на норд уходят. А на осте *(показывает на восток страны)* и того хуже. Сходится ли Россия с Америкой посуху, али есть меж ними пролив — никто не разумеет. Не дело, границ своих не ведать. Не дело... Не ровен час, к конфузу нашему мореходы аглицкие либо гишпанские вперед сии проливы и земли проведают да еще и оттяпают изрядно. А посему, капитан Беринг, назначаю тебя как вояку бывалого и в делах корабельных искушенного — командором великой и дальней экспедиции. Вот тебе указ царской *(подает свиток)* о Камчатской экспедиции.

Беринг. Слушаюсь, государь. И исполним, как повелеваете.

Петр. Ты, Беринг, поедешь в Сибирь первым, оглядишься там, обустроишься. А сии штурманы морские, птенцы Петровы *(показывает на молодых штурманов)* погода за тобой последуют. Командиров отрядов произвести в лейтенанты! *(После паузы, переведя дыхание).* Повелеваю пройти на кораблях морем Ледовитым и прочими морями на ост вдоль границ российских и в точности их на карту нанести... Профессору Миллеру с помощниками *(указывает на него)* достоверно изучить и людей та-

мошных, и натуру, и руды северные для прибытка нашего. Многотрудной и опасной станет сия экспедиция, неведомо, сколь лет на нее положите, и сколь душ, но почитайте дело свое не токмо за долг перед Отчеством, но и за завещание мое царево...

Отдав из последних сил очень важное для него распоряжение и поверив, что оно будет исполнено, Петр I теряет сознание. Снова звучит тема «Умирает царь».

На этом фоне командор Беринг устраивает переключку подчиненных офицеров.

Беринг. Капитан Шпанберг!

Шпанберг. Я!

Беринг. Лейтенант Прончищев!

Прончищев. Я!

Беринг. Лейтенант Овцын!

Овцын. Я!

Беринг. Лейтенант Ласиниус!

Ласиниус. Я!

Беринг. Штурман Челюскин!

Челюскин. Я!

Беринг. Так поклянемся же исполнить волю Государеву!

Все. Клянемся! Клянемся! Исполним, Государь!

Петр (ненадолго приходя в себя). Ну, с Богом... Верю... Прощайте...

Картина четвертая

Звучит музыкальная тема «Поэт». Обоз экспедиции уже который месяц тянется по бесконечным и непролазным российским дорогам, приближаясь, наконец, к центру Сибири. Мюллер, Делакура и другие иностранцы едут на подводах, держась своей «привилегированной» кучкой. Впереди их, обогнав, шагают рядом с повозками Прончищев, Челюскин, Овцын, Ласиниус, Дамаскин. Рядом с Марией — жена Беринга Анна, они заняты каким-то своим женским разговором.

Появляется Поэт и начинает читать стихи.

Поэт.

Как огромна Россия,
А как она бедно одета:
Все солома на крышах
Да ветхие стены под ней.
И колесная песня
Плывет через пыльное лето,
Обратившись со снегом
В разбойничий посвист саней.

Сотню дней простучит
По ухабам лихая дорога,
Но однажды под вечер,
Когда комарье отгудит,
Вдруг вдали над рекой
Обозначатся башни острога,
И Дамаскин тихонько
Крестом этот вид осени'т.

Дамаскин. Никак добрались! Слава тебе, Господи! (Отходит в сторонку и начинает молиться.)

Овцын (вглядываясь вперед). И впрямь, град Тобольск показался.

Прончищев. Точно, добрались до сибирской столицы.

Мария. И сколь же мы верст от Питера-то отмерили?

Челюскин. Да тыщи три, пожалуй...

Мария. Ой, и велика же Россия наша матушка!..

Прончищев. Да, велика и неведома...

Анна. А до Якутска от Тобольска сколь верст осталось?

Челюскин. Думаю, поболее, чем до Питера, раза в полтора...

Анна. Да это ж помереть можно от тоски да ухабов!

Мария. Живы будем — не померем, Аннушка! Доберемся и до Якутска.

Анна. И чего я в такую даль за бродягой своим потащила! Дал же Бог счастье!..

Сидела бы в Питере без забот... Да и не просто бы сидела, на куртаги бы во дворец хаживала...

Мария. Куда-куда хаживала?

Анна. На куртаги. Теперя так вечера званые у императрицы приказано называть. По-иноземному. Пишет сестрица, что каждую субботу и четверг Анна Иоанновна с обер-камергером Бироном куртагами их жалуют... Танцы, машкерады, вина заморские, сладости... А апосля непременно фейверк!.. *(Мечтательно)* Ах!.. Уж я бы там повеселилась...

Мария. И впрямь бы тебя во дворец пригласили?! К самой императрице?!

Анна. Пригласили бы! Я ж по мужу-то иноземка — «госпожа Беринг». А иноземцы теперь в большом фаворе... Одна беда — палить из ружья еще не обучилась...

Мария. А сие-то к чему?

Анна. Неужто не слыхала?! Да ноне у всех дворцовых дам фасон такой пошел!.. *(Снова мечтательно закатывая глаза).* Ах, куртаги...

Звучит музыкальная тема «Дворец — танец шутов», действие переносится в царскую резиденцию Анны Иоанновны.

Императрица стоит в ярко-голубом расшитом платье и красном платке на голове (любимый ее наряд) у раскрытого окна, в которое то и дело поглядывает с интересом, намного превышающим все, что происходит вокруг нее. У этого окна и соседних с ним стоит по несколько прислоненных ружей. Рядом с императрицей — Бирон, теперь уже не секретарь курляндской «помещицы», а всесильный фаворит, герцог и обер-камергер, закулисный властитель России, тем не менее, демонстрирующий в глазах императрицы свою влюбленность в нее, почтительность и покорность. У ног их крутятся, кривляются, танцуют шуты и шутихи. Придворные наигранными улыбками (улыбаться на куртагах велено всем!) изображают свое полное счастье и довольствие.

Придворный секретарь терпеливо стоит неподалеку от императрицы с серебряным подносом, на котором лежит какой-то документ. Выждав момент, он подсовывает поднос императрице.

Анна Иоанновна (недовольно беря документ). Ох уж мне энти дела бумажные... Опять Беринг! Сызнова чегой-то просит?.. Надоел уж...

Анна Иоанновна бросает вопросительный взгляд на Бирона, пытаясь понять его реакцию, но тут же вдруг отшвыривает письмо, кидается к окну, откуда доносится хрюканье дикого кабана. Императрица хватается стоящее возле окна ружье и куда-то палит. Отбрасывает ружье, хватается другое, снова стреляет. Все придворные замирают и ждут. Только один Бирон приказывает жестом секретарю поднять и подать ему письмо Беринга. Берет с подноса перо, быстро наносит какую-то резолюцию и жестом же отправляет секретаря с глаз долой.

Анна Иоанновна (довольно). Не ушел, не ушел кабанишка! *(Поворачивается к придворным)* Эх, как я иво!..

Зал тонет в аплодисментах и восторженный выкриках придворных: «Браво, ваше величество!» «Виват, ваше величество!» «Виват!» «Браво!». «С добычей, ваше величество!» *Шуты и шутихи ударяются в пляс, а все остальные, кроме Бирона, бросаются к окнам, чтобы увидеть добычу. Снова раздаются восторженные выкрики: «Какой огромный секач!» «Какой отменный!» «Матерый какой!» «Прямо в сердце!» «На бегу!» «Редкостный выстрел, ваше величество!»* Оставляя восторги придворным, не обращая на них внимания, гордая и счастливая Анна идет к своему возлюбленному Бирону.

Бирон (припадая к ее руке). Вы прелестны, ваше высочество!.. Вы прелестны!.. *(Шуты танцуют вокруг их пары, которая никак не может разжать руки.)*

Анна. Наконец-то! А то заладил: Беринг да Беринг...

Бирон. Виноват, Ваше Величество, виноват...

Действие вновь переносится к идущему по Сибири обозу экспедиции. К Марии и Анне подходят Прончищев, Челюскин и Овцын. Разговор женщин продолжается.

Анна. Сгубил мою молодость, сгубил...

Мария. Да ты что, Аннушка, разве можно так о суженом своем, о командоре нашем!

Анна (кивая в сторону Прончищева, Челюскина и Овцына). Это им он командор! А мне — камень на шее!

Прончищев. Ты, Анна, нашего Витуса Иваныча не брани, такова служба его государева. Он, поди, нас в Тобольске уже заждался.

Овцын. Перину тебе, небось, пуховую приготовил...

Анна. Как же, дождешься от него!..

Прончищев (оглядываясь). А где же господа наши иноземцы, опять приотстали?

Челюскин. Вон они, догоняют. Подождем малость.

Иноземцы подъезжая на особых повозках и, не желая слазить с них, разговаривают между собой.

Делакруа. Холод собачий! А нравы каковы?!

Миллер. Дикие. Отменно дикие.

Делакруа. Недаром у нас, в европах, говорят «Русь немытая»...

Прончищев (глядя в сторону иноземцев). Ишь, опять нас поносят... «Русь немытая»... Да кабы не служба российская, кем бы они у себя были?!

Овцын. Да никем! Поклониться им надо в пояс государю Петру, что пригрел...

Челюскин. Молода еще Россия, неискушенна в науках, но ничего, недолго осталось нас лаптями попрекать. Мужают птенцы Петровы. Мы вот в делах своих непростых ума набираемся. Лучшие вьюноши российские граниты наук грызут с прилежанием. Скоро будут и у нас свои Невтоны да Кеплеры. *(Обращается к Прончищеву и Овцыну.)* Вы о Михайле Ломоносове не слышали?

Прончищев. Да нет, а кто таков?

Челюскин. Ученик лучший Славяно-греческой академии, говорят, далеко пойдет!

Прончищев. Дай-то Бог. Россия на умы светлые всегда была щедра.

Овцын. Кабы им еще долю полегше...

Прончищев. Да мы и с этой долей, дай время, всех за пояс заткнем! *(Оборачивается к Челюскину.)* Так, Семен?

Челюскин. Так точно... Россия еще всех их *(показывает на иноземцев)* перепоеет...

Начинает звучать музыкальная тема «Россия», Прончищев, Челюскин, Овцын, Мария поют.

Ты моя страна,
Моя любовь,
Моя весна,

Ты моя земля,
Мои поля,
Мои тревоги.
И мне тебе служить,
С тобой одной,
Судьбою жить,
Чтобы рассказать свету:
Ничего нигде лучше нету,
Нету для меня красивей,
Нет милей моей Руси!

*Россия,
Родные вольные края,
Под небом синим
Отчизна юная моя -
Всея
Россия,
Твои золотые купола,
Россия,
Молю, чтоб вечно ты была!*

Ты моя судьба,
Моя душа,
Моя мольба.
Ты моя свеча,
Моя печаль,
Мои надежды.
И средь лихих штормов,
Чужих снегов,
Чужих богов
Я силен твоей силой,
Я силен твоей вечной верой,
И всегда с тобой буду первым,
Милая Россия моя!

В конце песни иноземцы невольно подтягиваются к лейтенантам, штурману и женщинам — куда им деваться от такой российской души и силы. Навстречу всем появляется Беринг.

Беринг (жене, радостно обнимая). Здравствуй, Аннушка, здравствуй, моя радость! Истосковался по тебе! А как ты, счастье мое?

Анна. Как видишь, пока жива.

Беринг. Ну, ничего-ничего, отдохнешь теперь вдоволь. (Командирам отряда и штурману.) И вы, други мои соратники, здравствуйте! Хотя вам отдых зимних не обещаю. Забот по экспедиции — тьма-тьмушая!.. Да дайте, дайте старому Берингу вас облобызать! (Прижимает всех к груди по очереди.) Приветствую вас в стольном сибирском граде Тобольске! Как добрались-то?

Прончищев. Хорошо добрались.

Овцын. Без приключений.

Лассиниус. Хотя не быстро, конечно...

Беринг (Лассиниусу). Сие тебе, мой дорогой земляк Петер, не наша Дания. Сие

Россия, да еще и Сибирь! Тут версты особые — каждая трех европейских стоит. Привыкай!.. *(Поворачивается к Прончищеву, жалуясь)* А в делах, прости Господи, все на нынешний манер: там не довели, там не додали, там воевода украл...

Прончищев. Нет на них Петра Алексеевича, воскрес бы на годок-другой...

Беринг (ностальгически). Он бы навел порядок... Да уж что теперь, будем к нынешней империи принаравливать... *(Оборачивается к Миллеру.)* А как наш главный академик господин Миллер? Не растрясли свои ученые мозги на русских ухабах?

Миллер. Да нет. С положительным, смею заметить, комфортом прибыли. У нас и коляски особые, и повар европейский... Исследования уже в пути начали...

Делакруа. Хотя дика сия Сибирь безмерно...

Беринг (не слушая его). Хорошо, хорошо. Давайте все в город — и по квартирам... *(Обращается к Овцыну.)* А тебе, лейтенант Овцын, передохнуть не доведется. Надо нынче же по Иртышу вниз, на Обь сплавиться, пока река не замерзла.

Овцын. Я потому всех и торопил.

Беринг. В Березове зимовать будешь. А весной, как река вскрыется, станешь пробиваться морем Ледовитым из Оби в Енисей. А встреч тебе из Лены в Енисей лейтенант Прончищев пойдет. Там и увидитесь, коли Бог даст. Мы, все остальные, в Тобольске зиму переждем... А за то время в Якутске капитан Шпанберг корабли вам построить должен... *(Задумывается невесело о чем-то).*

Овцын. Гляжу я, господин командор, вы, будто, и не столь веселы гостям?..

Беринг. Да нет, не с того я. Сон ныне худой привиделся. Будто все мы во льды вмерзли. Живыми вмерзли. И солнце июльское льды сии никак растопить не может... Не дай бог...

Овцын. Не берите в голову, командор...

Беринг. Да рад бы не брать, только вот привиделась раз в Охотске пучина морская разверстая, а через неделю чудом в шторме не сгнули...

Овцын. Ну и теперь чудом во льды не вмерзнем...

Беринг. Ладно-ладно, забудь стариковскую мистику, у тебя других забот полон рот...

В этот момент мимо них проезжает пара бедных повозок, на которой под охраной сидит несколько бывших царедворцев Долгоруких, а рядом бредут только один несчастный слуга и кухарка. Среди ссыльных и красавица Екатерина Долгорукая.

Начинает звучать тема любви Овцына и Екатерины.

Овцын (застыв, пораженный Екатериной). А это... кто такие?.. Кто такая?..

Беринг (приостанавливаясь). Ссыльные князя Долгорукие. В твои края едут, в Березов. На место светлейшего князя Меншикова, царство ему небесное...

Овцын (не отрывая глаз от Екатерины). Так это она, Екатерина Алексеевна... царская...

Беринг. Да, та самая, бывшая невеста царская... Суженая упокоенного Императора Петра Второго... Не повезло...

Овцын. Какая красавица!.. Бедная...

Беринг. Ты это, Дмитрий... Сильно-то не заглядывайся, не забывай, что они с братом ее Иваном указом самой Анны Иоанновны сосланы... Поосторожней там с ними в Березове... Помни, что времена теперь иные, государыня императрица особый Приказ тайных дел учредила, да и помимо его у герцога Бирона свои уши везде есть... Скажет кто «Слово и дело» — и пожалуй на дыбу... Поостерегись...

Овцын (механически, не в силах отвести глаза от Екатерины). Конечно, конечно, господин командор... Непременно, поостерегусь...

Беринг догоняет остальных, а Овцын так и стоит, долго провожая взглядом повозки, увозящие его нежданную, внезапную и запретную любовь. С неба летят первые снежинки, засыпая следы исчезающих повозок. Овцын поет.

Любовь не выбирает места,
Любовь не выбирает дня.
Пусть нынче царская невеста,
Пусть ныне царская невеста,
Пусть ныне царская невеста
И не взглянула на меня.

Она мелькнула грустной птицей
И улетела в свой удел,
Но я за этот миг влюбиться,
Но я за этот миг влюбиться,
Но я за этот миг влюбиться
В нее без памяти успел.

Не обо мне она вздыхает,
Не мной болит ее душа.
Она в своей печали тает,
Она в своей печали тает,
Она в своей печали тает,
Но так безумно хороша.

Она сегодня будет сниться
Мне до рассвета вновь и вновь.
И вопреки всему помчится,
И вопреки всему помчится,
И вопреки всему помчится
Вослед за ней моя любовь.

Картина пятая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, начинает читать стихи, перемещая героев истории из Тобольска в Якутск.

Поэт.

В плен возьмет их зима,
Припугнет на Крещенье
морозами,
Но едва лишь весна
Обозначит тропинку свою,
Снова сядут они
на повозки,
Чтобы с первыми грозами
Оказаться на Лене,
В неведомом
дальнем
краю.
Там заждался их Шпанберг —
Свирепый служака
из немцев.
Зуботычин и палок
Он в деле своем
не жалел,

Но исполнил приказ,
Не подвел земляков-иноземцев,
И два судна надежных
Построить за зиму сумел.

На фоне ясного утреннего неба вычерчены силуэты Якутска — старинного города с деревянными крепостными башнями. На берегу Лены стоят три мощных листовенницы, разной высоты, к которым прибиты поперечные рей со скрученными парусами, от них к земле натянуты ванты и веревочные лестницы. У берега — два корабля с трапами, на которые матросы и грузчики загружают в мешках и бочках необходимые для дальнего похода припасы. Подошедшему Шпанбергу кажется, что дело идет недостаточно быстро.

Шпанберг (с немецким акцентом). Шнель! Шнель! Что за глупый русский мужик! Что за лениви якуцкий мужик! Шнель, шнель!

Зырянов. Стараемся жа, как можем, господин Шпанберг.

Зверев (негромко, но зло). Да не ори ты, глотка луженая!

Шпанберг. Молчать! Шнель! Быстрее! Если три часа пополудни весь груз не будет на каравль, — выпорю!

Шпанберг ненадолго исчезает. На берегу появляются Василий Прончищев, Семен Челюскин и гардемарин Иван Попов, они о чем-то говорят, показывая на корабль. Навстречу им выходит красавица-якутка и с особым любопытством бросает взгляд на Челюскина. Начинает звучать музыкальная тема «Шаманка».

Прончищев. Смотри, Семен, как на тебя красотка сия глянула... Ну и очи, колдовские прям!..

Челюскин. Да привиделось, небось...

Попов. На тебя, на тебя глянула, господин штурман.

Челюскин. И ты туда же гарде... (Встречается глазами с девушкой, пораженный ее взглядом.) А... кто... она... такова... будет?

Попов. Удаганка. Кудесница, по-вашему. Великая удаганка...

Прончищев. Я же говорил... (Крестится на всякий случай).

Челюскин. А как... как она прозывается?

Попов. Удаган-Куо, по-вашему, кудесница-красавица.

Челюскин (повторяя). Удаган-Куо...

Удаган-Куо (услышав издали, резко поворачиваясь к Челюскину и пронзая его взглядом). Ты меня позвал?

Челюскин (вздрагивая от неожиданности и невольно крестясь). Н-н-нет..

Удаган-Куо. Не надо меня бояться, Семен. Звезды Чолбон бойся. Посмотри ближе к ночи, как она пылает. А хочешь, вместе посмотрим...

Челюскин. Н-н-не знаю, как господин командор повелит...

Удаган-Куо (заливаясь смехом). А зачем нам командор?! Да, не ведала я, что ты такой робкий, Сенечка!.. (Резко поворачивается и тут же исчезает.)

Челюскин (крестясь). Свят-свят!

Прончищев (крестясь). Свят-свят!

Попов. Я же говорил — кудесница!

Челюскин. А звезда... Чолбон — что сие?

Попов. Венера по-вашему. Она к великим морозам полыхает... А ты ей приглянулся, господин штурман...

Челюскин. Кому, Венере?

Попов. Зачем Венере, Удаган-Куо приглянулся...

Прончищев (приходя в себя и обращая все со смехом в шутку). Так что засылай,

Семен, сватов подобра-поздорову, а то прилетит сия Куо ночью, закогтит и унесет!.. На звезду Чолбон... И заморозит!.. А девка-то хороша!.. И ты у нас жених завидный...

Челюскин. Да брось насмеяться! Не до девок мне теперь...

Вновь появляется Шпанберг и громко командует: «Гардемарин! Во фронт!» По его команде выскакивают несколько гардемаринов-якутов, не сразу, но выравниваются в строй, к ним подбегает и становится правофланговым Иван Попов. Звучит музыкальная тема «Гардемарины».

Шпанберг. Равняйся! Шнель! Шнель! Бистро! Слушай и запомни! Я учил вас целый зима, я делал из сухопутный крыс настоящий...

Гардемарин, последний в строю (подхватывая). ...мокрый курица!

Шпанберг (подбегая и отведывая ему оплеуху). Мокрый курица — ты, болван! А он (подходя к Попову и хлопая его по плечу) — гардемарин Иван Попов!

Попов. Так точно, господин капитан!

Шпанберг (Попову). Каков теперь дует ветер?

Попов (сунув в рот палец и подняв его). Зюйд-зюйд-вест!

Шпанберг (тыча Попова кулаком в грудь). Гут, гут!

Шпанберг (показывая на самое большое дерево и тыча в грудь второго гардемарины). Какой сие мачт?

Гардемарин. Грот-мачта!

Шпанберг (одобрительно) Гут, гут. (Хлопая по плечу третьего гардемарины и показывая на другое дерево). Какой мачт?

Гардемарин. Пок-мааста!

Шпанберг (давая оплеуху). Фок-мачт! Болван! Гут! (Давая оплеуху авансом последнему в строю, махнув рукой в сторону третьего дерева). Какой? Бистро! Шнель!

Гардемарин. Э-э... Писан-мааста, оннако.

Шпанберг. Бизань-мачт, мокрый курица! Гуд! (Дает команду всем гардемарины). Бистро на корабль. Шнель! Завтра утром ставить парус на настоящий мачт! Марш! (Отведывая вдогонку подзатыльник последнему) Мокрый курица! Я тебя сделаю настоящий моряк, болван!

Гардемарины бегут к кораблю. Сидящий поодаль Делакруа тщательно высматривает в свою подозрительную трубу берег с кораблями и что-то записывает.

Действие перемещается в дом командора. За столом у самовара сидят Мария и Анна, о чем-то беседуют. Из-за окон продолжают доноситься грубые крики Шпанберга, адресованные теперь уже грузчикам: «Бистро, бистро! Шнель, инель, русски болван, якутски лентяй!»

Мария. Разошелся Мартын Петрович! Крут уж больно...

Анна. Да с нашей чернью так и надо...

Мария. Они тоже люди, Аннушка...

Анна. Нашла людей!.. (Переводя разговор на другую тему). Ну и дыра же сей Якуцк! Градом еще прозывается, а товаров галантных ни в одной лавке не сыщешь!

Мария. А ты видела, сколь купцов вчера на ярмарку по Лене приплыло. Говорят, еще столь же ждут. Все лавки товарами завялят.

Анна. Да надолго ли? Уплывут через месяц, и — все, пялься потом сызнава год цельный на пустые лари... Впрок-то не наберешься, это тебе не пушнина...

Мария. Разве то главное, Аннушка...

Анна. Знаю-знаю, опять начнешь про свое петь, мол, нету доли слаще, как за муженьком своим в любую глушь тащиться!

Мария. Так оно и есть, Аннушка. Да мне с моим Васенькой — рай в любом шалаше, в любых снегах и пустынях...

Анна. Тебя не переспоришь!

Мария. Да и не надо спорить... Ты помоги мне лучше... Попроси Витуса Ивановича своего по-домашнему, по-женски, вдруг тебе и не откажет...

Анна. А я уж решила, что Господь тебя надоумил от глупости сей отказаться. Видано ли дело!..

Мария. Своей волей, Аннушка, я ни в жизнь не откажусь! Попроси Витуса Ивановича...

Анна. Как же, станет он меня слушаться! Он на службе при всех добренький, а дома — тиран первейший...

В это момент без стука входит Беринг, до его слуха доносятся последние слова Анны.

Беринг. О каком-таким тиране судачите, голубушки?

Анна. Да о Шпанберге.

Мария. О нем.

Беринг (попадая на удочку). Тиран, не спорю. И на руку тяжел, и на слово бранное, да ведь дела-то делает! Посмотрите, какие корабли Василию и Петру выстроил! Красавцы! Завтра крестить будем. Первый «Якуцком» наречем, а второй — «Иркуцком», так порешили.

Мария. Славные имена...

Раздается стук в дверь, Беринг отвечает «Входите». Появляется Миллер, он чем-то возбужден. Женщины понимают, что сейчас у командора начнется совет, и начинают быстро собираться.

Беринг. Вот-вот, голубушки, прогуляйтесь по воздухам якуцким, а мы тут потолкуем... (*Обращается к Миллеру*). Никак вы озабочены чем, господин профессор?

Миллер. Не скрою, господин командор. Побывал я в архиве здешнем и был поражен, сколь великое число документов старинных хранится. И ни одного ученая рука не касалась. Там могут быть очень полезные для нас сведения!.. Я решительно этим займусь!..

Беринг (почти равнодушно). Занимайтесь, занимайтесь, а мне и иных дел достанет, нежели старье ворошить.

Миллер. Да какое ж сие старье?! Ценность научная...

Беринг (переключаясь на входящего с поклоном Ласиниуса). Проходи, проходи, Петр! Как дела, земляк мой разлюбезный, как твой бот? Обживаешь место капитанское?

Ласиниус. Бот хоть и невелик, но сработан крепко. Хороший бот.

Беринг. Небось, душа-то уже в поход рвется?

Ласиниус. Рвется.

Беринг. Только что-то нерадостен ты, голубчик. Али забота какая гнетет?..

Ласиниус. Не забота, тоска... Навалилась неведомо откуда... Предчувствие какое-то... И матушка вновь привидилась...

Начинает звучать музыкальная тема Ласиниуса, он поет, ностальгически глядя через окно на облака, плывущие по небу.

Облака плывут по небу,
По синему-синему небу.
Облака летят на Запад,
К любимой отчизне летят.
На века мое имя
Погрузится в снежную небель,
Никогда не прийти
Мне к родимому дому опять.

Облака плывут по небу,
Не нужен им парус белый,
Облака летят к любимым,
Не нужен им солнечный свет.
На века я останусь
Во тьме этой заледенелой,
На века потеряется мой
Неудачливый след.

Облака плывут...
Облака плывут по небу,
По синему-синему небу...

К концу песни подходят Прончищев, Челюскин, Дамаскин, но стараются сделать это незаметно, чтобы не мешать Ласиниусу. За ними входит Делакура, сделал вид, что расчувствован, неискренне обнимает Ласиниуса. После песни повисает грустная пауза.

Беринг (Ласиниусу). Ну, земляк, нагнал ты нам ипохондрии.

Ласиниус. Виноват, господин командор, не сдержался...

Беринг (обращаясь ко всем). Для хандры подобной причин у нас нынче нет! Корабли готовы, припасы загружены, команды собраны. Для усиления вам гардемарин из якуцких вьюнышей придаю. Шпанберг их за год отменно вымуштровал.

Прончищев (с улыбкой). Правда, ни единый из сих моряков моря в глаза не видавал...

Ласиниус. На корабли по трапу до сих пор с опаской входят.

Челюскин (тоже улыбаясь). А заместо мачт на деревьях учились, сказывают, все как есть облазили.

Прончищев. Не гардемарини, а чисто белки!

Беринг. А где им было учиться, пока корабли строились?! Хоть бы и на деревьях!.. Ничего, обвыкнутся. Зато языки и нравы местные знают. Пригодятся при случае... *(Обращаясь к Ласиниусу)* А ты, любезнейший земляк, гони тоску в три шея!..

Ласиниус. Так точно, господин командор!

Беринг. А чтоб способнее было раны целить душевные, забирай к себе Дамаскина.

Дамаскин. Как изволите, командор, послушание превыше молитвы...

Шпанберг (энергично врываясь в комнату). Приношу извинений, господин командор, мой опозданий! Этот ленивый русский мужик требует контроль и контроль! Что за дикий страна!..

Беринг. Проходи, Мартын Петрович, не бранись, охолопись, попей вон кваску брусничного... *(Ласиниусу, продолжая).* Путь у тебя, Петр, долгий будет *(показывает на карте)* — от Лены на ост до самой Колымы, а коли фортуна пожалует, то и до Америки. Дай Бог, там с тобой и свидимся. Я к Америке из Охотска будущим летом пойду. Мартын Петрович недели через две в Охотск переберется, два корабля для нас с Алексеем Чириковым заложит. *(Поворачивается к Прончищеву.)* А ты, Василий, как и говорили, из Лены в Енисей путь держать будешь. Там с Дмитрием Овцыным встретишься, если Бог даст. Сколь далеко придется на норд пробиваться, где лежит самая северная пядь Отечества нашего — никому не ведомо. Посему и даю тебе Челюскина, штурмана нашего лучшего. А в подштурманы гардемарина Попова забирай. Он родом с Оленека, где тебе на зимовку вставать, людей тамошних ведаст... *(Поворачиваясь к Миллеру).* Ну, а по научной части господин Миллер, полагаю, вас в свои кондиции посвятил...

Миллер. Посвятил, посвятил...

Делакруа (ехидно подхватывая). ...насколь служилые флота в науках естественных способны...

Прончищев. Да уж сообразим как-нибудь, при надобности.

Беринг. Итак, головы не теряйте, но и помните, что завещание Петра-батюшки и указ Анны Иоанновны исполнить мы должны пренебреженно! Помните, «Начатое должно быть свершено!» Отходить завтра от пристани при полном параде и пальбе пушечной троекратной! У меня все, с Богом! (*Замечая, что Прончищев и Челюскин мнутя на месте.*) Ну, что еще у вас? Выкладывайте!

Прончищев. Господин командор, я... Мы...

Челюскин. О Марии мы...

Беринг (не понимая). Что, о Марии?

Прончищев. Разрешите взять ее на корабль... Матросом...

Челюскин. Разрешите, господин командор...

Беринг (Прончищеву). А уставы морские тебе, лейтенант, ведомы?!

Прончищев. Ведомы...

Беринг. Нашел матроса! На военный корабль, в поход жену с собой взять! Ты в своем уме? А коли в Адмиралтействе прослышат?! Думаешь, по головке погладят?!

Шпанберг (недоуменно, а потом взрываясь). Шенцин на корабль?.. Каспадин, лейтенант, никак нельзя... Шенцин на корабль есть большой беда!.. О, майн гот! О, дикий Россия!.. Касподин командор!.. Никак нельзя!..

Беринг. А он прав, баба на корабле — плохая примета...

Челюскин. Не баба, а дворянка, супруга командирова...

Беринг. А ты-то что ратуешь, она тебе тоже там нужна?

Челюскин. Она всем нужна. Она в команде... каждому... заместо солнышка... Она...

Миллер. Как человек взглядов передовых, я бы поддержал, но... Стужа, грязь, матросня вокруг грубая...Нет, сие не по мне...

Ласиниус. Витус Иванович, уж позвольте им...

Дамаскин. Господь милостивый, простит сей грех...

Звучит музыка дуэта Прончищева и Челюскина, они поют, просительно глядя на Беринга.

Прончищев:

Звездной короной увенчана,
Вышита светом в окне —
Самая лучшая женщина
Богом подарена мне.
Самая-самая милая,
Ставшая верной женой,
Знаю, до самой могилы я
С нею пройду лишь одной.

Челюскин:

Самая лучшая женщина, —
Я подтвержу без прикрас.
Пусть она с другом повенчана,
Но как сестра и для нас.
В самых лихих испытаниях
Станет душою для всех,
Наши разделит дерзания,
Наши печали и смех.

Поют оба:

Самая светлая женщина
Будет над нами сиять.

Самую лучшую женщину
Мы не должны потерять!

Беринг (дослушав песню и неожиданно взрываясь). Нет! Нет! И чтоб более не слышал! Всем — шагом арш!

Оставшись один, Беринг не может успокоиться и начинает нервно ходить по комнате, повторяя раз за разом: «Придумали!.. Бабу на корабль!..» Отворяется дверь и потихоньку входит Мария, опустив голову.

Беринг (зло). Что, проситься пришла?

Мария. Пришла...

Беринг. Ты хоть понимаешь, куда ты просишься?

Мария. Понимаю...

Беринг. А тебе не передали, что я сказал твоим просителям?!

Мария. Передали...

Беринг. Разжалобить хочешь?

Мария. Сон хочу рассказать...

Беринг (с некоторым любопытством). Какой такой сон?

Мария. Привиделось мне, будто бы Василий с Семеном и с Петром Ласиниусом, и с Димочкой Овцыным во льды великие заморожены. Живые, а выйти изо льда не могут...

Беринг. И даже солнце июльское растопить сии льды не в силах!

Мария. Не в силах... А вам-то откуда ведомо?!.

Беринг (показывая на небо). Оттуда... Да рассказывай, рассказывай!..

Мария. И тогда спустилась с небес в сиянии великом Святая Мария Магдалина и молвила мне: «Аки я была спутницей Господа нашего Иисуса Христа, так и ты будь им спутницей, будь их Марией и растопи душой своей льды те великие...» И стали те льды таять помалу...

Беринг (неожиданно взрываясь). Нет! Сказал нет, и точка! И нечего мне тут сказки сочинять!.. Кру-у-гом! Шагом арш!

Мария со слезами выбегает на улицу. Беринг опять начинает мерить комнату шагами. Через какое-то время хватает колокольчик и звонит, вызывая одного из гардемаринов.

Беринг. Позвать лейтенанта Прончищева! Срочно!

Гардемарин. Так точно! *(Убегает).*

Прончищев (входя). Явился по вашему приказанию, господин командор!

Беринг (зло). Значится, раз сам не упросил, так ее ко мне прислал!

Прончищев. Никак нет, господин командор! Не посылал! Правы вы, нельзя против устава...

Беринг. Наконец-то дошло!

Прончищев. Так точно!

Беринг. Так вот, господин лейтенант, слушай мою команду...

Внезапно Беринг затихает и прислушивается. Звучит музыкальная тема Делакура и на ее фоне слова доноса.

Делакура. 30 июня 1735 года. Верный слуга Ваш, нижайше спешу донести Вашему Императорскому Величеству, что командор Беринг по лености своей и неспособности отправил ноне корабли в поход с промедлением и в ущерб мореплаванию российскому. А еще распорядился супротив уставу взять на корабль особу женска полу Марию — жену командира их Прончищева...

Беринг (тряся головой). Почудилось. Почудилось, будто глас чей-то недобрый... *(Махнув рукой.)* Да ладно! Время — в поход!

Начинает звучать музыкальная тема «Время в поход». Все поднимаются на корабли.

Прончищев. Всем наверх! Паруса ставить!

Ласиниус. Паруса к постановке изготовить! Марсовые к вантам!

Прончищев. Поднять паруса! Поднять флаг! На румпеле к повороту готовься!

Ласиниус. Поднять паруса! Право на борт!

Беринг. С Богом! Виват российскому флоту! Семь футов под килем!

Команды кораблей. Виват! Виват! Виват!

Корабли поднимают паруса и уходят под пушечный салют вниз по реке Лене. Беринг, его Анна, недовольный Шпанберг и осчастливленные столь необычным событием жители Якутска машут им вслед. Звучит песня.

Время зовет в поход,
Время трубит отход.
Манит звездой восход,
Пенится небосвод.
Парус, звеня, поет,
Рвется корабль вперед.
Славен петровский флот,
Как на Руси повелось!

Время нам поставить грот,
По волнам пойти вперед,
Время, друзья, распахнуть необъятную даль.
Знаем мы: нелегок путь,
Но назад не повернуть,
Время нас зовет в поход, как повелел государь!

Плещет в лицо вода,
Смотрит в глаза беда.
Море в сиянье льда,
Ярятся холода.
Только горит всегда,
В небе для нас звезда,
Русских надежд звезда,
Как на Руси повелось!

Пусть борта сжимают льды,
Пусть дымчат от стужи рты,
Только, друзья, наша вера сильнее стихий.
Свой приказ исполним мы
Не страшась ни льдов, ни тьмы,
Имена, друзья, свои мы начертаем на карте России.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

Дубель-шлюп «Якуцк», чуть обогнав бот «Иркуцк», подходит все ближе к устью Лены. На мостике корабля — Семен Челюскин, рядом с ним — гардемарин Попов. Тут же стоит и Мария. Василий Прончищев отдыхает в командирской каюте после вахты.

Мария (вглядываясь в берег). Ой, Сенечка, никак сохатый бежит!

Челюскин. Он самый.

Попов. В местах сих, сказывают, их тьма...

Мария. А намедни медведя видала. Вывалил к берегу, здоровенный, черный, зыркнул — аж мурашки по спине. Забоялась прямь...

Челюскин. Ну, на корабле да с нашим воинством бояться тебе нечего... Нам бы мели миновать, да с течью в трюме управиться...

Мария. Ничего, Сенечка, все сладится... *(Неожиданно, всплескивая в ладони и показывая куда-то вперед).* Ой, смотрите! Смотрите!

Челюскин (глядя по курсу и ничего не понимая). Что?.. Где?

Попов (тоже не может понять). Где?

Мария. Да не на реке, а в небе! Вон там, там! Птицы! Да какие прекрасные!..

Челюскин. Журавли будто бы, но почему-то белые?..

Мария. В жизни таких не видывала!

Попов. Это стерхи, белые журавли. Редкие очень птицы. Я их тоже лишь единожды видал, в детстве, в тундре северной.

Поравнявшись с кораблем, стая белоснежных журавлей-стерхов начинает кружиться над «Якуцком», будто приветствуя его и прощаясь одновременно. Мария поет композицию «Стерхи».

Ты посмотри, какие птицы,
Птицы, птицы.
Ты посмотри, какие птицы
В небе летят.
Нельзя, мой милый, не влюбиться
В чудо-птицу.
С ней нельзя не возвратиться,
С ней нельзя не возвратиться
Назад.

Вы поглядите на них:
Ну что за чудо, что за прелесть!
Вы поглядите на них,
На этих крыл волшебный шелест.
Какие птицы,
Как будто ангелы по небу,
Как будто светлые по небу
В Россию летят!

Челюскин. Красивые птицы...

Попов (Челюскину). У нас, якутов, считается, господин штурман, что увидеть стерхов, а особливо их танец, доводится только самым счастливых людям. Хороший знак небеса подали...

Мария. Дай Бог, они и нам счастья принесут!

Но один из стерхов, разрушая идиллию, вдруг пикирует к кораблю и начинает кружиться и кричать по-особому тревожно.

Челюскин (глядя на стерха). Чем же мы его так встревожили? Никак парусов наших испугался?..

Мария. Да нет... Будто сказать чего хочет, предупредить...

Попов. Говорят, удаганки самые красивые в стерхов обращаются. Дабы помочь кому...

Мария (Челюскину, полушутя). Уж не твоя ли кудесница Куо нас остерегает?...

Челюскин (смущаясь). Скажешь тоже... Какая она моя!.. Ну, увидела птица чудище экое под парусами-крыльями да и встревожилась за стаю свою...

В это время под мостик выскакивает несколько пьяных матросов с топорами в руках, главный из них — Зверев. Матросы начинают зло, с руганью рубить днище корабля и такелаж.

Мария (испуганно). Ой, Семен, Сенечка! Василий!..

Зверев. Так его, так! Шпангоут руби! Не уйдет, стерва!

Матросы. Круши его! В щепки кроши! Бей, братовья! Один конец! Бей! Круши!

Челюскин (оценив ситуацию, кричит Попову). Брасопь парус! Бросай якорь! (Марии). Держи штурвал!

Иван Попов бросается к мачте спешно убирать парус, через какое-то время гремит уходящая в воду якорная цепь. Сам Челюскин хватает два пистолета и бежит вниз, но, опережая его, к пьяным матросам уже бегут Прончищев со шпагой в руках, Зырянов и еще несколько матросов с веслами и баграми. Зверев замахивается на Прончищева топором, но тот ранит его шпагой в руку, топор падает на палубу. Подбежавший Челюскин наставляет пистолеты на бунтарей. Остановив корабль и забежав в оружейную камеру за парой фузей, к командирам присоединяется Попов. Одну из фузей он передает Зырянову. Потрясенная Мария смотрит за всеми ними с мостика, продолжая инстинктивно сжимать штурвал.

Челюскин. Стой! Застрелю, псы паршивые!

На мгновение друг против друга застывают две группы озлобленных людей.

Прончищев. Брось топоры!

Пьяные матросы нехотя подчиняются. Сразу не сдается лишь один Зверев, хотя он и ранен, по правой руке его течет кровь, а к шее приставлена шпага Прончищева.

Зверев (Челюскину). Че не стреляешь, штурман?! Стреляй! (Прончищеву) Или ты коли, один хрен через твою бабу всем погибель! Лучше уж разом сдохнуть!

Прончищев. Да я тебя, стервеца!..

Зверев. Вона, «Иркуцку» — хоть бы што! А мы уж три раз на мель напоролися, о скалу Аграфенину едва не разбились! Моря еще и не видать, а уже полон трюм воды! Успевай откачивай день и ночь! А все через бабу твою, гори она огнем! Ведьма проклятая!

Прончищев. Да я тебя за сии слова не просто заколю — на мачте повешу!

Зверев. Вешай, не боюсь!

Челюскин. Едва корабль не сгубили, сволочи!

Бунтовщики (уже не столь агрессивно). Все едино — погибель...

Зырянов (бунтовщикам, из-за спины Челюскина). Потопли бы через их все... Душегубы...

Зверев. Кому подпеваешь...

Прончищев. Молчать!

Челюскин (Звереву). И кто тебя таким уродил! Не зря Зверевым прозываешься...

Зырянов. Вот и скинуть его к зверью на берег... На командира руку поднял...

Прончищев (успокаиваясь, опустив шпагу). Вахте — по местам. Попову к штурвалу. Якорь поднять. Поставить парус. Курс прежний. (Выдержав паузу) Зырянов, Степанов, Слепцов!

Матросы (откликаясь один за другим). Я, я, я!

Прончищев. Бунтовщиков — под караул в кормовой трюм!

Зырянов. Есть! (Выполняя с другими матросами приказ, уводит под фузеями бунтовщиков).

Все расходятся, остаются Прончищев, Челюскин и подошедшая к ним Мария, которая уступила штурвал Попову.

Прончищев. Что делать будем? Один выход — ссадить на берег. Хотя бы главных зачинщиков... Не вешать же их...

Челюскин. Да, оставишь на корабле — смуту станут сеять... Только далее на берегу-то никакого жилья уже не будет... До Якуцка отсель верст девятьсот, до села ближнего при реке — верст четыреста...

Прончищев. Вот пусть и идут в Якуцк по берегу...

Челюскин. Вряд ли дойдут... Тем паче, зима на носу... *(Вздыхнув)* А ведь люди все же, через всю Россию с нами бок о бок прошли... И как сдурели разом... Жалко...

Прончищев. А коли бы корабль погубили!.. А коли бы меня али тебя топором!.. Не жалко?! Ничего, жить захотят — дойдут...

Мария (осторожно вступая в разговор). Вася... Да ведь на берегу же погибель им верная — зверье, болота... Хоть и бунтари...

Прончищев (не сдержавшись). А ты, Мария, не в свои дела не лезь!.. И так из-за тебя вся каша заварилась...

Мария. Спасибо на добром слове... *(Поворачивается и уходит).*

Челюскин (Прончищеву). Зачем ты ее так, Василий...

Прончищев. Не хотел, сорвалось... А ссадить их таки придется... Другого выхода нет...

Челюскин. Ну, смотри, ты командир, тебе и решать...

Прончищев (командует). Бунтовщиков — ко мне! *(Винных выводят на палубу под ружьем).* Слушай приказ! За учинение бунта, за порчу корабля, неистовые и нерегулярные слова матросов Степана Зверева, Семена Кривина, Луку Зайцева, Фому Оглоблина списать на берег, дабы они своим ходом шли до Якуцка, где явились с рапортом к командору Берингу!.. Ясно?

Бунтовщики (сломлено). Ясно, господин лейтенант.

Зверев (угрюмо). Может, хоть фузею дашь, командир? Али на прямую погибель шлешь?

Прончищев. Фузею одну получишь. И припас огневой получишь. *(Командует)* Боцману — выдать фузею, порох и одежду зимнюю. Вахта! Вельбот — на воду!

Протрезвевшие бунтовщики понуро топчутся на месте, ожидая посадки в лодку. В этот момент выходит Мария. Она в походной одежде, держит в руке сундучок.

Прончищев. А сей машкерад что значит?! Ты куда собралась?!

Мария. На берег. Коли из-за меня все случилось, мне с ними и отвечать...

Челюскин. Ты что, голубушка!..

Прончищев. Ты это брось! Мы тут не в игрушки играем!

Мария. А ты на меня не кричи! Я не твой матрос, я столбовая дворянка!

Челюскин (Марии). Успокойся, голубушка, успокойся...

Прончищев. Взял на свою голову... Прав был Беринг...

Мария. А коли так — тем паче... *(Направляется к вельботу).*

Челюскин (пытаясь ее задержать). Постой, постой, ты куда?! Василий... охоло- нись!.. Да вы что, опомнитесь...

Прончищев (матросам, зло). Чего глаза-то лупите?! Черт бы вас всех побрал!.. *(Сделав над собою усилие).* Отставить приказ! Поднять вельбот! Бунтовщиков в трюм на хлеб и воду!.. Выпороть бы всех хорошенько, да руки марасть не хочется!..

Бунтовщики (радостно, кроме Зверева). Есть в трюм на хлеб и воду!

Зверев (в сторону). Благодетельница сыскалась... *(Замолкает, получив тычок в бок от своих друзей).*

Матросов уводят, Мария, плача, возвращается в каюту.

Прончищев (Челюскину). Случаю сему, Семен, в журнале описания не давай. Не ровен час, дойдет до Петербурга...

Челюскин. Ясное дело...

Но едва они произносят последние слова, как раздаются звуки музыкальной темы Делакруа. Он вдохновенно пишет донос, повторяя его вслух.

Делакруа. «Сим посланием тороплюсь известить Вас, Ваше Превосходительство господин герцог, что 3 августа сего 1735 года на корабле «Якуцк» приключился бунт нижних чинов...»

И тут же начинает звучать музыкальная тема «Дворец — танец шутов», действие переносится в покои Анны Иоанновны, где она сидит рядышком с Бироном. Большая любительница сплетен и пикантных новостей, императрица получает от подобных писем истинное удовольствие, это не скучные документы и указы.

Анна Иоанновна (Бирону). Читай, читай далее!..

Бирон (читает донос). «Причиной сему бунту стала взятая на корабль противу уставу и воли озлобившихся нижних чинов жена командира их Прончищева. Бунт сей за малым не кончился гибелью корабля Ея Императорского Величества и отряда всего. А виновен в том Беринг и Прончищев, и Челюскин с ними, кои требуют наказания примерного...»

Анна Иоанновна. Ну, девка, учудила! Бой-баба, видать, коли на устав наплевала да не испужалась с полусотней мужиков в море студеное махнуть! И палит из ружья, поди, отменно... Ты вот что, Ернест, как сия затейница из Сибири вернется, сей же час ее ко мне призови. Коли говорливой да веселой окажется — пожалуй в шутихи, пусть потешные бунты с моими шутами устраивает, а коли не приглянется — сошлю в монастырь.

Бирон. А с Берингом что делать станем?

Анна Иоанновна (поднимаясь и направляясь к выходу). Да ты уж сам реши, приготовь указец. Не до Беринга мне теперя, завтра на куртаге машкерад назначен, а я все никак наряд не выберу...

Картина седьмая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, читает первую страницу морского вахтенный журнала корабля «Якуцк», а затем свои стихи.

Поэт. «Журнал морской дубель-шлюпа «Якуцк»... Запись первая. «8 августа 1735 года. Увидели в четыре часа пополудни бот «Иркуцк» лейтенанта Ласиниуса за мысом в последний раз. Распустили фок и пошли в путь свой морем...»

Разлучились они:
На восток устремился датчанин,
А Василий с Семеном
На запад свой шлюп повели.
После рек и дорог,
Наконец-то, их всех закачали
Океанские волны.
И вновь паруса понесли
Белоснежными
Крыльями...

На вахтенном мостике стоит за штурвалом Семен Челюскин, возле него — Иван Попов, который явно не в восторге от первых миль плавания по океану.

Челюскин (довольный тем, что наконец-то вырвался в море). Хо-ро-шо!.. А как тебе, братец, морской поход?

Попов. Страшновато, однако... Берегов нет... И волны такие большие...

Челюскин. Да ты что, разве это волны! Это так себе. А что берегов не видать, так только меньше опасностей. Дальше в море — меньше горя... Как у друзей твоих дела, болезнь морская не свалила?

Попов. Маленько есть... Лежат... Непривычные мы, якуты, однако, к морям-то... Один я держусь...

Челюскин. Молодец, быть тебе первым якутским капитаном. *(Смотрит на побледневшего гардемарина).* Ступай-ка, попей рассолу, либо соленого чего пожуй — помогает. Приучать себя надобно.

Попов. Слушаюсь, господин штурман.

Челюскин (увидев поднимающуюся на мостик Марию). А вот и хозяйшкa к нам пожаловала. Не укачивает, голубушка?

Мария. Нет, Господь от сего недуга миловал, видно знал, что замуж пойду за моряка... Можно, постою тут с тобой немного, воздухом морским подышу, закатом полюбуюсь?..

Челюскин. Конечно. Только рад буду. *(Невольно вздыхает).*

Мария. А что вдруг загрустил, Сенечка?

Челюскин. Да о своем задумался... Не обращай внимания... *(Пытается изобразить невольно утраченное хорошее настроение)* Я вполне доволен и счастлив даже... В море же вышли, наконец!..

Начинает звучать музыкальная тема дуэта Челюскина и Марии. Челюскин поет о своей тайне мысленно, мысленно же, может, уже о чем-то догадываясь, ему отвечает Мария.

Как же такое
Чудо случилось,
Ты предо мною
Вдруг появилась?
Тайны мечтаний
Ты воплотила,
Но только друга
Ты полюбила...
Вдруг покачнулся
Свет этот белый
Что же мне делать,
Что же мне делать?!

Только другу погубить
Не посмею счастье я.
Должен я тебя забыть,
Первая любовь моя.
Как пылает жарко кровь,
Как сжимает сердце боль!
Только ты, моя любовь,
Знать об этом не изволь!

Мария:

Как на закате
Тучи пылают,
Тучи, наверно,
Все понимают.

Тучи все ниже
Небо качают,
Я замечаю,
Как ты печален.
Но перед Богом
Мужья жена я,
И только мужу
Буду верна я.

Я на свете никого,
Как его, не полюблю,
Мне не надо ничего,
Об одном я лишь молю:
Как бы в самый горький час
Нас Господь ни позабыл,
Лишь бы только с милым нас
Никогда не разлучил.

К концу песни на мостик начинает подниматься Василий, останавливается, любясь женой, подходит к ней, ласково прижимает к себе. Следом за ним на мостик потихоньку возвращается гардемарин Попов, становится чуть в сторонке, не мешая командирам.

Прончищев. Что-то, гляжу, вы тут в печали ударились...

Челюскин. Да вот навеяло ветром, матушку вспомнил... Как-то она там теперь?..

Прончищев. Не скоро о том узнаем...

Мария (вздыхнув). Вон лебеди опять полетели, матушкам нашим приветы понесли. Хорошо птицам: пожелали, взмахнули крылами — и на юг, к солнышку, к теплу...

Прончищев. Коли потянули на юг стаи, значит, зима на носу. Как бы не приморозило.

Челюскин. Видно, права была кудесница Куо со своей Венерой...

Попов. Удаганки все наперед знают...

Прончищев. А по мне — так один Господь ведает... *(Повернувшись к Марии).* А ты никак по дому да теплу заскучала?

Мария. Что ты, Васенька! Коли и заскучала, то малость самую. Как же мне с тобой рядом скучать. Ты и тепло мое, и солнышко. *(Приникая к нему)* В разлуке я бы не выжила...

Прончищев (шутливо). А хотела от меня в Якуцк пешком уйти...

Мария. Чтоб не обижал, чтоб любил больше... *(Прижимается к Василию).*

Челюскин (меняя тему разговора). До реки Оленека, думаю, дойти успеем. Пятьдесят миль осталось. А там можно и на зимовку стать. Сейчас бы ветра способного, да посвежее!

Прончищев. Кажись, поднимается ветерок... А я бы и шторму был рад — соскучился по настоящему морю. Да и лед бы волной побило.

Челюскин (азартно). А я тоже, еще с гардемарин, на добром корабле хорошую волну люблю! Наш русский шторм!

Попов (робко). А не страшно, коли девять баллов?..

Прончищев. Штормов бояться — в море не ходить, гардемарин!

На корабль и впрямь наваливаются один за другим несколько мощных шквалов, одновременно начинает звучать «Ода шторму» — эдакий гимн русскому азарту в борьбе со стихией. Вся команда поет и танцует, наплевав на опасность.

Солона от Борея банька,
Волны с ревом летят из тьмы.
Наша корабль — как ванька-встанька.
Устоим вместе с ним и мы.

Нас по жизни не так мотало,
Наше время — сплошной аврал.
Восемь баллов для русских мало,
Где там русский девятый балл?!

От воды ледяной тельняшка
Нелюбимой к груди прильнет,
Но спасет, обогреет фляжка
И назад к парусам вернет.

Пусть синеют от шкотов руки,
Пусть белеет от соли рот,
Но не выдадут в битве други,
Но не лопнет в сраженье грот.

Пусть же маты по-русски реют
Альбатросами в вышине,
Нам по жизни висеть на рее,
Ну а значит, не быть на дне.

Как бы шквалами ни мотало,
Как бы с бурями ни везло,
«Восемь баллов для русских мало!» —
Мы поем всем чертям назло.

Корабль, зарываясь в волны, идет на запад и успеваает пройти в устье реки Оленек до морозов, сковавших Ледовитое море.

Картина восьмая

Звучит музыкальная тема Поэта. Появляется Поэт и читает журнал дубель-шлюпа «Якуцк».

Поэт. Из журнала дубель-шлюпа «Якуцк». «Сего наступившего 1736 генваря, при реке Оленеке, при дубель-шлюпе в караульном доме жили и случаи записывали. Пополночи мороз великий, небо чисто, сияние луны и звезд и были от веста кометы великие и ходили по небу всю ночь...»

Бесхитростная спартанская обстановка избушки-зимовья. Самодельный сколоченный стол, скамейки. Мерцает отблеском огня железная печурка. За окошком полыхает полярное сияние. На столе горит несколько свечей, разложены судовые журналы, недочерченная карта, над которой склонился с пером Семен Челюскин. Напротив сидит Мария, дошивая меховую рукавицу. Начинает звучать музыкальная тема дуэта Челюскина и Марии.

Челюскин (не скрывая удовольствия от своей работы над картой). А ведь мы, голубушка, кое-чего уже свершили. Свершили. Хоть малую толку окраины российской, да все же очертили. Теперь от Лены до Оленека полное описание есть — и фар-

ватера, и берегов, и бухты Оленецкой, и островов Крестьяцких и прочих. Карта-то не хуже английских получается. Скажут потомки нам спасибо, скажут...

Мария. Непременно скажут, Сенечка! И тебе, и Василию, и прочим служивым...

Челюскин. И тебе, голубушка...

Мария. А мне-то за что? За то, что от мужиного мундира даже уставом оторвать не сумели, что заместо балласта на шлюпе была? За то?

Челюскин. Да что ты, какой же ты нам балласт?! Ты же радость наша единственная в снегах и лишениях сих. Поглядишь на тебя — и душа оттаивает. Весь порядок в зимовье на тебе держится — и кухарничаешь, и шьешь... Поди, непросто дворянке в лишениях-то таких, в скудости... Да геройство твое поболее нашего будет...

Мария (смуцено). Да ну тебя, Сенечка, не конфуз. Героиня — щи варить научилась... *(Откладывает шитье, подходит к печурке и мешает варево в котле).*

Челюскин. Да я бы таким, как ты, памятники в столицах ставил... И поставлю, только не в граде Петра, а на окраине российской. Хочешь, прямо сейчас *(склоняется над картой)* сей остров безымянный именем твоим нареку?

Мария. Что ты, Сенечка, не надо! Не пристало по уставу морскому в честь жен капитанских островам имена давать.

Челюскин. Не пристало... А я все одно нареку!..

Распахивается дверь зимовья, входит Василий Прончищев. В избушку врываются всполохи полярного сияния. Василий с мороза, озяб, но выглядит бодро. Проходит к печурке, протягивает к ней руки. Звучит музыкальная тема дуэта Прончищева и Челюскина о Марии «Самая лучшая женщина».

Прончищев. Чего это ты там нарекать собрался? В чью честь?

Челюскин (несколько смуцаясь). Да вот, в честь жены твоей... остров...

Прончищев (весело). Как командир я не против, да утвердит ли Адмиралтейство...

Челюскин. Вот и мы про то вспомнили. А кабы воля моя, да еще крылов за спиной пару, так я бы не только до самой дальней окраины долетел, но и до небес высоких. Отыскал бы там созвездие новое и в твою честь, голубушка, нарек бы!

Мария. Ну, Сенечка, опять меня конфузишь, уж больно щедр ты нынче на подарки... Да только зачем мне на небе созвездие, когда оно на земле у меня есть: Василий, ты, Димушка Овцын, командор наш разлюбезный... Один другого достойнее. Промеж вас я только и свечусь...

Прончищев (Марии). А ноне на небе такие кометы огромные бродят, в жизни не видывал... И сияние...

Мария. Ой, пойду погляжу. *(Торопливо выходит).*

Прончищев (Челюскину). Промеж нами, ей не к чему пока знать. Цынготная болезнь у матросов появилась, десны пухнуть стали, дух падает, речи нерегулярные слышатся. Иван Зверев с дружками опять воду мутит, недовольных вокруг сбивает. Может, плетями его поучить?..

Челюскин. Только озлобится. Уразумить надо, исправить...

Прончищев. Горбатого могила исправит. Ну да ладно, погодим с плетями... Чем с цынгой бороться будем? Беринг говорил, капустой квашеной либо ягодой спастись можно, да где их теперь взять?

Мария возвращается в зимовье. Она не одна — следом входит гардемарин Попов и вносит какой-то мешок, а за ним, неожиданно для Челюскина и Прончищева — Удаган-Куо. Начинает звучать музыкальная тема «Шаманка».

Мария. Гляньте-ка, кого я вам привела! Красавицу снежную!..

Прончищев (от неожиданности). Вот так гостя!

Челюскин (изумленно). Откуда?.. Как?..

Удаган-Куо (лукаво). С неба! На крыльях спустилась! *(Смеется).* Небось, опять

со страху креститься начнешь. Не надо... На оленях я приехала. На обыкновенных оленях. Соскучилась, вот и решила проведать... На тебя, Сенечка, посмотреть... *(Смеется, видя смущение Челюскина)*. Да и родичи мои тут неподалеку кочуют...

Попов. А с нее станется, может и на крыльях прилететь... Помните того стерха?..

Мария. Да неужто той птицей ты была?

Челюскин. Неужель?

Удаган-Куо (загадочно). Может, я, а может, и не я... *(Переводя разговор на другую тему)*. А на небе ноне сияние такое...

Мария, И впрямь сияние необыкновенное! И звезды падают! И кометы, кометы! Настоящий праздник! А тут еще и гости дорогие! *(Челюскину)*. Ну-ка, Семен, убирай свои карты, на стол накрывать буду...

Прончищев (приглашая Удаган-Куо). Проходи, кудесница, проходи, красавица. И ты, гардемарин...

Попов (выставляя мешок). А мы с гостинцем. Вот, рыбу принесли мерзлую. Удаган-Куо привезла. *(Достаёт одну рыбку и показывает Прончищеву)*. Надо ножом строгать и есть.

Мария. Сырую?

Удаган-Куо. Сырую. Только от сырой рыбы сынга-хвороба уходит... О том все наши родичи ведают...

Прончищев. А откуда им-то про цингу знамо?

Попов. Они же испокон веков в тундре живут, ведают, чем от ее напастей спастись...

Челюскин. А мы-то с Василием кумекали, как от цинги спасение искать...

Попов. Вот вам и спасение.

Прончищев. Ну, спасибо за помощь, красавица. Давай к столу. Мария, выдай-ка нам по чарке командирской...

Все садятся за стол. Хозяева сначала едва надкусывают строганину с опаской, а потом, распробовав, наваливаются на необычную еду. Блюдо быстро пустеет.

Мария. А теперь и погадать можно, крещение же ноне... *(Снимает с руки кольцо и хочет опустить его в стакан с водой)*.

Удаган-Куо. А я тоже гадать умею. Только по-своему...

Мария. Это как же?

Удаган-Куо. Как дед научил. Он шибко большой шаман был. Ну, кудесник, по-вашему. И мне кое-чего передал. Как хвори лечить, зверей и птиц слушать, на бубне летать...

Мария (полушутя). Так, может, слетаешь к Димушке Овцыну в Березов, узнаешь, как у него дела?

Удаган-Куо (отвечая вполне серьезно). Можно и слетать... Да только лучше мы на них отсюда посмотрим... Все как есть увидим... *(Выходит за чем-то на улицу)*.

Мария. Неужто и впрямь увидим?

Попов. Удаганки зря словами не бросаются.

Прончищев. Эх, в 18 веке живем, в просвещенном, а в чудеса да гадания все верим. Петр Алексеич еще двадцать лет назад велел сии мистерии запретить...

Челюскин. А перед смертью, сказывают, сам призвал якутских шаманов?

Мария. И что они?

Удаган-Куо (входя в зимовье с бубном в руках). Доехать не успели, а то бы непременно исцелили царя-батюшку.

Мария. А ты откуда знаешь?

Куо. Мой дедушка среди них был. Вот с сим бубном...

Она начинает негромко бить в бубен и что-то напевать. Через какое-то время в зимовье начинается сияние, а потом возникает картина Березова. Зачарованные и

онемевшие от удивления Мария, Прончищев, Челюскин и Попов видят, как счастливый Дмитрий Овцын танцует «Лунный вальс» с Екатериной Долгорукой, которая уже влюблена в него.

Прончищев (приходя в себя после исчезнувшей картины, восхищенно глядя на шаманку). Да ты и впрямь настоящая кудесница!

Мария. Волшебница!..

Челюскин. Вот тебе и просвещенный век!..

Удаган-Куо (скромно потупив взор). Тут моей заслуги нету... Природа...

Прончищев. Ничего себе природа!.. Что ж ты в Якуцке-то об этом не сказывала?!...

Куо. Нельзя об этом всуе говорить, дар потерять можно. Да и не во всякий день он ко мне приходит, не в любом месте. Здесь моя земля, деда моего могила, потому все и получилось...

Прончищев. А Дмитрий, знать, прошел из Оби в Енисей! Прошел!

Челюскин. Но перед Екатериной не устоял, влюбился...

Мария. Ах, Дима-Димушка, голова отчаянная!..

Прончищев. Главное, жив-здоров и приказ выполнил! Молодец! Давай за него по чарке!

Куо. Только рядом с ним человек какой-то в черном... Худой шибко человек...

Прончищев. Ничего, Бог не выдаст — свинья не съест! За успех лейтенанта Овцына и фортуны всей экспедиции нашей!

Челюскин. За батюшку Петра Великого и замыслы его великие!

Начинает звучать музыкальная тема Поэта. В зимовье продолжается негромкий пир, в отдалении танцуют и о чем-то влюблено воркуют Дмитрий Овцын и Екатерина Долгорукая. Появляется Поэт и начинает читать свои стихи.

Поэт.

Впрямь, не выстоит Овцын
И влюбится в Екатерину,
И к опальным князьям,
Безо всяких причин зачастит...
Защитит Ее честь...
Но, как камень невидимый в спину,
На него в Петербург
От мерзавца донос полетит.

Самым первым из всех
Он исполнит Петрово задание
Из Оби в Енисей
Свой корабль проведет среди льдов.
И вернется в Березов.
И к Ней поспешит на свиданье.
И закружатся в танце
Удача его и любовь!
Он дела довершит,
Он составит все карты, как надо,
И помчится в столицу,
Победой своей окрылен...
Но еще до столицы
Настигнет героя «награда»:
Будет он арестован.
И пытан.
И порот кнутом...

Звучит реквием. Прекрасное видение Овцына и Екатерины исчезают, вместо них возникает пыточная камера с Овцыным на дыбе и рыдающая Екатерина, которую насильно постригают в монахини, обрезая ее прекрасные волосы. Но сидящие в зимовье этого не видят, продолжая радоваться за Овцына и вновь обращаться к удаганке. Начинает звучать тема Ласиниуса.

Челюскин. А у Петра Ласиниуса как дела? Как и где «Иркуцк» его зимует?

Удаган-Куо (делая свои шаманские насы). Поглядим сейчас...

Прончищев. «Иркуцк»-то, наверное, далече на ост забрался, все-таки теплу на встречу шел...

Челюскин (подхватывая). Уж точно, подальше от Лены, чем мы, ушел...

Появляется Поэт и начинает читать стихи, как бы отвечая на предположения Прончищева и Челюскина и озвучивая видение шаманки. А видение это ужасно. В зимовье вповалку лежат сваленные цингой люди. В воздухе витает смерть. Иеромонах Дамаскин, который сам едва держится на ногах, соборует умирающего лейтенанта.

Поэт.

Он уйдет недалече,
Туманом тяжелым накрытый.
И «за снегом великим
И ветром противным» замрет.
И у малой речушки,
Судьбою и Богом забытый,
Вмерзнет накрепко грудью
В зеленый безжалостный лед.

И поникнет датчанин,
Цингою свирепой скорежен,
И священник Дамаскин
Отпустит ему это грех.
И поднимется крест
Из пропитанных солью валежин
И, как черная птица,
Крылами обхватит их всех...

Челюскин. Ну, как там Петр?

Мария. Как Дамаскин?

Удаган-Куо (не решаясь стать черным вестником и сказать всю правду). Помощь им нужна! И поскорее!

Прончищев. Завтра же утром отправлю! А что с ними?.. Где они?

Удаган-Куо (быстро поднимаясь и выходя). В Хараулахе они. Недалеко от Лены. Плохи их дела...

Все встревожено поднимаются и глядят вслед неожиданно ушедшей шаманке и побежавшему за ней следом гардемарину.

Картина девятая

Дом Беринга в Якутске. Анна, довольно пересчитывая, укладывает в сундук собольные шкуры.

Анна. Радость моя, собольки мои отборные!.. Тут-то они по рублю стоят, а в Питере каждый рублев за двадцать, а то и боле уйдет! Только поскорей бы отсюда вырваться. Поскорей бы экспедиция закончилась...

В комнату входит Беринг, он в хорошем настроении в предвкушении обеда. Обнимает жену, целует в щечку.

Беринг. Опять соболей своих пересчитываешь. Который сундук уже набила...

Анна. Всего-то третий! У других поболее будет... *(Видя, что муж в хорошем расположении духа, пытается этим воспользоваться.)* А можно я, Витуся, из казны экспедиционной сто рублей возьму. На меха, пока цены держатся...

Беринг. Да ты что, это ж государевы деньги! А вдруг проверка...

Анна. Но мы ж вернем. Пришлют тебе жалованье — и вернем. Ну, Витуся!.. Позволь...

Беринг. Ладно, бери, но только назад потом вложи!

Анна (довольно). Непременно, Витуся... *(Целует его.)* Сейчас обед подам, пиво твое любимое поспело...

Беринг. Пиво — это хорошо!

Анна. А ты что-то нынче прямо светишься, али вести какие хорошие?

Беринг. Да вот солнце выглянуло, звать, зиму пережили. Обоз из Тобольска с провиантом и парусиной пришел... Хотя... *(Грустнеет.)* С утра было предчувствие какое-то нехорошее... Родные края вдруг вспомнил дацкие... Доведется ли когда их узреть...

Начинает звучать музыкальная тема Беринга.

Анна. Ничего, все образуется... Свершишь свою экспедицию, вернемся в Питер. А там и до дацких вотчин недалеко... Тогда-то собольки мои и сгодятся...

Беринг. Дай-то Бог...

Анна. А с обоза посыльный уже приходил, два пакета тебе принес с царскими указами. Вон лежат...

Беринг. До обеда читать нонишные царские указы — только аппетит себе портить. Да ладно уж, гляну *(берет пакеты)*. А ты носи пиво-то...

Анна (опять о своем). К купцу Семенову сегодня за сахаром ходила — чистый грабеж. В Петербурге за пуд семь рублей берут, а тут за полпуда десять содрал. Хоть бы жалованье тебе прибавили...

Беринг. Да не за жалование мы тут служим, а пользы Отечества для.

Анна. Кабы Отечество так о тебе пеклось, как ты о ем...

Беринг (начиная читать указ и вдруг резко вскакивая со стула). Ну и дура! Отменная дура! Вот что стоит глупую бабу на престол посадить! *(Читает вслух замершей на месте Анне.)* «Понеже Витус Беринг в Якуцке второй год живет токмо корысти своей для и за дело примерно не радеет, и уставы флотские не блюдет, повелеваю отныне платить сему Берингу жалование одинарное, а отнюдь не двойное...» Отблагодарила! Пожаловала за все труды, за все лишения!..

Анна. А ты говоришь «Отечество»!..

Беринг. «Корысти своей для»!.. Да неужто она мозгами куриными не дойдет, сколь непросто дела здесь вершить! Обозы по году идут! На голом месте верфи закладываем, корабли строим, гардемаринов из якутов учим, завод железный открыли... Дура венценосная!

Анна. Поттише, Витуся, как бы не услышал кто...

Беринг. А мне наплевать! *(Открывает второй пакет, читает, бессильно опускается на стул.)* А тут еще чище! *(Читает вслух.)* «По розыску Тайных дел канцелярии, лейтенанта Дмитрия Овцына, якшавшегося со ссыльными преступниками Долгорукими и внимавшему речам поносным о Государыне, после бития кнутом 40 ударами сослать в Охоцк матросом без выслуги...» Что творится! Что творится! Человек подвиг совершил, а его — под кнут!.. Ну не дура ли?! Шлюха Биронова!

Раздается стук в дверь, Беринг испуганно замолкает и настороженно оглядывается по сторонам. Анна тревожно крестится. Но входит Миллер. Он тоже чем-то взволнован и не замечает состояния Беринга и его жены.

Миллер (потрясая каким-то старым свитком). Что я сыскал, господин командор! Что я сыскал!

Беринг (мрачно). Ну, давай, добивай...

Миллер. На восемьдесят лет нас ранее! На восемьдесят лет!

Беринг. Чего «на восемьдесят»?

Миллер. Вот! Отписка казака Семейки Дежнева. Он с Колымы за Андыр-реку почти век назад морем прошел!

Беринг. За Анадыр-реку!.. Стало быть, проплыл проливом меж Азией и Америкой! А мы который год толкуем, есть ли сей пролив... Да, обошел нас Семейка...

Миллер. По всем статьям обошел!.. Чего теперь с отпиской сей делать?.. Али утаить до времени?..

Беринг стискивает голову в раздумье. Только теперь Миллер замечает царские указы, торопливо берет их, начинает читать. Звучит музыкальная тема Делакруа, он старательно пишет донос, повторяя свой пасквиль вслух.

Делакруа. «...и по чванливости своей и гордыне тот Беринг отписок мореходов старых в архиве якуцком не читал и по незнанию али во вред отправил Ласиниуса в Америку не с Колымы-реки, а дальним путем с Лены, погубив иво. И вина в том Беринга великая...»

Картина десятая

Звучит музыкальная тема «Время идти в поход», появляется Поэт, читает записку из журнала дубель-шлюпа «Якуцк», а затем свои стихи.

Поэт. Из журнала дубель-шлюпа «Якуцк»: «Августа третьего дня 1736 года. Журнал морской. Следуем от реки Оленека к весту ширины северной 72 градуса 54 минуты и длины 34 градуса 55 минут. В море стоит еще лед... В девятом часу усмотрели довольно число островов. Сколь чудно видеть берега незнакомые. Видно, что не ступала здесь нога человека. Ходячих медведей белых многое число. Моржи да тюлени на берег выходят и не боятся. Яко скотина какая домашняя...»

Наконец-то открылось
Пред ними студеное море.
Закачали «Якуцк»
Белопенные ночи и дни.
Вновь Семен и Василий
Встречают под парусом зори,
И невиданный берег
Наносят на карту они.

Проплывают вдали
Безымянные доли и горы,
Растворяет туман
Острова, что лежат вдалеке.
Только где он, тот Мыс,
Самый Северный Мыс,
За которым,
Их корабль на юг
Повернет к Енисею-реке?!.

На капитанском мостке дубель-шлюпа стоит у штурвала Прончицев, рядом — Челюскин с судовым журналом и треногой с квадрантом (старинным астрономиче-

ским прибором для определения координат). Челюскин отрывается от прибора и записывает координаты в судовую журнал. Возле Челюскина — подштурман Попов, который учится у опытного штурмана.

Прончищев (отдавая команду). Распустить фок, вторая смена — на весла. (Челюскину). Поспешать надо, опять льды ветром гонит.

Челюскин. А берег все на норд тянет...

Попов. На норд...

На мостик поднимается Дамаскин, который еще не вполне поправился после трагедии в лагере Ласиниуса.

Прончищев. Что, подышать воздухом поднялся, святой отец? Как, сил-то прибывает?

Дамаскин. Божьей милостью помалу. Оправлюсь, должно, вскорости...

Челюскин. Да, в рубашке ты на свет появился...

Дамаскин. Слава Богу, посыльные ваши подоспели. А то бы и мне конец пришел, как Ласиниусу и прочим служивым, царствие им небесное... Тридцать семь душ отпел в скорби великой... (Крестится)

Прончищев. Удаганке нашей молитву твори, кабы не она...

Дамаскин. Да творил уж не раз, хоть и грешно за кудесницу молить.

Челюскин. Грешно али нет, но, почитай, второй раз родился, так что теперь погибели на тебя век не сыщется.

Дамаскин. Дай-то Бог... (С опаской). Только, гляжу, больно уж далеко мы во льды зашли... А льды-то, никак, сжимаются... Суметь бы повернуть потом, коли что...

Прончищев. Повернуть всегда сумеем, не велика доблесть.

Дамаскин. Но и как «Иркутск» сгинуть... Не приведи Господь...

Челюскин. Опасения сии, святой отец, из уст твоих понятны...

Дамаскин. В опасениях — предостережение Господне...

Прончищев. Господь господом, а приказ приказом. И долг перед Отечеством... А ты бы ненароком не застудился, святой отец после болезни-то...

Дамаскин. Сие верно... Пойду к себе... (Уходит с мостика).

Прончищев (Челюскину, о Дамаскине). Пуганая ворона куста боится...

Челюскин. А ведь монах наш как в воду глядел: льды сжимаются и приморозило. Слышь, паруса-то звенят, застыли...

Попов. И туман от воды... Такой туман — к худому. И чайки все исчезли. Похолодает вскорости.

Прончищев. Ведаю. Но фортуна пытаться можно. До последнего будем биться, как Государь Петр учил... И где же сей Самый Северный Мыс лежит? Не должен же Таймыр бесконечно в море Ледовитое уходить?..

Челюскин. Не должен! Все одно повернет к зюйду.

Попов. Старики наши сказывали, мол, поворачивает, но далече. А сколь далече — меры не ведают...

На мостик выходит Мария, она несет в руках только что связанный теплый шарф. Подходит к Василию, обматывает шарфом его шею.

Мария. Вот, так теплее будет. А то стоишь на ветру целыми днями...

Василий (обнимая одной рукой Марию, не выпуская штурвал). Спасибо, милая, спасибо, моя мастерица! (Полушутливо.) Теперь любая стужа нипочем! (Целует Марию.)

Мария (оборачиваясь к Челюскину, потупившему взгляд). А теперь тебе, Сенечка, вязать стану. Ты ить у меня, после Васеньки, первый дружок... Тебе с двумя полосками вязать али с одной?..

Челюскин (грустно). С одной, Машенька... С одной-единственной...

Мария. А что ты, Сенечка, так грустен? Али нездоровится?

Челюскин. Да нет, здоров я, Машенька... так... вспомнилось...

Мария. А ты не вспоминай грустного...

Челюскин. Постараюсь... (*Обращается к Василию.*) Ты, поди, отдохни хоть немного, всю же ночь за штурвалом простоял...

Прончищев. Ладно, пойду, вздремну малость. А гардемарина Попова тебе в подмогу оставляю. Только начеку будь. Если что — зови. Туман-то и впрямь на глазах сильнее становится.

Мария. А я к гребцам спущусь, приободрю их чуток.

Прончищев. Умница моя.

Мария (на прощание Челюскину, шутливо). Носа не вешать, штурман! Так держать!

Челюскин (пытаясь ей в тон). Есть, господин командор!..

Прончищев и Мария уходят, Челюскин остается на мостике, рядом стоит Попов, который с тревогой всматривается в узкую полоску воды между льдами. Звучит музыкальная тема «Туман», Челюскин поет.

Снова мглою покрыт океан,
И пути наши снова неведомы.
И качается серый туман
Над студенными льдами и бедами.

Но сумею я выиграть вновь,
Я пройду эту даль нелюдимую,
Потому что со мною любовь,
Потому что я рядом с любимой.

Я в холодном тумане плыву,
И на чудо я смею надеяться:
Я люблю, ну а значит — живу.
Я живу — и туманы развеется.

Я любовью все льды растоплю,
Я растаю всю мглу эту серую:
Я живу, ну а значит — люблю.
Я люблю — и в удачу я верую.

Корабль продолжает двигаться на север, звенят паруса, бьются в борта льдины, весла ударяют по воде. На этом фоне идет разговор Марии с матросами, сидящими за веслами.

Мария. Ну как, братцы, не притомились?

Матросы. Не притомились, хозяйюшка. Дело привычное. (*Шутят.*) Знай себе помахивай веселушком, будто перышком. Вон Иван-то Зверев свое весло, почитай, в дугу согнул — так усердствует! (*Матросы смеются, Мария — тоже.*)

Зверев (угрюмо). Че зубы-то скалите! Незнамо еще куда гребете! Как жамкнут льды!..

Зырянов. Не каркай, ворон! (*Марии.*) А ты не слушай его, хозяйюшка, Зверев — он и есть зверь... Ты хозяйюшка, спой нам чего, polegшее будет...

Мария. Ну, коли просите...

Мария начинает петь, поднимаясь на мостик. Она подходит к Челюскину, который отрывается от квадранта и обращается к Марии и Попову.

Челюскин. Семьдесят семь градусов, двадцать девять минут. Так далеко на nord ни один корабль не заходил. Первые мы. Первые во всем мире... А поворота на зюйд так и не видать. (*Обращается к Попову, который смотрит в трубу.*) Не видать, Иван?

Попов. Не видать... А вот проход меж льдов на нет исходит. И далее льды великие видятся...

Челюскин. Ну-ка, дай трубу!.. И впрямь проход сужается...

Попов. Как бы не зажало...

Челюскин (Марии). Машенька, буди Василия. Тут консилиум командирский нужен.

Мария (уходя). И не поспал, бедный...

Челюскин (Попову, передавая ему трубу). Глаз с прохода не спускай. (*Отдает команду*). Убрать грот!.. Веслами помалу!

Прончищев спешно поднимается на мостик, выхватывает трубу у Попова, смотрит вдаль.

Прончищев. Велик еще проход. Пройдем!

Челюскин. Как бы не зажало, Василий... Может, повернем... Корабль бы не погубить...

Прончищев. За исполнение приказа я отвечаю! Можно еще вперед идти. (*Отдает команду*). Распустить грот!

Челюскин. Жизни на тебе людские, Василий...

Прончищев. Ведаю!

Начинает звучать музыкальная тема Прончищева «На север», он поет, продолжая вести корабль все дальше во льды.

Пусть терзают корабль озверевшие волны,
Пусть борта леденеют, крепчает мороз,
Но Петровский наказ я обязан исполнить,
Я же клятву ему перед Богом принес!

И какие бы беды нас всех ни косили,
Будет слово Петрово нас звать к рубежу.
Я пробьюсь, я дойду до пределов России
И над ними наш флаг водружу!

Едва Василий заканчивает петь, как с кормы корабля доносится выкрик вахтенного матроса: «Льды сзади! Льды сзади пошли! Вода закрывается!» В небе раздаётся тревожный крик журавля, едва видимого в тумане.

Челюскин. Быстрей, Василий!

Прончищев (начиная быстро крутить штурвал). Убрать паруса! На веслах: правым гребни, левым табань! Налегай!

Челюскин. Уф, едва развернулись!..

Прончищев. Зырянов, Зверев, взять багры, живо на нос! Льдины от шлюпа отпихивать!

Зырянов. Есть, господин лейтенант!

Матросы становятся на носу шлюпа, начинают отталкивать льдины. Появляется встревоженная Мария, останавливается позади матросов. Выходит и испуганный Дамаскин, читая молитву во спасение.

Зырянов. Бог не выдаст, свинья не съест! Пройдем. Ветру бы способного...

Зверев. Как же, жди, задует... Сами себе беду выпросили... Бабу на корабль притащили...

Зырянов. Ты опять про свое...

Зверев. Змея подколотная! Добренькой прикидывается... А все беды от ее!

Зырянов. Ты, Зверь, брось хозяйку поносить!

Зверев. А я нутром чую — от ее, от бабы! Огнем она сгори!

Зырянов. А кто тебя от высадки на берег спас, кто руку раненую вылечил?!

Зверев. А я не просил ее, ведьму! Подыхать будете — еще меня попомните!

Дамаскин (слыши их перепалку, Звереву). Уймись, исчадие адаво! Да как ты смеешь!.. Проклян!

Зверев. Не больно-то испугал!

Мария слышит злые слова Зверева, сникает и было идет в каюту, но потом вновь возвращается к гребцам.

Мария. Ребятушки, поднажмите чуток! Потерпите малость! Спасители вы наши, дай вам Бог силушки!.. *(Выбегает на нос корабля и молится).* Святая Мария, Пресвятая Мария Магдалина, спаси нас и помилуй!..

Гребцы налегают на весла, корабль набирает ход, пытаясь вырваться из ледового плена.

Прончищев. А может, тут и останемся на зимовку, приткнемся к берегу, там, вроде речушка какая-то...

Челюскин. А если плавника не будет, из чего зимовье строить станем, да без дров не выжить...

Попов. В таком месте плавника может и не быть.

Прончищев. Без плавника сгинем, но и начинать будущим летом сызнава с Оленька — столь времени потерять... Эх, до берега бы добраться!..

Челюскин. Больно лед тонок, не выдержит человека... *(Неожиданно обращаясь к Попову.)* Ты говорил, что птицы исчезли, а мне показалось, будто журавль опять кричит... Тревожно...

Прончищев. Показалось, какие тут журавли! Мачты, небось, скрипят... А может, пристанем на удачу?

Челюскин. Но тогда уж обратного хода не будет... Ты командир, тебе и решать...

Зырянов (переключая своим криком их внимание). В трюме течь, льдиной пробило!

Прончищев. Попов — за штурвал! Челюскин — со мной в трюм! *(Уже на бегу, матросам).* Зырянов, Зверев, Прахов, — заделать пробоину! Воду откачать! Остальных наверх! Шестами льды отталкивай!

Начинается суета, и Мария, слышавшая разговор о плавнике, воспользовавшись отсутствием командиров, быстро скидывает за борт веревочную лестницу и спускается на лед. Она уже отходит от корабля, когда ее замечает Попов.

Попов. Человек за бортом!

Прончищев (выскакивая наверх). Кто за бортом?!

Челюскин (следом за ним). Где за бортом?!

Попов (показывая на Марию). Вон! Она, она за бортом!

Прончищев. Ты куда, вернись!

Челюскин. Осторожно, провалишься!

Мария. Не провалюсь. Я легкая. Я дойду. Дойду до берега.

Прончищев (бросая ей веревку). Держи, обвяжись!

Мария обвязывается веревкой и с опаской идет по льду, который трещит под ее ногами. Все тревожно наблюдают за ней. В этот момент появляется Святая Мария Магдалина и издалека простирает руки к Марии, будто поддерживая ее. Мария идет по тонкому льду, как Христос по водам. Все замирают, а потрясенный Дамаскин начинает петь «Святую Марию».

Мы нынче одни в этом море чужом и безбрежном
В холодном тумане исчезла родная земля,
И души озябшие греет одна лишь надежда
Да твой силуэт на застывшем носу корабля.

Но рядом с тобой не сломает нас эта стихия,
И путь нам осветит улыбка простая твоя.
Ты Богом ниспослана нам на удачу, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

И пусть за бортами угрюмо грохочет стихия,
Пусть скалятся льдины, погибель и беды тая,
Но рядом с тобой эти беды отступят, Мария.
Мария, Мария, Святая Мария моя!

Твоею молитвой сквозь льды проведет нас Мессия,
Твоею молитвой на родине встретят друзья.
Твоею молитвой Господь снизойдет к нам, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

В конце песни доносится далекий голос Марии.

Мария. Нету, нету здесь плавника!

Василий. Быстрей на корабль!

Мария возвращается на дубель-шлюп, и тут же вдруг раздаются крики по всему кораблю: «Ветер! Ветер задул! Ветер способный! Ветер!»

Мария. Спасибо тебе, Пресвятая Магдалина! Спасибо, спасительница наша!

Прончищев. Распустить паруса!

Дамаскин, Услыхал Господь мои молитвы!

Челюскин (радостно). Лед ветром крошит!

Попов. Вырвались! Спасены!

Прончищев (без радости, тихо). Спасены... *(Начинает медленно оседать на пол мостика, выпустив штурвал).*

Челюскин одной рукой подхватывает штурвал, другой пытается удержать Прончищева. Ему бросаются помогать Попов и Дамаскин, испуганная Мария.

Мария. Вася, Васенька, что с тобой?!

Прончищев. Ничего, ничего... Я сейчас... Притомился чуть...

Челюскин. В каюту его, в постель!

Морщась от боли и держась за левый бок, Василий, поддерживаемый женой, Поповым и Дамаскиным, спускается с мостика в каюту.

И тут начинает звучать диссонансом музыкальная тема «Дворец-танец шутов». Действие перемещается в Санкт-Петербург. Довольная Анна Иоанновна сидит в кресле, разглядывая и поглаживая только что полученное в подарок новое, богато украшенное ружье. Бирон читает ей очередной донос.

Бирон. «И во льдах сих по неумению бесславно сгинул Ласиниус с кораблем Вашего Императорского Величества. И ноне летом, пройдя малую часть пути и испугавшись льдов, повелел Прончищев повернуть назад...»

Анна Иоанновна. Все про льды да про льды ихние... Утомил... *(Вдруг глаза ее загораются живым блеском).* А давай мы свои льды устроим! На Неве зимой! Фигуры ледяные!

Бирон. А может, уж целый дом ледяной?..

Анна Иоанновна. Дворец! Дворец ледяной! И!.. И!.. Устроим там женитьбу потешную шута Балакирева на шутихе-колмычке!

Бирон. Отлично задумано, Ваше Величество!

Анна Иоанновна (развивая свою идею). И чтоб шествие с факелами, с люминацией! И чтоб кровать ледяная, и чтоб посуда ледяная! И чтоб со всей России шутов собрать в гости... И чтоб в конце ферверк!

Бирон. Прекрасные мысли, Ваше Величество! Европа просто умрет от зависти!

Анна Иоанновна (подскакивая в восторге и даже отбрасывая ружье). И чтоб всех посланников иноземных призвать!.. И чтоб!.. И чтоб!.. Она от избытка чувств вдруг начинает сама танцевать под музыку «Танец шутов». Бирон тут же принимается выдвигать коленца вместе с нею.

Картина одиннадцатая

Каюта Прончищева на шлюпе. Больной Василий лежит в постели. Возле него — Мария. Она заботливо укрывает мужа, трогает его лоб.

Мария. Самую малость осталось потерпеть, Васенька. К устью Оленека уже подошли, до зимовой — рукой подать. А там и тепло, и покой. Выхожу тебя...

Прончищев. Да мне полегчало, милая. Бок отпустило, и в очах светло. Впору вставать...

Мария. И не помышляй! Семену оленецкий фарватер не хуже тебя ведом. Проведет шлюп к зимовьям. Торопиться теперь некуда.

Прончищев. Вот уж точно, некуда... Второй раз оконфузились, не прошли в Енисей. Не знаю, как Берингу в очи глядеть стану...

Мария. Да в чем твоя-то вина? Вон в какую даль, в какие льды великие зашли! Ведь там отродясь человека не бывало! Слава Богу, что живыми вернулись!..

Прончищев. Живыми да бесславными...

Неожиданно раздается скрежет днища о каменистую мель. Василий резко вскидывается, замирает, прислушиваясь. Мария — тоже. С палубы доносятся крики: «Мель! На мель сели!» Судно, натужно скрипя веслами, сползает с мели назад. Раздается звук падающей в воду якорной цепи. Мария хочет выйти на палубу, но навстречу ей входит Челюскин.

Челюскин. Ничего не смысло. Фарватер сам промерял, не менее пяти футов под килем было! Откуда же мель взялась?!

Прончищев. На главном фарватере мель?

Челюскин. На главном... Ничего не смысло...

Прончищев. А ветер откуда?

Челюскин. С зюйда, с берега.

Прончищев. Вот он и согнал воду с устья и залива Оленецкого. В море согнал.

Челюскин. Верно... И ждать опасно, в любой час льды с реки погнать может. Утащат в море и изотрут.

Прончищев. Надо на ялботе плыть, другие протоки проверять, может, еще где ход есть...

Челюскин. Я сейчас. Попова с собой возьму и матросов на весла...

Прончищев (поднимаясь с постели). Постой, Семен, я сам поеду. Я те протоки лучше знаю...

Челюскин. Да куда ты!..

Мария. Ты что, Васенька, едва в себя пришел!..

Прончищев (Челюскину). Я тут отлеживался, а ты сутками на вахте стоял... Корабль ото льдов беречь тоже кому-то надо. Поставь на нос матросов с баграми... Дамаскин пусть Андрею-покровителю молебен отслужит...

Челюскин. Да ты на ногах-то едва держишься...

Мария. Куда ты, Васенька...

Прончищев. Заладили! Пока жив — я командир шлюпа! *(Отдает приказ.)* Штурман Челюскин, исполнять команду!

Челюскин (негромко). Есть, исполнять команду, господин лейтенант.

Прончищев. Не надо «господинов»... не обижайся, Семен. Долг мне велит...

Все трое выходят на палубу. Мария, обнимая Василия на прощанье, снимает с себя нательный крестик и одевает ему на шею. А он одевает ей свой крест. Звучит музыкальная тема Прончищева «На Север», Василий садится в ялбот и отплывает искать фарватер. Мария с тревогой смотрит вслед уплывающему ялботу и невольно движется вслед за ним вдоль борта корабля, будто пытаясь догнать или остановить мужа. Опять тревожно курлычет журавль. Появляется Мария Магдалина, но и она на сей раз бессильна что-либо сделать — рок, нависший над Василием, не отворотим...

На нос корабля выходят с баграми матросы Зырянов и Зверев. Зверев на ходу обжигает Марию ненавидящим взглядом. Матросы начинают расталкивать редкие пока льдины, продолжая свой неприязненный диалог.

Зверев. Че я баял?! По следу беда тащится. Уж было до зимовий дошли, и сызнова все супротив нас!

Зырянов. Да прикрой глотку-то! Ей и без твоих речей тошно...

Зверев. И пушай слышит! На кой хрен не в свое бабье дело полезла?!

Зырянов. Жаль, шибко добры командиры наши, я бы враз тебя плетью отодрал. Повыбил бы злобу-то...

Зверев. Я их не больно страшусь, а вот ты меня поостерегись! Как бы ненароком за борт не нырнул!

Зырянов. Ты сам сейчас нырнешь, сволочь!

Челюскин. Эй, на носу! Что за шум?! Прекратить!

Зырянов (тихо). Руки марать не хочется...

Зверев (тоже негромко). Ничто, ишшо встретимся... Да я бы всех вас... И Беринга в первую голову. Добренький, разрешил бабу взять... Ему-то хрен ли в Якутске на пуховиках со своей Анной не тешится... А нас, дураков, загнал в самую погибель...

Начинает звучать тема Беринга, и мы оказываемся на необитаемом острове недалеко от Камчатки, куда был выброшен корабль командора на обратном пути из Америки. Впоследствии этот остров получит имя Беринга. Рядом с умирающим командором сидит в форме матроса Дмитрий Овцын, он пытается напоить Беринга водой и как-то утешить. Появляется Поэт, читает стихи о Беринге

Поэт.

Он лежит в землянке и вздыхает,
Глядя в наплывающую тьму.
И песком по стенке утекает
Время, что отпущено ему.

Знать, его планиде было нужно
С именем Петра вершить весь век:
Петр Великий поверстал на службу,
«Петр Святой» разбил о дикий брег.

И сегодня, в день исходный, снова
Эта доля эхом отдалась:
В Петербурге стольном дочь Петрова
На престол Петровский поднялась.

Впрочем, он об этом не узнает:
Больно путь до Питера далек.
Он лежит и тихо умирает,
Вороша обиды и песок.

И теперь, теперь — последний пеленг.
И архангел говорит: «Пора...»
И уходит в небо Витус Беринг —
К самой вечной гавани Петра.

Беринг умирает, и тут же в землянке командора появляется его помощник Мартын Шпанберг.

Шпанберг. Старик умер. Теперь командор я! (*Командуя Овцыну и сопровождая свою команду подзатыльником.*) Бистро похоронить Беринг и марш матросский сем-лянка! Я научу тебя флотский устав, проклятий саговорщик!

Овцын выходит из землянки, вытирая слезы и по командору, и по своей загубленной жизни...

А где-то в Якутске жена Беринга Анна, облаченная в траур, тем не менее деловито и суетливо запикивает в сундуки соболей и торопливо покидает город. Как позже выяснится, она сумеет вывести в Петербург огромное количество мехов, не заплатив за них пошлины ни на одной из сибирских и уральских таможен...

Мы снова оказываемся на дубель-шлюпе «Якуцк». Слышится плеск весел подходящего к кораблю ялбота. Доносится голос Попова: «Прими конец. Помогни командиру». На палубу, хромя, опираясь на Попова и Зырянова, через силу поднимается Василий.

Челюскин (догадываясь о неудаче). Не сыскали?

Прончищев. Нет... Нет другого прохода...

Мария (в тревоге, бросаясь к мужу). Васенька!.. А с ногой... с ногой что?..

Зырянов. Лыдина из-под ялбота выскочила, весло вывернула... Перебило ногу...

Прончищев. Ждать придется... Ждать... (*Безжизненно повисает на руках держащих его людей.*)

Звучит реквием. Дует ветер, льдины бьются в борта корабля. В каюте Прончищева лежит на кровати умерший Василий. Над ним склонилась потрясенная горем Мария. Рядом шепчет молитвы Дамаскин. Сидит, всхлипывая, гардемарин Попов. Появляется Поэт, начинает читать стихи.

Поэт.

Как свирепо ревет
Над рекой обезумевший ветер,
Не услышишь ни стонов,
Ни горького плача жены.
Чем измерить беду,
Коль теперь уже нету на свете
Человека, с которым,
Казалось, на век сведены.
Поднимись же, Василий,
Взгляни, как Мария красива,
Как ты молод и статен,
Вам только бы жизнь начинать.
Как встречала бы вас
Синеокая наша Россия,

Как бы вас привечала
Вдали поседевшая мать...
Как свирепо ревет
Над рекой обезумевший ветер...

Начинает звучать тема Делакруа. Он появляется и с явным злорадством читает вслух свой донос.

Делакруа. И по неразумению своему стояли они в устье реки четверо ден, за малым не погубив корабль. И тот Прончищев умер на корабле от цинготной болезни. И команду на себя своевольно взял штурман Челюскин, кой дело все загубит, и в капитаны его ставить нельзя!..»

Картина двенадцатая

Берег Оленека возле зимовий. У могилы Василия Прончищева, выстроившись в ряд, стоят с фузеями гардемарин и матросы. Рядом — жители маленького соседнего селения. Все они в печали, даже Зверев глядит на Марию с каким-то сочувствием. Дамаскин читает заупокойную молитву. Челюскин поддерживаает Марию. Звучит реквием.

Челюскин (оставляя Марию). В память командира нашего Василия Прончищева, отдавшего жизнь во славу государства Российского и прироста его могущества... (взмахивает рукой) Пли! Пли! Пли!

Звучит троекратный залп. Мария опускается на могилу, начинает причитать.

Мария. Васенька, Васенька, да что же мне теперь делать-то?! Как жить без тебя, родимый ты мой?!..

Челюскин (пытаясь поднять Марию). Голубушка... Голубушка ты наша... Крепись... Не надо так...

Мария (сопротивляясь). Я тут останусь! С ним! Васенька!

Челюскин (силой отрывая ее от могилы и уводя к зимовью). Пойдем, пойдем, Машенька... Не убивайся так... Надо держаться... Надо жить...

Мария. Не смогу я без него, Сенечка... Не смогу...

На фоне звучащего реквиема опускается белый журавль и обращается в удаганку с бубном. Она бьет в бубен, повторяя как заклинание несколько фраз.

Удаган-Куо. Духи Верхнего мира, спасите ее! Духи Среднего мира, пощадите ее! Духи тундры моей, сохраните ее! (Через какое-то время, отчаянно отбрасывая бубен в сторону). Она не хочет! Она сама не хочет!..

Появляется Поэт, начинает читать стихи.

Поэт.

Ей привидится ночью
Василий живым и любимым.
Будет гладить ей плечи
И тихо с собой ее звать.
И она согласится,
Конечно,
Пойти за родимым...
И наутро с постели
Не сможет сама уже встать.

Семь ночей ледящих
Закружат вороньею стаей,

Семь мертвящих ночей
Вырвут крохи оставшихся сил.
И у всех на глазах
Невозвратно Мария растает,
Как свеча, у которой
Дамаскин молитвы творил...

Челюскин входит в пропитанную слезами и болью землянку Марии, она с трудом поднимается ему навстречу.

Мария. Семен, это ты?

Челюскин. Я...

Мария. Туфельки мои... с корабля... принес?

Челюскин. Принес.

Мария. Подарок Васенькин... Надень их на меня.

Челюскин. Да холодно же, а ты так больна... Не надо сейчас, голубушка!..

Мария. Силы уходят, Сенечка... Исполни мое желание. Последнее. Я хочу к нему... красивой хочу... как тогда...

Челюскин надевает Марии туфельки, и она уходит куда-то вдаль, вслед за Василием.

Звучит музыкальная тема «Святая Мария», Дамаскин поет над двойной могилой Василия и Марии, где им суждено уже вечно лежать рядом.

Ты, словно голубка, из мира ушла за любимым,
За суженым вслед ты шагнула за грань бытия,
Но в памяти нашей ты светишь огнем негасимым,
Мария, Мария, святая Мария моя!

Пусть стыннут от ветра соленые слезы скупые,
Но гимном великой любви прозвучит лития.
Пускай же Господь вас обнимет на небе, Мария.
Мария, Мария, святая Мария моя!

Я знаю, я верю, тебя не забудет Россия,
Твой лик осияет студеным этот край!
А я за тебя буду вечно молиться, Мария,
Мария, Мария, святая Мария моя!

Дамаскин уходит от могилы и на его месте появляется Семен Челюскин, чтобы сказать последние сокровенные слова умершему другу и любимой.

Челюскин. Спи спокойно. Пусть сия земля студеной будет вам пухом... Василий, прости меня, Василий... но теперь уже можно... Василий... я любил жену твою... Мария, ты слышишь. Мария, я любил тебя! Более всего на свете любил. И не будет мне радости без тебя нигде и ни в кои годы... Но я клянусь, клянусь вам обоим, что дойду, из последних сил доползу до Мыса Самого Северного, что сгубил вас. И нареку мыс сей именем твоим, Мария, Машенька!.. Клянусь!..

Незаметно появившаяся с небес Удаган-Куо порывается было подойти к Челюскину и утешить его, но, услышав его слова, понимает, что он любил и всегда будет любить только Марию. Удаганка уходит, печально опустив голову и смирившись с потерей не обретенной ею любви.

Картина тринадцатая

Звучит музыкальная тема Поэта, он появляется, начинает читать стихи.

Поэт.

Прошло пять лет
Но ни одна попытка
Не удалась
Достигнуть Мыса морем.
В конце концов
Суровый Дмитрий Лаптев
Корабль «Якуцк»
Сгубил «во льдах великих»,
Едва спася команду.
Но Челюскин
Не сдался
И, о клятве памятуя,
Решил дойти до Мыса он
По суше...

Ночная заснеженная тундра. Вверху горят созвездия Большой и Малой Медведиц, светит Полярная звезда. В полной тишине слышится леденящий душу волчий вой. В темноте вспыхивают зеленые огоньки волчьих глаз. Вспышка огня, грохот выстрела, визг раненого зверя. У маленького, тускло костерка, едва различимы, сидят Челюскин, Зырянов и Зверев. К ним подсаживается Попов с фузеей в руках, который только что стрелял в волков.

Попов. Одолели волки проклятые! Однако никогда людей не видали, совсем не боятся!

Зверев. Так и лезут! Кабы не фузеи да огонь,— мигом бы порвали.

Зырянов. Ишь, как глазищи-то горят. А впереди все белый крутится, вожак, видать, седой ажно...

Попов. Старики говорят, когда черный шаман умирает, его душа в белого волка переходит. Шибко плохой белый волк!

Челюскин. Ничего, братцы, не робей. Фузеи есть, пороха в достатке. Оборонимся... Как, передохнули чуть?..

Зверев. Передохнешь с пустым животом...

Зырянов. Кабы теперь мамон-зверь из моря вышел, да уложить бы его из фузеи... Вот бы мяса было...

Попов. Старики говорят, эти мамоны только на самых глубоких местах в море Ледовитом остались. Живыми-то их никто не видал...

Челюскин. Будет, братцы. Мечтаниями харч не преумножить. Идти надо... (*Обращается к Зырянову.*) Андрей, твой черед бревно нести... (*Обращается ко всем.*) Исполним долг наш перед Петром Великим и перед императрицей Анной Иоанновной. Она, может, теперь ночь не спит в заботах о нас и Отечестве, а мы раскисли!..

Зырянов (мечтательно). Не спит... Из-за нас-то недостойных... Им-пе-рат-ри-ца, матушка наша!..

Начинает звучать музыка «Дворец-танец шутов», из питерских далей возникает расцвеченный огнями Ледяной дворец, наполненный шутами и царедворцами, справляющими свадьбу шута Балакирева.

Шуты кривляются и дурачатся, как могут. Придворные стараются от них не отставать, чтобы не вызвать гнева царицы. Вспыхивает фейерверк, стреляет

шампанское. Всеобщее веселье плещется через край. Счастливая Анна Иоанновна хлопает в ладоши, стоя рядом с Бироном.

И вновь далекая заснеженная тундра. Изможденные путники тяжело поднимаются. Челюскин берет на плечо треногу с квадрантом, Зырянов — бревно, которое нужно для знака-репера на мысу. Попов и Зверев тянут мерную цепь. Звучит музыкальная тема «Время идти в поход».

Гардемарин и матросы идут с трудом следом за Челюскиным. Диск солнца и звезды несколько раз сменяют друг друга, сияет снег на ослепительном весеннем солнце. Временами слышится волчий вой, выстрелы. Бревно переходит от одного к другому. Наконец, несущий его Зырянов не выдерживает и падает.

Зырянов. Все!.. Нету сил моих боле. Прости, господин штурман, но не могу я, не могу! Оставь меня здесь...

Зверев. Волкам на корм захотел?!

Челюскин (поднимая Зырянова). Держись, Андрей. Чует сердце, недалече осталось. (Говорит Попову.) Пособи ему, Иван. (Взваливает бревно на плечо и, покачиваясь, идет вперед.)

Зырянов (испуганно, опираясь на Попова). Свет... Свет застило... Ослеп, ослеп я, братцы! Погибель, видно, пришла...

Челюскин. Что с тобой, Андрей?

Зырянов. Ослеп! Ослеп вовсе!

Попов. От снега сие, снег блестит шибко. Смотреть на снег нельзя!

Челюскин (вспомнив). Да это слепота снеговая. Завяжи ему глаза тряпкой, Иван. И сам поостерегись. (Звереву). И ты, Степан, тоже!

Челюскин снова идет вперед, за ним тащит цепь Зверев, Попов ведет Зырянова с завязанными глазами. Все они постепенно отстают от Челюскина. Он останавливается, ставит столб в сугроб, обращается к спутникам.

Челюскин. Всем привал. Что-то и я ослаб...

Зверев (Челюскину). Поворачивать надо, штурман! Не выйдем назад, сил не достанет... (Показывает на Зырянова.) Этот-то доходяга точно свалится...

Зырянов (Челюскину). Обо мне, господин штурман, не думай. Брось, коли што...

Попов. У нас в тундре друзей бросать не принято.

Челюскин. Все выйдем... Выйдем!.. (Всматриваясь в даль). Никак журавль кружит...

Зверев. Какой там журавль посреди снегов!

Зырянов. Привиделось, господин штурман.

Попов (догадываясь). Да это ж она...

Челюскин. Никак место указывает?.. Погодите-ка меня малость...

Он берет мерную цепь, покачивается, но упрямо идет вперед, утягивая цепь за собой. И вдруг резко ускоряет шаг, сначала что-то шепчет про себя, а потом начинает говорить все громче и громче.

Челюскин. Неужель берег к зюйду поворачивает? Не может быть... И впрямь к зюйду!.. (Закрывает лицо руками, трясет головой.) К зюйду!.. Дошли... Дошел!.. (Опускается на колени.) Дошел! Дошел! (Поворачивается к своим спутникам.) Сюда! Скорее! Дошли!

Гардемарин и матросы поднимаются и неуклюже бегут к Челюскину с криками: «Дошли! Дошли! Дошли!» Но начинает звучать тема Делакура и появляется он со своим доносом.

Делакура. «А тот Семен Челюскин до Мыса Самого Северного не дошел, понеже человеку нет никакой возможности туда дойти. И описание Мыса измыслил и координаты его измыслил. Посему, дабы обманщика не увековечить, имя Челюскина то-

му мысу не давать, а тем паче нарушительнице Устава Прончищевой. Радею о сем, яко верный слуга Отечества и Престола...»

Перебивая Делакруа, начинает звучать музыкальная тема поэта.

Челюскин. Не верьте ему! Не верь им, Мария! Ты слышишь, Мария, я дошел! Я дошел!

Откуда-то доносится голос Марии: «Я слышу, Сенечка! Я слышу!» Челюскин и его спутники замирают в ожидании чуда, и чудо происходит. Появляется Мария и благодарно обнимает и целует сначала Семена, а потом гардемарина и матросов, в том числе и Зверева. За Марией появляются Василий Прончицев, Витус Беринг, Петр Ласиниус, Дмитрий Овцын с Екатериной Долгорукой. Все они благодарят Челюскина, радуются общей встрече. Следом появляется Удаган-Куо и тоже радостно обнимает Челюскина. Он в порыве благодарности и нахлынувших чувств неожиданно целует ее.

Прончицев. Спасибо, Семен, что слово сдержал! Молодец!

Беринг. Утешил, старика! Утешил! Дошел-таки до своего Мыса!

Ласиниус. Теперь моя душа успокоится.

Овцын. Молодец Семен, что не сдался! Это по-нашему!..

Мария. Спасибо, Сенечка! Спасибо, дружок!..

Беринг. Теперь и рапорт о завершении экспедиции подавать можно!

В этот момент вдруг появляется сам Петр Великий, довольный своими питомцами. Офицеры и матросы невольно вытягиваются во фронт перед государем, дамы склоняются в поклонах.

Петр I. Готов принять ваш рапорт!.. Да вольно! Вольно! Дайте-ка, я вас обниму, мои родные, птенцы мои разлюбезные! Поклон вам низкий за службу, за верность и честь, за то, что исполнили мое завещание. Ведомо мне, все ведомо, какие лишения и муки вы испытали, какую погибель приняли, верша пользу Отечеству, и что за труды свои получили. Но пройдет время, и засияют имена ваши на картах империи Российской и мира целого, самыми высшими наградами! И память о вас будет жить вечно в народе российском. А ну, подать всем по чарке рома государева! *(Придворные вносят и раздают бокалы.)* Виват вам, голубчики! Виват!

Звучит музыкальная тема «Россия». Петр I обнимает, благодарит всех участников экспедиции, чокается с ними своим кубком и уводит за собой куда-то в небеса.

Занавес.

Венчание Василия и Марии

Бирон, Анна Иоанновна, придворные дамы

Мария и Василий по дороге на Север

«Якуцк» уходит в поход

Мария видит белых журавлей-стерхов

Мария и погибший Василий.

☞☞☞☞

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

ДВОРОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

По образованию экономист. Окончила ВЗФЭИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при музее ИЗО города Архангельска. В 2003 году организовала и провела в Доме культуры «Химик» Щекинского района Тульской области выставку своих работ, посвященной светлой памяти своего отца — кинорежиссера Бориса Константиновича Шера.

Предлагаемые вашему вниманию рассказы автобиографичны.

ДЕДУШКА ЛЕНИН

Жизнь людей в нашем микрорайоне в 1960—70 годах протекала спокойно, весело и дружно, как правило, бабушки сидели на лавочках, мужики бились в домино, хозяйки сушили белье во дворе, развешивая белье, выбивая коврики, просушивая перины, детишки играли в песочнице, качались на качелях, висели на турнике. Я очень любила свой двор, он был каким-то родным, как одна большая семья, где все друг друга знали и помогали.

Моя бабушка, папина мама, была не исключение и в жизни двора принимала активное участие и даже имела в какой-то степени авторитет. К ней обращались за советом, к ее мнению прислушивались.

Вспомнился мне один смешной случай, который любила рассказывать моя бабушка.

Как-то в один из самых обычных житейских дней сидит моя бабушка со своей приятельницей на лавочке около дома и поджидает папу на обед, а приятельница гуляет с внучкой. Сидят они, разговаривают, рядом играет внучка приятельницы. Прошло какое то время, и в поле зрения появился папа. Он подошел к мило беседующей паре, поздоровался, что-то сказал бабушке и пошел к подъезду. В это время бабушкина приятельница обратилась к внучке, что бы та как воспитанная и вежливая девочка поздоровалась. Внучка, не капризная повернулась в сторону папы и поздоровалась. Но папа вошел уже в подъезд, и девочка увидела силуэт, который повернулся и поздоровался с ней. Когда процедура воспитания была окончена, бабушкина приятельница спросила у своей внучки, знает ли она этого мужчину. Та, продолжая играть, ответила, что знает.

— И кто же это? — С интересом спросила приятельница.

— Дедушка Ленин! — С уверенностью и гордостью ответила девочка.

Бабушки в недоумении переглянулись, задумались, видно в уме анализируя, что бы это значило. А потом дружно рассмеялись. В глубине подъезда, со спины, невысокого роста с лысиной, папин силуэт действительно был похож на В. И. Ленина.

Придя домой, бабушка рассказала нам эту историю, которая долго жила в нашей семье, и при случае, вспоминалась.

«КРУЖИЛКИ»

Да, все-таки хорошее, доброе было то время такого уже сейчас далекого детства. Было все интересно, спокойно, наивно и просто.

Когда мы получили новенькую квартиру по улице Советской и переехали в нее, мне было шесть лет. Родители спокойно отпускали гулять меня одну. Двор наш был еще кое-где в строительном мусоре, деревьев, лавочек и детской площадки не было. Поначалу гулять мне было неинтересно и скучно, никого не знала, да и зима на дворе была. Поэтому когда папа появлялся во дворе, приходя домой на обед, я оживлялась и со всех ног бежала к нему навстречу с широко распростертыми руками, он, видя меня, тоже широко раскидывал руки, подхватывал меня и долго кружил, я звонко смеялась, и моему счастью не было предела. Потом, провожая его до подъезда, успевала быстренько рассказать свои новости и снова бежала играть. Постепенно я перезнакомилась с детворой нашего дома, появились новые знакомства, новые друзья, гулять мне стало намного интересней и веселей. Но по-прежнему, когда я видела папу во дворе, как бы я ни была занята игрой, бежала к нему с радостной улыбкой на лице, а он меня кружил, кружил, кружил. Ребята во дворе понаблюдали за нами какое-то время и, недолго думая, тоже стали подбегать к моему папе, что бы он их покружил. Папа никому не отказывал, кружил всех желающих да еще с каждым пошутит, а собравшейся вокруг него детворе какой-нибудь простенький (например, с большим пальцем) фокус покажет. Довольные и счастливые мы продолжали играть

дальше, а я была очень горда, что у меня вот такой папа! Малышам все это так нравилось, что какое-то время я не успевала до папы добежать первой, и мне приходилось терпеливо ждать своей очереди.

Шло время, детскую площадку оборудовали, поставили качели, карусели, турник, песочницу, я подросла и уже не помещалась в папиных руках, а некоторые малыши, подрастающие за нами, продолжали бегать на встречу к моему папе, и он их с удовольствием кружил.

Но вот что меня больше всего поразило, удивило и запомнилось на всю жизнь. Мне тогда исполнилось уже шестнадцать лет и, конечно, немного позабылись те детские, веселые папины «кружилки» такого, как мне тогда казалось, далекого детства. А тут я увидела такую картину: выйдя из подъезда я направилась в соседний дом к подружке, проходя мимо каруселей меня чуть не сбил с ног какой-то мальчуган лет пяти шести, резко спрыгнувший с них (каруселей) и побежавший куда-то через весь двор. Я невольно повернула голову ему вслед и обомлела, он с распростертыми руками бежал навстречу моему папе, который только что появился во дворе. Застывшая в изумлении, я продолжала наблюдать за происходящим. Мальчишка подбежал к папе, тот подхватил его на руки, покружил и поставил на место. Малыш что-то ему сказал, папа исполнил его просьбу и тот довольный прибежал обратно на карусели. Я не удержалась и спросила мальчишку, откуда он знает этого дяденьку?

— Да я его не знаю.

— А почему побежал к нему?

— Дак он всех может покружить, кто хочет, я к нему часто бегаю. Хочешь, и тебя покружит?

— А что ты ему сказал? — Продолжала я его расспрашивать.

— А-а-а, это он сегодня меня пощекотать забыл. Дяденька обычно покружит, а потом обязательно пощекочет, а сегодня забыл почему-то, наверное, потому что я к нему давненько не бегал.

— А еще кто тебя кружит? — Продолжала допытываться я.

— Не-е-е, никто, только этот дядя.

Ответив на все мои вопросы, мальчуган залез на карусели и продолжил кататься, а я продолжила свой путь к подружке, по дороге вспоминая, как десять лет назад вот так же меня кружил папа.

Мне снова захотелось в детство...

Но, как известно нам, туда билетов нет!

Вернуть его, нет никакого средства

И лишь в душе далекий теплый, теплый свет!

НОВЫЙ ГОД

Наступал 1980 год, кругом была предновогодняя суета, в садиках проходили утренники, в школах новогодние вечера, горожане готовились к встрече нового года. А у маминой подружки, которая работала учительницей, заболел маленький сынишка. Какое же у него было сильное огорчение, что он не сможет сходить в садик на утренник и, тем более, его мама не возьмет в школу на елку. От такого расстройствa малыш с трудом шел на поправку. Мамина подружка посетовала при встрече моим родителям, что уж больно жалко сынишку оставлять без праздника, но ничего не поделаешь, больного на праздники водить не будет. Поговорили, обменялись предновогодними новостями и разошлись. На следующий день папа пришел домой с огромным свертком. Каково было мамино удивление, когда папа достал из него костюм Деда Мороза, новогодний подарок и конфеты.

— Капочка, не удивляйся, мальчишке нужно сделать праздник, и вот увидишь, он очень быстро поправится.

Переодевшись в костюм Деда Мороза, надев усы и бороду, взяв через плечо мешок с подарком и конфетами, прихватив посох, папа отправился к друзьям. Друзья жили недалеко от нас, в нашем же микрорайоне, но пройти в таком костюме папе предстояло три двора. В те года, как мы сейчас говорим, прошлого века, еще не было никаких агентств по проведению праздников, и появление папы в таком виде, вызвало удивление даже у взрослых, не говоря уже о детворе. Спокойно папа смог дойти только до середины нашего двора, а потом вначале остолебневшая детвора облепила его со всех сторон. Малыши были в полной уверенности, что перед ними самый настоящий Дед Мороз, а ребята постарше, конечно все понимали, но всем хотелось праздника. И папа, включился в игру, со свойственным ему юмором, театральной сноровкой. Ребята рассказывали Деду Морозу стихи, пытались, что-то станцевать, пели, получали за это конфеты. Радости ребят не было предела, увидеть «настоящего» Деда Мороза, получить подарок, ну и что, что только конфетку, зато от кого! До друзей папа дошел не скоро, в каждом дворе получилось по импровизированному новогоднему празднику.

Наконец, дойдя до цели, поднявшись на нужный ему этаж, он позвонил в квартиру. Дверь открыла мамина подруга и замерла в оцепенение, широко от удивления открыв глаза. Для нее этот гость тоже был приятной неожиданностью. Затянувшуюся паузу прервал папа, начав диалог Деда Мороза и потихоньку проходя в комнату к больному мальчугану. Тот весь закутанный в одеяло, с градусником под мышкой, увидев такого гостя у себя дома, был счастлив безмерно, сразу же оживился, повеселел, рассказал все стишки, которые знал, забрался к Деду Морозу на колени, обнял его и что-то долго говорил ему на ухо. Мама малыша стояла рядом и умилялась всем происходящим, радовалась вместе с сынишкой и боялась прервать эту идиллию. Чудеса под Новый год случаются, и это доказал мой папа, сделав праздник не только больному малышу, но и детворе на улице.

ВСТРЕЧА

Однажды вечером мы всей семьей возвращались из гостей, шли не спеша, наслаждаясь теплым вечером, о чем-то разговаривая. Я очень любила такие семейные прогулки, в них было какое-то умиротворение, а главное задорный папин юмор. Вот и этот вечер не был исключением. Я шла в середине, держа родителей под руки, и мы весело смеялись, потому что я постоянно спотыкалась на ровном месте. После каждого спотыкания я разглядывала дорогу, удивлялась своей неловкости, шла дальше и опять спотыкалась. Папа надо мной подтрунивал, и мы, смеясь, шли дальше. Секрет папиных незаметных для меня «подножек» я скоро разгадала, стала более внимательна и уже не поддавалась на его хитрости. Потом мы переключились на воспоминания моего самого раннего детства, когда я любила висеть на руках у родителей, перескакивая лужи или какие-нибудь препятствия. Недолго думая, я попыталась повторить все это, но не получилось. В этот раз уже мама что-то сострила в мой адрес, и мы весело продолжали свой путь. И вдруг я увидела компанию мальчишек, среди которых были мои одноклассники, один из которых очень остр на язык. Я быстро отдернула руки от родителей, стала серьезной и насупившейся, понимая, что за всем происходящим нашим баловством они наблюдали, и завтра в школе мне предстоит давать отпор колкостям в мой адрес. Я тогда училась в восьмом классе, возраст самый переходный. В этом возрасте мы считаем себя уже взрослыми и самостоятельными, любое внимание со стороны родителей принимаем за «телячьи нежности» и

становимся «ершистыми». А наблюдая за нами, ребята видели дружное, веселое семейство, это шло вразрез с нашим юношеским восприятием жизни.

На следующий день, придя в школу, я была готова к тому, что ребята будут дразниться. Но ни в этот день, ни в какой другой, ни слова, ни полслова в мой адрес не прозвучало. Мне даже показалось, что ребята ко мне стали более внимательны. Такой поворот событий меня приятно удивил и заставил задуматься, почему я не стала объектом усмешек. Наверное, потому, что хоть мы и считаем себя сформировавшейся и уже самостоятельной личностью, но любовь, доверие, уважение, понимание родителей нам в любом возрасте необходимо, и у меня это было всегда. Ребята это поняли и, наверное, по-хорошему мне позавидовали, и мысли о насмешках им даже в голову не пришли.

Прошло много лет, но этот вроде бы ничем непримечательный случай часто мне вспоминался в сложные моменты подросткового воспитания моей дочери.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

БЕЛЫЕ ПЛЯЖИ БАЛИ

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

О симпатии Володи к Тане знали все в отделе. Были рады за нее. Она работала экспедитором. Содержала себя и маму, которая работать не могла по болезни. Володя был обозревателем, много писал и зарабатывал прилично.

Рады за Таню были потому, что была она скромной девушкой за 25. Считали, что перспективы создать семью, у нее, скорее всего, неопределенные. Все мужчины в отделе были женаты, возраста старше сорока. Одевалась она тоже скромно. Джинсы и джемпер неяркого цвета были ее постоянной одеждой в течение всей зимы. Эта одежда выказывала ее стройную почти девичью фигуру. Когда ее вызывал к себе Володя дать поручение, сотрудницы переглядывались, подмигивая друг другу, что, мол, дела идут на лад.

В отделе были молодые девушки, но их судьба не волновала женскую часть редакции журнала. Они модно одевались, часто выходили из здания покурить, некоторые приезжали на работу на собственных авто.

Обозреватель был молодой человек строгих правил, из интеллигентной семьи, любил литературу и музыку. Его статьи на эту тему пользовались успехом у читателей журнала, главред прочил его в завотдела.

Женская часть коллектива редакции считала, что у Тани есть все шансы выйти за Володю. Не женат, около тридцати, не шалопай.

Однажды из командировки Володя привез Тане сувенир, венецианского стекла маленькую вазу. Таня показала ее сотрудницам по отделу, те восхитились и посчитали это добрым знаком.

Роман Володи и Тани не развивался стремительно. Он переходил как бы в дружбу. Они ходили на концерты в консерваторию. В театр. Иногда после этого заходили в кафе, посидеть за чашечкой кофе. После расходились по домам, пожелав друг другу спокойной ночи.

На вопросы сотрудниц — ну, как? Таня отшучивалась и пожимала плечами.

* * *

Прошел год с начала «романа» Володи и Тани. Все так же это была дружба. Однако в конце его наметился и некоторый прогресс. Ольга Петровна, завотдела искус-

ства, однажды была свидетельницей, как Володя поцеловал Таню, когда они вышли из здания редакции прежде чем разойтись в разные стороны. Это сразу стало известно женской части отдела. В другой раз было замечено, что они оба вместе ушли после работы. И все. Ничего более конкретного не было замечено. Коллектив считал это вполне нормальным. Серьезные молодые люди. С чего бы это выставлять свои отношения напоказ.

Приближалось лето, и сотрудники отдела делились между собой планами на отпуск. Варианты были разные. Дача. Ремонт квартиры. Заграница. Дом отдыха или Сочи. В последний год Крым.

Таня обычно отпуск проводила дома с мамой или не брала его вовсе, а брала деньгами. Все это знали, потому Таню о планах не спрашивали.

* * *

В отделе была традиция. Отпускники были обязаны рассказать о том, как прошел отпуск, и подтвердить это какими-либо доказательствами. Например, южный загар, вещичка и вещь купленная за границей, обязательно — фотографии.

Для просмотра фотографий в обеденный перерыв народ сбивался вокруг отпускников, и каждый из них давал пояснения к изображенному на фотографиях, которые выводили на экран компьютера.

Все знали, что заводилом науки Петр Иванович был страстный охотник. Отпуск он брал в апреле, когда наступало время прилета птиц. Фото своих охотничьих трофеев представлял на суд общественности редакции осенью, когда наступала время общего фотопоказа. Мужчины внимательно рассматривали и старались показать, что разбираются в демонстрируемом предмете — вальдшнеп это или перепелка; у женской половины подстреленные птицы вызывали жалость.

Заядлый рыбак и фотокорреспондент Юрий Федорович, человек пожилой и степенный, не разводил широко руки, чтобы показать какого размера выловленная им рыба, а со знанием дела объяснял, как лучше приготовить рыбу в условиях рыбалки, то есть на берегу речки или на кухне в городской квартире. Женщины слушали его особенно внимательно и наперебой задавали вопросы.

Ольга Петровна дама с замашками светской дамы отдыхала обычно за границей. Но поскольку была человеком начитанным и образованным, показывала на компьютере слайды картин из музеев, в которых успевала побывать. Поскольку журнал был литературно-художественный, интерес к фотографиям был чисто профессиональный. В этот раз на публику большое впечатление произвел музей Wallace, что в Лондоне. Малоизвестный широкой публике музей, но очень интересный, пояснила Ольга Петровна. Частная коллекция английского аристократа, который, видимо, обеднев, превратил свой дом в музей с входом за деньги. «Охов» и «ахов» не было. Профессионалы. Рассматривали пристально, стараясь угадать автора, стиль и эпоху заснятых Ольгой Петровной произведений искусства.

Фотки молодых сотрудниц издания каждый раз были примерно одного содержания — пляжи, купальные костюмы, модные в данном сезоне, вечерники в кафе или ресторане, подружки и молодые люди, с которым успели познакомиться. Интерес эти фотографии вызывали, главным образом, у не очень пожилых сотрудников мужского пола.

У Володи в тот год отпуск выпал на декабрь, поэтому он был только зрителем на этом фотовернисаже.

Собрались расходиться по своим рабочим местам, так как вроде все отпускники отчитались.

— Можно я покажу свои фотографии? — сказала Таня тихо. И всех удивила сво-

ей неожиданной просьбой. Это было в первый раз. Все полагали, что Таня и этот отпуск провела дома.

— Конечно, Танечка,— сказала Ольга Петровна ласково.

В руках у Тани был большой конверт. В этих конвертах она на почту относила статьи, опубликованные в очередном номере журнала и рассылаемые авторам. Из него она стала доставать одну за другой фотографии.

Сначала это были виды южного моря, неестественно синего цвета и широкие пляжи и пальмы, наклонившиеся над ослепительно белым песком. Эти фотографии можно было принять за открытки, такого стандартного вида они были. Но вот появилось фото, на котором была тонкая гибкая фигура девушки. Девушка то смотрела на море, как бы ждала увидеть что-то или кого-то в дали синего моря. То сидела у самой кромки белого песка, обхватив руками колени и касаясь пальцам ног мелких волн прозрачной воды. Или в обычной позе для загораения раскинулась на белом песке. На одном фото она была заснята глядящая в объектив камеры с высоко поднятыми руками над головой, изгибаясь всем тонким изящным телом, как бы потягиваясь.

— Так это ты, Таня! — воскликнула в один голос публика.

Фотографий было много. С Таней и без нее, видовые.

— Слушай,— спросила одна из молодых девиц,— почему пляжи пустые, ни одного человека?

— Это на Бали.

— Кто же тебя снимал? — не унималась девица.

— Был один человек,— сказала Таня тихо.

— Хоть бы селфи на пару сделала.

Таня не ответила.

Когда показ закончился, стали расходиться. Первым ушел Володя. Расходясь, мужчины обсуждали качество снимков и купальные костюмы, в которых снималась Таня.

— Мини-бикини,— подвел итог обсуждения охотник.

— Между прочим, Таня классная девушка,— поделился впечатлением от увиденного любитель рыбалки.

— Ничего себе отдохнула,— вздохнула девица, которая расспрашивала Таню.

— Ну что вы хотите от бедной девушки,— сказала Ольга Петровна.

* * *

После того случая с показом фотографий прошло два месяца. К этой теме никто не возвращался.

Володя ушел из журнала. Таня продолжала работать экспедитором. Отпуск, как прежде, она проводила с мамой или работала за деньги.

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ В АФРИКЕ*

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БЕЛЯЯ

Беляй Владимир Илларионович родился 11.08.1949 в селе Зап-Халеевичи Стародубенского района Брянской области; Ангола.

Передо мной лежит уникальный документ. Уникальный, в первую очередь, тем, как относится к боевым офицерам — пусть и бывшим — наше родное (родное ли?) Министерство обороны. Этот документ, точнее, крик души капитана 2-го ранга запаса Владимира Илларионовича Беляя в Министерство обороны Российской Федерации генералу армии Ю. Н. Якубову, написанное в ноябре 2011 года, привожу здесь с незначительными сокращениями:

«...Несмотря на мои неоднократные обращения к командованию ВМФ, я не получил официального подтверждения о прохождении мною с февраля по декабрь 1987 года службы в должности заместителя командира 30-й оперативной бригады кораблей и судов ВМФ, дислоцированной в центральной Атлантике с размещением штаба соединения в порту Луанды Народной Республики Анголы.

Мое откомандирование в 30-ю ОБ было вызвано участвовавшими случаями нападения пиратов в промысловых зонах на рыболовецкие траулеры СССР и стран социалистического содружества, диверсиями по подрыву в порту Луанды транспортов со спецгрузами, расстреле бандформированием автобуса с детьми сотрудников посольства СССР в НРА. Зона ответственности 30-й ОБ проходила в данных районах, и мне была поставлена задача в максимально короткие сроки, используя особые приемы и способы боевой деятельности кораблей и подразделений морской пехоты в регионе, стабилизировать обстановку в т. ч. столице НРА — Луанде. Все поставленные боевые задачи бригадой были выполнены в установленные сроки и в полном объеме.

За успешное выполнение 30-й ОБ оперативно-тактических задач боевой службы в 1987 году, командиром 37-й дивизии морских десантных сил контр-адмиралом П. Г. Святашовым, я был представлен к награждению боевым орденом, однако, ни

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

награды, ни записи в личном деле о прохождении службы в НРА, в условиях нахождения страны в состоянии гражданской войны, я не получил.

Прошу Вашего содействия в установлении справедливости...».

Так как Илларионовича знаю давно, то и задаю ему провокационный вопрос:

— Почему твой метод борьбы в Атлантике не применяют сейчас в борьбе с сомалийскими пиратами?

— Да...— далее следует ненормативная лексика,— наверное, кому-то выгодны эти самые сомалийские пираты. Или не оценили, не обобщили мой опыт в вышестоящих штабах. Какое тогда было время — канун развала и сам развал Державы.

Сколько вот таких, не побоюсь этого слова с большой буквы, Самородков оказались тогда не у дел, оказались выброшенными из Армии, оказались никому не нужными в нашей униженной и поруганной стране. Хотя нет: на «дембель» капитана 2-го ранга Беля в Мурманске провозжали все (!!!) капитаны 180 (ста восьмидесяти) рыболовецких судов, преподнеся ему «скромный подарок» в 7 (семь) тонн (!!!) ценнейших пород рыбы. Это — те капитаны, которым он обеспечил безопасное плавание в центральной Атлантике, это — те же самые капитаны, у которых порой не выпросишь и хвоста селедки.

— И уволили меня из армии, вернее, с флота по-дурному,— С горечью вспоминает мой визави.— Однажды командующий Северным флотом, уезжая в командировку, поручил мне провести важное совещание с партийным и советским руководством Мурманской области. Все шло в деловом, рабочем, конструктивном режиме...

— Но тут,— перебиваю Илларионовича,— и вмешался «Генштаб»...

— Он самый,— Беляй опять горестно вздыхает,— в виде заместителя командующего Северным флотом вице-адмирала Касатонова, не к ночи будет помянут, который появился в зале к концу совещания. Что тут началось: и кто я такой, и кто мне, капитану 2-го ранга, позволил инструктировать первых лиц области, и что, не нашлось более достойного по званию и должности офицера на флоте. Короче, пока командующий был в командировке, меня в одночасье и уволили.

Ну, не нашлось, не нашлось тогда более грамотного и компетентного в некоторых вопросах офицера, чем Беляй. И откуда он, этот Беляй взялся, где его корни?

В шестнадцать лет окончив среднюю школу на Брянщине, Володя Беляй поступает на заочное отделение Московского машиностроительного института и одновременно идет работать учеником токаря на один из п/я (кто не знает и кто забыл: «почтовый ящик» — секретный завод оборонной промышленности). На этом заводе через шесть месяцев он становится токарем третьего разряда, через полтора года — токарем четвертого разряда и получает заработанную плату как главный инженер завода.

— В 1967 году вышло Постановление Совета Министров о том, чтобы в Армию не брать студентов ВУЗов,— Продолжает рассказывать Беляй.— А на следующий год меня «забрили», но когда в военкомате узнали, что у меня «студенческая бронь», хотели не призывать. На мои настойчивые просьбы, военком заставил написать расписку, что я сам, добровольно, ухожу из института и из номерного завода, где тоже, кстати, можно было вполне «отмазаться» от армии, и, в конце концов, меня направили в Лиепаяу в радиотехническую школу ВМФ. Которую успешно и окончил на следующий год.

После двух годов срочной, в 1970 году рядовой Беляй поступает на Военно-морской факультет в Львовское высшее военно-политическое училище Советской Армии и Военно-Морского Флота, которое через четыре года оканчивает с отличием и лейтенантом направляется в ВВС Северного флота.

— Как-то так случилось, что у нас разбиваются подряд два самолета: Ту-95 и Ту-142,— Освежая память, Беляй достаёт свои записи.— На «разбор» полетов прилетает главный инспектор ВВС дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Павел

Андреевич Таран с конкретной целевой установкой разнести в пух и прах авиационный полк и местный гарнизон и по итогам проверки поставить им твердый, железобетонный «неуд». Офицеров снимает с должности, сажает под домашний арест, ходатайствует об увольнении без пенсии и т. д., и т. п. И мне, желторотому лейтенанту, волею случая пришлось доказывать асу Великой Отечественной войны, что летчики разбившихся самолетов не виноваты, что виной всему техника и невероятные объективные причины. Доказал. И разноса не произошло. И никого не сняли. И никого не уволили...

Затем Беляя переводят служить на боевые корабли Северного флота, где проявляются его недюжинные организаторские и профессиональные способности.

— Эсминец, на котором служил в 1984 и 1985 годах, мне приходилось спасать от верной гибели дважды. Особенно на волосок от гибели оказался эсминец в 1985 году. Загорелась электропроводка в погребе с основным боезапасом: температура — полторы-две тысячи градусов (наши умники вздумали тушить возгорание водой), едкий дым, пар. Аварийная команда прибыла не со своими изолирующими противогазами — не посылать же юнцов на верную смерть. Штатные должностные лица, отвечающие за живучесть корабля, а их пять человек, не знали, что делать, что предпринять. Закрыв глаза, сделал глубокий вдох и прыгнул в люк погреба. Бегу в сторону адской температуры, бегу и считаю с закрытыми глазами шаги. Пробежав сколько можно было терпеть, открыл на мгновение глаза, оценил обстановку и повернул назад. Подбегаю к трапу, а его нет. Не обнаруживаю трап — пробежал мимо. Легкие разрываются, требуя свежей порции воздуха. В голове молнией проносится количество шагов туда и обратно — нестыковка: делаю три шага назад, хватаюсь за раскаленные поручни трапа и пульей вылетаю на палубу. Тут же организую отсечную завесу пеной горящую переборку с обратной стороны. Полторы минуты — как потом просчитали наши теоретики — оставалось до взрыва боезапаса.

Еще Беляй рассказал, как, участь в академии, он раздолбил в учебном бою на тренажере «Атака» элиту профессорско-преподавательского состава.

— В состав нашей подлодки входили три члена экипажа: командир, старпом и штурман, и мы должны были атаковать вражеский авианосец и три корабля сопровождения. На третьей минуте теряет сознание старпом, реально теряет сознание, и им занимаются медики. На пятой минуте, не выдержав напряжения боя, из-за пульта тренажера убегает штурман. И ваш покорный слуга в одиночку мало того, что топит вражеский авианосец и все корабли сопровождения, он незамеченным уходит от авиации и подлодок противника. Академики и профессора не верят своим глазам, назначают повторный бой. Итог такой же, как и в первом бою.

— Вундеркинд, прямо, — Не удерживаюсь от реплики.

— Какой там вундеркинд? Противника надо знать досконально, все его слабые и сильные стороны — тогда и обеспечена победа.

— Ангола?

— Что — Ангола? Почти год пробыл там. Общался с четырьмя президентами, с пятью премьер-министрами, с шестью министрами обороны африканских стран. Надолго очистил акваторию океана от пиратов и диверсантов. Довелось спасать советских граждан от верной гибели во время штурма бандитами Луанды. За что чуть не отдали под суд. Мол, дескать, куда подевались два годовых запаса боекомплекта, и докажи, попробуй, всяким-разным чинушам, что ты — не верблюд, что люди-то, люди-то живы, что этими двумя годовыми запасами спасены сотни жизней..

Илларионович опять начал перебирать свои записи.

— Чуть не забыл. Во время маневров «Океан-70», сидя как-то в столовой, услышал за спиной, что кто-то говорит о невозможности выполнения учебно-боевой задачи в таких сложных метеорологических условиях. Оборачиваюсь — сзади обедает маршал Советского Союза Москаленко со свитой — и высказываю свои соображе-

ния, как победить условного противника в создавшейся обстановке. На что маршал ответил: «Раз есть в Красной Армии такие лейтенанты — будущее Вооруженным Силам обеспечено».

— Лейтенанты-то, — теперь моя очередь вздохнуть, — обеспечили и обеспечат...

— А верховные... — опять следует ненормативная лексика, в которой дается исчерпывающая характеристика нынешним, так называемым, рулевым Армии и страны (к сожалению — не Державы)...

ПАРОЛЬ: «АНГОЛА»

Лариков Александр Анатольевич, родился 21.03.1938 в городе Калинин (ныне — Тверь); Ангола.

Который раз ловлю себя на мысли о том, что вроде бы знаешь о человеке все, или, по крайней мере, знаешь о нем немало, но иногда невзначай в случайном разговоре вдруг обронишь, казалось бы, ничего незначащее слово, то оказывается... Так и в этот раз, встретив своего сослуживца, как всегда, обнялись, похлопали друг друга по плечам, заговорили о жите-бытье, о том, о сем, и вдруг он произносит то самое, на первый взгляд, ничего не значащее, вроде бы, слово...

С Тоlichem Лариковым я знаком с начала восьмидесятых годов прошлого столетия: служили вместе в штабе 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии. И в повседневной жизни, и на учениях, и частых командировках мы поддерживали не то чтобы какие-то там уж слишком дружеские отношения, но приятельско-служебные — точно. В принципе, так и принято, в любом военном сплоченном коллективе. Когда — в 1993 году — ему представилась возможность убыть в командировку в Анголу, он не раздумывал.

Краткая биографическая справка.

— в 1956 году окончил среднюю школу в городе Калинин;

— с 1956 по 1959 год — служба в Пскове в отдельном батальоне связи 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии, которой в то время командовал гвардии генерал-майор Евдан Андрей Алексеевич;

— 1959 год — увольнение в запас в звании гвардии старшего сержанта радиотелеграфистом 1-го класса и поступление в Калининский государственный педагогический институт на естественно-географический факультет;

— до начала 70-х годов — работа корреспондентом, редактором многотиражной газеты; затем — призыв в ряды Советской Армии: сдача экстерном выпускные экзамены в Львовском высшем политическом училище и начало службы гвардии старшим лейтенантом в должности замполита роты в 1-м парашютно-десантном батальоне 137-го гвардейского парашютно-десантного полка в Рязани;

— до июля 1983 года — служебный путь до звания гвардии подполковника и должности секретаря партийной комиссии дивизии;

— с 27 июля 1983 года по 27 августа 1985 года — служебная командировка в Народную Республику Анголу;

— с 1985 года — в запасе, затем — в отставке; живет в Туле.

...Поговорили, вспомнили друзей-товарищей, договорились о новой встрече, на которую Лариков принес свои короткие воспоминания, написанные четким каллиграфическим почерком политработника.

Из воспоминаний гвардии подполковника в отставке Александра Ларикова:

«...В Анголу добирался на самолетах из Шереметьево-2 с посадкой в Париже и далее до Луанды. День отдыха-инструктажа и новый перелет до города Лубанго — конечной точки моего назначения, где находилась военная миссия ПЛАН СВАПО...».

— ПЛАН СВАПО,— поясняет мне Лариков,— это главный политический орган повстанческой армии Намибии, бойцы которой дислоцировались и проходили обучение на территории Анголы, готовясь к борьбе за свободу и независимость своей страны. Моя же должность называлась «Военный специалист при Главном политкомиссаре ПЛАН СВАПО».

— Нехило. Ну, да — ладно.

«...Жили в двухэтажном особняке, огороженном высочайшим забором. Жили, по большому счету, в промежутках между поездками на учебные центры и базы ПЛАН, расположенные в радиусе 450—500 километров от Лубанго в глухих лесах или бушах. Еще принимали участие в длительных походах по бушам в составе наших военных специалистов, сопровождая своих подсоветных.

Базы-центры по подготовке партизан ПЛАН были хорошо оборудованными, жилища для офицеров и солдат располагались в землянках, учебные «классы» под открытым небом, защищенные с воздуха широкими листьями деревьев.

В мою первоочередную задачу входило как можно быстрее освоиться в новой обстановке, узнать людей, уяснить особенности партийно-политической работы в партизанских отрядах с бойцами низкого общеобразовательного уровня.

В ноябре 1983 года состоялась моя первая дальняя поездка на ОКП ПЛАН (ОКП — оперативно-командный пункт), расположенный от Лубанго практически на границе с Намибией. Наш маршрут пролегал по территории, на которой всюду орудовали диверсионные группы из ЮАР. По обочинам дороги валялась изуродованная военная техника, подорванная на минах. На самой дороге воронки от взрывов, много — свежих; три моста взорваны. В этот раз добрались без происшествий. Быстрые приветствия, и мы рассредоточились по местам отдыха, тщательно замаскировавшись от посторонних глаз — большая вероятность того, что противник может находиться совсем рядом. Противник, которому ни в коем случае нельзя знать, что приехали советские военные специалисты. Мне предстояло выступить перед партизанами и их командирами о военно-политической линии СССР в международных вопросах и о практическом обеспечении партизанских образований...».

— Непосредственно в боевых действиях приходилось участвовать? — задаю провокационный вопрос, зная наперед, что вряд ли получу утвердительный ответ ввиду секретности деятельности советских военных специалистов в тех далеких «горячих точках». Хотя, за давностью лет...

«...В период открытой агрессии войск ЮАР против НРА в 1985 году, с целью активизации боевых действий личного состава ПЛАН, меня откомандировали в 20-ю мотострелковую бригаду. В ходе работы в этой бригаде непосредственно участвовал в боевых действиях по отражению натиска и уничтожению диверсионных групп УНИТА. Раненым в боях бойцам намибийской бригады приходилось часто оказывать наряду со штатными санитарными инструкторами и медицинскую помощь.

Это — боевые будни. Вот, 5 февраля 1985 года... Но по порядку.

Шла плановая работа в учебном центре «Джумба». В 11 часов 50 минут — подробности врезались в память практически по мгновениям,— следуя по маршруту: стрельбище — расположение учебного центра (в автомобиле находился один, ввиду близкого расстояния), попал в засаду, неустановленной по своей принадлежности, диверсионной группы. Мыслей никаких не было, все происходило на «автомате», как в замедленной киносъемке. Вырубил одного, вывалился из машины, вырубил второго — кто же из этих «басмачей» мог знать, что нарвался на советского десантника, пусть и политработника. Мастерство-то не пропьешь! А тут и помощь подоспела. Отделался травмой правого коленного сустава и травмой левого голенистопа — крепко я их тогда приложил...».

— Вот и «сказки» конец,— улыбается Лариков.

— Ничего себе «сказка-сказочка».

Ах, да — чуть не забыл об обороненном слове при нашей неожиданной встрече, прозвучавшем, как пароль: «АНГОЛА»...

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РЕАНИМАТОЛОГ

Поздняков Юрий Александрович, родился 17.07.1947 в Приморском крае; Ангола, Монголия.

С первого курса медицинского института Юра Поздняков, ни много, ни мало, решил стоять на переднем крае практической медицины.

— Что,— задаю Позднякову вопрос (он на год раньше меня окончил Томский военно-медицинский факультет и, естественно, на год раньше меня пришел служить в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк),— так с первого курса стал заниматься реанимацией? Или реаниматологией — как правильно?

— И тем, и другим. Первое — практика, второе — одна из медицинских дисциплин, если хочешь — наука.

— Не будем углубляться в подробности. Тем более, я помню, как тебя через два года работы — или службы? — младшим врачом полкового медицинского пункта, перевели в медсанбат.

— Семьдесят третий год. Первая должность в лечебном учреждении — ординатор хирургического взвода медицинской роты. Оперировал все: травмы, аппендицит, другие полостные и занимался анестезиологией: давал наркоз во время операций. И анестезиология, и реанимация — как близнецы-братья. По сути — две стороны одной медали.

— Про работу в госпиталях я тебя не буду расспрашивать, хотя в каждом лечебном учреждении имеется своя специфика, свои нюансы. Но, по большому счету, операции, да и тот же наркоз, в принципе везде похожи друг на друга.

— В принципе, да.

— Твои «турпоездки»? Первая — в Монголию...

— Пять лет вместе с семьей прослужил в Улан-Баторе. В Центральном госпитале — госпиталь на 600 коек, считай: окружной — занимал должность начальника анестезиологического отделения.

— Трудно?

— Как и во всех госпиталях, плюс постоянные командировки по всей Монголии в армейские госпитали и медсанбаты для оказания помощи, на сложные операции.

— Никакой экзотики — сплошная рутина.

— Не скажи. Всего один случай. Доставили в госпиталь утонувшего...

— Подожди,— перебиваю Позднякова,— где в Улан-Баторе можно утонуть?

— В бочке с холодной водой сорок минут пробыл пятилетний сын одного прапорщика. В приемном покое стали делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. На теле появились — ты знаешь, что это означает — «мраморные» пятна, сердце не работает, окружающие советуют прекратить реанимацию. Мол, бесполезная эта затея. Ни на кого не обращаю внимания, наверно, материл всех. Врубаю дефибрилятор, и сердце пацана заработало. Пять суток не отходил от его кровати.

— Сорок минут в воде — как же мозг? Загнул, поди?

— Скорее всего, холодная вода помешала начаться необратимым изменениям в мозге. А пацан? Пацан через тридцать семь суток был выписан в полном здравии, став еще более хулиганистым среди своих сверстников.

— Ангола?

— На два года — с девяносто первого по девяносто третий — перед увольнением в запас занесла меня...

— Нелегкая занесла? — снова перебиваю.

— Почти. Восемнадцатого марта выхожу из Ил-76 в Луэне — в тени шестьдесят градусов по Цельсию.

— Луэна — это?

— Город в Анголе — родина какого-то мятежного «вожачка». И этот город к очередному юбилею своего предводителя мятежники обещали освободить от неверных. Юбилей, аккурат, подоспел через неделю после моего прибытия в госпиталь нашей миссии. Начался обстрел. Кошмар — один доктор стал считать разрывы мин на территории миссии. Насчитав более ста шестидесяти, забился в истерике. Обошлось: успели нас на самолете эвакуировать в Луанду. Две недели, пока не разбили мятежников, пробыли в столице и — обратно.

— Центральная Африка. Малярия и другие напасти.

— Болел только малярией. Четыре раза за два года.

— Ничего себе.

— Один наш доктор за полгода умудрился восемь (!!!) раз переболеть малярией.

А ты — говоришь.

— Местным оказывал помощь?

— Толпами валили, когда наши врачи приходили помогать в их госпиталь. Свет от движка, который каждый раз заводился ровно — хоть часы проверяй — тридцать минут. Наркозная аппаратура — каменный век. В ларингоскопе лампочка не горит. Спрашиваю: «Почему не горит?» Их медбрат отвечает, что, мол, батарейки на базаре нынче дороги; да, ты, мол, доктор, не бойсь — мы тебе фонариком-жучком посветим: ты, давай, делай свой наркоз. Приходилось наощупь, вслепую, пальцами направлять ларингоскоп в трахею.

— «Смерть фашизму», одним словом. А со своими у тебя много было работы?

— Хватало. Про один случай. Заболела жена нашего главного военного советника малярией, температура под сорок. Собрали консилиум из иностранных врачей почти всех представительств и посольств. Решили, что необходимо ставить подключичный катетер и вводить внутривенно растворы. Но никто не может проделать эту манипуляцию. Присылают за мной, а я первый раз вижу иностранный катетер с какой-то непонятной короткой иглой и длинной трубкой. Да, и последний раз вскрывал подключичную вену полгода назад — мандраж, честно, присутствовал.

— Не приbedняйся — мастерство не пропьешь.

— Попросил, чтобы кто-нибудь перевел инструкцию — никто не знает итальянского. Генерал-лейтенант — главный военный советник — сам не свой. Махнул рукой: где наша не пропадала, и поставил генеральше итальянский катетер с короткой иглой в подключичную вену. Иностранные коллеги зааплодировали, будто я забил решающий гол в ворота соперника.

— Я что-то не понял про итальянский, хитрый катетер?

— Короткая игла на то она и короткая, чтобы ставить в вену в подлокотной ямке, а не в подключичную вену. Это мне потом перевели итальянцы инструкцию.

— Хватит о медицине.

— Голод в Анголе был жутчайший. Люди тощие, коровы тощие.

— При чем — коровы?

— Представляешь: корова за двадцать секунд — засекали специально — сжирала журнал «Коммунист Вооруженных Сил».

Я хохочу на всю ординаторскую реанимационного отделения пятой горбольницы, куда пришел навестить моего коллегу и моего старшего однополчанина и по Томскому военно-медицинскому факультету, и по 51-му полку.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ВОЙНА В АРКТИКЕ: ИЗ РАССКАЗОВ НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

СОВЕСТЬ СОЮЗНИКА

*Россия, Русь! Храни себя, храни! // Смотри,
опять в леса твои и долы // со всех сторон
нагрянули они, // иных времен татары и мон-
голы.*

Николай Рубцов

◆ Случилось вспомнятое в самом начале перестройки, будь она не к ночи помянута. Миновал ровно год со дня опубликования знаменитого антиалкогольного указа Меченого. Год этот прошел весело: народ осваивал очереди за талонной водкой, на службе — с поощрения партторгов и прямого начальства — часами наблюдал по телевизорам, установленным прямо в отделах и цехах, словесные битвы демократов с партноменклатурой. Однако организмы, привыкшие к отдохновительному портвешку и пиву после работы, а то и к водочке — идеальному аннигилятору стрес-

сов, так быстро не перестраиваются. Инерция в них большая, а тут и сам ритм подпитки нарушился: раньше та же поллитровая-литровая доза принималась по сто-двести грамм в течение недели-другой, а теперь, отстояв, да еще на морозе или под холодным осенним дождем два-три часа, озлобившись, каждый «организм» глушил возникший в толкучке стресс уже зараз бутылкой, а то и двумя.

Первым непорядок со здоровьем к началу июня отметил Серега, человек отменного здоровья, худощавый, моторный.

— Что-то у меня мотор ни с того ни с сего колотиться под утро начинает? Опять же брюхо тянет, хотя бы и две недели перед этим не пил... Наверное, горбатый консенсус приказал отраву в водяру добавлять, чтобы народ скорее подох, страну китайцами и неграми заселить, а управлять ими из Нью-Йорка и Тель-Авива,— жаловался он в характерной жестковатой манере выпускника славного Московского авиационного института, где учился в одной группе и пил пиво в «Пиночете» с Мишей Задорновым.

Вторым забил тревогу Николай Андреевич: неизвестные ранее миазиты, хондрозные уколы в поясницу стали навещать дотоле здоровый организм уроженца Севера, где человек с рождения закаляется. Я же лицемерно сочувствовал, про себя предательски хихикая: дескать, меня-то пронесло! Но бог — коллективист в своей сущности и не любит неравенства, потому в конце июня меня стукнуло, да так, что приятели мои не на шутку испугались. А именно: в одно, вовсе не прекрасное, утро проснулся с небольшой, но какой-то туповато-тошнотворной болью в правом боку, без аппетита поел, однако домашним ничего не сказал и поехал на службу. Однако с каждой минутой боль усиливалась, в глазах начало мутиться. Хорошо, автобус имел маршрут мимо нашей поликлиники, с трудом сошел, дотащился, а в регистратуре уже и говорить не мог, только морщился, разевал рыбой рот, тыкал себе в правый бок. Регистраторша что-то сообразила и дала талон к хирургу.

Кабинет хирурга располагался здесь же, на первом этаже, а по раннему времени и хворых бабок, хулиганов с легкими переломами у двери не наблюдалось. Молодой хирург был явно с перепоя, но уже успел опохмелиться стопкой медицинского, потому и мысли его текли в одном направлении:

— Вчера пил? Колбасой несвежей не закусывал?

Я все (чистосердечно) отрицал, поэтому эскулап послал на второй этаж сдать анализы крови и мочи.

Из последних сил поднялся, но в «анализаторской» к исцелению еще не приступали, одна пожилая санитарка переставляла соты с мочевыми банками. Увидев мое состояние, она расспросила о недуге, вскрикнула: «Да у тебя, милок, камень из почки вышел!» — И за руку повела, сама торопясь и сострадавая, в кабинет к урологу, пробила меня через негодующую очередь, доложила врачу о диагнозе. Тот с уважением согласился, мигом вкатил мне укол и велел тотчас идти-ползти в туалет и тужиться на унитазе сколь есть мочи.

Действительно, через пяток минут боль исчезла, моча полилась, навроде как вышибив закупоривающую пробку. «Купировалась»,— заулыбался врач, к которому я вошел уже с легким страданием на лице: острая боль прошла, но тупая резь в правом боку еще с месяц отдавала.

— Песочек у тебя, дорогой, вышел. Сегодня сходишь на рентген, все анализы сдашь, вот тебе направления и больничный, а завтра во вторую смену ко мне.

Назавтра врач подтвердил свой диагноз (точнее говоря, диагноз старой санитарки), успокоил: песчинка единичная пока была, но — он заулыбался — процесс пошел, теперь тебе следует повнимательнее к здоровью своему относиться, диету определенную соблюдать (вот я расписал на листке, возьми), раз в год хорошо на курорт

ездить, минералочку пить. Кстати, у нас в области как раз курорт урологического, в числе прочего, профиля есть и очень замечательный. А почему именно сейчас этот «процесс пошел»? — Так, дорогой мой, сорок лет — один из основных критических возрастов человека, все хвори обостряются, предупреждение, так сказать, шлют: смотри, поаккуратней, а то хуже может быть!

— Так что же, теперь мне всю жизнь под дамокловым мечом ходить, приступов ждать?

— Отчего же, ведь не камень, а песочек, это почитай у каждого мужчины бывает. Здесь главное — профилактика, легкое санаторное лечение-поддержка, отвары пить, диета щадящая опять же. Словом, подобрать режим питания и, так сказать, образ жизни и все будет хорошо, даже и не очень обременительно.

Оптимизм доктора передался и мне, даже пересказал ему гипотезу Сереги относительно нарушения ритма приема винной порции и влияния этого на здоровье. В шуточной форме, конечно. Однако умный доктор в целом идею поддержал:

— Конечно-конечно, с одной стороны, критический сорокалетний возраст, с другой — нарушение регулярности, так сказать, «приема вовнутрь». А отсюда и изменение режима почечной фильтрации, застой мочи и так далее. Больничный я на три дня продлю, еще раз показаться надо и повторно ряд анализов сдать.

♦ Самое интересное, что Николаю Андреевичу тоже посчастливилось попасть к умному врачу, то есть доктору-мужчине, и тот его миазиты-хондрозы точно так же объяснил, как и мой уролог (я с ним потом не раз и не два в «Рыбном» встречался, где он и консультировал меня), а главное — все тот же местный курорт хвалил.

Серега же к врачу не пошел, ибо полагал всех «клизтирников» агентами сионизма. Уважал он только тех молодых ребят со «скорой помощи», которые за наличку выводили из запоя его соседа — сильно пьющего отставного полковника-летчика с иконостасом боевых наград за все локальные войны и конфликты 60-х — 80-х годов. Позднее, когда Серега стал буржум-рантье, эти же «скорые ребята» пользовали и его самого.

Стоял необычно жаркий июль, точнее — его самое начало. Я вернулся на работу после недельного больничного. Вечер не принес прохлады, когда мы сидели в «Рыбном», отмечая мое выздоровление. Мне, как организму с осложнением, взяли два стакана редкостного в наступившие времена, но явно лечебного вермута. «Он с травами, почки стимулирует», — заботился обо мне Андреевич.

Что делать? Мы с Андреевичем, как имевшие на руках предписания врачей о пользе санаторного лечения, автоматически, согласно Конституции, могли рассчитывать на летние путевки в оздоровительные учреждения. Мысли наши все более и более склонялись к тому самому, рекомендованному врачами, курорту.

Мы и раньше о нем слышали, но пугало его какое-то тоскливое название, опять же в глубинке области... Дескать, приедешь, а там деревня деревней, палата на десять человек, на голом месте бараки стоят, скука. Однако опытные женщины, профессиональные больные из отдела, нас разуверили: хорошо там, лес, сразу две реки, добираться просто: сел на автобус — и прямо до ворот за два с половиной часа!

Решились мы с Андреевичем здоровья ради, а Серега грубо отказался.

— Видал я в гробу вашу деревню! Ни баб, ни вина, да еще со всякими процедурами белохалатники замотают. Нет, я как всегда без подруги (так он именовал спутницу жизни) в Сочи махну, сниму там хату, телку с пляжа возьму, буду мотор молодым вином лечить. А вы, мужики, поезжайте, у вас-то дело крупняк, серьезное, потом мне расскажете, может на следующий год все втроем махнем!

На том и порешили, а наутро мы с Андреевичем, получив благословение от на-

чальника сектора и добрые напутствия и практические рекомендации от сослуживцев, двинулись в профком.

♦ Все мои преубеждения относительно «деревни в дыре» снялись сразу после того, как мы с Андреянычем сели в десять утра в комфортабельный автобус на автостанции. Наши жены махали вслед руками, оставаясь в душном городе. Веселое июльское солнце пробивалось сквозь матерчатые шторы на окнах, веселила музыка из чьего-то магнитофона. Немошных и калек в автобусе не наблюдалось; преобладали молодцы нашего возраста, некоторые, видно, знакомые по прошлым поездкам на курорт, подмигивали друг другу и кивками показывали на вторую половину контингента едущих лечиться-оздоравливаться: матерых, молочно-восковой спелости женщин от тридцати до сорока пяти лет, одетых по последней туристической моде, отменно загорелых.

Повеселели и мы, даже откупорили четвертинку из талонных запасов, не привлекая внимания, пригубили за начало отдыха, лечения тож.

Допинг прибавил нам красноречия и уверенности в себе, понравившись стреляющей острыми глазками, видной из себя регистраторше, мы получили номер с удобствами на двоих в новом, только что построенном корпусе — самом престижном.

Сам курорт нам понравился, имел он вовсе не провинциальный антураж, народ собрался со всей страны с преобладанием земляков (даже пару-тройку знакомых встретили) и москвичей... Но более всего удивился Николай Андреяныч: возвращаясь с первого же обеда и вставляя ключ в замок своего номера, он заприметил боковым зрением, как из соседней двери вышел, по-хозяйски осматриваясь, никто иной, как хорошо ему знакомый отставной полковник Шулейко Борис Никифорович, бывший — в годы войны — сослуживец, точнее говоря, политотдельский начальник, его отца Андреяна Матвеевича, а теперь и почти что сосед; жил он в собственном доме на окраинной улице Севастопольской, а на параллельной улочке, состыкованной с Севастопольской садами-огородами, проживали в собственном же доме родители Николая Андреяновича и младший брат с семьей.

Понятно, что на соседних этих улочках, даже не вода кумовства, все друг друга знали, а Николай Андреянович тем более знал Шулейко по рассказам отца. Раньше они при встречах здоровались.

Борис Никифорович, представительный и щирый хохол в самом начале восьмого десятка, смотрелся в щегольской легкой курортной паре из натурального льна, загорелый, с добрым, снисходительным выражением лица, прямо-таки отдыхающим директором крупного завода, а лет ему на взгляд даже самые опытные женщины более шестидесяти бы не дали. Сами убедились позднее: на вечерних танцах Шулейку с восторгом приветствовали, передавая друг другу от танго к вальсу, матери сорока-пятилетние, что называется «кровь с коньяком», красотки.

Отставной черный полковник (как человек флотский, хоть и сухопутный, на службе он носил черный мундир) внимательно пригляделся к новым соседям, оценивая их «вес», а отсюда и дальнейшее поведение свое. Но его выводы опередил Николай Андреянович.

— Добрый день, Борис Никифорович! Рад встретить вас. Мы вот тоже с коллегой решили подлечиться...

— А-а, Николай! — заулыбался добрейший полковник.— Да-а-а, вот так встреча. Что-то редко тебя вижу у нас в Криволучье, впрочем, слышал — примаком у жены в центре живешь. Однако родителей не забывай, почаще захаживай! Как там Андреян? Сколько ему сейчас? — Да-да, он же с 17-го, на два года моложе меня, стало быть, семьдесят вот-вот стукнет. Мы-то с ним с 37-го знакомы, Финскую и Отечественную

сломали... Ну, я на процедуры, еще побеседуем, а вы устраивайтесь, отдыхайте. Лечиться вам, конечно, еще рано, а профилактику, так сказать, провести оч-чень даже нужно. Ведь какие дела в стране разворачиваются! — Шулейко с восхищением помотал головой.— Государству сейчас очень даже потребуются здоровые, умные люди. Перестройка потребует полной самоотдачи...

Шулейко явно вспомнил боевую политотдельскую молодость и возмужалость, но вдохновенный его монолог оборвала отчаянно, по-курортному красивая и раскрепощенная дама лет сорока, вышедшая из двери номера напротив нашего:

— Борис Никифорович,— лукаво и нараспев произнесла она волнующим голосом,— мы с вами на *озокерит* опоздаем!

Отсалютовав нам, бравый полковник шаловливо подхватил красотку под локоток и увлек к выходному холлу этажа.

◆ Несколько дней мы с Андреянычем адаптировались к неспешной курортной жизни, благо до сих пор проводили отпуска семейно на шумном юге, либо в не менее веселых домах отдыха на Оке и Волге. Поскольку же нашлись и отдаленные знакомцы, познакомившие нас со скучающими без дела подругами своих курортных приятельниц, то вторая половина дня (первая — в процедурах, которых нам с коллегой прописали великое множество, а и мы к лечению внимательно отнеслись) протекала весело. Именно поэтому мы очень даже скоро израсходовали «на прописку» весь наш НЗ талонной, привезенной с собой водки, а для дам — захваченную пару бутылочек вина.

Поэтому, когда проснувшись поутру от бившего в глаза восходящего солнца, включив местную трансляцию, мы услышали поздравление диктора с Днем Военно-морского флота, что случается во второй половине июля месяца, то очень даже огорчились. Николай Андреянович, родившийся в семье военного моряка и выросший в героическом городе Полярном — базе Северного флота, даже известную присказку переиначил: «Год не пей, а в день ВМФ укради и выпей!» Я также не сторонний человек боевому нашему флоту: окончил в Ленинграде инженерный институт с военноморской кафедрой, имел воинское звание (к сорока годам) капитан-лейтенанта запаса, два раза на Балтику на сборы откомандировывался — на минных тральщиках.

Проконсультировавшись у местных бабок, продававших около питьевой минеральной галереи отдыхающим мед и овощную зелень (курорт располагался на территории передового в области совхоза, руководимого братом нынешнего губернатора), совсем упали духом. Бабки жаловались, что на время посевной-уборочной районные власти даже законную талонную отменили, «а самогон вам, миленькие, никто и не продаст, участковый наш собирается в милицейское училище поступать, выслуживается, потому озверел совсем, с утра до вечера бегает, все вынюхивает, даже провокаторов подсылает».

Невеселые пришли мы с процедур, а тут, для пущей тоски, тучи набежали, и дождь до ночи зарядил. Вот и валяемся мы на кроватях после ужина, танцы по причине погоды отменены, со злости на литературные темы вялый разговор завели: ведь не пойдешь к знакомым девушкам-дамам в праздник (а День ВМФ и с Ильиным днем совпал) с пустыми руками! Вспомнив о девушках, начитанный от диссидентской литературы Андреяныч зло посмеялся над своей новой знакомой, тоже начитанной. Та утверждала, что по созвучию фамилий она является дальней, но — родственницей живущей в эмиграции в Париже знаменитой поэтессы Ирины Одоевцевой; в самиздате, точнее говоря, в полуслепых «эровских» копиях, только что появилась в стране мемуарная книга поэтессы «На берегах Невы»; заметим, в те годы даже женщины с высшим образованием не пропускали ни одной литературной новинки.

— В столицах, так там с началом перестройки и демократии уже все поголовно,

особенно из товарищей евреев, себя потомственными дворянами объявили,— язвительно бурчал Андреяныч,— и наша провинция туда же поперла! Там сахаровская супружница Боннэр себя грузинской княжной нарекла, а наши тоже решили не отставать!

— А что, эта самая парижская Одоевцева тоже не из Одоева,— скаламбурил я.

— Козыряй! Ее подлинное ФИО — Рада Густавовна Генрике. А псевдоним, столь ей полюбившийся, дал знаменитый поэт Николай Гумилев, когда в двадцатом году готовил к печати ее первый сборник стихов «Двор чудес».

— Да-а-а, какая-то эпидемия мимикрии у нас в стране и во все времена. Слушай, а вот зеки как-то умеют чифиром чайным хмелеть?

Неизвестно, до чего бы мы договорились, но в дверь раздался внушительный стук, вслед за которым в решительно отворенную дверь вошел сам Борис Никифорович Шулейко с добрейшей улыбкой на широком, отменно загорелом лице.

◆ Мы раскрыли от изумления рты и как-то неосознанно вскочили с досадных кроватей, опустив руки по швам домашних шаровар: Шулейко был одет в летний вариант морской полковничьей формы.

— Почему не веселы, молодцы? — подмигнул бравый вояка и явно заинтересовался моей тельняшкой:

— Во флоте служил?

— Капитан-лейтенант запаса, товарищ полковник, по военной кафедре.

— Тогда тем более — почему грустим? А-а, понятно,— Шулейко снова, но уже хитровато, подмигнул,— перегибает, перегибает наше руководство с антиалкогольной кампанией! Но день-то сегодня святой, поэтому попрошу, товарищи офицеры запаса, проследовать в мою каюту!

В соседней каюте полковник Шулейко проживал один; это вообще был на курорте один из немногих, только-только начавших появляться одноместных номеров, да еще с телевизором и холодильником. Полная роскошь! Не дожидаясь вопросов, Шулейко охотно объяснил, накрывая стол, что-де он теперь уже не руководит режимной службой на механическом заводе, а по рекомендации облвоенкома, бывшего младшего своего сослуживца, назначен начальником областной же детско-юношеской военно-морской школы.

— ...Должно быть знаете? — На Менделеевской, в здании напротив Кремля. Передаю вот опыт службы и жизни подрастающему поколению, воспитываю будущих нахимовых и ушаковых. Так что форму не только лишь ради праздника с собой взял, а это теперь опять моя повседневная одежда...

Стол меж тем уставлялся тарелками с заранее нарезанной колбасой и отменно-розовым салом. Меня хозяин послал в «санотсек» помыть огурчики-помидорчики, а Андреянычу поручил откупорить шпроты и сардины. Под конец сервировки, значительно кивнув нам, достал из холодильника литровую бутылку, наполненную чем-то янтарным.

— Своя, тройной перегонки, на травах и корешках настоенная. Хохол, даже если в кораблекрушение на необитаемый остров попадет, без сала и горилки не останется! Ну-с, за наш праздник,— Шулейко бережно налил по половине стакана,— за наш, теперь уже океанский флот, чтобы ему по семь футов под килем всегда было!

Уютное же получилось застолье! В ярко освещенной комнате (а за окном дождь барабанит, слякоть...), с поместительным холодильником-самобранкой, а как хохотал Шулейко, раскрасневшийся, после второй поменявший летнюю форменку с погонами на тельняшку! Душевная велась и беседа, благо словоохотливый полковник всю историю войны на Севере видел и знал воочию. Николай Андреянович вспомнил-таки о несостоявшемся отцовом ордене Георга.

— Э-э,— оживился Борис Никифорович,— с этими «георгами» одни истории, одна другой чуднее. Андреян вот заслуженный, как-никак «Эдинбург» с золотом затерявшийся обнаружил, не получил, а были и такие, кто получил, а потом отказывался!

— Как так? — изумились мы оба враз.

— А вот так,— Шулейко разлил под рассказ еще по трети стакана.— Довелось мне в конце сорок третьего в Полярном присутствовать на одном интересном застолье. Пришел очередной конвой союзников; грузовые транспорты-«либерти» проследовали в Мурманск на разгрузку, а корабли охранения, как то было принято, остались дожидаться транспорты, но уже с апатитовой рудой, для обратного хода в Екатерининской гавани Полярного. Как и положено, организовали в Доме офицеров ужин по высшему разряду, сам командующий на полчаса зашел: наши командиры кораблей, политработники, их капитаны.

Я сидел рядом с кавторангом Лощилиным, известным на Северном флоте командиром лодки С-38, а по правую его руку посадили командира британского противолодочного корабля — чина сейчас не припомню — Стивена Доббла. Говорили они меж собой по-английски, я в нем не маракую, но мне потом Федор Тихонович, когда был у нас в политотделе, все пересказал. А разговор у них потому оживленный под конец ужина завязался, что оба командира во время Финской кампании несли дежурство в Баренцевом море. Тебе, Николай, отец, наверное, рассказывал, что Северный флот во время финской полагался действующим, поскольку Финляндия до войны (по декрету Ильича) имела выход к Баренцеву морю — такой коридор между нашей и норвежской границей.

Правда, финны никакого флота на Севере создать не успели, одни пограничные катера, но — враг рядом, наш флот наготове. А теперь — о чем разговаривали Лощилин и Доббл.

♦ Капитан 3-го ранга Федор Тихонович Лощилин прибыл на Северный флот с Балтики, где до того служил со времени окончания Ленинградского училища подводного плавания, за месяц с небольшим до начала Финской кампании, а за год до этого получил первое капитанское звание, уже без приставки «лейтенант». Прибыл не ленинградским поездом в Мурманск с чемоданом, как многие его коллеги по будущей службе в Арктике, направляемые в те дни из Кронштадта, Либавы, Севастополя, Владивостока и даже из Каспийской флотилии для спешного укрепления основного флота страны в грядущей войне... Нет, Федор Тихонович основательный в жизни и хозяйственный мужик и прибыл прямо в Полярный, в Екатерининскую гавань со всем своим хозяйством, то есть с экипажем и собственно кораблем — новенькой подлодкой С-38, только что сошедшей со стапелей в Гамбурге и переправленной во вновь (первый раз — при царе) обустройстваемую базу КБФ* в Либаве. Лодка эта в числе нескольких десятков других была передана СССР Германией в рамках торгового договора-приложения к пакту Молотова-Риббентропа; один из множества мудрых ходов Иосифа Виссарионовича: сам фюрер помог доукомплектовать боевыми кораблями, в том числе лучшими в то время в мире германскими *U*-ботами**, Северный флот.

Тогда же Федор Тихонович получил и второй свой боевой орден, выполнив ответственное и опасное боевое задание, доверенное почти что свежеиспеченному капитану. Дело все в том, что лодку не стали везти, как обычно, по Беломорканалу, а отправили своим ходом вокруг Скандинавии, да еще с западным крюком в сторону

* Краснознаменный Балтийский флот.

** *Unterseeboot* — подводная лодка (нем.).

Шотландии и все это по театру боевых англо-германских действий. Задачу Лоцилину ставил сам командующий Балтфлотом: по ходу следования вести сбор данных об обстановке, особо интересуясь Флотом Метрополии. Зачем это так понадобилось командованию — Федор Тихонович понял только с началом финской...

Путь был опасен, да и время года штормовое. На дизеле шли только по ночам, а в светлое время суток разъярившееся Северное море захлестывало перископ. Два раза и глубинные бомбы рвались по курсу — ведь не под флагом шли! Только обогнув западную оконечность Норвегии, пошли открыто, без погружений — здесь уже господствовали немцы. Орден дали Лоцилину заслуженно, не забыли и экипаж, который теперь с полным правом в Полярном считали боевым.

♦ С началом войны с Финляндией командование учло опыт Лоцилина в разведдействиях на море, поэтому С-38 редко можно было видеть у пирса Полярного. Объектом внимания, в первую очередь, были финские порты на Баренцевом море. Поскольку же боевых кораблей у противника на севере не было (весь их флот во главе с флагманом-крейсером «Ильмаринен» оставался на Балтике), не хватило финнам средств на второй свой флот, все ушло на линию Маннергейма, — то наблюдение велось, по преимуществу, за английскими кораблями, в свою очередь, постоянно дежурящими у финского берега. Англия на ближайшее время не рассматривалась в качестве возможного союзника, но, всячески поддерживая Финляндию, была готова на любые провокации. Такую диспозицию давало советским морякам командование.

Это уже позже, в Отечественную, расхожим станет понятие «вооруженного нейтралитета» — в применении к Японии, но нынешнее поведение британских кораблей как раз и соответствовало этому понятию. Понятно, что до прямых конфликтов не доходило, но наши лодки у скандинавского финского берега предпочитали ходить на перископной глубине, только дождавшись ночи, убедившись, что в пределах видимости нет кораблей с английским георгиевским флагом, подвсплывали и следовали на недалекие свои базы. Лодка С-38 тож.

Постепенно и дежурившие у финского берега британские надводные корабли (с подлодками было сложнее) становились «знакомцами», а акустики С-38 уже с большей вероятностью различали их характерные шумы. Так было и в тот пополуденный час, когда С-38, завершив свои маневры, собиралась, убрав перископ, отойти от берега миль на пять-десять, всплыть и следовать на траверс Рыбачьего и далее домой, в Полярный. Благо зимний «пополудень» в Арктике уже был самой настоящей ночью.

Однако наступившая темнота, поспешно убранный перископ, а главное — нешумное волнение на море, позволили прозевать английский противолодочный корабль, относительно небольшое судно, даже не имевшее титульного названия, а только бортовой номер. В советском ВМФ аналогичные корабли относят к классу ниже среднего; по тоннажу и вооружению, конечно. И у англичан это явно был не фрегат. Краснофлотцы такие свои корабли в обиходе зовут «охотниками».

Если здесь, в этой ситуации, и была ошибка командира Лоцилина, то лишь сверхминимальная, ибо предыдущая оперативная обстановка никак не позволяла думать, что обратный курс лодки пересечется с английским кораблем, непонятно почему и зачем вышедшим из небольшого фиорда справа от финского порта; ранее никто не замечал, что этот глухой фиорд, где даже маяка на входе не было, кем-то посещается, кроме как маленькими рыбацкими баркасами — да и то не в зимнее время.

Кроме того, сама обстановка была не в пользу лодки С-38: трехбалльное волнение на море слепило перископ (почему его и убрали ввиду ненужности), а для акустиков создавало фон, заглушающий шумы надводного корабля. Наоборот, акустики корабля английского имели возможность обнаружить и запеленговать лодку, хоть и

убравшую перископ, но шедшую еще на перископной глубине: здесь и законы физической акустики работали на них. Наконец, даже самый сверхбдительный командир расслабится, выходя из зоны разведки, заранее зная, что здесь только английские надводные корабли, а англичане знают: здесь могут быть только советские лодки, а маньяков-убийц среди командиров тех и других не держали...

◆ Федор Тихонович, расстегнув китель, заполнял вахтенный журнал — на берегу старпом на основе этих записей напишет по установленной форме донесение. Он писал, сверяясь с принесенной штурманом картой; только что он отдал приказ уйти вниз от перископной глубины; то ли интуиция сработала, а может и совпадение обстоятельств случилось, но в тот момент, когда лодка сошла на табельную глубину, принайтованный к полу столик, на котором Лоцилин писал, ощутимо вздрогнул, глухой звук пустой бочки заполнил отсек рубки. За ним раздался второй — громче, а дальше пошла серия взрывов «глубинок» со все усиливающимся стуком по пустой бочке. Однако и последний взрыв, самый близкий, до лодки не дотянул: взрывы (это потом подтвердили акустики) шли на перископной глубине и чуть лево по борту; это их и спасло.

...Еще гремели первые взрывы серии глубинных бомб, а старпом — по кивку капитана — отдал по связи приказ «стоп машина». Лодка по инерции скользила в водах, раскачиваясь от взрывных волн.

— Всплывать, разбираться? — первым нарушил молчанье старпом сразу после последнего взрыва серии: число их хорошо было известно.

Старпом предлагал действовать по инструкции в ситуации ошибочной атаки; другой версии здесь не просчитывалось. Однако чутье, еще ни разу не подводившее Федора Тихоновича, говорило о другом.

— Замрем. Дальше видно будет.

Капитан шел на сверхриск, это было заметно и по выражению лиц старпома, штурмана и залетевшего в рубку вахтенного офицера. Командир молчал, сцепив руки над рабочим столиком.

— Свяжитесь с акустиками.

Вахтенный выскочил из рубки. Время тянулось. Включилась громкоговорящая связь: акустики докладывали, что удалось прослушать ход надводного корабля, делающего маневр, но явно замедляющего ход. Сообразительный акустик работал только на прием. Штурман, не дожидаясь распоряжения капитана, по данным акустиков уже делал расчет.

— На момент нашего и противника останова будем находиться на расстоянии семи-восьми кабельтовых. Противник влево по борту и выдвинут по курсу на два кабельтовых.

Прошло полчаса. Лодка замерла. То же самое акустики свидетельствовали и о корабле. Они же докладывали, что волнение на море несколько утихло, фон заметно уменьшился.

— Наверное, пошел заряд*, — подтвердил капитан.

Напряженность ожидания (и мольба в душе: пронеси, Господи!) не располагала к оценке случившегося. Пошел второй полчас, к концу которого ожила связь от акустиков:

— Товарищ командир! Противник пришел в движение!

— Хорошо. Постарайтесь сориентироваться в его курсе. Доложите.

У всех: капитана, старпома, штурмана и вновь объявившегося вахтенного — на

* Заряд — внезапный снегопад с небольшим ветром; во время заряда волнение на море снижается (флотск.).

лицах читалось: может, пронесло? Действительно, минут через десять акустик по громкой связи доложил, что корабль, набирая ход, удаляется строго по курсу норд-вест-вест, расстояние до него уже превысило полторы мили. Лоцилин задумался на секунду, чему-то махнул рукой и подошел к перископному посту, отдав приказ на подвсплытие. Остальные подтянулись поближе.

Лоцилин осторожно вывел перископ на самую малую высоту, но волны, хотя и намного меньше предбывших, захлестывали оптику. Вывел повыше и еще выше. Действительно, шел заряд, но уже стихал; именно белесая пелена стихающего снегопада, косо сносимая у самой водной поверхности ветром, и позволила рассмотреть в темноте ночи силуэт удаляющегося английского «охотника».

Коротко сообщив обстановку столпившимся за спиной офицерам (тогда говорили — командирам), капитан не отрывался от перископа минут двадцать, даже когда акустики сообщили, что корабль ушел из зоны акустического контакта; он внимательно, по секторам, просматривал морскую поверхность.

Еще с час лодка стояла, повиснув в толще воды, замершая, беззвучная. Лоцилин снова поднял перископ: в окончательно наступившей темноте нигде не виднелось бортовых огней. Акустики вновь доложили об отсутствии ходовых шумов.

Лоцилин отдал команду идти на базу на средней глубине погружения.

◆...Только выйдя в конце 60-х годов в отставку (последние годы служил в Севастополе командиром учебного отряда подводников), накрепко осев с семьей в родном Краснодаре, открыл Федор Тихонович съехавшимся на его 60-летие однополчанам, тож пенсионерам, среди которых были бывшие старпом и штурман С-38, великую свою тайну:

— А знаете, мужики,— разгоряченный вином и воспоминаниями Федор Тихонович полуобернулся к сидящим справа от него старпому и штурману,— ведь тогда, в сороковом, когда англичане нас едва не потопили, я чуть было весь ход мировой истории в XX веке не повернул?!

— Ну, батя, ты и хватанул,— восхищенно сказал его старший сын, тоже флотский офицер, капитан третьего ранга, прибывший со Средиземноморской эскадры на юбилей отца, каперанга в отставке, кавалера двух орденов Ленина и полного иконостаса других.

А супруга Федора Тихоновича озабоченно посмотрела на батарею коньячных бутылок во главе стола. Кто-то притих в недоумении, а старпом со штурманом переглянулись: похоже, они уже были близки к разгадке странного заявления своего боевого командира.

— Мы вот тогда на базе, в Полярном, в штабе, да в присутствии командующего, не один час ломали головы: что случилось? Почему англичане по нам лупанули? Вроде как никакой логики в их действиях. Провокации им на тот момент тоже были ни к чему... Сошлись же, вы помните, на том, что и курсы наши пересеклись случайно, а бомбы,— вы же все знаете, точнее, помните устройство бомбометателей у наших «охотников»; у англичан — то же самое: бочки-бомбы эти всей серией лежат на помосте наклонном на корме, а слева у низа помоста — рычаг. Рванул его на треть оборота — и все бомбы посыпались. А тут темнота, волнение на море трехбалльное, бежал какой-нибудь салага по корме, поскользнулся на обледенелой палубе, инстинктивно схватился за торчащую рукоять — и посыпались родимые!

Нетрудно объяснить и то, почему взрыватели у них были установлены на перископную глубину: это и у нас практиковалось; в походном положении, когда противник не обнаружен, взрыватели и должны быть на такую глубину установлены, ибо статистика боевого опыта гласит, что внезапная встреча с вражеской лодкой наибо-

лее вероятно на перископной ее глубине, а при направленной охоте уже и устанавливается нужная глубина,— объяснял хозяин голосом и интонацией, приобретенными за время командования учебным отрядом в Севастополе.

— ...Вот такой вариант вроде как все объяснял, да и командованию стало спокойнее. Тем более, что потерь нет и все шито-крыто, тихо то есть, без огласки (с нас подписку взяли), ибо конфликты тогда не нужны были ни англичанам, ни нам. А вот во мне какое-то шестое или шестнадцатое чувство говорило — и заговорило сразу после бомбежки — не все так просто, здесь — *умысел*, что, кстати, как вы знаете, и подтвердилось через несколько лет. Ну, это я вам уже рассказывал.

— Георгич,— обратился Лоцилин к старпому,— ты помнишь, что сразу после бомбежки я не стал всплывать? Вот-вот, потому как чувствовал, что глушили нас намеренно. А всплыли — англичанам и деваться бы было некуда: раз начали, так и кончать, причем сразу, пока мы в штаб по радио донесение не отправили. Пару-тройку снарядов из носового орудия, почти в упор — и прощай С-38!

А вот когда подняли перископ, увидел стоящий «охотник», то мысль первая была: на самых малых оборотах двигателя, чтобы ихние акустики не засекли, развернуться для атаки и дать полный залп, веером, на таком расстоянии не промажешь, хоть одна торпеда, да попадет в цель — и «охотник» в щепу! Потом всплыть, подойти и из пушки* расстрелять всех, кто остался на плаву: на шлюпках, если успеют спустить, на спасательных кругах и в спасжилетах. Причем мысль эта была не предположительная, но — руководство к действию: если они нас, так и мы их!

Уже готовился отдать команду двигателистам и в торпедный отсек, да не покидало сомнение, все более и более давящее: если акустики на «охотнике» и не засекут разворот лодки, что тоже сомнительно — ведь там прислушивались к результатам своей атаки, то торпедный залп-то точно идентифицируют, тотчас сообразят что к чему и успеют дать радиограмму в свой штаб. Что тогда будет?! То, что меня наши славные особы к стенке тотчас поставят (англичане оправдаются, дескать, бомбы по халатности салаги-рядового за борт сбuzовали, совпадение, что наша лодка «в нужное время и в нужном месте» оказалась, да еще и приплетут, что мы уже тогда готовились торпедировать их...) — плевать мне было! А вот то, что ты, Георгич, остальные офицера и треть команды, как исполнившие приказ сошедшего с ума командира, а лучше — провокатора и тайного агента всех спецслужб мира, включая аргентинскую, за мной последуете... это-то меня только и остановило.

А все же, торпедируй мы англичан — что бы было? Ведь с самого начала финской войны британцы едва сдерживались, чтобы на стороне Финляндии не выступить: каких-то там голосов в парламенте не хватало. А тут... тут и голоса бы несомненно сыскались, а история совсем по другому раскладу, самому невероятному, пошла. А вы говорите: роль масс в истории решающая, а роль личности — подчиняющаяся!

◆ Капитан британского противолодочного корабля, бортовой номер 207, Стивен Доббл получил в середине дня шифровку из оперативного отдела штаба: зайти в неприметный фиорд (незнакомое название он сверил с картой) справа от финского порта, в районе которого корабль курсировал в дежурном порядке: прослушивал море на предмет появления с целью разведки русских подводных лодок. При пеленгации последних — финских, равно как и любых других субмарин здесь быть не могло — Доббл по инструкции должен был садиться им «на хвост», демаскируя их и тем самым вынуждая всплывать или уходить восвояси в подводном положении. В штабе же

* Подводные лодки времен войны имели на вооружении палубное орудие, установленное примерно посередине между форштевнем и рубкой.

полагали, что лодки могли заходить и в тот самый фиорд. Правда, за каким чертом? — Этого штабисты в шифровке не поясняли.

Доббл мысленно выругался, ибо со вчерашнего дня сильно простудился, хотя вроде бы и по привычке к самой в мире дикой погоде зимней Арктики, а потому рассчитывал уже через час-другой спокойно выпить чаю с виски и отоспаться. Мрачно, с хрипом и кашлем, отдал команду, перепоручив штурману сверку с курсом. Более всего Доббл ярился на русских, которые в один присест предали Англию и всю Европу заразу, снюхались с фашистами и напали на беззащитную Суоми. Здесь следует отметить, что жена Доббла по происхождению была полушведкой-полуфиннкой. Далее, вроде как, и пояснять не требуется: какие чувства обуревали Стивена, молодого еще капитана, но несколько мизантропа по своему характеру, патриота и потомственного военного военного моряка со времен Трафальгара.

Обследовали скоренько фиорд, где, конечно же, никого не было; последние плавсредства сюда заходили, скорее всего, осенью с селедочными неводами, а военные корабли — во времена викингов. Отдал команду на обратный путь и приказал коку принести горячего чаю с лимоном. Однако на выходе из фиорда, переключив курс на норд-вест-вест, корабль вошел в зону трехбалльных волнений, а чай оказался во все и не горячим, что Доббла опять-таки вывело из себя. Он собрался было вылить свое раздражение на штурмана, но включилась связь с акустиком: те запеленговали ход подводной лодки, шедшей на сближение курсом почти наперерез.

Еще молодой, но достаточно опытный уже капитан тотчас оценил невероятно удобную для атаки тактическую ситуацию, а в памяти всплыло заплаканное, с гримасами лица жены — сразу после прослушанного по радио (он тогда был в отпуске, дома) экстренного сообщения о нападении Советов на Финляндию с воследовавшим жестким комментарием премьер-министра...

— Готовиться к атаке,— приказал он штурману,— скорректируй курс, пусть акустики связь не отключают и постоянно докладывают; минеров на боевой пост, — это уже вахтенному офицеру, зашедшему в рубку.

— Кэп! Но здесь ведь только русские подлодки могут быть?

— Отставить. Выполняй команду,— приказал Доббл вахтенному.

Через четверть часа, когда курсы «охотника» и лодки, шедшей на перископной глубине, совпали, а акустики доложили, что подлодка чуть вправо от киля корабля, капитан дал команду резко вправо руля, а вслед за тем — команду атаки на минный пост, после чего корабль так же резко отклонился влево, уходя от неглубоких разрывов, даже в трехбалльное волнение моря покачавших корпус «охотника».

— Стоп машина! — новая команда Доббла.

Пройдя несколько кабельтовых, корабль остановился. Акустики фиксировали полную тишину, только фон моря, впрочем, уже успокаивающегося; надвигался снежный заряд. Прошло полчаса, на заметно снизившемся фоне никаких сигналов акустики не отмечали. Все было кончено. Лодка не всплыла, как должна была сделать в этой ситуации, оставшись на плаву. А если бы всплыла — ничего бы не оставалось, как добывать... Капитану стало неудобно. Не глядя на штурмана и вахтенного, Доббл отдал команду идти в порт, а сам, передав корабль старпому, ушел в свою каюту, попросив вахтенного послать к нему кока с чаем. К чаю он выпил стопку виски. Противная простудная ломота несколько притупилась. Вызвал по внутренней связи радиста и продиктовал шифровку в штаб.

Через месяц Стивен Доббл был награжден орденом Георга. Советы о потопленной лодке промолчали. Понятно, что и Адмиралтейство тоже не афишировало подвиг капитана противолодочного корабля бортовой номер 207.

♦ В конце сорок третьего года, пробившись через бурные в декабре Норвежское и Баренцево моря, потеряв от немецких полетов и ихних же *U*-ботов четверть судов с

грузом и два корабля охранения, очередной конвой PQ* прибыл в Мурманск. Грузовые «либерти» стали под разгрузку, а часть кораблей охранения (основная охрана возвращалась в Англию, передав конвой кораблям Северного флота) пришвартовалась у пирсов Полярного.

Был как раз канун католического рождества. Желая сделать приятное союзникам, традиционное застолье в честь прибытия конвоя начштаба распорядился провести в этот же день, а не как обычно, дав командам англичан отдохнуть сутки-другие. О чем и сообщил капитанам прибывших кораблей штабной адъютант, скоренько побывавший с визитом, с неременной стопкой бренди, у капитанов эсминца, двух противолодочных кораблей и вспомогательного корабля-плавбазы. Все офицеры приглашались к 21.00 в Дом командиров флота, а об остальной команде, как пояснял адъютант, позаботится гарнизонное начальство Полярного.

Изображавший букву «П» стол на полторы сотни персон, как обычно, сервировался в фойе ДКФ по соседству с концертным залом, где перед началом ужина гостям показали последние военные кинохроники. Кстати говоря, в этом самом ДКФ, но уже называвшемся Домом офицеров флота, до переезда семьи на «большую землю», в Т., отец Николая Андреяновича работал старшим электромонтером, да и сам Андреяныч, учась последние два года в школе, страхась конкурса в институт, по вечерам, после школы тоже трудился электриком-осветителем при том же концертно-театральном зале...

Сочли за знак внимания к ним союзники и елку с мигающими гирляндами, что стояла в центре фойе, в проеме той самой буквы «П» банкетного стола; елка по доверенной традиции ставилась за неделю до Нового года. Англичанам эти тонкости не поясняли.

Рассаживанием за столом руководил все тот же шустрый адъютант; не мудрствуя лукаво, он сажал по принципу: два мальчика — две девочки, очевидно, запомнившегося из пионерского детства, то есть — два союзника, затем два наших и так далее. Впрочем, здесь был и толковый расчет: каждый мог одновременно общаться со своим и с чужим, а если учесть, что в пару с нашим боевым командиром адъютант усаживал и политработника, то расклад и вовсе был восхитительным. Правда, боевые наши моряки говорили по-английски, чего не скажешь о политотдельцах, но — очень хорошо вовсе и не хорошо!

Но и на этом забота адъютанта не заканчивалась, он и по характеру общения пары подбирал: своих хорошо знал, союзников оценивал по выражению лица и кратким беседам за рюмкой бренди, когда обегал их корабли с приглашением. Самым мрачным из англичан ему показался капитан Стивен Доббл, командир противолодочного корабля; его он и посадил одесскую известную на флоте весельчака кавторанга Федора Тихоновича Лоцилина, командира геройской подлодки С-38, а для поднятия тонуса огорченного чем-то англичанина подсадил к ним еще большего живчика — политотдельского майора Шулейку, который мог и паралитика до хохота довести, и трезвенника упоить до положения риз. Закончив свой вдохновенный труд, адъютант тушевался. Слово для первого тоста взял командующий.

Потом было много тостов хозяев и ответных — гостей. Пили за героических союзников, за доблестный Северный флот, отдельно и стоя — за Сталина и британского монарха. Начальник политуправления флота предложил выпить за скорейшее открытие второго фронта; союзники несколько сконфузились, а мрачный, хотя уже и в сильном подпитии, Доббл что-то проворчал неодобрительное о Черчилле и Рузвельте...

Постепенно общие тосты сошли на нет, языки развязались, разговоры пошли по

* Кодовое наименование (добавлялась цифра) конвоя ленд-лиза, следовавшего в СССР из Англии. Расшифровку аббревиатуры — см. в романе Валентина Пикуля о караване PQ-17.

группам и группкам, Лоцилин все пробовал разговорить откровенно пьяного, не выходящего из мрачного состояния духа Доббла. Шулейко помочь ничем не мог, ибо в школе и политучилище осваивал немецкий. За два часа застолья только и выяснил Федор Тихонович, что равный ему по званию и годам военной службы английский капитан впервые прибыл с конвоем в СССР, а до этого охотился за германскими лодками в составе Флота Метрополии в северной Атлантике, командовал же новейшим противолодочным кораблем почти крейсерского класса, а до того — небольшим «охотником».

Лоцилин пробовал было разговорить хмурого соседа на морские темы; известно, что моряки о море столь же охотно говорят на берегу, как и рыбаки о рыбалке (в пивной, например). Доббл скупно отвечал, видно по всему было, что в мрачных своих мыслях он где-то далеко — может, в семье что? Или наградой какой обошли? Вспомнив о наградах, Федор Тихонович погладил свой иконостас на кителе, где, не считая медалей, присутствовало несколько орденов, которые в первые годы войны довольно скупно давали: от простенькой «звезды» до первого своего ордена Ленина — за потопленные в один выход в море немецкий эсминец и два транспорта крупного тоннажа с военной техникой и живой силой.

Поинтересовался у английского капитана, также имевшего несколько наград, в том числе офицерский орден Георга высокой степени: за что получены? Доббл еще более сник и даже сделал инстинктивный жест рукой, как бы прикрывая «георга». Зоркий кавторанг это отметил и деликатно переменял тему беседы.

Англичанин временами коротко поглядывал на своего соседа; по всему было видно, что здоровяк и весельчак русский капитан ему нравится. Как будто решившись на что-то, Доббл быстро налил и выпил, не чокаясь, подряд две стопки водки, на секунду-другую задумался и огорошил Лоцилина:

— Сэр, мне очень плохо, мне стыдно. Я вижу, как ваша великая страна и армия почти что в одиночку противостоит фашистам. Пройдя в составе конвоя Норвежское и Баренцево моря, я был потрясен храбростью ваших моряков и летчиков, которые в буквальном смысле закрывали своими бортами наши транспорты и корабли охранения. Мне невероятно стыдно: ведь этого «георга»,— он с ненавистью, скосив вниз глаза, посмотрел на орден, — мне дали за потопление... русской лодки!

Федор Тихонович, поняв, что Доббл не шутит, не иносказательно говорит, по-серьезней. Доббл же, развернувшись со стулом к соседу, быстро-быстро, словно опасаясь, что русский капитан гневно сверкнет добрыми своими глазами, встанет и уйдет, стал рассказывать о своей атаке русской подлодки во время финской войны, о тайной гибели последней, о том, что им двигало тогда... а вот теперь они союзники, соединенные пролитой кровью, вместе бьющие страшного и сильного врага. Этот орден жжет ему грудь, душу, кажется, что вот-вот китель обуглится в месте крепления награды...

— Капитан! — перебил его Лоцилин.— Но в финскую войну у нас не было потерь в подводном флоте. Это не военно-политическая маскировка; я сам в то время служил в этих местах, лодки все до единой знал, все они и в Отечественную войну вступили целехоньки. А, кстати говоря, капитан, не припомните обстоятельств того инцидента, дату поточнее?

Немного поуспокоившись, но еще не веря словам русского капитана, Доббл подробно, с датами, чуть ли не часами, с названием порта и фиорда, рассказывал о злоключениях противолодочного корабля бортовой номер 207. Командир же подлодки С-38 внимательно слушал. На лице его попеременно отражалась вся последовательность навеванных воспоминаниями чувств.

— Знаете, капитан, чтобы рассеять ваши последние сомнения и, как говорят у

нас, снять грех с души, я вам скажу невероятное по стечению обстоятельств: лодкой, которую вы бомбили, командовал я.

◆ Через месяц от описываемой беседы в банкетном фойе ДКФ города Полярного, уже благополучно — не считая развороченного форштевеня в надводной части от непрямого попадания авиабомбы — вернувшийся с обратным конвоем командир противолодочного корабля Стивен Доббл поутру вошел в здание штаба, хотя его и не вызывали, и вручил дежурному офицеру полотняный конверт с упакованным орденом Георга и пояснительным письмом. На конверте стоял адрес Адмиралтейства с указанием имени первого лорда этого ведомства. Затем зашел в буфет офицерской столовой при штабе, попросил кельнера налить ему стаканчик бренди, улыбнулся, облегченно вздохнул и удивил буфетчика фразой по-русски: «За наших доблестных союзников!»

◆ — Вот так-то, ребята, мы хоть и верным курсом идем, — Шулейко заговорщицки подмигнул собеседникам, — но история не всегда уместается ни в краткий, ни в полный курсы; реальная жизнь то норд-ост-ост дает, а теперь, похоже на то, и к весту склоняется. Помяните слова кадрового политработника!

Ошеломленные услышанным, мы с Николаем Андреяновичем молча следили за правой рукой Бориса Никифоровича с бледной татуировкой морского якоря, разливавшего по последней.

— За наш Флот! Семь футов ему под килем! — громогласно провозгласил Шулейко и, не закусывая, округлым своим баритоном затынул родную североморскую: «...растаял в далеком тумане Рыбачий».

Ольга Карагодина
(г. Москва)

СИМУРАНЫ
Фантастический рассказ

Живет и работает в Москве. По образованию библиотекарь. Работала в различных областях образования. Писать прозу начала в 1999 году. В своем творчестве отдает предпочтение юмористическим рассказам и рассказам о животных. Член МГО СПР, Академии российской литературы, творческого клуба «Московский Парнас».

«Моим Солнцем стала Луна,— думал он, пробираясь темной осенней полночью сквозь глухую лесную чащу.— Что я делаю здесь один? Я стал другим. Исцарапал тело и душу. Больно стоять на ветру, не попасть бы мне в западню. Сроднился с волками, но и там стал чужим. Кто я? Не помню. Моим Солнцем стала Луна, не видно ее за облаками. Чу! Слышу в тиши вой. Видно с кем-то сегодня бой».

Он скользнул серой тенью вдоль кустарника. Увидел просвет. За кустами началось тихо шуршащее безграничное поле с ржавой, жухлой травой. Густой туман покрывал его белесым одеялом. Скоро рассвет. Первые светлые лучи, посылаемые небом, уже коснулись туманного покрывала. Чуть дрогнула земля. Он втянул ноздрями влажный воздух. Сегодня выпадет снег. Он это знал. Пригнулся. Вытянул голову в сторону, еще раз принюхался. Лошадь! По полю в тумане скачет лошадь! Копыта размеренно ударяют по земле, заставляя ее дрожать. Он должен ее догнать. Он давно не ел.

Прыжок. Еще один. Сухая поваленная береза преградила путь. Оттолкнулся задними лапами от земли и взвился в бесшумном прыжке, но не рассчитал силы, задев сучья покотился кубарем по траве. Быстро вскочил. Запах кобылы ударил в ноздри, и он помчался большими скачками сквозь туман.

Лошадь что-то почуяла, фыркнула тряхнув гривой, пустилась в карьер. Зверь почти настиг ее. Вот-вот его зубы вопьются в сухожилие задней ноги. Последнее, что увидел было копыто. Острая боль пронзила грудину, свет померк, он упал бездыханным.

Теплый травяной воздух коснулся его ноздрей. Он очнулся, с удивлением обнаружив себя лежащим не в лесной норе под старым обрушившимся деревом, а на широкой деревянной лавке устланной волчьими шкурами.

Посмотрел на свои лапы и не узнал их — это были человеческие руки. Хотел вскочить, завить — не смог. Горло издавало непонятные звуки, ноги не слушались, сердце колотилось в такт доносившимся издали барабанам.

Дверь отворилась. Вошла темноглазая девушка в лисьей шапке, обернутая в волчью шкуру. Она улыбнулась ему, показав ровные белые зубы. Подошла и погладила по голове теплой ладонью.

— Кто ты?

— Не знаю...— прошептал он.

— Мы нашли тебя на рассвете в поле. Мы видели гнедую лошадь. Хотели ее поймать, но она убежала. Ты лежал истекающий кровью. Так кто ты?

— Странник, — шепотом ответил он. — Скиталец. Сам не знаю, то ли зверь, то ли человек. В лесу живу, к людям хожу. Воюю с тенью. Пою песни Луне. Не зверь и не человек. Иной. Один между двумя мирами. Мне нужно уходить. Меня убьют твои братья. Я слышу лязг мечей и вижу волчьи шкуры.

Дверь снова отворилась, в нее вошел воин в кольчуге. Посох в его руке венчал череп волка.

Превозмогая адскую боль, вскочил, ударился оземь, встал на четыре лапы и прыгнул в просвет.

— Волк! Волк! — последнее, что услышал за спиной.

Охотничий рог пронзительно выл.

— Вперед! Вперед! — раздавались крики.

— Я вижу его! Я преследую его! — кричал мужской голос сзади.

— Не уйдет! — вторил ему кто-то.

Вокруг засвистели стрелы. Острые наконечники взрыхляли землю рядом с ним. Он начал петлять, понимая, что по прямой одна из стрел настигнет его. Раздался свист нагайки. Кто-то из всадников попытался кнутом сбить его с ног. Увернулся, мечтая только об одном, скорее достичь леса. Грудь болела и щемила. Капли крови бисером разлетались по ржавой траве. Еще немного и он спасен. Успел оглянуться. Позади других всадников заметил девушку в лисьей шапке. Ее глаза были полны ужаса. Она жалела его, он это знал.

Лес напряженно молчал. Успел. Скрылся. Его не догнать. А если нагонят... Прыгнуть из засады, одно движение и все. Растаять в воздухе. Исчезнуть. Нет ему покоя: ни среди зверья, ни среди людей. Тянет его и к тем, и к другим.

Всадники спешили у кромки поля. Далее преследовать волка не имело смысла. Серый в своих владениях непобедим.

Он заскулил, медленно побрел в чащу. Нашел старый поваленный дуб, под корнями которого и схоронился. Раны болели, и очень хотелось спать. Ему снился старик с длинными седыми волосами, колдующий над котелком, издающим пряные запахи. Веселый огонь ровно потрескивал, наполняя хижину жаром. Он лежал возле старика на оленьих шкурах, наслаждаясь теплом. Старик изредка поднимал голову, смотря на него пристальным взглядом, помешивая в котелке странной деревянной ложкой. Она была исписана какими-то знаками. Потом откладывал ее, подходил к нему и гладил по голове морщинистой рукой.

— Приведи ее. Ты должен привести ее.

Он очнулся. Бок болел меньше. Сперва надо было поесть, а потом навестись в селение. Он обязательно должен был увидеть ту девушку с черными глазами. Его влекло к ней. Что-то подсказывало, что они схожи. Это понял тогда в избушке. От нее исходил особенный запах. Она тоже может оборачиваться волчицей, только не знает, как? Привести бы ее к знахарю. Не один раз старик лечил его раны, когда на него нападали дровосеки или охотники, пытаясь убить его. Только у него в хижине он чувствует себя спокойно и по-настоящему отдыхает. Он спас многих людей в лесу. Заблудившихся женщин с детишками выводил из леса. Замерзающего воина перетаскивал ближе к селению. Из лесного озера вытаскивал мальчишку-рыбака и сидел возле него, согревая своим теплом, пока его не нашли люди. Вся беда состояла в том, что он не мог контролировать процесс перехода в человеческий облик и обратно. Вытаскивал мальчишку человеком, согревал его будучи волком. Его тогда чуть не убили. А уж сколько старушек и молодых дев через лес проводил, охраняя их покой, не сосчитать. Медведей отгонял, лосей пугал, на нужные тропы направлял.

Изо дня в день он приходил к кромке леса и наблюдал за деревней, где кипела обычная жизнь. Воины с утра чистили свои доспехи и оружие, потом уходили на охоту. Женщины варили еду и занимались с ребятами. Темноглазка жила со своей матерью. К ней часто заходил крепкий молодец с колчаном стрел за спиной. В его горле клокотало, когда он это видел. Ему хотелось загрызть его. Нужно было дожидаться. Только бы она пошла в лес.

Велена собиралась за хворостом для очага. Ее необъяснимым образом тянуло в лес, словно кто-то там ее ждал. Она все вспоминала Странника, таинственным образом обернувшегося волком. Его пристальный взгляд. Ей хотелось увидеть его снова. Он был ранен. Кажется, в него попала одна из стрел. Она видела кровь на траве, когда он скрылся в лесу.

Мать просила ее далеко не заходить. Дала с собой берестяной свисток. Напутствовала воспользоваться им, если кто-то обидит в чаще, хотя она была хорошим воином и могла постоять за себя.

Тишина. Запах осеннего леса, невозможно спутать ни с каким другим. Редкие лучи солнца иногда разрывали пелену тяжелых облаков, освещая золотисто-желтые, вишнево-красные, темно-зеленые листья рябин, осин, кленов и берез. Среди пестрой красочной листвы четко выделялись коричневые, черные, спящие-белые стволы. Каждое дерево имело свой особенный наряд, свои оттенки цветов. Прелые листья, тонкий грибной аромат и свежесть ветра... Уже чувствовалось дыхание зимы, и несколько раз выпадал снег. Скоро-скоро всю землю укроет белым одеялом.

Велена не спеша пробиралась сквозь валежник. Только слышно «шур-шур» под ногами. Опавшая листва мягко укрывала до весны высохшую, порыжевшую траву. От ветки оторвался большой кленовый лист и почти бесшумно опустился к ее ногам. Она вдохнула холодный воздух, и... у нее появилось стойкое ощущение, что она здесь не одна. Оглянулась. Окинула взглядом могучие ели, кустарник — никого. Ощущение не отпускало. Она все больше углублялась в лес, в поисках крепких, но не слишком больших сучьев, когда заметила янтарные глаза, выглядывающие из-за можжевельного куста.

— Волк! Тот самый! — Испуга не было. Велена присела на корточки, вытянув вперед руку ладонью вверх.— Иди сюда.

Он осторожно вышел. Мягко переступая лапами, ставя их ровно по прямой линии, опустил огромную серую голову, медленно направился в ее сторону, стараясь не смотреть в глаза. Нос коснулся ее ладони. Запах дурманил. Ему захотелось подставить свою шею под ее руки. Поднял голову. Глаза встретились.

Они сразу же поняли друг друга. Без слов, без лишних звуков. Оба были спокойны. Девушка мягко погладила его за ушами, медленно перебирая пальцами шерсть. По его телу разлились тепло и трепет. Он лизнул ее в губы горячим языком. Встал и позвал за собой.

Велена поднялась с колен. Волк стоял чуть в стороне, обернувшись к ней. Желтые глаза говорили сами за себя: «Идем». Зачем-то ему это было нужно. Появилось ощущение необходимости следовать за зверем. И она пошла за ним. Он неторопливо бежал впереди, все время оглядываясь, проверяя, идет ли она? Обходил овраги и поваленные стволы огромных, поросших мхом деревьев. Шли долго. Несколько раз у Велены появлялись мысли развернуться в обратную сторону, но что-то или кто-то не давали ей сделать это. Дошли до березняка, за ним начиналась небольшая поляна в глубине, которой стояла скособочившаяся лесная избушка. Волк засеменял быстрее. Велена не отставала. Подошли к двери. Зверь встал и тихонько заскулил. С той стороны послышалось движение, через мгновение на пороге возник высокий, могучий

старик. Его длинные седые волосы прикрывали часть лица, выделялись только живые, пытливые, блестящие, молодые глаза. Старче молча улыбнулся в бороду, распахнул дверь шире, показал рукой внутрь приглашая их войти.

Жилище было скромным. Небольшой очаг с тлеющими углями, широкая лавка, заваленная оленьими шкурами, дубовый стол. Под потолком на прутиках сушились, грибы и ягоды. По углам висели пучки с травами. Чего здесь только не было: мята, бессмертник, пижма, лавр, тимьян, боярышник и крапива, чистотел, шалфей, подорожник и много чего другого. Два окна на улицу, затянутые бычьим пузырем, давали приглушенный свет. В избушке, несмотря на скромную обстановку, было тепло и уютно.

— Садись ближе к огню! — подтолкнул Велену старик. — Давно ждал. Наконец-то Велес тебя нашел. Пророчество сбывается. Пара найдена. — Велена непонимающе вскинула брови.

— Сейчас моего отвара попьешь, согреешься, все расскажу. Заварю тебе рябину лесную. Коли кого жажда замучает, надо веточки ее заваривать: не заболеешь, не отравишься, силу приобретешь, да и от простуды она хороша. А еще добавлю калину и ландыш полевой. Он, ландыш ядовитый, а по малой капле укрепляет и успокаивает.

Велес устроился у ее ног, положив серую голову на кончики ее темно-красных кожаных сапожек. Прикрыл глаза. Он не спал, внимательно слушая старика. Знал только одно — выполнил то, что тот от него ждал. Старик достал две деревянные кружки, взял ложку и аккуратно разлив дымящийся отвар подал гостю.

— Выпей, согрейся.

Велена отхлебнула маленький глоточек ароматной жидкости. Горло обожгло, и тут же по жилам быстрее потекла кровь. Тело наполнилось негой, захотелось хлебнуть еще. Расслабилась, постаралась вытянуть ноги ближе к очагу, стараясь не задеть спящего волка. Старик ворочал длинной палкой угли в самодельной печи и молчал.

— Кто вы, дедушка?

— Лесной ведун. Не бойся меня девушка. Мы с волком давно ждали этой встречи. Так было начертано. Ты пей-пей отвар. Спроси, если желаешь. — Волк, будто поняв слова человека, положил голову на передние лапы и прищурил глаза.

— Спасибо, дедушка. Мне бы домой. Матушка заждалась.

Старик погладил заскорузлой рукой бороду.

— Спросить желаешь? — повторил вопрос.

— Откуда этот волк?

— Прислали. Так было угодно богам.

— Почему он нашел меня и привел к вам? — спросила Велена, чувствуя, как веки смежаются. Неумолимо клонило в сон. Горячий отвар и тепло окончательно сморили ее.

— Расскажу, устраивайся поудобнее. Тебя интересует этот непростой волк? А он и не зверь вовсе. И не человек. У него есть предназначение и у тебя.

— У меня? — почти проснулась Велена.

— Волк этот, — продолжил ведун, — счастливчик. Должен был сгинуть. Ан как судьба повернулась. Давным-давно нашел его в волчьей стае мальчишкой маленьким. Волчица спасла. В стаю приняла. Поперек всех пошла. Взял я его к себе. Воспитал. Травками поил. Научил ходить на двух ногах, обучил человеческой речи, ловить птицу и зверя. Учил брать только необходимое. Показал, как приманки обходить, от оружия спасаться. Но творилось с ним что-то особенное: то волчонком обернется, то человеком. Живут в нем два существа. Судьба так сложилась. Он и сам не знает, кто он. А потом нашел его настоящую мать. Вернее, то, что от нее осталось. Она была хорошим воином, но с такими ранами не выжила бы. Захоронил по-человечески. А к нему судьба повернулась светлым ликом.

— Кем была его мать? — спросила Велена.

— А была она, как и я, ведуньей и воином. Жила в племени степном, как ты. Все ее уважали. Она с богами общалась. В лихие времена билась наравне с мужчинами, но жила всегда одна. За советом к ней много людей ходило. Она и про мир в семье могла рассказать, и лечить умела природными снадобьями. Часто ходила в лес за всякими травами, хорошо владела ножом, копьем и мечом. Жила одна на самом краю деревни. Часто на их деревню вороги нападали. Люди чувствовали ее силу, а объяснить не могли. Молили даровать им заступника. Воина великого. Она молчала. И однажды понесла неизвестно от кого. В первый снегопад родила сына, но редко кому показывала. Люди всякое про ее ребенка говорили: «Горбатый. Крылья у него за плечами, оттого и горб. Глаза желтые, не как у человека».

А потом большая беда приключилась. Однажды ночью налетели злые чужеземцы, хоть и предупреждала она односельчан. Просила уйти с этого места, да никто ее не послушал. Всю деревню спалили. Она сражалась до последнего. Двух конников мечом срубила, одного ножом заколола, да прострелила ее грудь, смертельно ранив, вражеская стрела. Только и успела, подхватив сына, в лес схорониться. Далеко не ушла. Под старым дубом в старой волчьей норе умерла. Через несколько дней стая мимо пробегала. Хотели волки малыша загрызть, да волчица, что вожаком была, не дала им. Схватила его и в свою нору перетащила. Там его спустя два года и нашел. За много лет до того видение мне было. Скоро я должен закончить свой земной путь и дать миру вас.

— Нас? — не верила своим ушам Велена. Ее темные глаза расширились, в зрачках запрыгал огонь.

— Да. Так мне свыше сказали. Быть вам с Велесом проводниками леса. Домой ты больше не вернешься. Боги дали ему и тебе. Мать его защитником сделала. Из тебя сделаю его помощницу. Тогда мне и в последний путь собираться.— Медленно говорил знахарь, доставая длинную трубку, набивая сушеной травой. Его голос был тих и скрипуч, казалось, что каждое слово дается ему с трудом, между репликами проходили минутные паузы. Дым окутал жилище. Велена сомкнула веки и крепко заснула. У ее ног тихо вздыхая, удобнее устроился волк.

Пока знахарь делал свое дело: курил травы диковинные, в огонь кидал, шептал что-то, ложкой магические знаки в воздухе выводил. Велене снился сон. Она шла по зимнему лесу и внезапно услышала тяжелое дыхание могучего зверя, не предвещающее ничего хорошего одинокому путнику. Только дикий голод мог выгнать его на охоту в такой мороз.

Среди деревьев проскользнула громадная тень, мелькнули зеленые огоньки глаз. На тропу перед ней вышел громадный бурый медведь и встал на задние лапы. Шерсть дыбом, звериный оскал обнажил большие желтые клыки, с которых свисала слюна, превращавшаяся на диком холоде в тонкие сосульки, обрамляющие морду зверя. Глаза — говорили о решимости и дерзости. Страх сковал ее тело. Но с уст стали слетать непонятные слова. Сама не понимала, что она шепчет. Медведь, словно загнипнотизированный опустился на четыре лапы, развернулся и растворился в чаще. Рядом стоял Велес. Его бок прижимался к ней. Они встретились глазами, не издав ни одного звука. Неожиданно она почувствовала, как уменьшается в размерах. И вот они бок о бок. Волк и волчица — единое целое, и нет им равных по силе и духу.

Велена проснулась. Она все еще была в избушке, а рядом со стариком сидел юноша, тот самый, которого нашли в поле. Широкоплечий, с густой копной русых волос и васильковыми глазами. На его щеках играли ямочки. Он улыбался.

— Проснулась? Сейчас будем ужинать.

— Что это было? — тихо спросила она.— Мне снился странный сон, будто я в лесу, медведь и волк...

— А мы и были в лесу,— ответил юноша.— Теперь надо отдохнуть.— Над огнем на вертеле жарилась тушка зайца. Перед стариком лежала его шкурка.

— Теперь слушайте внимательно,— тихо шепнул старик, разделяя ножом зайца на части.— Вы теперь симураны, воплощение Верховного Огнебога Руси — Симаргла. У вас есть крылья. Вы хранители лесов, посевов, корней деревьев и защитники людей. Именно вы будете возносить к небесам молитвы мужей, и оберегать одиноких путников, заблудившихся в чаще. Я даю вам дар всевидения, мудрость в разных делах, всю свою силу. Вы станете наставниками зверей, а иногда и людей. Люди на зимние святки будут праздновать «Велесовы дни», поклоняясь вам. Иногда вы будете принимать человеческий облик, но всегда снова возвращаться в свое звериное обличье, превращаясь только в волка и ни в кого иного. Вы всегда будете помогать людям и наставлять их на пути истинной веры в Святую Правду. Преступать за эти грани нельзя. Вас станет много. Начнется новая стая симуранов. Ты, Велес, будешь вечным вожаком. Велена твоей верной спутницей. Читите свои семейные узы. Дарите добро. Вы будете оберегать посевы, когда ранней весной взмахнете крылами над полем, будет оно родить. Вы же будете провожать отлетевшие души, помогать на Звездном Мосту тем, кто успел сотворить в этой жизни зло. Боги дали вам могущество и тяжелую ношу. Я сегодня уйду, но с вами не прощаюсь. Мы будем встречаться. Где и как пока не знаю. Здесь я закончил свои дела. А теперь идите.

Старик распахнул дверь. Велена и Велес взяли за руки, подошли к двери. За порогом лежал снег. Холодный воздух ударил в ноздри. Сколько времени они пробыли в избушке не знали. Ступили за порог. Сделали несколько шагов, в их теле возникла необъяснимая легкость, и оторвались от земли.

Ведун вышел за порог. Его глаза смотрели в хмурое небо, по которому летела пара белых волков.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ПЛИС ДЛЯ ГЛАФИРЫ
Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.)

Снег на полях еще лежал, но под теплым апрельским солнцем слегка подтаял и превратился в серую крупяную массу. Местами уже зачернела заплатами дышащая весенней испариной земля, на которую в поисках остатков прошлогодних зерен слетелись рано прилетевшие из теплых краев крикливые грачи.

Вдоль полей, обходя стороной березовую рощу и залитые вешней водой овраги, петляла грязно-снежная дорога. Истоптанная и разбитая конскими копытами и тележными колесами, она разделила деревню Новая Колпна на две половины и, пройдя вдоль крестьянских изб и купеческих домов, притулилась однобоко к длинному одноэтажному зданию волостного правления, в котором кипела кропотливая чиновничья работа. Земское волостное начальство, судьи ясенковского волостного суда и полицейский урядник были заняты своей работой. В полутемном коридоре на неудобных деревянных скамейках сидели крестьяне, ожидая своего вызова к тому или иному чиновнику.

Был полдень 15 апреля 1899 года. Полицейский урядник Николай Иванович Сидоров собрал в ящик стола документы и начал собираться на завод «Товарищество Гилль», для разбирательства по очередному конфликту, произошедшему между рабочими завода. В этот момент к нему и зашли десятский сельца Ясенки Филипп Николаевич Шлипкин и неизвестный Сидорову мужчина.

— Мы к вам, Николай Иванович,— сняв с головы шапку, обратился к уряднику Шлипкин.

— Слушаю тебя, Филипп,— урядник повернул ключ в замке ящика стола, подержал за ручку и, убедившись, что ящик закрыт, убрал ключ в карман мундира.— Слушаю тебя,— вновь повторил он.

— Вчерась, когда уже свечерело, засобирался я скотину напоить, как вдруг слышу, кто-то в окно стучит. Я выглянул в окно, а там Катерина Евтеева стоит и рукою мне машет, стало быть, на улицу кличет. Я вышел на улицу, а она и говорит мне, что, мол, за околицей лошадь стоит в телегу запряженная, а подле телеги мужик лежит то ли пьяный, то ли мертвый. Побоялась она к мужику тому подходить, а напрямик значит, ко мне сразу направилась. Пришли мы с нею к тому месту, я гляжу не нашенский, не деревенский. Я его осторожно так толкать начал,— Шлипкин повел рукой из стороны в сторону, показывая, таким образом, как он именно толкал лежавшего, а затем продолжил,— гляжу, а он зашевелился, замычал, а изо рта вином на всю округу запахло. Ну, думаю, пьяный, надоть его домой тащить, а то не ровен час и застудиться может, земля-то нынче еще не оттаяла. Лошадь-то евоную я во двор загонять

не стал, а к изгороди привязал, а утром, когда ентот проснулся,— Шлипки кивком головы указал на стоявшего мужчину,— говорит, что в телеге евоной товар был, а теперча нету, своровали, стало быть, товар-то. Но я, когда к нему подходил, никакого товара не видал, и Катерина тоже говорит, не видала.

Сидоров внимательно взглянул на стоявшего молча мужчину.

— Ну, рассказывай, мил человек, что стряслось с тобой,— проговорил он.— Кто будешь и откуда?

— Григорий Филиппов Воробьев я, живу в деревне Малевка Басовской волости Тульского уезда. Работаю и живу в имении помещика Золотова в Хатунках. Там и жена моя с детишками. Вчерась я к ним возвращался. В Туле товару закупил, все свои деньги истратил,— Воробьев вздохнул и замолчал ненадолго, взгляд в пол потупил, смахнул незаметно выступившую на глазах слезу. А потом вздохнул глубоко, словно сил набираясь, и продолжил...

В Хатунках Григорий Воробьев жил уже больше года. С того самого момента, когда Басовский помещик Ладыженский, у которого он работал плотником, выгнал его от себя за пьянство. Как только ни просил он барина простить его и оставить у себя в имении, клялся ему, что пить больше не будет, но Ладыженский стоял на своем.

— Иди, Григорий, с миром, не нужны мне пьяницы на дворе, не нужны! Глафиру мне твою дюже жалко от себя отпускать, работящая она у тебя баба, а ты...— Ладыженский махнул рукой.— Жалко ее, ох и хлебнет она с тобою горюшка горького.

— Прости, батюшка барин, больше ни капли в рот не возьму, вот перед иконою клянусь,— Григорий повернулся к иконам и, наложив на себя крестное знамение, упал перед Ладыженским на колени.— Прости, отец родной,— взмолился он.— А хошь, выпори меня кнутом, но только оставь.

— Не те нынче времена, чтобы пороть-то вас, не те,— горестно вздохнул помещик.— Иди, Григорий, с Богом, а меня не поминай лихом! Видит Бог, я тебе зла не желаю, ни тебе, ни Глафирушке твоей. Ты сам, горемычный, себе судьбу выбрал, иди!

Долго Григорий был не при деле, семья впроголодь жила, Глафира, как могла детям на хлеб зарабатывать, у кого белье постирает, кому в избе порядок наведет, у кого с детишками нянькой посидит. Но узнал как-то Григорий от посторонних людей, что в Хатунках местному помещику нужен специалист по плотницкому делу и решил себя предложить. Принял его Золотов, приработался у него Григорий, да так и остался у него, вскоре и семью свою перевез в Хатунки. Глафира его по прачечному делу бойкая была. Выстирала белье, вывесила его на просушку, а барыня, как увидела свои кипельно-белые простыни и наволочки, свои и мужнины рубахи, полотенца и рушники, так и руками всплеснула.

— Ах, Глашка, руки-то у тебя на работу легкие, никто мне так чисто доселе белье не выстирывал,— удовлетворенно качала она головой.

Жили Воробьевы вместе с другими дворовыми людьми в длинном деревянном доме, но комната у них была отдельная. Детей своих тоже к работе приучали, сыновей к плотницкому делу, а дочек к прачечному. Так и жили они на новом месте, своим трудолюбием уважение завоевывали. Григорий слово свое держал — не пил. А по нынешней весне выдал барин им с Глафирой заработанные деньги, и поехал Григорий в Малевку дом свой проверить да старушку мать навестить. Обрадовалась старушка сыну, гостинцы от него с удовольствием приняла. Долго вечером за чаем засиделись. Хотелось Григорию к брату сходить, что жил в своем доме на окраине сельца, но таки не сходил в тот вечер, все с матерью разговор вел, о семье рассказывал и как на новом месте обустроился.

— Старая я уже, Гришатка, скоро ко Господу отойду, а так хочется напоследок

внуков обнять, в маковку их поцеловать. Да и по Глашке соскучилась. Она у тебя хорошая, ты гляди, не обижай ее,— говорила мать сыну, тот лишь кивал в ответ головой.

— Пойду я, мамаша, лягу на печь, а то что-то устал за нынешний день,— зевнув, произнес Григорий.

Утром он проснулся рано. Мать уже хлопотала у печи. Не став завтракать, Григорий вышел на улицу.

— Далеча ты собрался? — спросила она у него, увидев, что тот запрягает лошадь.

— В Тулу на ярмарку поеду, гостинцев куплю,— ответил Григорий.

— А опосля ярманки не приедешь боле? — спросила старушка.

— Заеду, гостинцев тебе привезу,— ответил Григорий. Затем пересчитал деньги и, убрав их в карман, уехал.

Возвратился он уже ближе к полудню. Оставил матери продукты и, пообещав, привезти в гости семью, он, попрощавшись, отправился домой. По дороге решил заехать к брату, похвастаться перед ним о своей жизни.

— Здоров будешь, брат Иван! — Григорий снял с головы картуз.

— Здоров будешь и ты, брат Гришаня! — ответил Иван. Братья обрадовались встрече, обнялись.— Проходи в избу, не стой в дверях,— проговорил Иван, слегка подталкивая Григория в спину.— Маша, встречай дорогого гостя! — крикнул он жене.

Затем сел за стол, расправил усы, бороду и приказал жене подать им вина.

— Вишь, как слушается мужика-то! — удовлетворенно проговорил Иван, обняв Марию, поставившую на стол бутылку с закуской.

— Иван, не надо мне вина, давай лучше чаю попьем,— попросил брата Григорий.— Мне ехать далече, аж под Крапивну.

— Ты туда покудова приедешь, все вино у тебя из головы выветрится,— махнул Иван рукой.— А я то, брат, теперча Ладыженскому не служу. Я теперча к ружейному делу приписанный, кузнецом работаю на ружейном заводе. Вот так-то! — Иван поднял вверх указательный палец, показывая брату таким образом свою значимость, разливая в стаканы водку.— Ну, давай, брат, за встречу! — произнес он, поднимая стакан.

Григорий, чтобы не обидеть брата и его гостеприимную жену тоже выпил.

— Да и я, брат, не лыком шит. Тоже хорошо зарабатываю у нового барина. Вон, посмотри, сколь товару накопил, аж цельную телегу,— сказал быстро опьяневший Григорий, указывая на стоявшую под окном лошадь.— Новый-то барин меня ценит! На, говорит, тебе Гришка денег, езжай в город, купи семье своей гостинцев. Вот так-то, брат! — рассказывал Григорий, роняя на стол квашеную капусту.

Спустя час он, пошатываясь из стороны в сторону, влез в повозку.

— Но пошла, родимая! — крикнул он и, хлестанув лошадь, погнал ее по большаку.

Спустя полчаса, как и предполагал Иван, хмель из головы Григория выветрился, и он стал мерзнуть, к тому же он вдруг ощутил чувство голода. В селе Кочаки Григорий увидел постоялый двор и решил зайти в него и согреться горячем чаем.

— Тпру-у-у! — натянул он вожжи и остановил лошадь. Привязав ее к коновязи, вошел в трактир.

В помещении было многолюдно, шумно и сильно накурено. Многие сидящие за столиками мужики уже были в изрядном подпитии. Они громко разговаривали, спорили, кто-то с кем-то ругался, проливали вино и пиво, роняли на грязные скатерти продукты. Один из сидевших за крайним столиком мужиков — огромного роста с окладистой бородой и одетый в старый перепоясанный тулуп — поднялся из-за стола и, шатаясь из стороны в сторону, направился к выходу. Но споткнулся о лавку и, не удержавшись на ногах, упал на истоптанный, с разбросанными повсюду окурками, пол. Его начали поднимать такие же пьяные его товарищи. Окинув их взглядом, Григорий подошел к буфетной стойке. Впереди него стоял молодой офицер, он требовал

сменить ему лошадей, протягивая содержателю постоялого двора свою подорожную, но содержатель не обращал на него никакого внимания. Рядом с офицером стоял, понурился голову его денщик.

— Я тебя, Емельян, прикажу высечь, ежели ты сейчас же не подашь мне лошадей! — возбужденно говорил офицер, при этом его верхняя губа с небольшими над ней аккуратными усиками-ниточкой, нервно подрагивала. — Я по воинскому делу следую в Крапивну, а ты мне лошадей не даешь! Да я тебя, Емельян, за такое в холодную упеку! На каторгу сошлю! А ну, подать мне лошадей! — выкрикнул он.

— Нету у меня свободных лошадей, господин поручик, нету. Как только придут, так сразу вам в первую очередь, — спокойным тоном ответил ему Емельян.

Офицер замолчал. Его лицо было красным от гнева, уголки губ опустились, и казалось, что он готов был либо броситься на Емельяна с кулаками, либо расплакаться. Не зная, что предпринять, он повернулся к молчавшему денщику, словно ища у него совета, как ему поступить в сложившейся ситуации, но тот молчал. — Велите подать водки и закуски на двоих, — приказал офицер.

— Слушаюсь, господин поручик. Пройдите за столик, вам подадут — ответил Емельян, снимая с плеча полотенце и склоняя перед офицером голову.

— Слушаю вас, любезнейший, — проговорил Емельян, обращаясь уже к Григорию.

— Мне бы перекусить что-нибудь, — произнес Григорий.

— Похлебка из гусиных потрошков, капуста квашеная, огурцы соленые, сельдь, рыба жареная, картохи вареные, хлеб, — начал перечислять Емельян закуски. — Что изволите?

— Давайте похлебку, чай и хлеб, — приказал Григорий.

— Идите за столик, а заказ вам подадут, — вновь повторил Емельян.

Григорий огляделся и увидел свободное место за столом рядом с офицером и его денщиком. Третьим с ними за столом сидел незнакомый крестьянин с большой окладистой бородой. Он сидел и, роняя на темный поношенный полушубок пепел, курил самокрутку. Григорий присел на свободный стул и поздоровался со всеми кивком головы. Ему на приветствие никто не ответил, лишь куривший крестьянин взглянул на него, как показалось Григорию, недобрый, угрюмый взглядом. Вскоре, неся в руках огромный поднос с заказанным обедом, к столу подошел светловолосый мальчик лет десяти и стал содержимое подноса составлять перед поручиком и его денщиком.

— Голубчик, иди и скажи хозяину, чтобы мне и моему денщику выделил для трапезы отдельную комнату. Я не намерен трапезничать вместе со всеми, — распорядился он.

Мальчик кивнул головой и, взглянув на бородатого крестьянина, невольно попятился под его злым взглядом. Поручик заметил это и, улыбнувшись, потрепал мальчику вихрастую голову. — Иди, иди, выполняй приказание, — произнес он.

Мальчика долго не было, и Григорий уже собрался уходить из трактира, когда он вновь подошел к их столу.

— Дядька Емельян велел передать, что у него нету свободной комнаты для вас, — сказал он, расставляя перед Григорием его заказ.

Поручику не понравился ответ мальчика, и он, пошевелив на скулях желваками, налил в рюмку водку и, не предложив налить своему денщику, выпил ее залпом.

— Полное безобразие! Вот уж я доберусь до этого содержателя постоялого двора, дайте только время! Вот вернусь из Крапивны в Тулу, уж я ему! — поручик закурил папиросу, выпуская в грязно-серый потолок табачный дым.

Сидевший за столом крестьянин ухмыльнулся сказанному офицером и, докурив самокрутку, бросил ее здесь же рядом с собой на пол и погасил его подошвой калоша.

— Чему вы ухмыляетесь, любезный? — спросил у него поручик. — Или вы усомнились в том, что этот хам будет наказан? Не беспокойтесь, обязательно будет, — офицер вновь потянулся к графину с водкой. — Выпей, Федор, да поешь что-нибудь, — сказал он денщику, наливая ему и себе водки.

— Винцом не угостите, ваше благородие? — обратился к поручику крестьянин вместо ответа.

Тот взглянул на него. Крестьянин взгляда не отвел, смотрел на офицера исподлобья спокойно, уверенно, с какой-то надменной дерзостью. С левой стороны лба рассекал надвое бровьи изуродовал веко давний шрам, то ли от шашки в лихом бою, то ли от топора в пьяной драке полученный.

— Угостите, ваше благородие, крестьянскую душу винцом-то, — вновь попросил он.

Офицер еще посидел минуту, рассматривая крестьянина, а потом повернулся в пол-оборота.

— Человек! Человек! Как тебя там... эй, мальчик, иди сюда, — позвал он снующего между столами мальчика. Тот подбежал. — Налей ему, голубчик, водки за мой счет, — сказал офицер, указав на крестьянина.

— Слушаюсь, — ответил мальчик, и его светловолосая голова скрылась среди посетителей трактира.

Григорий ел похлебку и молча наблюдал за происходящим. Он уже доедал, когда мальчик принес на небольшом подносе рюмку с водкой.

— Дядька Емельян велел передать, что вам подали лошадей, — сказал мальчик офицеру, выставляя перед крестьянином на стол водку.

— Спасибо, голубчик, — ответил поручик и вновь потрепал мальчика по вихрастой голове. — Федор нам пора в путь, — сказал офицер своему денщику и, встав из-за стола, попрощался со всеми едва заметным кивком головы.

— Домой едешь али куда еще? — спросил крестьянин у Григория.

— Домой, — кивнул тот головой

— Далеча ехать-то?

— В Хатунки.

— Далековато будет. Я вот тоже домой еду, — проговорил крестьянин. — Почти как весь день ни крохи во рту не было, все в дороге и в дороге. А что может, угостишь путника-то? — вдруг попросил он.

Григорий уже и сам давно хотел выпить водки, но сдерживал себя из последних сил, а тут, после просьбы угрюмого крестьянина, как окрестил его для себя Григорий, он все же решил немного выпить.

— Ну, коли весь день в дороге, как же не угостить? — ответил Григорий и подозвал к себе мальчика. — Принеси-ка нам картошечки и рыбы жареной на двоих, да водки не забудь, — приказал он.

Вскоре выпили за знакомство. И вновь у Григория приятно потеплело в желудке и зашумело в голове. Спустя четверть часа сидевший напротив него крестьянин уже не казался Григорию угрюмым и диковатым, а даже наоборот — жизнерадостным и замечательным человеком. Крестьянин рассказал, что тоже возвращается к своей жене и детям, за здоровье которых Григорий и предложил ему еще раз выпить. А выпив, начал расхваливать свою жену Глафиру, рассказывать, как ее уважает барыня, а его — Григория — очень ценит барин, и за хорошую работу заплатил ему немалые деньги, на которые он набрал для семьи гостинцев, и теперь везет их в Хатунки.

Ох, и разгулялся в тот вечер Григорий, ох и разоткровенничался перед мало знакомым человеком в трактире при постоялом дворе. В чувство он пришел утром следующего дня в Ясенках, в доме десятского Шлипкина. А выйдя на улицу, увидел

давно ожидавшую его лошаденку, которая склонила к земле голову и волочила за собой пустую телегу. Купленного накануне товара в ней не было...

Полицейский урядник слушал Воробьева внимательно, а когда тот закончил, вышел из комнаты и, пройдя по длинному коридору, остановился у обитой дерматином двери судебного следователя, но того на месте не оказалось, и Сидоров, вздохнув горестно, сам принялся расследовать это дело. Достал из ящика стола чистый лист бумаги и, разложив его на столе, взял в руку перо.

«Сего 15 апреля 1889 года осмотрел телегу, принадлежащую крестьянину Воробьеву Григорию, в которой не оказалось купленного им накануне товара, а именно: двадцать фунтов пшеничной муки, нового картуза, пять аршин плиса, пятьдесят фунтов восковых свечей, одна вторая фунта мелису, 1/2 фунта риса, 2 фунта колбасы вареной, 2/5 фунта колбасы копченой, 20 фунтов баранок. Всего на сумму 9 рублей 73 копейки», — записывал он показания Воробьева. После описи похищенного имущества, выехали в Ясенки.

Осмотр места, где спал пьяный Воробьев и беседа с Екатериной Евтеевой, ничего нового для расследования не дали. Был ли в телеге товар или не было его, Екатерина сказать не смогла, так как к лежавшему Воробьеву она не подходила, да к тому же уже начинало смеркаться. Оставив Екатерину в покое, Сидоров выехал в Кочаки на постоянный двор. Сразу за Ясенками начинался лес и, въехав в него, он остановил лошадь и слез с пролетки. В лесу было еще морозно, и дорога не оттаяла. Лишь на опушке леса и на открытых для солнечных лучей полянах снег сошел, и показавшиеся из-под него мхи пахли весенней замшелостью. Подняв с земли хворостину и нахлестывая ею себя по голенищу сапога, он бесцельно побрел по лесной дороге. Послушная и привыкшая ко всему лошадка понуро пошла следом.

Николай Иванович уже более двадцати лет служил в полиции в должности урядника. За эти годы, сталкиваясь ежедневно и ежечасно с людской болью и состраданием, с человеческой подлостью и низменностью, сталкиваясь часто с попорченным добром и победившим злом, он не очерствел душой, не сделался жестокосердным или безразличным к чужой беде, не стал бесчеловечным. И сейчас, осуждая мысленно Воробьева за несдержанность в винопитии, за безразличное, наплевательское отношение к себе и к своим близким людям, к своему имуществу, он в тоже время жалел его. Ему было жалко простого трудолюбивого крестьянина. Жалко за то, что он по своей крестьянской доброте и наивности доверился нечестному человеку, а тот обчистил его до нитки, отнял у его детей все гостинцы, которые он им вез, лишив его не только имущества, но и надежды. Надежды на людскую честность, доброту и порядочность. «Какой же грязный и подлый этот мир, какая коварная и жестокосердная наша жизнь», — в сердцах произнес он вполголоса. Здесь в тихом небольшом лесочке, в окружении первых весенних запахов, в окружении тишины, изредка нарушаемой птичьим щебетом и эхом отзывающемся откуда-то из глубины леса перестуком дятла, вдалеке от людской суеты ему было хорошо и спокойно и совсем не хотелось возвращаться в тот грязный и мир. Но где-то там, в том жестоком мире, жил обворованный крестьянин-труженик, жили его жена и дети, у которых вор украл даже баранки. Жил и сам вор, который наверняка притаился где-то в своей норе в надежде, что его не найдут, не выявят, не разоблачат, в надежде и дальше отсидеться в своей грязной, пахнущей смрадом, крысиной норе. А потому он — полицейский урядник Сидоров Николай Иванович — должен возвратиться в тот грязный мир и вернуть крестьянину Воробьеву веру в справедливость и веру в высшее предназначение человека — служить людям, должен найти преступника, чтобы покарать его и хотя бы на немного очистить мир от грязи и подлости.

Николай Иванович остановился. У дороги, на свежей весенней проталине, лежал прелый почерневший от дождей и снега отломившийся от дерева сук. Он подошел к нему и какое-то время смотрел на него. Костлявая коряга контрастом чернела на начавшей уже зеленеть проталине. «Вот так и злоба людская, и подлость, и преступность не дают людям нормально жить, как эта сгнившая палка не дает нормально расти первой весенней травке»,— подумалось Николаю Ивановичу. И он, подойдя к коряге, пнул ее сапогом, очистив таким образом от этой гнили небольшую, покрытую еще кое-где снегом, но уже сверкающую на солнце и напитавшуюся внешними водами чистую зеленую лужайку. От коряги потянуло прелостью, и Николай Иванович, поморщившись от неприятного запаха, влез в пролетку и подстегнул лошадь.

На постоялом дворе было немногочленно. Несколько посетителей сидели за столиком в трактире и, пережевывая пищу, мирно разговаривали. Увидев вошедшего урядника, Емельян вымученно улыбнулся.

— Здравия вам желаю, Николай Иванович,— произнес он.— Не желаете ли перекусить?

— Пожалуй,— согласился тот.

— Тогда милости прошу сюда, в отдельную комнату,— вполголоса, словно его мог кто-то подслушать, проговорил Емельян, отворяя рядом с буфетной стойкой дверь и любезно приглашая туда Сидорова.

Комната была небольшой с занавешенным шторой единственным окном. В центре комнаты стоял покрытый белой скатертью стол, на столе пыхтел паром самовар, стояли чашки. Вокруг стола несколько стульев с длинными спинками.

— Самоварчик-то для дорогих гостей прячешь? — с ехидством в голосе, спросил Сидоров, обратив внимание на то, что в общем зале на столах стояли чугунные чайники.

— А что поделаешь, Николай Иванович, народец-то разный приходит, все больше заезжий. Глазом не успеешь моргнуть, как самоварчик-то того — стащат, а там ищи-свищи, да и вам работы опять же,— Емельян улыбнулся и с хитринкой во взгляде посмотрел на урядника.— Кому-то и в общем зале хорошо, а кому-то и отдельные номера подавай,— произнес он со знанием дела.— Вот вы опять же? Возможно ли вас вместе с ентим сбродом в зале содержать? Никак нет, вам же отдельный номер нужен,— полноватое лицо Емельяна расплылось в улыбке.— Андрейка, а ну живо господину уряднику обед подать! — распорядился он, обращаясь к беловолосому мальчику.

Через пять минут перед Николаем Ивановичем на столе дымился рыбный суп, лежали на тарелке нарезанные сыр, колбаса и хлеб.

— Приятного вам аппетита, Николай Иванович,— почтительно склонил голову Емельян, после чего направился к двери, но Сидоров остановил его.

— Вчера у тебя здесь мужичок один проезжий разгулялся, не помнишь ли? — спросил он, помешивая ложкой в тарелке суп.

Емельян сощурил глаза, закатил зрачки под лоб, таким образом, делая вид, что вспоминает.

— Никак нет-с, господин урядник, не припомню-с,— ответил он.

— Ты, Емельян, со мной в такие игры не играй, не люблю я их,— строго произнес Николай Иванович глядя Емельяну в глаза.— Обобрали мужичка того, весь товар, что домой вез, взяли. Вот я и хочу знать: здесь в твоей забегаловке его обобрали или где по дороге? Или может быть, Емельян, и ты с ними в доле? — урядник зачерпнул ложкой суп и с удовольствием вкусил его.— Что замолчал-то, Емельян? Или язык проглотил? — спросил он, неспешно прожевывая обед.

— Да что вы, Николай Иванович, голубчик, как только могли подумать обо мне такое? — испуганно заговорил Емельян.

— А как же мне о тебе думать, ежели ты вора покрываешь?

— Да что вы, господин урядник, нежели я покрываю кого?! Я просто хотел уточнить у вас, как тот мужичок выглядит из себя, а то мало ли здесь проезжих-то бывает? — взволнованно заговорил Емельян.

— Правильно мыслишь Емельян, правильно, — произнес Николай Иванович. — Высокий и худощавый, с длинными рыжими волосами и небольшой бородкой, ну примерно такой, как у меня, — Сидоров провел ладонью по своей небольшой бородке. — А одет он был в черный старый полушубок и картуз.

— Ах да, да, припоминаю такого. Точно вспомнил, был такой. Заказал себе обед, а потом, как набрался, начал деньгами сорить направо и налево, вино брал.

— Кого угощал? — урядник отложил ложку и внимательно стал смотреть на Емельяна.

— Не помню, Николай Иванович. Народу было много, насилу успевали тарелки разносить, не то чтобы кого-то увидеть или запомнить, — начал объяснять Емельян.

— Ну, а кто из завсегдаев был? Неужели не помнишь, Емельян? — урядник усмехнулся. — Не поверю.

— Ну, это... братья Жаровы были, Ерема и Михей.

— Это из Бабуринки которые? — переспросил Сидоров.

— Да, бабуринские, — кивнул Емельян головой.

— Так, так, интересно. И что же они, братья-то? Может быть, это они мужичка-то пощипали? — спросил урядник, зная братьев Жаровых, как склонных к винопитию и нарушению тишины.

— Нет, не они. Братья тут до последнего сидели, уже все разошлись, а они все сидели, вина просили, насилу их выпроводили.

— Ну, а кто еще был кроме братьев-то?

— Не припомню больше никого.

— Врешь, Емельян, не можешь не помнить, вспоминай.

— Ей-богу, не помню, — Емельян наложил на себя крестное знамение.

— Как же не помнишь, дядька Емельян? — вступил в разговор, стоявший все это время в комнате Андрейка, и на которого мужчины не обращали никакого внимания. — Он, дядька тот, о котором вы говорите к охвицеру за стол сел.

— Это какой такой офицер? — спросил у Андрейки Николай Иванович.

— Который у дядьки Емельяна лошадей просил, ругался сильно. Дядьку Емельяна высечь грозился или в Сибирь отправить. Я тогда испугался очень, подумал, что охвицер и взаправду дядьку Емельяна выпорет.

— Да что вы, Николай Иванович, мальчика этого глупого слушаете?! Не было вчера никакого офицера. Это он днем раньше был, а малец неразумный все перепутал, — нервно засмеялся Емельян. — А ну, пошел вон отсюда, — прикрикнул он на Андрейку. — Иди в залу посуду грязную сбири, да со столов сотри, — приказал он.

— А ну постой, — Николай Иванович остановил уходившего из комнаты мальчика. — Говори, что дальше было, — потребовал он.

— Так вот я и говорю: охвицер ентот и говорит на дядьку Емельяна: счас я тебя выпорю, а потом ушел и сел за стол. Водки я ему приносил. А тот дядька, о котором вы говорите с ним сидел за столом, а когда охвицер уехали, то дядька тот, о котором вы говорите, стал водку просить, а пил он со страшным дядькой. Они потом вместе на лошади уехали. Я того дядьку страшного боялся и все ждал, когда он уйдет. Так и подсмотрел за ними, как они сели на лошадь и уехали вместе, — начал рассказывать Андрейка Николаю Ивановичу.

— А что это за дядька страшный был? — спросил Сидоров, видя, что Андрейка замолчал.

— Не знаю, у него один глаз кривой был, вот такой,— Андрейка потянул вниз веко на своем глазу, показывая, как выглядел посетитель трактира.

Николай Иванович улыбнулся, потрепал Андрейку за вихры и слегка подтолкнул к двери.

— Ну, беги, беги, работай, а то дядька Емельян и вправду накажет тебя,— вполголоса произнес он. А после того, как мальчик ушел, строго взглянул на Емельяна.— Та-а-к, значит, обманываешь меня?! — протянул он. Емельян виновато втянул голову в плечи.

— Ваше благородие, господин урядник, Николай Иванович, дорогой вы мой, этот человек с покалеченным глазом, человек страшный и опасный,— заглядывая уряднику в глаза начал полупшепотом говорить Емельян.— Бородища — во-о-о! Ручищи — во-о-о! — Емельян стал показывать Сидорову, какие именно были у того посетителя борода и руки, явно преувеличивая их размер.— А глазищи страшные, как зыркнет ими из стороны в сторону, аж кровь в жилах стыла. Душегуб он.

— Знаешь его?

— Никогда раньше не видывал, впервые тут появился.

— А почему решил, что он душегуб?

— А кто же еще?! Глазищами-то так и зыркал, так и зыркал за всеми, а глазища злые, да все исподлобья смотрит, что есть бык! Боюсь я его, Николай Иванович, ох как боюсь. Такому человека убить, что муху прихлопнуть.— Емельян посмотрел по сторонам, словно его кто-то мог увидеть в комнате и придвинулся к уряднику.— Думается мне, что это был не иначе, как нигилист. Не иначе, как у графа Толстого в имении скрывается,— прошептал он Сидорову на ухо.

— Почему так решил?

— Дык у него, у графа-то, они все и скрываются. Боюсь я их, Николай Иванович, как бы бомбу в мой трактир не кинули!

Сидоров ухмыльнулся.

— Ну, ладно, разберемся мы с этими, как ты говоришь — нигилистами. Прознаешь что, сообщи,— сказал он, поднимаясь из-за стола и, положив на стол деньги за обед, направился к выходу.

— Непременно, Николай Иванович, непременно,— закивал головой Емельян.

В волостном правлении, куда Сидоров вернулся к полудню, было многолюдно и шумно. Судебного следователя на месте вновь не оказалось и, чтобы о нем справиться, Николай Иванович зашел к председателю волостного суда Дудину. Тот важно восседал на своем месте и вполголоса подсказывал сидевшему напротив него купцу Белобородову как правильно писать судебную жалобу.

— ... Имею честь покорнейше просить суд в следующем. Здесь ставьте двоеточие,— говорил он Белобородову, но увидев вошедшего Сидорова, замолчал.— Честь имею кланяться, Николай Иванович,— поздоровался он.

— И вам здравия желаю,— кивнул головой Сидоров.

Белобородов отложил в сторону перо и взглянул на Сидорова.

— Доброго вам здоровья, Николай Иваныч,— проговорил он, едва заметно кивнув головой и не дав Сидорову времени на ответное приветствие, возбужденно заговорил: — Представляете, Федька взял у меня овса займы, а деньги платить не хочет. Я почти целый месяц терпел, а нынче поутру он заявился ко мне и говорит: на, мол, тебе вместо денег материю. Я ему говорю, а на что она мне нужна? Ты, говорю, мне деньги отдай, а он говорит, что нету, мол, у него денег. Вот я и решил жалобу на него подать, пусть суд с него взыщет. А у меня и расписка от него имеется, вот пожалте, Николай Иваныч,— Белобородов взял со стола лист бумаги и протянул его Сидорову,— читайте.

Тот взял протянутый ему лист и стал читать: «Сего 1899 года, апреля 4 дня, я, нижеподписавшийся крестьянин сельца Телятинков Федор Алексеев Соловьев, даю сию расписку крапивенскому купцу Николаю Андреевичу Белобородову в том, что я, Соловьев состою должником ему, Белобородову, 16 рублей за взятые мною у него 20 пудов овса. Означенную сумму обязуюсь уплатить к 10 апреля сего года, в том и подписываюсь».

— А какую Федор материю вам приносил, Николай Андреевич? — спросил Сидоров, возвращая Белобородову расписку.

— Плис. Красный плис. А на что он мне? — Белобородов развел руками.— Материя у меня и у самого имеется. Представляете, Николай Иваныч, Соловьев должен мне шестнадцать рублей, а плису принес несколько аршин, это где-то рублей на пять, а то и того меньше. Ох, и хитрец этот Федька! Он думает, что хитер, а я нет,— Белобородов еще что-то говорил, но Сидоров его уже не слушал. Он выбежал на улицу, вскочил в пролетку и погнал лошадь в сторону Телятинок.

Дом Соловьевых он нашел быстро. На стук в дверь вышла мать Федора Домна Яковлевна и пропустила урядника в дом. Сам Федор сидел у печи.

— Где материя? — спросил у него Сидоров.

— Какая материя?

— Плис, который ты купцу Белобородову предлагал вместо денег.

— Что он, уже успел пожаловаться? У меня нету денег, мне ему нечем отдавать. Не хочет материю, значит ничего не получит, так ему и скажите,— начал объяснять Федор, но Сидоров его перебил.

— Где плис?! — повысил он голос.

— Да вон там, в чулане,— Федор кивком головы указал на чулан.— Подай мать ему эту материю,— попросил он старушку.

Та медленно встала с табурета и, прихрамывая на правую ногу, направилась в чулан. Вернулась вскоре и протянула Сидорову сложенный в рулон красный плис.

— Продать яво хотели, жить-то нам не на што. Кормилец-то наш помер. Надьсь ужо как сорок ден прошло, а деток оставил полон двор. Федька ентот ужо постарше всех будя, а остальные — мал мала меньше,— начала жаловаться старуха, указывая рукой на сидевших за длинным столом пять человек детей разных возрастов.

— Где остальные вещи? — не обращая никакого внимания на причитания старухи, спросил у Федора Сидоров.

— Какие вещи?! — удивился тот.

— Которые ты в Кочаках в трактире у заезжего человека украл,— резко ответил урядник.

— Я не крал никаких вещей! И в никаких трактирах я не был. У меня нет денег, по трактирам ходить,— почти, что вскричал Федор.

— Тогда говори, где взял плис? — задал вопрос урядник, но Федор замолчал, отвернувшись в сторону.— Ну-у-у?! Или в тюрьму захотел?! — Сидоров повысил голос.

Услышав о тюрьме, заголосила в голос старуха, а за ней и сидевшие за столом дети.

— Федька, Федька! Зачем же ты начередил-то такое?! Как же мы теперча без тебя-то жить будем?! — сквозь слезы причитала Домна Яковлевна.

— Да не чередил я ничего! — прокричал Федор, повернув голову к матери.

— Говори, где материю взял?! — строго приказал Николай Иванович.

— Невеста подарила. Узнала, что я денег Белобородову должен, и отдала мне материю, чтобы я ею рассчитался с купцом,— ответил Федор, смотря то на урядника, то на мать.

— Кто такая эта невеста?

— Настасья Шлипкина из Ясенок.

— Это не десятского ли Филиппа дочь? — удивленно спросил Сидоров, вспомнив, что Филипп и привел к нему в участок потерпевшего крестьянина.

— Нет, не Филиппа, а Стефана,— ответил Федор.

— Еще она тебе, что из вещей дала, кроме материи?

— Больше ничего.

— Врешь! Говори правду! — потребовал урядник.

— Только материю,— вновь произнес Федор.— Говорила, что отец купил у кого-то эту материю, ей на платье, а ей не нужно никакое платье, вот и отдала эту материю мне.

— Ну, смотри, коли соврал! Шкуру спущу! — предупредил Федора Николай Иванович и направился к выходу.

Шлипкины встретили урядника недоброжелательно. Сам хозяин дома Стефан Христофорович на приветствие Сидорова лишь молча кивнул головой и пробурчал что-то себе под нос.

— А ну, Стефан, оденься и выйди на улицу,— потребовал Сидоров и, не входя к Шлипкиным в дом, вернулся к своей пролетке.

Шлипкин вышел и подошел к уряднику.

— Твоя материя? — Сидоров указал рукой на лежавший в пролетке рулон плиса.

— Моя. Откуда она у тебя? — нахмурил брови Шлипкин.

— Пошли в избу,— приказал Сидоров и, не дожидаясь приглашения, направился к Шлипкиным, где, не смотря на недовольные высказывания хозяйки дома Анны Степановны, стал осматривать комнату за комнатой. Заглянул в чулан, на печь, где в это время лежали и с испугом во взгляде смотрели на него девочка лет десяти и мальчик возрастом около семи лет.

— Чего ищешь, господин полицейский? — недовольно спросил Стефан.

— Вещи и продукты.

— Какие вещи и продукты?

— Вещи ворованные ищу, которые ты и косоглазый украли в Кочаках на постоялом дворе у проезжего крестьянина.

— Какой постоялый двор? Я там отродясь не был! — возмутился Стефан.

— Значит, косоглазый был, а ты стремена лошадиные держал,— не отставал от него Николай Иванович.

— Да не знаю я никакого косоглазого. Ты меня с кем-то спутал,— вновь нахмурил брови Шлипкин.

— А материя ворованная, что у меня в пролетке лежит, у тебя откуда?

— Васька дал.

— Какой Васька? Где живет? При каких обстоятельствах он тебе дал сию материю? — начал задавать вопросы урядник.

— Васька Зеленков, здешний, ясенский. Изба его на краю деревни у болота стоит, прямо у дороги, что на станцию идет. Я у него печь выкладывал, я же печник, а он мне вместо денег ту материю отдал. Ну, я и взял, хотел дочке старшей обновку сшить.

На улице уже стемнело, когда Сидоров постучал в дверь дома Зеленковых. Отворил сам хозяин и, увидев полицейского урядника, изменился в лице.

— Чего побледнел-то, напугал я тебя что ли? — спросил Сидоров, бесцеремонно отстраняя рукой в сторону хозяина и проходя в избу. Сердце его учащенно билось, он понял, что его погоня завершается, жертва загнана в угол и осталось только за малым — найти похищенные вещи и доказать подозреваемому его виновность. Но это как раз и бывает самым сложным в его работе. И Сидоров решил действовать напористо и безотлагательно.

— Где ворованные вещи и продукты? — неожиданно спросил он, проходя в избу.

— Какие вещи? — попытался изобразить на лице удивление Зеленков.

— Которые ты украл из телеги в Кочаках.

— Я не брал никаких вещей.

— Ты два дня тому назад был на постоялом дворе в Кочаках? — спросил урядник.— Что молчишь? Отпираться нет смысла — тебя там видели.

— Ну, был, и что?

— С крестьянином, что ехал из Тулы в Хатунки знакомился?

— Не видел я никакого крестьянина из Тулы,— начал оправдываться Зеленков, но из-за возникшего душевного волнения задышал учащенно, словно зарыдал навзрыд, а потому голос его дрогнул и осип.

— Чего разволновался-то так? — усмехнулся Сидоров и бесцеремонно начал осматривать комнату за комнатой.

— Сам все вернешь, или мне далее продолжать все обыскивать? — спросил он.

— Да нечего мне возвращать, ничего чужого я не брал,— не сознавался Зеленков.

— А материю, что Стефану Шлипкину отдал, где взял?

— Какую материю? — Лицо Зеленкова покраснело и покрылось белыми пятнами.

— Плис. Да вон он у меня в пролетке лежит, можешь взглянуть,— произнес Сидоров, открывая дверь в кладовую.— А вот и они! — воскликнул он, увидев лежавшие на столе и другие вещи Воробьева.— А говоришь, что не брал?! Одевайся, пошли на улицу,— потребовал урядник.

Василий начал надевать тулуп, но руки у него тряслись, и он никак не мог попасть ими в рукава. К нему подошла жена и начала помогать надевать тулуп.

— Шапку надень, а то на улице зябко,— проговорила она вполголоса. Зеленков промолчал, лишь исподлобья взглянул на жену, страшно сверкнув на нее глазами.

«Да и вправду такой может ребенка испугать»,— подумал Николай Иванович, вспомнив слова работавшего в трактире на постоялом дворе в Кочаках Андрейки.

На улице урядник указал рукой на свою пролетку, в которой лежал сложенный в рулон плис.

— Вот та самая материя, которую ты отдал Шлипкину. Ты ее где взял? — спросил он, но Зеленков промолчал.— Молчишь? Ну что же, тогда пошли в твой погреб,— приказал урядник, и первым направился к находящемуся рядом с домом Зеленкова погребу. Он уже догадался, где Зеленков мог хранить краденые продукты. В погребе было темно и сыро. Сидоров достал спички и чиркнул о коробок. Вспыхнувший небольшой огонек осветил стоявшие на полках бутылки, банки и коробки, в одной из которых он увидел то, что искал: вареную и копченую колбасу, муку пшеничную, восковые свечи, рис, баранки.

— Что же, даже и съесть ничего не успели? — задал он вопрос Зеленкову, когда они вышли из погреба. Тот молчал, казалось, он был невозмутим, только бледный вид лица и трясущаяся окладистая борода выдавали его волнение.

— Я это все купил в магазине,— ответил тот.

— Ну что же, пошли в избу и предъяви мне свою заборную книгу,— потребовал полицейский.— Поглядим, что ты там, в магазине, купил,— усмехнулся он.

— Варька, подай сюда магазинную книжку,— приказал Зеленков жене, рассматривая урядника злыми глазами.

— Так, заборная книжка из лавки господина Львова в Туле для отпуска товара господину Василию Николаевичу Зеленкову,— начал вслух читать Сидоров.— Так, последний раз ты был в лавке восьмого апреля и купил там: хлеба черного на 38 копеек, мука пшеничная 10 фунтов на 60 копеек, чай фруктовый 1/5 фунта на 8 копеек, мыло 1 фунт на 10 копеек, табак 1/4 фунта на 5 копеек, спички 10 штук на 8 копеек,

бумага блистов на 3 копейки, сельдей 1 штука на 11 копеек, сахар 2 фунта на 32 копейки, масло подсолнечное 3/4 фунта на 12 копеек,— начал читать заборную книжку Сидоров.— А где же, колбасы, баранки, рис, пшено, материя? — спросил он, но Зеленков молчал. В доме наступила напряженная тишина.

— О-о-о-х! О-о-о-х! Матушка моя Богородица! Царица Небесная! Помилуй нас грешных! — залившись слезами, запричитала Варвара и сползла вдоль стены на пол.

Увидев это, заплакали на разные голоса и их дети, которых Сидоров насчитал восемь человек разного пола и возраста.

Стоявший молча Василий вдруг и сам словно обмяк, даже, как показалось Николаю Ивановичу, в росте меньше стал. Плечи его и борода затряслись, лохматая с нерасчесанными и невымытыми волосами голова наклонилась, и он заплакал. Плакал он молча, одними глазами, из которых бежали слезы, и лишь подрагивая плечами.

— Простите меня, господин урядник Христом Богом прошу! Не наказывайте дюже! Бес меня попутал! Детей-то у меня сами вон видите сколь — мал мала меньше! Кормить их нечем, работы у меня постоянной нету! Пощадите меня и детей моих! Они все без меня не выживут, ежели вы меня в тюрьму посадите! — при этих словах все находившиеся в избе заголосили еще громче.— Печка вот начала чадить по-черному, ну я и позвал печника. А платить-то нечем — денег-то у меня нету, вот я и отдал ему это тряпку вместо денег, будь она неладна,— сквозь слезы говорил Зеленков.

— Хватит причитать,— перебил его Сидоров.— Давай рассказывай, как это дело обстояло,— потребовал он.

— В церковь я ходил в Кочаки на вечернюю службу, а опосля решил в трактир зайти, не то чтобы выпить или поесть, а чтобы согреться, холодно было, и я озяб. А тут мужик тот подсел. Я гляжу, а у него денег навалом, полный кисет, аж медяки в нем звенели. Я и попросил его меня вином угостить, ну и засиделись мы с ним допоздна. А как я узнал от него, что он в Хатунку едет, так и попросил его меня до Ясенков подвезти. По дороге он уснул,— начал рассказывать Зеленков.— Не хотел я брать-то ничего, даже домой хотел его завести и конку его во двор загнать, а как увидел сколь в телеге товару, так и не удержался,— продолжал он.— Простите меня, бес попутал! — вновь заплакал Зеленков.

— Эх, Василий, Василий! — Николай Иванович с укором покачал головой.— Нечего теперь на беса сваливать, коль сам на руку нечестивый! — в сердцах, произнес он.— Собирайся, со мной в участок поедешь.

Под многоголосый плач жены и детей Василий одевался нарочито долго, а затем еще дольше прощался с женой и детьми.

— Ну, будет тебе, будет! — Сидоров взял его за рукав тулупа и слегка начал подталкивать к двери.— Авось не на год уходишь, отпущу тебя нынче домой. Вот только документ составлю о происшествии, да и подписку тебе вручу о неотлучности с места жительства,— успокаивая всех, произнес он. Василий и Варвара на него внимательно, словно не веря, взглянули.— Ничего не поделаешь — так положено по закону,— развел руками Николай Иванович.

По дороге завернули к сельскому старосте.

— Принимай, Федот, вещи ворованные для сохранности,— проговорил он, когда староста вышел к ним на улицу.— Да расписку мне напиши,— потребовал он.

— Какую расписку-то, Николай Иваныч? — спросил староста.

— Пиши так,— Николай Иванович подождал, когда староста приготовится записывать, после чего продолжил: — Я, нижеподписавшийся сельский староста села Ясенков Федот Зотов, 16 дня апреля месяца сего года даю сию расписку в том, что от полицейского урядника шестого участка принял на хранение, ну теперь осматривай товар и записывай его, да смотри не ошибись,— предупредил Николай Иванович

Федота. А когда тот переписал товар, проговорил: — А теперь, Федот, давай будем товар взвешивать,— приказал урядник.

Весь товар и продукты были целы, за исключением пшеничной муки. В мешке оказалось не двадцать, а восемнадцать фунтов.

— Муку брал, Василий? — задал Сидоров вопрос Зеленкову.

— Да, Варвара моя немного муки отсыпала, ребятне лепешек напекла,— ответил тот и отвел взгляд в сторону.

Придя в участок, Николай Иванович прошел к своему рабочему столу и опустился на стул. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. Посидев какое-то время в тишине, он вздохнул и, достав из стола чистый лист бумаги, начал писать протокол: «Крестьянин деревни Малевка Басовской волости Тульского уезда Григорий Филиппов Воробьев, живущий в Хатунках в имении Золотова, заявил: вечером 15 сего апреля он возвращался из Тулы в Хатунки выпившим на своей лошади запряженной в телегу. Уснул дорогою и упал с телеги. Затем кто-то его разбудил, привез в Ясенки в дом десятского Филиппа Николаева Шлипкина, причем лошадь с телегою и бывшею в ней покупкою была оставлена на улице возле дома Шлипкина. Проснувшись утром Воробьев, осмотрел покупку, которой не оказалось. В краже сей изобличен крестьянин сельца Ясенков Василий Николаев Зеленков. Протокол сей препроводить в ясенковский волостной суд».

На следующий день в Хатунки вернулся Воробьев. Он привез домой украденные у него вещи и продукты. Конфеты и баранки он раздал детям, а красный плис, как и обещал, отдал своей жене Глафире, чтобы она из него сшила себе новое платье. А спустя несколько дней, председатель ясенковского волостного суда, разложив на столе чистые листы бумаги и, окунув в чернильницу перо, писал следующее: «В Переволоцкое волостное правление. Ясенковский волостной суд покорнейше просит оное правление объявить под расписку проживающему в сельце Хатунки в имени Золотова крестьянину Басовской волости Тульского уезда Григорию Филиппову Воробьеву, чтобы он на 30 сего мая к 9 часам утра явился в сей суд по делу о краже у него вещей на сумму 9 рублей 73 копейки крестьянином сельца Ясенок Василием Николаевым Зеленковым. За председателя суда, волостной старшина Дудин».

В то время как Дудин писал в Переволоки повестку, полицейский урядник Николай Иванович Сидоров во всю прыть гнал свою лошадку. Он ехал в Ясную Поляну в имение графа Льва Николаевича Толстого, чтобы проверить услышанную в трактире в Кочаках информацию о неких нигилистах, якобы скрывающихся у графа в имении. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ЭКЛЕРЫ

2007 год. Лето. Россия. Москва. В ресторане «Онега» отмечалась круглая дата московского университета информатики. Гости, по преимуществу выпускники вуза разных лет и его нынешние профессора, доценты, давно уже раскрепостились при помощи качественного спиртного и с удовольствием общались за столами, в установленном креслами просторном холле, на танцевальной площадке. Все, как обычно в такие вечера: воспоминания, рассказы о прожитом, неожиданные встречи, трогательные сантименты. Хвалили удачную организацию вечера: уютный и притом вместительный ресторан, щедрые столы, умеренная официальная часть, ненавязчивая музыка, интеллигентный тамада.

Лично знакомых в прошлом выпускников оказалось немного. Пока знакомились, стало понятно, по какому принципу разослали приглашения на вечер. Здесь оказались те, кто чем-либо отличился в послевузовской жизни — успешные предприниматели, доктора наук, не последние правительственные чиновники и тому подобные лица. Любопытно было, кто же стоит за устройством вечера — университет справил бы скромненько. Скоро выяснилось — Сотов Андрей Глебович, самый богатый выпускник, основной собственник крупного предприятия химической промышленности. Он купил его во второй половине девяностых годов прошлого века — на исходе стремительного, мутного процесса продажи и передачи в частные руки большей части государственных, бывших советских предприятий. Новая центральная власть, вознамерившись наскоро переустроить экономическую жизнь гигантской страны на рыночный лад, затеяла невиданную по масштабу приватизацию. Рассматривала ее ключевым звеном преобразований, фактором их необратимости. Спешила максимум включить частную инициативу в экономику и отключить якобы неуклюжее, малоэффективное государственное управление предприятиями. Чтобы ускорить приватизацию, сосредоточить собственность в немногих частных руках, организаторы распродажи обеспечили ничтожные цены в «магазине государственных активов» и ограничили доступ в него. Особенно в сектор, где отпускались крупные прибыльные и потенциально прибыльные предприятия. Сотов в нем побывал и отоварился. По слухам, такую возможность он получил благодаря знакомству с одним из влиятельных зампредов российского правительства. К тому времени Сотов имел собственную предпринимательскую историю, довольно распространенную, и некоторые сбережения. После окончания вуза он несколько лет работал в научно-исследовательском институте. На закате СССР, все еще будучи научным сотрудником, руководил кооперативом, торгующим компьютерами в пакете с программным обеспечением. Потом, на паях с партнером, организовал издательство и управлял им. Выпускало оно в основном юридическую и экономическую литературу, преуспевало.

На вечере Сотов появился позже других и расположился за столом рядом с рек-

тором. В окружении пожилого университетского начальства скучал и частенько сбегал на танцевальную площадку или в холл. Танцевал умело, особенно, быстрые ритмичные танцы, чередуя ретро-стиль, знакомый большинству гостей, с современным молодежным. Дамы, приглашенные им на медленный танец, не скрывали своего довольства. Легко включался в разговор компаний, стихийно образующихся в холле. Первоначально настороженное отношение к нему сменялось при общении открытым расположением, по крайней мере, во внешних проявлениях. Видно было, что он этому рад.

Так и остались бы у Сотова только приятные воспоминания о юбилейном вечере, не случись под занавес один эпизод. Возвращаясь из холла после очередного перекура, бизнесмен пробирався меж столами и у одного отчетливо услышал: «...Даже если Сотов не нарушал закон в ходе приватизации, все равно аморально поступил: получил химкомбинат крупный, а цену заплатил в десятки раз меньше реальной. Если совесть у него есть, то покоя нет. Чужое взял. Хотя, он, может, и не понимает, в чем эта аморальность...» Сотов приостановился, обернулся на сидевших за столом троих мужчин. Они притихли, смутились — смекнули: что-то тот расслышал. Особенно неуютно стало автору слов, угаданному Сотовым. Но он удержался, не отвел глаз от вцепившегося в них сотовского взгляда. Через мгновение Сотов двинулся дальше. Увидел, что сказанное не предназначалось для него. Решил, глупо будет демонстрировать свой острый слух и тем более призывать здесь к ответу этих болтунов.

Невозмутимого внешне Сотова переполняло раздражение: «Вот засранцы! Не дает покоя чужой карман. Любимая тема неудачников. Отдыхают здесь, жрут, пьют за мой счет и осуждают. Сколько можно! Одно и то же талдычат: много взял, мало заплатил, обогатился. А почему взял? Как было бы, если б не взял!? Что стало после того, как взял!? Такие вопросы не интересуют. На них мозгов не достает... Не понимаю я свой аморальности!» — А вот что! — загорелся бизнесмен, уже оказавшись за своим столом, — я с этим умником побеседую. Покажу ему, что рассуждать о нашей приватизации в общем — одно, а оценивать конкретный случай, мой случай — другое... Что только из себя этот деятель представляет? Может говорун заурядный? Тогда не хрена и время тратить на него.

Переждав несколько минут, Сотов обратился к ректору, тихо разговаривающему со своим замом:

— Прошу прощения. Станислав Сергеевич, отвлеку вас на минуту.

— Конечно. Слушаю, — повернулся ректор.

— Не знаете ли, кто тот мужчина — за столом у центральной колонны сидит? В ярко желтом галстуке. По университету я его не помню. Чем он занимается?

— Который? А-а, тот. Китров это, Виктор Михайлович. Он раньше вас окончил вуз. Работает в столичном НИИ. Занимается приложением математических методов к гидрологии. Доктор технических наук, профессор. Часто за рубеж выезжает на гидрологические конференции. И лекции там иногда читает. Кажется в Бразилии... Да, в университете Сан-Паулу. Приглашают. Вообще-то лично с ним я мало знаком, но слышан. Любопытный человек. Из тех ученых, кто не боится входить в смежные области знаний. По-моему, даже экономическими и социологическими исследованиями балуется... Прямой, открытый. Говорят, колочий. Таким скучно в окружении только друзей. Что вдруг заинтересовались?

— Да, знаете, перекуривал в холле и слышал его разговор с несколькими гостями по экономическим проблемам страны. Мне он показался наиболее точным, можно сказать, профессиональным в оценках, — соврал Сотов.

— Вот, вот. Я же говорил — и к экономике прикладывается.

«И к этике, и к иному многому. Сует всюду свой нос», — иронично усмехнулся

про себя Сотов, почти остыв. Он поблагодарил ректора за ответ, обменялся впечатлениями о вечере и, не дожидаясь его окончания, уехал.

На следующий будничный день, в промежутке между делами, Сотов поручил помощнику найти телефон Китрова и через некоторое время получил его. Перед тем, как позвонить, вернулся на секунды во вчерашний вечер, вспомнил профессора, сидящего в слабом свете за столом, подумал азартно: «Готовься, бродяга». Набрал номер. Китров отозвался.

— День добрый, Виктор Михайлович, — поздоровался Сотов и представился. Услышав ответное приветствие, в котором не скрывалось напряжение, замешательство, продолжил: — Вы догадываетесь, наверное, о причине моего звонка. Вчера на вечере я случайно услышал вашу пространную тираду на мой счет. И вы поняли, что долетели до меня какие-то ее обрывки. Кажется, вы сказали, что я поступил аморально, когда по дешевке выкупил кусок государственной собственности — в ходе приватизации. Если совесть у меня есть, то покоя нет — что-то в этом духе... Я не претензии предъявлять позвонил, не тревожьтесь. В конце концов, это ваше мнение. Почему вам его не высказывать? Тем более что большинство в нашей стране думает так же. Только у меня вот несколько иное мнение по поводу моего участия в приватизации. Поэтому предлагаю встретиться. Поясните свою точку зрения тому, кого она, собственно, касается. Меня послушаете. Возможно, я изменю свое мнение, а может — вы. Как насчет встречи, Виктор Михайлович?

— Где встретимся и когда? — взволнованным голосом спросил Китров. — Только не сегодня.

— Тогда приглашаю вас завтра в семь вечера в мой офис. Он рядом с Цветным Бульваром. Годится?

— Да.

Сотов сообщил Китрову адрес, объяснил, как лучше добраться и распрощался.

* * *

У Китрова, сидящего в приемной бизнесмена, на душе было беспокойно. Понятно от чего: порицал человека за глаза; тот невольно услышал, предложил сказать то же в глаза и еще аргументы привести. Хотя Китров, не мешкая, согласился, он понимал, что выглядит в сложившейся ситуации не лучшим образом. Надежду на предметный разговор давало довольно уважительное приглашение на встречу. И еще. В правоте своей Китров не сомневался. Однако ему предстояло не только высказать соображения свои, но и защитить их, если доведется. Он читал интервью с Сотовым, слышал его выступления в телепередачах, отзывы о нем знакомых. Знал, бизнесмен — интеллектuala, опытный полемист. И прессовать умеет, если что. Китров опасался быть слабее, чем может.

Секретарша ответила по внутренней связи и предложила Китрову войти в кабинет.

Сотов с вежливой улыбкой поднялся из кресла, вышел навстречу и протянул руку:

— Добрый вечер. Проходите, присаживайтесь.

Стараясь выглядеть спокойным и уверенным, Китров поздоровался, пожал протянутую руку.

— Вначале, Виктор Михайлович, — обратился к нему Сотов, — я хотел бы придать нашей беседе определенное направление и сказать немного о своем отношении к нашей отечественной приватизации. Оно, думаю, вас удивит... По технологии, масштабам, скорости оцениваю ее негативно, несмотря на то, что сам в результате поднялся. Проведена она не в интересах большинства в стране. Многие предприятия

следовало сохранить в государственной собственности и научиться управлять ими в рыночной среде... Но есть частные случаи. Мне не безразлична моральная сторона не вообще этой приватизации, а моей персональной причастности к ней, моего конкретно случая. Давайте на этом сосредоточимся. Скажите коротко главные соображения. А там видно будет, стоит ли обсуждать детали, растягивать беседу. Вы и я — занятые люди... Да, несколько слов о себе, пожалуйста. Вы в каком году, окончили наш вуз? Будете кофе или чай?

— Чай, спасибо,— поблагодарил Китров, в самом деле удивленный таким вступлением. Тем не менее, устав от тягостного ожидания, стал быстро говорить:

— Окончил в 1981 году. Вы в тот год, если не ошибаюсь, поступили. После вуза пришел в НИИ гидрологии. По сей день в нем тружусь. Занимаюсь математическим моделированием стока рек. Проще говоря, придумываю формулы, составляю компьютерные программы для вычисления объема речной воды, прогнозирования его. Защищал кандидатскую, докторскую. В последние годы и экономические показатели предприятий моделировал для поддержания штанов: количество продукции, расход ресурсов, цены, прибыль. Чтобы в практику экономическую вникнуть, пришлось основными теориями заняться. Увлёкся экономикой...

Теперь по существу. Вы, Андрей Глебович,— один из тех, кто за бесценок обрел крупное прибыльное государственное предприятие. Иначе говоря, стал собственником того, что стоило, предположим, 400 миллионов долларов, заплатив 15 миллионов. Доллар я привлек для измерения стоимости не от большой любви к «зеленому». Просто рубль за последние годы столько раз менял свою ценность, что немудрено с ним запутаться. Так вот, какой бы ни был способ обретения, выкупа предприятия, суть остается неизменной — вы взяли даром чужое на сумму 385 миллионов долларов, если оставить те цифры, что я предположил. Точные, известны вам. И если такая несправедливость состоялась законным путем, то она не перестает быть несправедливостью. Неправедные законы, как и повреждение общественной морали — обычное явление в смутные времена. Согласитесь, вы взяли чужое за просто так фактически. Воспользовались им, разбогатели. Это ли не безнравственно? Это не может не беспокоить человека, для которого совесть не пустой звук.

— Да, я взял чужое, как вы выразились «за просто так», воспользовался им,— сразу ответил Сотов. Выждав немного, продолжил: «Начало мне понравилось, Виктор Михайлович. Слов немного, а сказано достаточно. И в цифрах не сильно ошиблись. Значит, подготовились. Вас, кажется, заинтриговал мой ответ. Может получиться полезный для нас обоих разговор. Надеюсь, он между нами останется. Только давайте переберемся в более удобное место... Я вообще-то не прочь перекусить. Не возражаете, если мы в тот ресторан проедем, где вузовский юбилей отмечался?»

Китров не ожидал никак такого легкого согласия и пробурчал, что не возражает.

Через несколько минут вместительный джип с Сотовым, Китровым и несколькими охранниками отъехал от офиса и пустился маневрировать по переулкам Садового Кольца. В дороге Сотов темпераментно рассказывал о своем вдруг возникшем увлечении рисованием акварельными красками, расспрашивал спутника о его досуге. Однажды прервался ненадолго, погрузившись в себя. Путь занял минут пятнадцать. Китров подумал, что ресторан этот, наверное, обычное место встреч и трапезы для Сотова, и хорошо, что разговор продолжится вне сотовского офиса; в его стенах чувствовал себя вызванным для отчета.

И вот они вдвоем уже сидели в небольшом отдельном зале ресторана за столом, довольно скромно сервированным: два прибора, грейпфрутовый сок в графине, минеральная вода, пара лепешек, несколько салатов. Не будучи охотником до спиртного Китров огорчился, не увидев его на столе: хорошо бы граммов пятьдесят коньяку или водки — приглушить сохраняющееся напряжение.

Сотов жестом пригласил поесть и с аппетитом стал поглощать салаты. Китрову было не до еды, но для компании он присоединился. Орудя вилкой и ножом, бизнесмен предложил:

— Давайте для дальнейших рассуждений сохраним ваши цифры. Повторяю, вы в них не сильно ошиблись... Итак, я получил предприятие стоимостью 400 миллионов долларов, заплатив за него 15 миллионов. Чистая прибыль на тот момент — около 10 миллионов долларов в год. Действительно, взял даром чужое, государственное имущество на сумму 385 миллионов долларов. Даже той небольшой прибыли достаточно было, чтобы за полтора — два года вернуть деньги, потраченные на покупку предприятия. И вы полагаете, это безнравственно, бессовестно... А я вам скажу следующее, — заявил Сотов, не прекращая есть теперь уже без спешки. — Первое. Если бы предприятие не взял я, его получил бы другой. Процесс раздачи государственного, общенародного имущества по мизерным ценам, как говорится, пошел. Не видно было силы, способной его остановить. Я же полагал, что смогу лучше многих распорядиться предприятием. Потому воспользовался случаем... Конечно, богаче стать хотелось. Но и риски были о-е-ей: разного свойства. Можете не верить, но решающим моим мотивом стало, как это ни банально, желание попробовать себя в большом новом деле. И без этого предприятия я мог прекрасно жить, поживать с семьей. Второе. Безнравственно ли я поступил, взяв предприятие по мизерной цене? Не забывайте, в той ситуации иная судьба его не ждала, как быть отданным таким образом. Полному, ответ на вопрос зависит от того, как я распорядился полученным. Вот главное. И как же распорядился?.. Сначала вернул на предприятие нескольких ведущих технологов, нанял толковых финансистов и юристов, зарплата вовремя пошла. Средств не жалел на изучение рынков нашей продукции в России и за рубежом, на развитие сбытовой службы. Надежную силовую команду создал. От «братков» отбилась — еще до меня они хорошо присосались к казне предприятия. Выдал их людей из штата. Вот она головушка, белая почти. За год — полтора сменил окрас. А вполне мог не дожить до этих седин... Скоро объем производства начал подрастать. А упал до того чуть ли не вдвое. Потом зарубежные рынки помогли: спрос на нашу продукцию возрос, цены пошли вверх. Мощности предприятия стали использовать практически полностью. Дальше: закупили новое оборудование, технологию обновили, расширились. У продукции — новое качество. Европа стала больше покупать. За десять лет, что я владею предприятием, годовая чистая прибыль увеличилась где-то до 150 миллионов долларов. Численность работников выросла с 3100 до 4200 человек. Основную часть прибыли на развитие предприятия и социалку направлял. Средняя зарплата — 800 долларов в месяц и еще около 200 — месячная премия. На эти деньги они живут не в дорогой Москве, а за 350 километров от нее. Напомню, средний суммарный доход работающего человека не превышает в стране 400 долларов в месяц. У меня чернорабочий больше имеет... Цены в столовых и буфетах предприятия — символические. На содержании: дом отдыха на Волге, детский летний лагерь. Туча страховок. Пенсионеров наших поддерживаем. Хотите, отвезу в цеха — встретитесь, поговорите с людьми. Узнаете, как они места свои рабочие оценивают. Вакансия только появляется, тут же десяток претендентов... Еще городским школам, больницам помогаем оборудованием, мебелью, ремонтом. Вот так! Всего со мной, за десятилетку, чистая прибыль приросла приблизительно на 700 миллионов долларов. И только около 140 миллионов я оставил себе. Где-то 35 получили другие собственники, 280 потрачены на развитие предприятия, а оставшиеся 245 — на жизнь работников и их семей, на поддержку города. Да еще налогов добавил в госказну не меньше, чем на 250 миллионов за то же время. Получается, передал на общественные, народные нужды как минимум 245 миллионов долларов плюс 250. Всего — 495.

Фактически вернул то чужое, что даром взял, те самые 385 миллионов долларов. И еще с запасом хорошим. По-моему, очень даже нравственно я поступил, взяв предприятие. Безнравственно было бы не взять. Почему? А попади оно к другому, судьба его могла быть иной, совсем не радужной. Примеров — уйма. Страной раздолбанной промышленности нас называют. Что теперь скажете?

Пока Сотов говорил, Китров достал из своего портфеля блокнот и периодически делал в нем пометки. А когда бизнесмен умолк, Китров опять полез в портфель, вытащил небольшой ноутбук и, извинившись, попросил несколько минут: «Хочу проверить кое-что».

Сотов согласно кивнул. Попивая сок, с любопытством наблюдал за оппонентом. Тот застучал по клавишам, что-то записывал. Через три — четыре минуты картинно бросил ручку на исписанный лист, откинулся удовлетворенный на спинку стула.

— Откровенно говоря, Андрей Глебович, ваши слова, вместе с той информацией, что имею о вашем предприятии, отчасти меня поколебали... Действительно, по факту перехода к вам предприятия моральные претензии и прочие нужно адресовать, прежде всего, продавцу — государству. Оно выбрало такой путь, оно убогую цену назначило... или согласилось с ней. А вас, наверное, и впрямь стоит оценивать по использованию объекта... Спору нет, вы постарались по части укрепления и роста предприятия. И работники ваши, в общем, довольны — по своим каналам знаю. Почитают вас. Есть за что. Но не стал бы преувеличивать вашей заслуги. Предприятие взяли все же с прибылью, несмотря на все проблемы. С потенциалом крепким. Плодородная почва легче откликается на улучшенную обработку, чем бедная. Вам небедная досталась почва. Далее. Вы утверждаете, что полученное бесплатно чужое уже вернули. Это я попробую оспорить. Для корректной оценки того, что реально приросло за период вашего владения предприятием, нужно поправить ваши цифры. Сделать сопоставимыми средства, полученные и потраченные в разное время. Учесть влияние инфляции и возможность извлечения выгод из инвестирования. Я тут по вашим цифрам сделал грубую прикидку. Выяснил, что если средства, которые вы считаете переданными вами за десятилетку на общественные, народные нужды, сделать сопоставимыми со средствами, взятыми десять лет назад, то их можно оценить где-то в 220 миллионов долларов: 105 плюс 115. 105 миллионов — это расходы из прибыли на жизнь работников предприятия и их семей, на помощь городу. А 115 миллионов — налоги, добавленные в государственную казну. Значит, взятое даром чужое в размере 385 миллионов долларов вы не вернули по вашей схеме возврата... И возвращенные 220 миллионов неправильно на ваш счет целиком относить. Сумма эта — плод экономического роста предприятия, к которому не только вы причастны. Тут и возросший спрос на зарубежных рынках — сами вспомнили, и предприимчивость решающих менеджеров ваших. И иные факторы роста были наверняка — вам лучше известно. Согласны вы с такой коррекцией? Не с цифрами — их можно уточнить. С логикой и приблизительным результатом коррекции?

— Так я шельмую, по-вашему?! — резко ответил вопросом на вопрос Сотов и брови его сердито взметнулись.

После короткой напряженной паузы Китров ровным голосом сказал:

— Думаю, вы намеренно ложно интерпретировали свои данные — показать, будто взятое чужое уже вернули. Рассчитывали, задний ход дам.

— Здорово! — расхохотался Сотов и его нахмуренное выражение исчезло. — Надо же! Нашупал места уязвимые, да еще и ударил по ним. Недурно, надо признать, увлеклись вы экономикой, недурно. Ловко обкарнали мои успехи, отдисконтировали... Согласен, согласен с логикой вашей коррекции. Цифры кстати опять правдоподобные. И конъюнктура благоприятная на рынках вложилась в рост — да. Не согласен, что еще раз нужно учитывать вклад топ-менеджеров. Я с лихвой его оплатил.

Насколько мне известно, лучшей доли они не ищут... В самом деле, долг свой я пока не полностью вернул. Но продолжу это делать. Итак, каков ваш вывод? По совести я поступал или как?

— Ну, что же,— сказал Китров, довольный похвалой.— С работниками своими рассчитывались вполне достойно, если брать все вместе — и зарплату, и расходы из прибыли. Причем, если не шутите, расставались с частью прибыли, чтобы таким образом возвращать долг — то, что вам бесплатно досталось. Заботит, стало быть, вас это бремя, беспокоит. Но из прибыли оставляли себе больше, чем следовало. Неоднозначно, выходит, поступали. Не то, чтобы безнравственно, но все же не совсем по совести.

— Значит,— посерьезнел опять Сотов,— платил людям за труд цену выше рыночной, расходовал на них то, что себе мог оставить, исправно обязательства перед государством исполнял, город поддерживал — и все равно оказался бессовестным. Да самый строгий моралист пятерку мне поставит по пятибалльной шкале! Сократ с Платоном, отцы-моралисты,— и те похвалили бы. Даже Маркс бескомпромиссный не стал бы придирается. А русский профессор больше двойки не ставит!

— Не двойка, а тройка. Мы же с вами одинаково видим ситуацию: не вернув долг, вы забрали и забираете себе из дохода огромные средства — десятки миллионов долларов. Это в то время, когда народ — бывший владелец имущества, ваш кредитор поневоле и без прав, испытывал и испытывает в большинстве своем немалую нужду. Народ — это не только ваши работники с семьями...

— Да я ведь сам посчитал себя должником, народ — кредитором, а не закон, не государство!

— Это достойно. Думаю, из новых капиталистов российских, поимевших за бесценок госактивы, многие видят себя должниками. Благотворители они и меценаты сплошь. Но и вы, взявшись возвращать долг, не были последовательны. Вот, если бы себе поменьше прибыли оставляли, а возвращали обществу побольше.

— За государство поработать, да. Его это забота — доходы перераспределять между богатыми и нуждающимися. Я готов платить повышенные налоги. Пусть берет и выполняет свои обязанности. У меня своих дел по горло.

— Вы-то готовы, Андрей Глебович, а другие? И государство нынче в сборе налогов не сильно, как во многом другом. Потрепанное, ослабленное. Но ведь наше, другого нет. Отчего не пособить ему. Хотя бы в благодарность за подарок, сделанный вам десять лет назад.

— Нестрогий вы какой-то государственный, Виктор Михайлович,— усмехнулся Сотов.— И сколько мне, по-вашему, следовало оставлять себе из прибыли, чтобы по совести это было? Сумма, способ ее определения?

Китров задумался.

— Сейчас не могу назвать. Время дадите, скажу.

— Пару дней достаточно?

— Постараюсь уложиться.

— Минуту,— Сотов открыл свой ежедневник и, заглянув в него, предложил: — Встретимся опять здесь же, послезавтра, в 19:00. Устроит вас?

— Ага,— кивнул Китров.

— Горячее напоследок поедим? Нет желания?

— Нет, спасибо.

— Тогда уходим. Я вас подброшу.

* * *

Спустя два дня в оговоренное время Сотов с Китровым сидели в том же зале ресторана, за тем же столом. Теперь стол пустовал. Сотову не терпелось возобновить

разговор. Для приличия, однако, поинтересовался: «Поужинать не хотите?» Китров отказался и, видя настрой бизнесмена, стал говорить:

— Помучился порядком с вашим вопросом. И так, и сяк подступал. Пока не спросил себя: «А кто собственно Сотов для своего предприятия не юридически, а по существу, по здравой экономической логике?» И довольно скоро нашелся: «Во-первых, он — владелец только около 3,75 % предприятия потому, что при его реальной стоимости 400 миллионов долларов заплатил за него 15 миллионов. Во-вторых, по сути дела он — главный менеджер предприятия». Отсюда мой ответ: по совести вам причиталось и причитается не более 3,75 % от чистой прибыли, что адекватно вашей реальной доле в предприятии, плюс доход главного менеджера. На сегодня 3,75 % — это около 5,6 миллионов долларов в год (при годовой чистой прибыли 150 миллионов долларов). Доход премьер-менеджера — это порядка полмиллиона — миллион долларов в год для компаний вашего уровня (из обзоров журналов “Economist” и “Forbes” выудил). Получается всего за год — 6,6 миллионов, если взять по максимуму менеджерский доход. А десять лет назад 3,75 % от чистой прибыли и доход главного менеджера — это была сумма что-то около 1 миллиона в год. Выходит, ваша часть прибыли за прошедшее десятилетие была в среднем не более 3,8 миллионов долларов за год, а всего — не более 38 миллионов. Громадные деньги!

Китров умолк и в настороженном ожидании смотрел на бизнесмена, пытаясь предугадать его реакцию.

— Интересный разворот! — задумчиво сказал Сотов.— В прошлую встречу вы, Виктор Михайлович, контратаковали только во фланги: урезали мой долг погашенный, критиковали меня за ту часть прибыли, что себе оставлял. Теперь ударили в центр, точнее — в основание. Ограничили всего несколькими процентами мои права на предприятие и, понятно, на чистую прибыль. Но подсластили эту горькую пилюлю: поощрили зарплатой премьер-менеджера. Отчего перемена такая?

— Какое такое ограничение? Я лишь на вопрос ваш ответить пытаюсь в меру возможностей. А перемена...— не перемена это, скорее развитие позиции. Время было подумать.

— Хорошенькое развитие! По этой самой вашей логике я из прибыли взял лишних 102 миллиона долларов (140 минус 38). Так?

— Да,— кивнул Китров.

— Может, и вернуть их?

— Почему нет,— улыбнулся Китров.

— И впредь оставлять себе из чистой прибыли 3,75 % от нее плюс доход премьер-менеджера?

— Не более,— еще раз кивнул Китров.

— При такой мизерной доле в предприятии, такой прибыли, что вы мне отделили, я, получается, почти ничего не вернул из взятого десять лет назад чужого. И в обозримом будущем не имею шансов вернуть хотя бы процентов двадцать; обречен оставаться малым дольщиком предприятия. Это ведь тоже вытекает из вашей логики?

Китров промолчал, пожав плечами.

— Но в вашей здравой экономической логике есть принципиальный изъян,— заключил Сотов, не дождавшись ответа.— Она игнорирует то обстоятельство, что фактически я был лицом, ответственным никак не за 3,75 % предприятия, не за эту свою реальную долю, а за все 100 % — за всю собственность. Выдвигал, исправлял, отклонял или одобрял программы и планы производства, проекты. Рисковал. Премьер-менеджер рискует работу потерять, а я предприятием рисковал, его будущим, жизнью своей, да и родных. По здравой экономической логике, избавленной от этого

изъяна, я был владельцем не только 3,75 % предприятия, не только и не столько его главным менеджером, но прежде всего главным предпринимателем. А зарплата предпринимателя — чистая прибыль. Поэтому я вправе был распоряжаться ею, своей зарплатой... Вкладывая в развитие предприятия десятки миллионов долларов из прибыли я, по существу, постоянно увеличивал свою долю в предприятии — относительно первоначальных 3,75 %. Думаю, что сегодня я основной собственник предприятия не только юридически, но и по объективной экономической логике. И немалую часть из взятого даром чужого я все-таки вернул — по вашим же расчетам... А изъян вы нарочно внесли в здравую экономическую логику — точно. Но я не в обиде: «на войне, как на войне». Тем более, цель имели благородную: подтолкнуть капиталиста-толстосума поделиться... Мне вот, что любопытно. Представьте, я согласился: да, мне принадлежит лишь небольшая доля предприятия. Как, по-вашему, стоило бы тогда вернуть его государству, оставаясь малым дольщиком?

— Наверное... нет,— сказал неуверенно Китров.— По-моему, нынешняя система управления госпредприятиями ослаблена донельзя. И организации слабы, и кадры, и стимулы. И с идеями туго. Больше разговоров о промышленном развитии, модернизации, чем дел... Да и продадут опять частнику, скорее всего. Чиновники по своему интересу это устроят. Производству, людям аукнется... Средства от продажи разместят где-нибудь на Западе под малые проценты. Уж лучше управляйте и владейте предприятием, как прежде. Дальше — время покажет. Окрепнет государство, очистится, тогда можно подумать о передаче ему предприятия или о совместном владении. Но это о вас конкретно идет речь. Ваш случай нетипичный... Попробуйте лучше забирать себе из прибыли поменьше. Как попугай повторяю... А насчет изъяна я не согласен. Но спорить больше не буду. Как мог, высказался. Вас послушал с интересом. Надеюсь, вы не зря время потратили.

Сотов не ожидал от своего оппонента столь скорого и определенно высказанного намерения закончить полемику. Она все больше увлекала бизнесмена. И этот профессор, упорно и небезуспешно отыскивающий бреши в его правах на собственность и прибыль, все более был ему симпатичен. «Нет, брат, разговор не окончен,— подумал Сотов,— и я знаю, какое продолжение тебе по душе придется».

— Предположим, Виктор Михайлович, урежу я свои аппетиты. На что, по-вашему, использовать свободные деньги? На школы, больницы? Или вот: давно меня просят городские власти построить крупный детский сад.

— Да, направлений — туча,— откликнулся тут же Китров.— Столько запущено, заброшено! И детсад и больница — хорошо. Пусть только целевой будет поддержка, долговременной... Вы разом два блага будете творить.

— С одним понятно,— сказал Сотов, заинтересовавшись. — У кого-то плюсов в жизни прибавится. А второе что?

— Вы, родные ваши, близкие сократите потребление. Нетрудно догадаться, что оно избыточное. Станет менее избыточным. Пример другим подадите. Избыток потребления вместе с ростом численности землян все больше коверкают жизнь на Земле. И судьбу будущих поколений ставят под вопрос. В сравнении с этим наши национальные трудности — мелочь.

— Вот вы о чем. За идеи Устойчивого развития, Хартии Земли хлопчете... А знаете, они меня занимали одно время.

— И каково впечатление, отношение к ним? — спросил с удивлением Китров.

— Актуальны, гуманны — спору нет... Те же глобальные проблемы довольно убедительно обозначены в концепции Устойчивого развития. Да и в Хартии. Основные, помню, такие: население Земли растет и растет, как вы уже сказали (хотя в России проблема обратная); увеличиваются производство и потребление товаров, услуг,

но технологии таковы, что загрязняются вода, земля, воздух, даже климат изменяется, что чревато всякими гадостями вплоть до глобальных катастроф; коллизия между богатыми и бедными острее как будто становится; природные ресурсы истощаются; беднеет животный мир, растительный... В общем, по большому счету жизнь у нас на Земле складывается неправильно. Иначе говоря — неустойчиво. Поэтому пора начинать жить, развиваться правильно — устойчиво: оберегать природу от разной грязи, сохранять братьев наших меньших и все живое вокруг, от нищеты избавляться, распространять ресурсосбережение. Чтобы, в итоге, потребности живущих на Земле поколений удовлетворялись не в ущерб потомкам. В этом суть, если не ошибаюсь?

— Главное схвачено верно,— подтвердил Китров.

— Между прочим, интерес к этой теме имел след: я перестал скупиться на природоохранные мероприятия. Но смотрите-ка, Виктор Михайлович. Концепция Устойчивого развития оформилась под эгидой ООН, кажется, в 1987-ом. Хотя различные ее аспекты обсуждались уже на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде в 1972 году. Еще раньше стали известны прогнозы Римского клуба. Они предсказывали тревожное будущее человечеству... Потом приняли стратегию Устойчивого развития: Рио-де-Жанейро, 1992-ой, опять же на крупнейшей конференции ООН. Подписались под ней главы государств, правительств почти всех стран — членов ООН. С тех пор регулярно организуются конференции ООН по этой теме. Последняя прошла совсем недавно где-то в Африке. Плюс в 2000 году, кажется, ЮНЕСКО одобрила Хартию Земли. В 1997-ом принят Киотский Протокол, устанавливающий правила по ограничению и сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. Выходит, по меньшей мере, более тридцати пяти лет на самом высоком международном уровне ведутся разговоры, звучат заявления о намерениях, принимаются Резолюции, Стратегии, но практически, согласованных действий стран мало. И Киотский Протокол только ограничено заработал. Как думаете, почему? Похоже, не так тут все остро и однозначно. Теперь, по избыточному потреблению. О нем, насколько помню, в концепции Устойчивого развития речь не идет, как об отдельной, ключевой проблеме. Не преувеличиваете роль его сокращения?

— Нет. Я с теми согласен, кто считает, что за последние годы положение как раз усугубилось,— поспешно сказал Китров.— Да, очисткой и утилизацией растущих отходов — производственных, бытовых — занимаются. Развиваются, применяются новые технологии производства — экологически чистые. Прежде всего, в развитых странах. Но загрязнение природы продолжается, увеличивается. Многие экосистемы деградируют... Правда в том состоит, что нам не удастся справиться с отходами так, чтобы остановить негативные процессы в окружающей среде, тем более, повернуть их вспять. И не удастся при сохранении нынешних тенденций в потреблении. Душевое потребление увеличивается и в развитых странах, и в большинстве развивающихся. Все больше и больше покупаются продовольствие, одежда, услуги неисчисляемые, мебель, телевизоры, холодильники, пылесосы, автомобили, квартиры, загородные дома, яхты и прочее разное. Мы предпочитаем потреблять больше, производить для этого больше, несмотря ни на какие угрозы для самих себя и, тем более, для потомков... А каким оно стало наступательным, даже агрессивным, потребление! Подстегивается, навязывается производителями. Бесперывно модернизируют товары, услуги. Создают все новые и новые. Выращивают потребности, которые и вообразить было невозможно. Видел бы старик Смит, сколько новых потребительских благ наковала «Невидимая рука» рынка, молотом НТП* вооружившись... Психология и традиция активного потребления распространились на Земле повсеместно. Почти вытеснили психологию и традицию умеренного, ограниченного потребления, кото-

* НТП — научно-технический прогресс.

рые поощрялись и преобладали в прошлом веке среди трети, не меньше, населения Земли: в Советском Союзе, Китае и других странах соцлагеря. Настоящая благодать наступила для разрастания избыточного потребления. И множится оно. Жаль, статистический учет его не налажен. Давно пора... Но ориентировочно представить его масштаб можно. Я попытался из любопытства. Использовал опубликованную макро-статистику. Вот послушайте: вам ведь по нраву количественные доводы. Современное общее потребление на Земле измеряется потребительскими расходами, приблизительно, в 40 триллионов долларов или 6100 долларов на человека в год. При этом на граждан развитых стран — так называемый «золотой миллиард» — приходится порядка 30 триллионов долларов или 30000 долларов на человека в год. Остальные земляне, числом более 5,5 миллиардов человек, довольствуются, где-то, 10 триллионами долларов или 1800 долларов на человека в год... Примем, что 30000 долларов на человека в год — потребительские расходы среднестатистического гражданина развитых стран — соответствуют верхней границе умеренного потребления. Более чем достойная сумма. Все потребительские расходы сверх этой суммы будем считать затратами на избыточное потребление. По моим расчетам они составляют в развитых странах не менее 30 % от общих расходов на потребление, не менее 9 триллионов долларов. Получается, из 40 триллионов долларов, расходуемых землянами на потребление, по крайней мере, 9 триллионов или более 20 % тратится на избыточное потребление... С учетом всех остальных стран расходы на него в целом по Земле никак не меньше 25 % от общих потребительских трат. Серьезные проценты, согласитесь. Разве не ключевая это проблема?!

— Более чем субъективная оценка, Виктор Михайлович.

— Конечно,— согласился Китров.— Но я, скорее, занизил перебор в потреблении, не наоборот.

— И потом,— продолжил эмоционально бизнесмен.— О каком таком распространении психологии активного потребления вы говорите? Она во все времена была и есть при человеке. Всегда человек разумный был активно потребляющим — в пределах имеющихся возможностей. Падким до наслаждений, гедонистом, эпикурейцем. Был и есть противоположный образ жизни: аскетов, стоиков, монашеской братии. Издревле проповедовалась и проповедует умеренность в жизни. Но число последователей невелико. Люди потребляли и потребляют мало и умеренно только из-за ограничений по доходам, по предлагаемым потребительским благам. Немногие — по осознанному выбору. Психология активного потребления лишь подавляется ограничениями, оставаясь в сохранности. В СССР, Китае, остальных соцстранах ограничение на потребление закладывалось в планы производства товаров, услуг, в зарплаты. Как только возможности потреблять расширяются, тут же человек сполна это использует. Легко восстанавливает традицию активного потребления. А поначалу еще и двойной аппетит включается.

— Тем не менее, психология и традиция умеренного потребления преобладали в соцстранах,— упрямо повторил Китров.— Пусть вместе с подавленной психологией активного потребления. Явное большинство людей устраивало, что есть некий уровень достойного умеренного потребления и превысить его законно почти невозможно. Те, кто его не достиг, стремились к нему. А те, кто достиг, спокойно жили, успешно работали, творили и не испытывали душевного дискомфорта от того, что не могут его превзойти. Опыт этот человечеству еще пригодится.

— Вот так, значит, не меньше... Но вы, Виктор Михайлович, не ответили на вопрос. Почему все же не густо согласованных и результативных действий стран по решению глобальных проблем, сохранению природы?

— А они не выгодны политическим и экономическим верхам... Прежде всего, верхам развитых стран и крупных развивающихся. Им ясно, что корневые глобаль-

ные проблемы — это рост числа земель и душевого потребления, а остальные проблемы — лишь следствия. Что для позитивных изменений мало создания и применения ресурсосберегающих, экологически чистых технологий производства. Знают, что именно уменьшение душевого потребления и стабилизация численности населения на Земле — вот, что нужно, это действительно... Но кому грозит сокращение душевого потребления? Не тем конечно, у кого оно и так мало, не большинству земель. Сокращение потребления грозит тем, у кого оно избыточно. Прежде всего, самим политическим и экономическим верхам. Они — лидеры по части потребления. И не имитация, а серьезное сокращение. А они для него не созрели. Или мало кто созрел. Вот и затягивают всячески, отдалают конкретные, результативные дела... Проблема избыточного потребления всегда обсуждается при подготовке глобальных концепций, резолюций, хартий, обращенных в будущее. А в окончательной редакции не обозначается как ключевая — опять же стараниями верховных хитрецов.

— Кто бы сомневался,— усмехнулся Сотов.— Виноватые все те же: политики, крупные бизнесмены, топ-менеджеры. Забыли сказать, что одна это шайка.

— Не о вине верхов я, Андрей Глебович. Беда это наша общая, что поступают они естественным образом, по-человечески: оберегают, сохраняют привычный образ жизни...

— И где же выход, по-вашему?

— Хороший вопрос... Не знаю. Есть некоторые соображения, как продвинуться к нему. Наверное, утопичные.

— Ну-ну.

— Приверженцам идеи радикального сокращения избыточного потребления нужно объединяться, вербовать сторонников среди политических и экономических верхов. Там, наверняка, есть люди, готовые пойти на такое сокращение, есть сомневающиеся. Приняв идею, они своим примером продемонстрируют, подтвердят приверженность ей. Это вызовет доверие и уважение. Ведь зримо начнут сокращать покупки те как раз, кому больше других предстоит изменить свою потребительскую жизнь... Объединенные приверженцы идеи популяризируют, пропагандируют ее всевозможными средствами — через телевидение, газеты, журналы, интернет, образовательные программы. Согласовывают и соединяют усилия с религиозными пастырями, основными конфессиями... Важно распространить понятие «общество», образ «ближнего» на грядущие поколения. Ныне живущие люди уже ущемляют и дальше будут ущемлять интересы людей будущего. Эти интересы проще будет защищать, если полагать и первых, и вторых людей единым обществом. Нужно заложить, вдолбить в человеческое сознание представление о том, что мы, живущие на Земле — лишь меньшая часть общества, а его большинство — те, кому предстоит жить в будущем. И «ближний», как известно,— это тот, кто нуждается в нас. Разве будущие люди не нуждаются в нашем участии в их судьбе? Нуждаются. Значит, они нам такие же ближние, как и живущие вокруг... Понятно, что одними уговорами, проповедями далеко не продвинуться. Влияние приверженцев идеи должно стать достаточным, чтобы проводить законы, осуществлять законные меры против избыточного потребления. Верховодить нужно во властных структурах развитых стран и крупных развивающихся. Стоит для этого создать национальные «партии будущих поколений», международное содружество их наладить. Почему подлинному большинству общества не иметь свою партию?.. Сокращение избыточного потребления, спроса на люкс-товары, люкс-услуги потянут за собой сокращение объемов многих производств. Надо придумать, как избежать роста безработицы, снижения уровня жизни. Потребуется перепрофилирование производств, переподготовка кадров. Нужна господдержка. Хоть производительность труда снижай — лишь бы при деле люди оста-

лись... А когда идея будет широко принята, самое время очертить жесткие границы умеренного потребления. И чтобы позорно стало превышать верхнюю планку. Долой обжорство! — выдохнул с напором Китров.

— Да-а-а, Виктор Михайлович! — протянул Сотов, подождя пока профессор переведет дух.— Что ж вы скромничаете? Это не просто соображения, а прямо-таки контуры плана с основными задачами, с видением хода его реализации. И мне, как потребителю, ничего веселого он не сулит... Но, вы правы — в нем полно утопичного. С самого начала. Немногие из богатых решатся на отказ от милой роскошной жизни. Тут Руссо с коммунаками правы: хочешь с ней покончить, ликвидируй ее источник. Н-да... Значит, вы меня вербовали все это время? — неожиданно и всерьез по интонации спросил бизнесмен.

— Как, вербовал? — смутился Китров.

— Мягко так, осмотрительно. По плану вашему.

— Шутите,— устало качнул головой Китров.— Как это возможно, если беседой вы рулите? Спрашиваете, отвечаю. Спорим...

— Так я и поверил,— продолжал с нажимом Сотов.— У меня сейчас даже мысль мелькнула: «А не нарочно Китров громко высказался на вечере, когда я мимо проходил? Спровоцировать, на контакт вызвать».

— Что вы такое говорите?! Это чистая случайность была.

— Шучу, шучу,— улыбнулся бизнесмен и озорно добавил: «Ну, положим, завербованным я себя пока не считаю, а в сочувствующие можете зачислить... Отметить стоит это дело. Как считаете? Наконец-то поужинаем. Отказ не принимается».

— И не рассчитывайте,— улыбнулся Китров.

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)

СВЯЗНОЙ*

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 2. Опасные опыты

Осень 1942 года. Полевая база «Аненербе». Карелия.

Осеннее солнышко приятно погладило его по впалым, обросшим щекам. Он невольно зажмурил глаза. Тяжелые, воспаленные от недосыпания веки слипались, и казалось, уже никакая сила не может раскрыть их обратно. Как же хочется спать! Но нет! Надо закончить отчет, убрать инструменты, и тогда — с чувством выполненного долга, он будет спать целую вечность. Надо идти, действие препарата заканчивается, и он вот-вот проснется. Гюнтер тяжело встал со скамейки и стряхнул пепел, просыпавшийся на уже не первой свежести медицинский халат. В этом уставшем, осунувшемся можно было с большим трудом узнать лощеного франта, приехавшего из Грюнвальда три месяца назад.

Сегодня был выходной, и он мог находиться в лаборатории один. Уже как два с половиной месяца ему редко удавалось подышать воздухом. Именно столько прошло с тех пор, когда у него появился этот случайно выбежавший из леса, прямо на взвод охраны, объект.

Вот оно! Настоящее дело! Настоящее открытие! Пока он тут один, специалист, это — его время! Он должен провести как можно больше исследований. Пусть потом изучают его труды, берут за основу! Они! Кабинетные крысы, сидящие в белизне идеально отштукатуренных стен. Они! Которые не представляют своей жизни без чашечки ароматного кофе с кренделем по утрам! Наверное, ему дадут железный крест! А эта шлюха — Гретхен, бросится к нему в объятия и крепко прижмет к себе своим бесстыдным, сдобным телом. И сам Гиммлер лично будет благодарить его за службу в головном особняке на Пюкленштрассе. Он достал из кармана кольцо и потер его о халат. Черная поверхность заблестела, мистически отражая сдвоенные мол-

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

нии в лучах солнечного света. Гюнтер надел его как положено на безымянный палец левой руки. Кольцо предательски болталось. Тогда фон Шлессер перенес его на средний палец правой руки — там оно оказалось впору.

Надо было закончить первый этап исследований сегодня. Завтра из лагеря должны привезти первую партию материала. И он, и объект должны быть в форме. Он просил брать помладше. Не старше семи лет. Чтобы не разбежались и легче было справиться, если что. Объект был внутри бункера. Боже, как он быстро растет! За два с половиной месяца его масса увеличилась в три раза! Он уже еле помещается в клетке. Хорошо, что скоро привезут новую. Она будет больше, и крепче. Иначе железные прутья просто покалечат его.

Гюнтер вошел в прохладный полумрак пещеры, в которой располагалась его лаборатория. Открыл железную дверь, и щелкнул выключателем. Генератор не работал. Черт, опять поломка! Такое иногда случалось. Надо бы позвать наладчика. Но до постов и бытовки с рабочими идти не менее получаса. Охрана стояла со стороны материка. С воды бункер надежно охраняли отвесные скалы. Ему было нужно всего полчаса, чтобы закончить. Он подставил под дверь камень, чтобы та не закрывалась, и шагнул вовнутрь.

Из глубины бункера раздался вздох, похожий на стон. Гюнтер ускорил шаг. Время заканчивалось.

В дальнем углу стояла довольно большая крепкая клетка. Почти всю ее занимало серое грузное туловище объекта. Голова его с закрытыми глазами была неестественно запрокинута назад. Из пасти торчали трубочки зондов. Большие, мягкие губы сморщились, и безвольно свисали набок. Гюнтер вспомнил тот день, когда они встретились первый раз. Существо, тогда еще доверчиво смотрело на него сквозь прутья клетки огромными, похожими на оливы глазами. В особый восторг его привел тогда как раз этот перстень, на пальце Гюнтера. Он даже облизал его, приветливо похрюкивая, облюбовав при этом рукав. Как будто изображение на перстне было ему хорошо знакомо. Тогда он еще не знал, что пожертвует себя науке и, конечно же, рейху. Емкость уже почти наполнилась. Можно было прекращать процесс. Гюнтер закатил рукав и ловко просунул руку сквозь прутья решетки.

По всему телу объекта вдруг прокатилась волна дрожи. Он дернулся, резко замолчал головой и, с ревом выплевывая изо рта трубочки, рванулся вперед. Гюнтер быстро отдернул руку и почти уже вытащил ее наружу. Но большой серебряный перстень с сдвоенными молниями, зацепился за прутья решетки. Гюнтер фон Шлессер увидел прямо перед собой огромные влажные глаза и не прочитал в них, уже так привычных за это время, боли и отчаяния. В них была лишь ярость.

Глава 3. Путешествие

Наши дни. Шхеры Северной Ладogi. Карелия.

Машина повернула с асфальта на проселок, и ее резко затрясло на ухабах.

— Да, елы-палы! Сейчас колеса тут оставим! — громкий крик Игоря разбудил мирно спавшую на заднем сиденье Светочку. Еще раз, громко чертыхнувшись, он высунул голову в окно, чтобы проверить, благополучно ли повернул следующий за джипом прицеп с красивым желтым катером.

Светочка открыла глаза, и томно потянулась: «Долго еще?».

— Километров тридцать, блин, не меньше! — Игорь посмотрел на лобовое стекло. На нем за последние десять минут возникла целая братская могила. Насекомых было так много, что ему даже пришлось включить дворники.

«Ничего себе, тут живности сколько! Хорошо, если бы Светка репелленты взя-

ла!» — Он усмехнулся, представив себе, как гламурная, пухлогубая Светочка, будет рассекать, по комариному раю, в своих бикини и парео. Наверное, все магазины за эту неделю обегала в поисках нарядов. Он же не сказал, куда конкретно они едут. Только о том, что это будет поездка на его новом шикарном катере на природу.

Вообще то он собирался в эту поездку с отцом. Хотел отметить с ним свой двадцать восьмой день рождения. Когда-то он очень любил праздновать дни рождения. Но в день, когда ему исполнилось четырнадцать — умерла мама. Перед этим она долго болела. С тех пор он не отмечал этот день и не принимал поздравлений. Просто отключал мобильник и сидел дома один. Это был первый раз за эти годы, когда у него возникло желание вспомнить про свою дату. Но, видимо, не судьба. За неделю перед отъездом они сильно поругались. Пришлось поменять планы и пригласить с собой эту Светочку из экономического. Ну, хорошо еще, что хоть не секретаршу — а то вообще бы была классика! Про день рождения он ей, конечно, ничего не сказал.

Светочка страдала совершенно параноидальной, по мнению Игоря, заботой о своей внешности. Когда он просыпался, она всегда уже была при полном параде и с прической. Наверное, она вообще не спала, когда пару раз оставалась у него — всю ночь наводила марафет. Иногда ему даже хотелось засунуть ее голову под кран посреди дня, прямо на работе, чтобы посмотреть какая она на самом деле.

Странно, что раньше он ее вообще не замечал, хотя она говорила, что работает в фирме уже около года. Пару месяцев назад ему срочно нужен был отчет от экономистов. В последнее время сделки заключались одна за другой — голова шла кругом, времени ни на что не хватало. К тому же ему вдруг захотелось увидеть ту, рыженькую, в очках. Что-то она давно не появлялась на их этаже со своими тупыми вопросами, типа: «А почему больше половины стоимости товара клиенты платят не нам, а в какой-то оффшор?».

Святая простота! А однажды без всякого повода она зачем то принесла ему пирожки с капустой. Коллеги долго перемигивались. А пирожки те за вечерним чаем, потом «на ура» пошли. Вку-усные! А тут больше месяца ее не было видно. А он и не спросил, как ее зовут. Может, уже уволилась? Он протянул руку к двери с надписью — «Отдел экономики и развития». И вдруг — удар молнии! По коридору, плавно покачивая красивыми бедрами, вся залитая лучами офисного света, в его сторону шла сама Мерлин Монро! Только на современный лад. Загорелая.

Забыв, зачем пришел, он сразу пригласил ее на свидание. Она сразу и согласилась. Все просто. Он убеждался в этом все больше. И зря отец, похлопывая его по уже появившемуся небольшому животу, намекал, что надо бы в спортзал, а то девушки любить не будут. Ерунда! Сейчас любят вовсе не за это.

Отец.

Игорь вновь вспомнил последний разговор.

Он так хотел похвастаться катером. Давно, еще в детстве, они ездили в Карелию всей семьей. Тогда еще была жива мама. Но отец, бывший морской офицер, узнав, что Игорь купил вместе с катером и права на него, наотрез отказался. Еще и ругался. Дескать, нечего и соваться в Ладогу без знания навигации и все такое. Игорь искренне не понимал — зачем делать лишние телодвижения? Ведь все и так уже изобретено, и надо всего лишь нажать на нужную кнопку дорогостоящего «дивайса». Несмотря на ссору, отец все же умудрился впихнуть ему на прощание большую папку с бумажными картами Ладоги, какой-то пыльной литературой по мореплаванию и свой старый спальный мешок из гагачьего пуха. Игорь, конечно, все это благополучно оставил дома. Разве что мешок все еще валялся на заднем сидении, не выброшенный в спешке.

Ну, пришел он честно на эти курсы в ГИМС. Тридцать потных мужиков в жару, в душной комнатке, прилежно строчили под диктовку конспекты об остойчивости

судна и способах ориентирования по звездам. И так три месяца пять раз в неделю. Зачем это? У него на катере современный навигатор! Зачем, часами шуршать бумажными картами? Ввел название — и вперед. Стареет, наверное, отец.

Может и хорошо, что он не поехал. Начал бы «грузить» его, что типа пора жениться.

Или стал бы нести всякий бред, поучать по мелочам.

Что-нибудь из серии: «Как разжечь костер без спичек». При всем уважении к отцу Игорь не понимал, чему такому его, преуспевающего бизнесмена, может научить человек, который второй месяц не может настроить в своем телефоне ММС-ки.

Отдохнет и без него. Не хочет — как хочет.

— Ну как ты, Свет? — Игорь обернулся к Светочке. — Не сильно растрясло?

— Да нет, — Светочка начала судорожно поправлять слегка растрепавшиеся в дороге, соломенно-белые волосы.

«Маньячка», — покачал головой Игорь и уставился на дорогу.

* * *

Светочка зевнула и посмотрела в окно. По краям дороги стоял добротный сосновый лес, с пушистым зеленым подшерстком северного кустарника. Среди стволов, как таинственные великаны, возвышались огромные камни. Слева за деревьями виднелся просвет, наверное, там был обрыв. Скалистая Карелия, как ярким дорогим ковром покрытая мхами, все больше нравилась ей. Несмотря на утомительную, многочасовую дорогу — она была рада тому, что попала сюда. Светочка достала пудреницу. Ее зеленые глаза слегка опухли от сна. Бросив быстрый взгляд в сторону Игоря, она быстро припудрила начинающие проявляться от жары веснушки. Надо чтобы все было безупречно. Внешность для Игоря — очень много значит. В этом Светочка даже не сомневалась. Игорь очень нравился ей, и она втайне мечтала о том, как будет ждать его по вечерам с работы, уютно устроившись на широком подоконнике огромного полукруглого окна его кухни.

Она ласково посмотрела на спутника. Идеально постриженный затылок. Темные, похожие на вишни, глаза через тонкие стекла очков казались немного грустными. Светочке нравилось в нем абсолютно все. Даже его некоторая медлительность и привязанность к мелочам казались ей милыми. Она была счастлива, что они проведут вместе несколько дней. Вчера он даже пытался научить Светочку управлять катером. Ученица из нее получилась никакая. Каждый раз, когда она давила рукой на ручку газа и катер задирает нос — Светочка кричала от ужаса и закрывала лицо обеими руками. Но где какие кнопки и в каких отсеках спассредства, она на всякий случай запомнила.

— Не сильно устала? — Игорь обернулся назад, широко улыбаясь. Свежий воздух начал положительно действовать на измученную городом нервную систему. — Сейчас такие места начнутся — закачаешься!

Светочка кивнула и открыла сумочку, чтобы убрать зеркало. Машина подъезжала к лесной развилке.

— Ч-черт! — Игорь резко нажал на тормоза. Машина сильно дернулась и застыла на месте. Светочку, уже давно отстегнувшую ремни, сильным толчком бросило между сидений. Она больно ударилась коленкой о пластмассовую консоль.

На лесной перекресток на огромной скорости прямо им наперерез выскочил старый черный «Мерседес».

Было слышно, как железо днища глухо громыкает о кочки.

— Эй, ты! Чего, правила не надо соблюдать тут, в лесу? Я у тебя справа, между прочим! — громко закричал, открыв окно Игорь.

Мерседес на секунду остановился, душераздирающе взвизгнув тормозами. Из двери показалась рука в татуировках и загорелое лицо мужчины в темных очках.

— Правила, говоришь? — Он откинул со лба выгоревшие, слипшиеся волосы.

— Игорек, поехали, поехали! — испугалась Светочка.

— Извините, все нормально! — она закрыла окно и затормозила Игоря. — Ну пожалуйста, езжай же! Видел — у него татуировки! Наверное, уголовник какой-то!

Игорь покачал головой и нажал ногой на газ. Машина громко заурчала и повернула налево.

— Нет, ну зря ты меня остановила! Я бы с ним разобрался! Ишь ты, борзый какой! — Игорь нервно стукнул по рулю своего новенького KIA — Нет, ну ты видела? Машина у него развалится вот-вот!

— Да? А я думала «Мерседесы» хорошие машины, — удивленно протянула Светочка.

— Что? Хорошие? — загорячился Игорь, — Да у нас, в Питере, за такие еще приплачивают, чтобы в утиль взяли! Подумаешь, Мерседес у него! «Мрачная роскошь рейсханцелярии», а не машина! И, главное — выступает еще!

— Да, да, — с готовностью согласилась Светочка. — Ты молодец! Это я виновата, что не дала тебе поругаться, вот ты бы его точно на место поставил.

Она была безумно рада, что они уже едут совершенно в противоположную сторону от этого неприятного происшествия.

Глава 4. Петрович

Последний раз подскочив на ухабе, машина остановилась.

На полянке, на краю фьорда, окруженный с трех сторон лесом, располагался небольшой деревянный домик с надстройкой и еще несколько сарайчиков.

Навстречу им, улыбаясь, вышел загорелый, коренастый мужичок с маленькой, темной с проседью бородкой. Лет около шестидесяти или чуть больше. Хитрые черные глазки приветливо посмотрели на прибывших туристов.

— Ну, здорово, мужики! Ой, прощения просим, и барышни, конечно, — он неловко затоптался на месте.

— Давно вас жду, вот и банька уже готова! — мужичок, протянул Игорю руку.

— Здравствуйте! Матвей Петрович, я так понимаю? — Игорь вежливо ответил на рукопожатие.

— Он самый, можно просто Петрович, чего уж там. Проходите в дом, располагайтесь, вот чайку сейчас попьем с дорожки. — Петрович не по-стариковски, легко, подхватил сумки.

— А-а, комары!!! Игорь, дай скорее репеллент! — вскрикнула Светочка, стяхивая со стройной, загорелой ноги целую стаю мошек.

— Ты бы, доча, надела бы штаны какие-нибудь, длинные. Тут у нас, на берегу, загорать никак нельзя, зажрут, ироды. И не спросят, как и звать. Штаны-то, есть? Аль свои какие дать? — хитро ухмыльнулся в бородку Петрович.

— Не нужно, спасибо, — Светочку уже перестала радовать красота пейзажей вокруг. Перспектива провести несколько дней в тридцать градусов жары в куртке и в кургузых штанах Петровича ее никак не устраивала.

— Да шучу я! Доча! Возле дома нет их, комаров-то. Не бойсь! — рассмеялся Петрович. Они уже подошли к домику. Светочка сразу поднялась наверх, в спальню, чтобы привести себя в порядок после дороги.

— Петрович! А что это у тебя? Плитка? — Игорь на кухне с интересом рассматривал гладкий блестящий прямоугольник цвета «розовый металлик», на котором стоял старый облупившийся чайник.

— Ой, горячая! — Игорь отдернул палец, схватившись за ухо. — Где раздобылось, в такой глуши?

— Так это, — замылся Петрович, — брат, из-за границы прислал. — Он взял из угла топор. — Пойду, в лесу дровишек вам нарублю. Костер-то будете жечь вечером?

— А чего у тебя, поленицы нет что ли? — удивился Игорь

— Не-а, а зачем она? — Лес ведь вокруг — пошел да срубил сколько надо. — Петрович легко пошагал к лесу.

— Вот дает! А если дождь или еще чего? Странный дед какой-то! Но судя по плитке, металлокерамической, технику современную уважает — это хорошо.

Игорь достал из сумки манерную сигару и блестящий специальный нож. Ему вдруг захотелось почувствовать себя таким заевшимся европейским путешественником. Закурить сигару и еще раз ленивым взглядом окинуть блестящий на солнышке бок своего небольшого, но очень стильного «Кронлайна». «Так, спички-то, есть тут у деда?» — Игорь пошарил по кухонному столу. В руках у него оказался маленький прямоугольный предмет. О! Вроде зажигалка. Интересно, как она работает? Или не зажигалка это? Предмет, вначале показавшийся металлическим, оказался в руках совершенно невесомым. Странная штукавина...

«Наверное, это тоже брат ему прислал. Думает, что тут, в лесу, это крайне необходимо, — Игорь ухмыльнулся. — Видать, на распродаже в нагрузку к плитке давали. Да, какая-то действительно непонятная штука. Дед, наверное, и сам не знает что это такое». — Игорь с удивлением разглядывал совершенно гладкий прямоугольный брусок, в котором не было и намека на полезность. «Может, ножи точить?» — Он положил предмет обратно и начал осматривать кухню.

Вроде бы обычная финская деревенская кухня. Занавесочки, лавка, книжная полка. Интересно, что читают нынче в глуши? Игорь сдул пыль с корешков. Ничего себе! Физика, химия, высшая математика, радиоэлектроника. Однако! На книжной полке стояла старая фотография в деревянной рамочке. Игорь подошел поближе и встал на цыпочки. На сильно засвеченной карточке были изображены мужчина и женщина, оба в какой-то необычной расшитой одежде и смешных головных уборах. На мужчине была шапка, как у Деда Мороза, а на женщине что-то типа тибетейки с длинными широкими завязками, приделанными к ней в районе ушей. Рядом с ними — два мальчика. Один, судя по черным глазам — Петрович. Лет двенадцати, наверное. Другой мальчик лет семи, не больше. Очень худенький и вроде бы даже белобрысый. Фотография была сильно засвечена. Изображение нечеткое. Это, видимо, и есть брат, что сейчас за границей. Не зря, видать, умные книжки изучал.

«Ну вот, прямое доказательство того, что ученье — свет», — подумал Игорь.

Наконец, вернулся Петрович. Потопав сапогами, чтобы стряхнуть сосновые иголки, вошел и положил топор к печке.

— Это твоя семья, Петрович? — спросил Игорь. Тот утвердительно кивнул: «Ага, отец на камень, что возле дома, фотоаппарат поставил — и снял. Жаль, плохо получилось».

— А давно снято?

— Да в пятидесятом, никак, году, — Петрович грустно посмотрел на фотографию.

— Так давно? Да ладно! А сколько же тебе сейчас лет? — изумился Игорь.

— Так, это... Семьдесят шестой вот пошел.

— Ого! — Игорь даже присвистнул. — вот это да! Вот это экология!

— Да нормально, — Петрович пожал плечами. — Вот мамка моя, год назад только померла — девяносто восемь годков было. До последнего дня все банки с соленьями закатывала да пирожки пекла. А я на станцию ездил — продавал. Так и кормились.

А сейчас чего, я пирожки печь не умею, пришлось вот туристов — вас, то есть, привечать. Так что мы не опытные в этих делах. Не обессудьте. Коли что не так — сразу говорите, поправимся.

— На станцию? Так это километров шестьдесят по ухабам. На чем ездил то? — Игорь изумленно посмотрел на деда.

— Да, это... было на чем,— дед нервно забегал глазками, и, шмыгнув носом, поторопился к двери.

Игорь поискал глазами камень. Возле самого дома ничего не было. Зато почти на краю скалы, в отдалении, за елкой он увидел странное сооружение. Игорь подошел поближе, чтобы разглядеть его. Большущий почти белый треугольный камень был размером с авто. Под ним располагались маленькие, похожие на колесики от детского паровозика, еще три камня округлой формы. Они были не такими белыми, как тот, что сверху. Казалось, что они покрыты гарью. От их наличия, массивное сооружение казалось очень забавным и трогательным. Как будто сейчас пустится в пляс на своих поджаренных колесиках-камешках. От него через весь участок Петровича в сторону леса шел заросший травой след от волочения. И в лесу, в той стороне, была старая просека. «Интересно, кто же мог тут, в лесу, притащить откуда-то такую махину? Да еще и поднять камень на такой хлипкий постамент. И главное — зачем?» — искренне удивился Игорь.

* * *

Вечером они втроем сидели у небольшого костерка возле дома и жарили сосиски на углях. Светочка, завернувшись почти с головой в клетчатый плед, источала из него смрадный запах репеллентов.

— Доча! Да нет тут комаров! У протоки — да, зажрут, это точно! А тут — нету их! Ну, правда! — Петрович попытался откинуть уголок Светочкиного пледа, но та резко завернулась обратно.

— Да она боится! Даже если один укусит за нос и след останется — не переживет! — засмеялся Игорь. Светочкина паранойя уже веселила его.

Он торжественно достал из сумки бутылку коллекционного красного вина.

— «Риоха» — 98-го года! — Голос Игоря зазвучал, как на престижном аукционе.

— Может, это, чего покрепче, на природе-то? У меня вон самогонки нагнано — не желаете? — услужливо предложил Петрович.

— Нет, спасибо. Не хватало только тут отравиться «паленкой». — Игорь манерно вдохнул из пластикового стаканчика терпкий запах «Риохи». «Интересно, где тут этот букет все находят?» — подумал он, и медленно, морщась, выпил красную тягучую жидкость.

— Ну чего это... сразу отравиться-то... Нормальная самогонка! Проверенная! Ну, не хотите, как говорится — не надо,— обиженно пробормотал Петрович, помешивая угольки в костре.

— А что, Матвей Петрович, Снежный Человек не живет в этих местах? — поинтересовался Игорь, чтобы как-то снять возникшее напряжение.

— Какой еще Снежный Человек? — сразу заволновался старик.— Нет тут никого. Только нерпа ладожская. Вы вот купаться если вечером вздумаете где — песни пойте или разговаривайте громко.

— Это еще зачем? — изумился Игорь.

— Ну как,— Петрович хитро сощурил глаза.— Нерпа то нынче наглая пошла — улов прямо из судков тащит! Снасти рвет, лень самой-то охотиться. Так рыбачки-то местные дюже злые на нее! А внешне она больно уж на людей похожа — глазастая!

Неровен час, пловца за нерпу примут. Да, не разобрав, веслом по голове и у... — дед опасно покосился, на сделавшую страшное лицо Светочку.— Короче, получить можно сильно. А потом уже будут ли разбираться — чего это нерпа так ругалась, когда ее по голове били? Народу-то мало тут — на нашей стороне вообще никого.

— Ну-у, это же скучно так жить! Одному в глуши. А так бы телевидение у вас все время гостило, репортеры. Продукты привозили, да и напитки поцивильнее, чем Ваша эта самогонка,— подала голос Светочка из своего клетчатого укрытия.

— Да на черта мне сдалось ваше телевидение! — еще больше забеспокоился Петрович.— Вон, я читал прошлый год в журнале. Нашли в тайге одну семью — Лыковых. Стали к ним приезжать, телевидение там, из газет люди. Так, почитай, всех уже в могилу свели, своим вниманием! Одна Агафья осталась, да и то болеет, говорят. А не трогали бы их — может, по сию пору, все были бы в целости.

— А Ваша семья давно здесь живет? Чем родители занимались? — похоже, Светочка решила собрать досье на старого отшельника.

— Давно, и отец тут жил, и дед. Отец лесником был, мать по хозяйству. Перед войной отец ногу сильно повредил на охоте — в расщелину провалился. Дали инвалидность, в армию не взяли. Когда финны снова пришли — они его так лесником и оставили. И мы тут, при нем, остались с матерью.

— Матвей Петрович, а что это за камень такой забавный у вас на самом краю скалы стоит? — вспомнил Игорь про свою вечернюю находку.

— Этот камень называется СЕЙД,— Петрович важно поднял палец кверху.— Вы с ним аккуратнее. К ним с уважением надо. Он, считай, чуть моложе, чем сама матушка-Земля!

— А как Вы его на маленькие камешки поставили? Чем? И для чего он?

— Никто его никуда не ставил. Он сам пришел к нам. Раньше он в другом месте был — на острове. Там жил когда-то старый НОЙД — шаман по-вашему. Никто не знает, откуда он там взялся — но все, кто эту землю завоевывал — уважали его и боялись. Он никому вреда не причинял — и они его не трогали. Давно умер. Лет двести назад.— Игорь и Светочка удивленно переглянулись.

— А прадеды мои, вроде как, взялись камень тот беречь.— Петрович, откинул палочкой из костра чадающее полешко.— Это — особенный Сейд. Белый. В нем живут духи предков.

— Кто? — Игорь, даже поперхнулся «Риохой».— И зачем они там живут? — с легкой усмешкой спросил он. Игорь терпеть не мог, всякие такие антинаучные сказки.

— Ну как зачем? — Петрович сделал вид, что не заметил улыбок на лицах гостей.— У человека век короткий. Не все успеваешь увидеть, постичь и по наследству передать. А камень общее знание хранит, когда надо может помочь, направить.

— А когда надо? — Игорь продолжал снисходительно улыбаться. Забавный старик!

— У мужчины вешки поворотные в жизни есть, когда он выбор свой должен правильно сделать. Первая — в семь лет, потом в двадцать восемь и последняя — в сорок восемь. Древние считали, что в дни, когда возраст этот наступает — лучше ночь возле Белого Сейда провести. В одиночестве. Все так делали — и отец мой, и дед. И брата отец повез, когда его седьмой день рождения настал. Только вот не повезло ему.

— А что случилось? — Огонь, осветил красивое лицо Светочки. В широко открытых глазах был неподдельный интерес.

— В тот день,— продолжал Петрович,— на Ладоге случился сильный взрыв. Что-то упало в воду. Остров весь огнем пылал. Белый Сейд — вдребезги разнесло. Да и братишка пострадал. Остались только эти вот камешки. Отец мой собрал их и сюда

привез. А через какое-то время он снова появился на своем старом подпоре. Прямо вот так вот, с утра встали — а он стоит тут. И деревья все в лесу переломаны в его ширину. Так что мне и ездить никуда не пришлось, как время пришло. Тут он. Жаль только мне везти некого — детишек нет у меня.— Петрович грустно посмотрел на пламя костерка.

— А у брата вашего?

— И у него нет.

— А это, у какого народа так принято? Ну, с камнями детей оставлять?

— У саамов.

— А Вы — саам? — все не унималась любопытная Светочка.

— В паспорте «русский» написано было, когда графа такая в нем была. Но отец говорил, что среди предков и саамы были, их еще лопарями называли. Вообще, отец мой людей на породы не любил разделять. Разве что так, для сохранения традиций. И нам не велел. Все по одной земле ходим. Значит, все одинаковые.

Сам-то, как узнал, что из Ленинграда деток по Дороге жизни увозят — спасают, значит, от голода — наладился через финские и немецкие посты время от времени туда через озеро ездить — дежурить. Очень он детишек любил — всем им пытался помочь чем мог. Там, ежели машина в полынью уходила — колонне нельзя было останавливаться. Даже если кто тонул, не останавливались — приказ! А он их вытаскивал — кого мог, и к нашим санитарным палаткам отвозил, в Осиневец. Много жизней спасенных на его счету...

— Так до Дороги жизни-то еще пол-озера отсюда проехать надо! — Игорь, уже не в первый раз испытал непреодолимое желание поставить «старого вруна» на место.— Как же он, блин!

— Да азросани у него были,— снова складно отпарировал Петрович.

Игорь только головой покачал. Эти азросани, если даже они и были — в самом Ленинграде бы слышно было! А уж чтобы через посты незаметно проскользнуть — об этом и речи быть не могло! Ну чего связываться со старым-то человеком. Видать, хочется ему отца героем помнить. Его право — им-то чего! Послушают — не развалятся. Его папа тоже, бывало, как начнет «байки» травить — не остановишь.

— Матвей Петрович, а у женщин во сколько лет такие «вешки» поворотные бывают? Ну, когда изменяться можно? — поинтересовалась Светочка.

— А бабы,— Петрович вежливо кашлянул в кулак,— женщины, то есть — уже готовые рождаются. Надо только мужа правильно выбрать да детишек рожать. Не спорить с природой-то. А сами они от рождения и до смерти одинаковые.

— Ага,— язык Игоря уже немного заплетался.— Если стервой, родилась — так ею и умрет!

— Ну что вы ерунду говорите такую! — Светочка обиженно посмотрела на них.— Что же, женщины совсем, что ли, не изменяются?

— Ну почему же! — Петрович хитро сощурил глаза — Меняются! А как же! Вначале титьки маленькие. Потом такие большие, красивые вырастают. А к старости все обратно сморщивается. Очень даже меняются!

Игорь откинулся на траву и громко захохотал. Петрович, тоже тряся от смеха, похрюкивая в бороду.

Светочке перестал нравиться разговор. Отряхнувшись от сосновых иголок, она встала и, надувшись, побрела в сторону туалета, одиноко стоявшего на краю поляны. Через какое-то время из леса, со стороны, куда ушла Светочка, послышался громкий гул.

— Эх ты! Чтоб тебя! Сейчас приду.— Дед, перестав смеяться, резко вскочил.

— Это что? — заволновался Игорь.

— Не бойсь! Это — птицы шумят. Птицы лесные. Все нормально.— Петрович быстро посеменял в ту сторону, откуда все еще раздавался шум.

«Неправильный он какой-то. Живет, вроде, один в лесу, а ни собаки у него, ни кошки. Странно все это...» — подумал Игорь. «Да, черт с ним! Завтра та-а-кую поедем красоту смотреть! Не до дурацких мыслей будет! Да и Светка завтра начнет свои купальники демонстрировать. Или наоборот, все снимет!» — Игорь мечтательно закатил глаза, представив голую Светку на фоне своего шикарного катера.— Красота какая! Картинка, как в рекламе — «Жизнь американских миллионеров».— Он втянул воздух, и ему показалось, что он уже слышит, томный аромат парфюма, приятно смешивающийся с запахом новой, кожаной обшивки.

Истошный женский крик оборвал похотливые мечтания Игоря. Он вскочил, и бросился по тропинке вслед за Петровичем.

* * *

Еще в туалете, Светочка услышала рядом гулкий странный вой, затем со стороны фьорда затрещали кусты. Стало как-то неприятно. Может, волки? Она перестала дышать и посмотрела в щелочку — никого не было. Она постояла еще немного. Было тихо. «Наверное, птицы».— подумала Светочка и смело шагнула на тропинку. Вдалеке мерцал костер. Она быстро направилась к нему. Ей вдруг показалось, что кто-то смотрит на нее из глубины леса. Светочка ускорила шаг. Быстрее, еще быстрее! Как-то большая тень мелькнула среди кустов. Опять все затрещало, потом снова раздался гул. Где-то совсем рядом зашевелились ветки. Светочка ускорила шаг. Ей уже стало не хватать воздуха, и перехватило горло. Собрав последние силы, она закричала. Неожиданно, из темноты, прямо на нее выскочил человек.

— Петрович, блин! Разве можно так неожиданно из кустов выскакивать? У меня чуть инфаркт не случился! — Светочка схватилась за сердце похолодевшими руками.— «Вот старый маньяк!» — подумала она: «Живет тут один в лесу — совсем одичал! Бр-р-р! Надо уже спать идти, а то напьются вконец оба! Скорее бы завтра! Уплывем вдвоем на острова!»

Глава 5. Камень

Светочку сморило в тот самый миг, когда ее красивая головка коснулась цветастой наволочки.

«Дитя мегаполиса. Наверное, получила кислородное отравление»,— усмехнулся про себя Игорь. Ему не спалось.

Белый камень на берегу был хорошо виден из их окошка. Сверху он чем-то был похож на гигантского бегущего дикобраза. Он чем-то притягивал к себе Игоря.

Он понимал, что история с камнем — всего лишь красивая сказка. Но она понравилась ему. Выпитая по случаю «Риоха», и предстоящая дата настраивали на мистический лад.

Ему вдруг захотелось его потрогать, прикоснуться щекой к шершавой поверхности. Интересно, а он холодный или теплый?

Игорь заботливо накрыл простыней загорелые плечи Светочки. Она что-то смешно пробормотала во сне, и перевернулась на другой бок. Затем зачем-то, видимо, машинально надел очки и вышел на улицу.

Луны не было видно, лишь в тоненькой ниточке, парящей в небе, угадывались ее очертания. Завтра должно быть новолуние.

Игорь осторожно шел по тропинке к краю фьорда. Загадочный камень был все ближе, ближе.

* * *

Первый утренний лучик, который еще секунду назад робко выглядывал из-за горизонта, вмиг окреп и бесцеремонно начал прожигать тонкую кожу век сквозь стекла очков.

Игорь, ослепнув от внезапно нахлынувшего на него утра, замахал спросонья руками, пытаясь отбиться от щекочущего назойливого гостя. Белый камень, прижавшись к которому он проспал всю ночь, оставил на лице рельефные полосы. Камень оказался очень теплым и судя по проведенной на нем ночи, даже удобным. Игорь спешно вскочил, отряхнулся и пока никто не видел его, пригнув голову, на цыпочках побежал в сторону дома.

Светочка сладко спала, раскинувшись на цветастой кровати. В комнате приятно пахло сеном, которым были набиты подушки. Игорь тихо разделся и юркнул под нагретую ее роскошным телом простынку.

Продолжение следует

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

КОНВЕРТ БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Ростовчанин. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4). Публиковался в зарубежных журналах: «Edita» (Германия), «Процесс» (Чехия), «Новый свет» (Канада), «Лексикон» (США), «На любителя» (США), «Артикль» (Израиль) и других. В центральных российских изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Приокские зори» (Тула), «Смена», «Мы», «Воин России», «Жеглов, Шарпов и К⁰», «Наша молодежь», еженедельнике «Литературная Россия». В региональных изданиях: «На русских просторах» (Санкт-Петербург), «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород) и других. Автор девяти книг. Причислен к направлению «жесточкого» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь! — рубил воздух ладонью в такт хлестким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчиненного — командира учебной роты майора Ишова.— Лучшая рота! — брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат.— И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустраились от личного состава! Не живете жизнью подразделения!

— Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур...— вклинился было в критический монолог Ишов. Но — напрасно...

— Молчать! Молчать, пока я вас спрашиваю! — едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания.— Меня пустые словеса не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас — засучайте рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчиненного, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронесся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чекой. «Взрыв» последовал незамедлительно...

* * *

Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестоматийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истероидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорет в казарме хотя бы раз за полдня, то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковер» к начальству — пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения,— как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчиненным (обходное защитное поведение), восполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же изначально низкая культура — Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика — и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать собственную неправоту перед подчиненными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» — а именно под ее прикрытием Ишов и ночевал у любовницы — ротный моментально вызверился на комвзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

— Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперек, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! — никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

— Да что вы все ко мне с этими ср...ными простынями поприцеплялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведен должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причем во всей казарме одновременно. Итак...

* * *

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательств: лексикон у ротного был небогат, но ярок.

— Почему, блин, дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна — к такой-то матери, заняться нечем? В казарме, блин, сплошная грязь, а они болтом груши околачивают! Почему пол ни хрена не намастичен? Бездельники! Ско-ты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ощущать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же — сто восемьдесят девять подчиненных, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться! — и цементировал щели в пьедестале царя и бога подразделения, который бесцеремонно пошатнул комбат.

Тр-рах! — слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

— Идиот! — чуть не с кулаками набросился майор на дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок.— Чокнулись, блин, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так?! А по тревоге побегут — друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьезный вид,

поскольку изнутри его распирала и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снedaемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить ее на кого-то еще, помимо наряда по роте, и он прорычал:

— А ну, кто еще из бездельников в наличии?

— Так все ж в учебном корпусе, на занятиях,— осторожно отвечал дежурный.— А старшина с каптерщиком на вещсклад ушел. Один Рязанцев в подвале паяет.

— Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот Умелец наработал,— с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал...

* * *

Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним по прибытии вчерашнего призывника в подразделение не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худощавый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найденыш. Младенцем на задворках вокзала подобрали. Родители не объявились — отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужцев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку — направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатур, но может и другое: класть кирпичи, плитку, по-плотнички, электриком. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную.

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос — из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это при сроке-то службы в неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь Свой дом — то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу. Только обязательно от нормы, чтобы можно было сверх нее сколько-то давать и за несколько лет как-то скопить на этот свой угол.

— Это ты про квартиру, что ли? — решил уточнить замполит.

— Не-е... Про частный угол,— разъяснил солдат.— Квартиры мне не дадут.

— Почему ты так думаешь? — удивился ротный идеолог.

— Я не думаю,— поскущел Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее.— Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься — куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут... Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатешку...

— Ну и много детей-то в своем углу по «дембелю» настрогать распланировал? — с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянулся, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

— Не меньше как трех,— серьезно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев.— Не-е, может, четырех?

— Дурное дело нехитрое,— язвительно усмехнулся ротный, некстати вспомнив свое собственное детство, щедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестер, сроду не принося домой ни копейки.— Только потом-то чем рты прокормишь?

— Руки прокормят. А они — вот они,— протянул вперед ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные.— Не-е... Прокормлю. Говорю — по-всякому работать могу.

— Это мы еще проверим,— с долей скептицизма заявил Ишов.— Шагом марш к старшине: в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня... Умелец!

Но Умелец — как быстро и окрестили Рязанцева в роте — свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдергивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: разного текущего ремонта в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хэбэ», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалете. И никогда за время службы на ее тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязанцева на обеде кусок хлеба — я, значит, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошел, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлебобрезочной уже после еды и просить вроде как добавку — горбушку. На третий день женщина-хлебобрезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жестко пресек ее раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилку к Рязанцеву — со своей разборкой: настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

— Не-е... Я в жизни никого не закладывал! А вот ты — тормоз. Пайку-то мою при всех, нагляком, отнимал. А шакалы — они ж тоже не слепые. Тебя и взяли за задницу.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музвзвода:

— Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты че, блин, туго всасывашь? — И несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: — Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

— Не-е... — не взял портянок молодой солдат. — Я тебе не чмырь!

— Ты че, салага, совсем охренел? — ухватил Рязанцева за ворот музыкант. — Че, службу, блин, понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему и оторвал ее от кителя. После чего только и ответил:

— А че ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых по-всякому трахали.

— Так ты сильный, блин, да? Тогда готовься — ночью подыдем; за базар, душара, ответишь! — пригрозил разозленный музыкант и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени.

Но тут Рязанцев его остановил:

— Не-е... Ты не убегай... Толпой-то вы мне по бороде быстро настучите — и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

— Это как, салага? — даже развеселился музыкант. — Ну-ка, не понял...

— А просто,— пояснил Умелец.— Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один крутой раз стипуху отнял, ну я ему назавтра полбашки и снес. Три месяца в «травме» отдыхал. А бил сзади — оно таким макарком вернее. И учти: я свое слово всегда держу!

— Ты че, опупел, что ли? — пошел на попятную «дед». — Тебя ж тогда посадят...

— Не-е... Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего — тюрьма ли, армия, детдом — мне все едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятерых. Подъем-отбой, невкусная жратва по распорядку. И без зарплаты... Не-е, мне терять нечего. А вот тебе...

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя подмять не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть ляжку солдатской службы — то подштукатуривая казарму, то беля ее изнутри, то ремонтируя нехитрую «военную» мебель: табуреты в спальном помещении, стулья и столы в ленинской комнате. В последние же дни переквалифицировался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло — формы одежды, уличной температуры — плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев мараковал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху...

* * *

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Перейдя через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними, посередине помещения, чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлекшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку, «разбор полетов» в кабинете комбата и дурацкое падение в казарме мгновенно выплеснулась в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванулся к бутылке с водочной этикеткой, словно взбешенный бык к красной тряпке, ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» — резко плеснул содержимым стеклотары поперек лица удивленно поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул еще раз.

— А-а-а-а! — дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо. — А-а-а-а!

— Э-э, ты чего? — опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, что и м е н н о он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же ее и принес в этой самой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горюче-смазочных материалов учебного полка. Из ядовитой техжидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

— Ну, ну, — засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не перестававшего голосить, и все старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожженных мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазными нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув, наконец — глаза у него вроде не пострадали, — ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

— Ну, ты чего? Сейчас промоем — и все будет нормально, — уговаривал Ишов. — Ну, ведь не больно уже, правда?

— Не-е... — наконец отозвался солдат. — Жжет. Сильно...

— Сейчас, сейчас,— и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увез пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожженное кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

— И как же тебя угораздило? — спросил потом у Рязанцева хирург.

— Не-е... Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там — кислота,— пояснил детдомовец.

— Он что, с ума сошел? — возмутился военврач.

— Да ладно,— примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: — До свадьбы-то ведь заживет? — И тут же поморщился: — Жжет все-таки еще.

— Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть,— посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. И взялся за телефонную трубку — сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

— Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся? Не-е, мне со следами никак нельзя, да?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

— Уводите, уводите больного...

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты...

* * *

— Проходите, присаживайтесь,— произнес пасмурно-официально, указав Ишову на стул в торце длинного стола в своем кабинете, командир полка. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с проштрафившимся офицером взглядами не встречаться.

— Я давно замечал, товарищ майор,— ровным, бесцветным голосом заговорил комполка,— что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки уставов. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прощалось. Да и защитник всегда был — ну прямо отец родной,— кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата,— он же и учитель. Зря, что ли, во время оно в его взводе сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придется? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

— Да не знал я, клянусь, правда, не знал, что там не водка! — мрачно пробурчал Ишов, и сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

— А следовало б поинтересоваться...— комполка сделал ударение на глаголе составительного наклонения.— Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это еще не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителя воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей строгости закона — я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

— Так сразу? — Комбат тяжело оторвал взгляд от полированной столешницы.— А может, можно было... как-то... — и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

— Нет, нельзя,— спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: — Объясните.

— При средних и тяжелых телесных повреждениях — скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьезный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру, — буднично сообщил тот. — Ее сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь — оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своем решении превентивно поставить в известность прокурора о... хм... ну, в общем, понятно. И еще. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой — наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся, — но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот лечатся месяцами, и, тем не менее, на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу — неизгладимое обезображивание лица...

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, и он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Ишова наконец-то дошла вся серьезность его положения с перспективой попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набычавшись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией, на повышенных тонах, зачастил:

— Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша... — и на секунду запнулся... — в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылезил? По-русски ж говорю: почему я знал!

— Молчать! — слегка приподнялся в кресле комполка. — Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидыш! Да для суда какая разница! Ладно, сядьте пока да помолчите...

— Офицеру в руках себя держать уметь надо, — басом прогудел зам-астматик, наконец, отдышавшись. — А ты бутылкой махал — не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил, и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски...

— Анатолий, прекращай истерику! — сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу. — Знал, не знал — не о том сейчас речь.

— О чем же? — вступил в разговор замполит полка, меж тем как Ишов медленно, горбясь, опустился на неудобный стул.

— О том, как из создавшегося положения достойно выйти, — пояснил начштаба. — Закон законом, но он ведь, по поговорке, что дышло... Да и с прокурором... Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

— Сомнительно... — качнул головой комполка. — Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

— А солдата? — вспомнил о пострадавшем замполит.

— А что солдата? — отозвался начштаба. — Подлечат его в госпитале — специалисты-кожники там хорошие...

Старший врач части беспокойно побарабанил пальцами по столу.

— Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли...

— Отставить! — голосом и жестом остановил его комполка. — Напротив, все понятно, и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля — в порошок растер... — И полковник леденяще уставился на виновника экстренного совещания. Больше на нем выражение «неизгладимое обезображивание лица» никто не употреблял.

* * *

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда — беспокоиться больше не о чем: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор — в соседней палате. Чего еще желать? Лишь бы лицо...

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было любопытствовал, из чего она делается, но, услышав незнакомые слова — «ферменты» и «гормональная терапия», — махнул рукой: мол, ладно, вы свое дело знаете...

Однако через несколько дней лечения внимание к Рязанцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу наведывался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

— Не-е... Что ж я — дурной, себе лицо травить? — яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул. — Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упали бутылка — ну, руку бы обжег. Не-е... — И без всякого перехода сменил тему: — А товарищу майору что будет? Ведь он же это... как его... рукоприкладство, ага?

— Разберемся, — туманно пообещал следователь-капитан.

...Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор...

* * *

На двадцатый день явно незавершенного лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умельца из госпиталя выписали — по личному распоряжению его начальника.

— Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно, — неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

— Это как? — не понял тот.

— В санчасть из роты ходить, — допояснил офицер. — Помолчал и еще добавил: — Ну, это потом, а пока еще в палате полежать придется...

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умельца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять — и Рязанцев стал ощущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьезно обеспокоился за будущее собственного лица. Вынимая из кармана синей пижамы восьмигранное зеркальце и критически вглядываясь в него, он со страхом отмечал, что...

Правая глазная щель расширилась, почти округлилась.

Левая, напротив, сузилась до щелевидной формы, словно у наций Востока.

Переносицу, в центре горбинки, пересекал глубокий и толстый рубец.

Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и подняли щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее, Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большой мере сотрутся, заглаятся.

Верил — пока не произошел инцидент в курилке...

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучился к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньжата там появились поболее стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии, на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизирировал на корню старшина — на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткань для подворотничков и много иного, — с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы, в редкие минуты отдыха, Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сем щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал.

Ждать он умел.

И порой его угощали целой сигаретой или оставляли солидный бычок — окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но — не всякий раз фартило — порой безденежному солдату приходилось «натошак» слушать разговоры о Д о м е, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

...Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ущербным...

В госпитале Умельцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал Рязанцеву его «кровные» рубли — дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне, на одном из построений роты, Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только какая б... на Рязанцева пальцем покажет или обзовет, или вообще — лично, вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошел не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были посланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата, и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких — тот самый здоровяк, который в начале призыва какое-то время отбирал у детдомовца хлеб, — похвалялся в курилке:

— Перед самой армией я отцу как следует рожу наквазил, когда он в очередной раз домой «на рогах» приполз. Ох, и мордовал: за все сквитался! И приду домой — с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

— Не-е... Какой ты хозяин, — неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев. — Тут родителя-то отдубасить маловато... Ты вот сначала С в о й Д о м займем... — И мечтательно добавил: — Эх, если бы у меня отец был... Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

— Ну, ты, подкидыш! — неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк. — Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой — и сиди, помалкивай!

— Ты че, офонарел? — ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

— Он и так ни за что пострадал, — заступился за Рязанцева еще один солдат. — И вообще, разве не слышал, что ротный сказал...

— Да клал я, кто там чего сказал! — не дослушав, перебил защитников Умельца вконец разозленный здоровяк. — Ни за что, говоришь? А вот не хрена было по подвалам отсиживаться! В «учебке» — учишь, а то ишь, хитрозадый, пригрелся под боком у старшины! И туда же: отец! У него! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что — за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя... — И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: — А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

— Это еще почему? — тихо спросил Умелец.

— Это еще потому, как суродовали тебя — пусть и зазря, но до гроба, а за такого страхоидола... Да ну, ни одна дура зрячая не пойдет! — выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцева. Детдомовец медленно поднялся с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками, побрел из курилки.

Из страха перед командиром роты все свидетели растоптанной мечты о Д о м е впоследствии долго об услышанном и увиденном не распространялись.

* * *

Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор. Со стороны солдат — пока неосознанный, а вот со стороны офицеров...

Через день после того памятного для детдомовца эпизода в курилке, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложившийся всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста. Слева от него, напротив Умельца, рядом уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

— Товарищи офицеры, товарищ рядовой! — начал отрепетированную речь следователь. — Напоминаю вам, что восьмого августа сего года, по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения, была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведенного мною расследования было установлено, что в тот день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А.Н., находясь в подвальном помещении подразделения, выплеснул в лицо своему прямому подчиненному, рядовому Рязанцеву С.И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинен обширный химический ожог верхней части лица, без ущерба для зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчиненного и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью

114 Уголовного кодекса РСФСР «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправработами на срок до одного года или общественное порицание...

Следователь выдержал паузу — опять-таки для солидности — и закончил речь:

— Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и ходатайство командования части, военный прокурор гарнизона счел возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении его меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Еще следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесет. Однако неоднократное рассматривание не заживших еще до конца шрамов и отгалкивающе-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

— Не-е... Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать — и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

— Ну, я же уже объяснил: все решит суд офицерской чести.

...Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишову неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» прощтрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напрочь отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчиненному два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашел комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишову страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке — лицо подразделения, а ты, мать твою растак, урода на нее додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречен «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишову не составляло проблем, — и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжелая и грязная работа. И еще. Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвала у Урода закономерную перемену в отношении себя.

* * *

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид ко-

торого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жесткий запрет командира учебного полка.

— Даже и не мечтайте,— прищурился на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть.— Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать — каптенармусом или еще кем, найдем. Лицезрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вам три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадлежащее хранение ЯТЖ, за оскорбление насильственным действием подчиненного и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица. Или что — ребенок, не понимаете, что следователь по указанию военного прокурора комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с недолеженными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошел: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай бог я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чем-то ущемили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Все ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирады Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато распивавшую его злобу частично перенес на весь личный состав роты, еще более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о Д о м е — единственную мечту обделенного жизнью о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал без острой нужды пускать его в кладовую, ранее облагоустроенную мастеровитыми руками рядового.

А однажды утром, перед разводом на учебные занятия, к Ишову обратился сосед Рязанцева по койке: в казарме они в спальном помещении располагались сдвинутыми попарно.

— Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого уroda,— попросил солдат.— Ну, каждый день при подъеме, да и вообще, не вмоготу эту страшную рожу видеть...

И сначала заочно, а затем и в глаза Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него...

* * *

Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвали у Урода закономерную переменную в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей части окурочок. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнем углу военного городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает, о чем размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистотой одежды, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть...

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпадали с серединой осени — «унылой порой, очей очарованьем». Однообразная монотонная жизнь в казар-

мах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учебки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешенно: свою дальнейшую армейскую судьбу — каптерщика в роте Ишова, до самого дня «дембеля», — он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил в туалет, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил — погладиться там или подшиться, — то на лицо свое совсем не глядел и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

...В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчиненных, чтобы вновь поднакопить растрченную за день энергию. Скажи кто майору, что он — «грязный» энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убиравшийся в бытовой комнате. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирал полировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовку заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

— Ты! Урод хренов! — завопил майор. — Ты, сука, долго еще будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба, блин, медом кажется, от безделья исстрадался? Или, может, жениться в роте вздумал — дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки!

Помолчал, наблюдая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со вкусом выговорив слово:

— Урод!

— Не-е... Это вы сами меня им и сделали, — звеняще тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

— Ладно-ладно, — пошел ротный на попятную, вспомнив обещание комполка в отношении «крестника»: кто его разберет, полковника, а вдруг перерешит да и отдаст прокуратуре на растерзание, — тебе же по-русски разъяснили: без умысла все получилось, нечаянно... — и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висющим, с высунутым языком, в петле под потолком туалета, солдата передернуло, и он подумал: «Не-е... Почему я?»

...Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

— Какого еще? — недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошел и молча прикрыл за собой дверь.

— В чем дело? — нахмурился ротный: визит Урода его подспудно обеспокоил.— Не видишь, я занят!

— У нас в детдоме говорили,— разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову,— говорили, товарищ майор...— И вдруг выхватил из ножен на поясном ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко ударил офицера в грудь, метая в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: — За нечаянно бьют отчаянно!

* * *

— Да, я хотел убить ротного,— сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры.— Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что — сами знаете...

...Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, начав уход от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клетки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклоненный майор, силящийся вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со смаком выговорив слово:

— Отчаянно!

...И судил рядового Рязанцева военный суд за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

* * *

— За нечаянно бьют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! — усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и подчиненного отнюдь не разделял.

— Считаешь, дешево отделался, да? Все ранением своим решил? Рано в литавры бьешь: ты еще этого фрукта увидишь. Мыслью, он и через семь лет тебя достанет. Хотя...

— Да ну, ерунда,— отмахнулся Ишов.— Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

— Это ты ситуацию сам до пиковой довел,— возразил комбат.— А мы еще и помогли. Думать надо было...

— Поэт сказал про армию: «Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит»,— попытался свести разговор к шутке Ишов.

— Вот уж в корне не согласен,— пожал плечами комбат.

— Ладно, чего уж теперь,— вздохнул ротный,— раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта...

Но... Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на свое имя толстый почтовый конверт без обратного адреса и с надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на плотный картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчиненного. Минувшие годы сделали свое, и шрамы уже не

столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немым укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; прочный картон отчаянно сопротивлялся. На остатках снимка комбат истерично сплясал, выделявая хромовыми сапогами неуклюжие па. Настроение было испорчено мерзопакостнейшим образом.

...С тех пор каждый год, и именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, что и м е н - н о окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет свое. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заученные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на знаковый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлек из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?.. А-а, какая, по большому счету, разница?

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчиненного в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

Виктор Хромов
(г. Москва)

КАК ЗДОРОВЬЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ

Полковник в отставке. Член Российского союза писателей. Диплом финалиста литературной премии «Наследие».

*Мне представляется, что жизнь — это
единый неразрывный день, в котором
прошлое, настоящее и будущее связаны
прочными нитями.*

Н. М. Харламов «Трудная миссия»

Адмирал Харламов Николай Михайлович жил тремя этажами выше в доме на Крымском Валу. Этот дом и сейчас примечателен москвичам своим цоколем, отделанным великолепным темно-коричневым гранитом. К тому времени адмирал по возрасту ушел в отставку, но продолжал весьма активную общественную деятельность. Моего тестя Николая Васильевича с адмиралом связывала долголетняя совместная служба, а в последние годы — дружеские соседские отношения.

Как-то тесть принес с работы небольшую книжку с интригующим названием «Реквием каравану PQ-17». Чудовищная трагедия в истории Второй мировой войны, виновником которой был Дадли Паунд, глава Королевского флота Великобритании, отдавший приказ: «Конвою охранения — рассеяться!» Большая часть судов каравана союзников, шедших с военным грузом в Архангельск, была потоплена немецкими подводными лодками. И я снова и снова возвращался к жутким картинам «как со стоном умирали транспорты, а на их палубах танки и паровозы, словно обезумев, расшибали грузовые контейнеры». В книге несколько раз упоминался военно-морской атташе при посольстве СССР в Великобритании контр-адмирал Харламов.

Автор романа Валентин Саввич Пикуль, бывший юнга Северного флота, имел полное право назвать его «Документальной трагедией». Спросил тестя, — почему роман не столь известен, как того заслуживает? Он, как бы между прочим, заметил, — исторический роман всегда современен, но, к сожалению, бывает не в угоду дня. Что он имел в виду, я понял, когда стал свидетелем интереснейшего разговора.

Однажды, придя с работы, еще в прихожей услышал доносящийся из гостиной басовитый голос, который волнами растекался и заполнял все уголки квартиры. Заглянув в гостиную, увидел адмирала и тестя сидящими за столом, на котором стояла объемистая бутылка коньяка. Увлеченные разговором, они почти не заметили моего появления.

— Я несколько раз обращался с рапортом о переводе на действующий флот, — продолжал адмирал. Осенью сорок третьего посла Майского и меня вызвали в Москву. Готовлю отчет о работе миссии. Меня сильно беспокоит прошлогодний разговор с лордом Паундом. Погорячился, сказав этому старому, хитрому барсуку: «Союзники

так не поступают!» Из-за его приказа на дно Баренцева моря ушло вооружение для целой армии, — помнишь, Николай Васильевич, — так необходимого нам в решающем сражении под Сталинградом. Но, как расценят этот разговор в Ставке? Ведь аташе не должен вмешиваться в дела посольства.

Вот с таким настроением покидал Лондон. Попрощался со своей Анной Антоновой, подержал на руках Коленьку. Сказал Танюшке, чтобы слушалась маму.

По приезду в Москву остановился в гостинице. Майский получил назначение — стал заместителем наркома иностранных дел. В тот вечер я должен был с ним встретиться, но меня неожиданно вызвали в секретариат Сталина.

Пока ждал машину, мне позвонил Ворошилов. Он знал меня еще по Севастополю, когда я командовал крейсером «Ворошилов».

— Товарищ маршал, не могу сейчас к Вам прибыть. Меня к Сталину вызывают.

— А... — протянул Климент Ефремович, и в трубке сразу же раздались короткие гудки. Это озадачило.

ЭМКа остановилась у Спасской башни. Умытая дождем брусчатка, зубчатые стены Кремля и голубое небо. Увижу ли я это снова?

Поскребышев (секретарь) проводил в кабинет. Сталин кивком ответил на мое приветствие. Медленно расхаживал вдоль стола. Тягостное молчание. Подошел ко мне и с густым грузинским акцентом произнес:

— А как здоровье английской королевы?

Дорогой Николай Васильевич, что я ответил, не могу вспомнить, и по сей день. Сталин усмехнулся. Жестом указал на стул. Раскурил трубку. А я почувствовал себя капитаном, сумевшим во время шторма «выбросить корабль на берег».

— Вот что, товарищ Харламов, сейчас мы не можем удовлетворить вашу просьбу о переводе на действующий флот. Мы отозвали посла, и одновременный отзыв главы военной миссии будет неправильно понят союзниками. Придется вам еще поработать на этом посту.

— В Англии много сторонников второго фронта. Главный противник — Черчилль.

— Как Черчилль ни брыкается, рано или поздно он вынужден будет открыть второй фронт. Ваша задача — ускорить это дело.

Разговаривали с четверть часа. Сталин вышел из-за стола:

— Советское Правительство присвоило вам звание вице-адмирала.

А вот погоны мне вручили только через год, после открытия второго фронта, точнее — после первого десанта союзников в Нормандии.

Николай Михайлович был прекрасным рассказчиком. Его баритон, временами оттягивающий в басы, и безупречная дикция завораживали.

В гостинице напольные часы пробили «склянки».

Адмирал поднялся. Да простит читатель за романтику, в этот момент он казался капитаном, стоящим на мостике этакого непотопляемого и вездесущего рейдера.

Провожая гостя, тесть кивнул в мою сторону, — тут интересуются, отчего роман Пикуля малоизвестен?

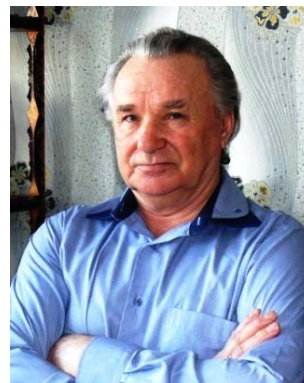
Николай Михайлович, с профессиональным изяществом дипломата, ответил:

— Молодой человек, а как вы считаете, — все ли «спокойно в датском королевстве»?

Прошли годы. Тревожное предчувствие не обманывало мэтра российской дипломатии. Вскоре в Россию пожаловала «Наша подружка»*, и в холодные воды Атлантики, эту извечную колыбель всех флотов мира, продолжая «трудную миссию», вышел большой противолодочный корабль «Адмирал Харламов».

* Маргарет Тэтчер, премьер-министр Великобритании, (1979—1990 гг.) считавшая своим кумиром во внешней политике Уинстона Черчилля.

Василий Бабушкин-Сибиряк
(г. Назарово, Красноярский край)

СЕРБИЯНКА

Потомственный сибиряк в четвертом поколении, из староверов. Работал в тайге на реке Ангаре егерем, лесником, сейчас пенсионер. Образование высшее. Женат, три дочери и внуки. Пишет о жизни тайги, о животных, об экологии и сибиряках. Печатался в российских и зарубежных журналах и газетах. Печатается под псевдонимом, настоящее имя — Гусев Василий Кузьмич.

В ночь на 12 июня 1999 года российские десантники вступили на территорию Косова. Сербское население встречало российских солдат цветами, как спасителей и освободителей.

В семь часов утра 12 июня 1999 года колонна ВДВ России заняла аэродром «Слатина» и организовала на нем круговую оборону.

Оставим политикам и историкам разбираться, искать оправдания войскам НАТО и действиям российского руководства, но двести шесть русских солдат оказались достойными памяти своих отцов, освобождавших Югославию от гитлеровского фашизма.

Они доказали, что не было предательства русского народа к братьям сербам, а то, что Россию предали саму, истории еще предстоит доказать.

Среди этих десантников был молодой парень из Сибири Антон Сапожников. Он служил в миротворческих войсках еще всего год и никогда не думал, что судьба вот так запросто сможет осуществить его детскую и юношескую мечту побывать в Сербии.

Антон родился перед началом того времени, названным перестройкой и которое оказалось страшнее второй мировой войны, так как принесло не только распад страны, голод и нищету, но и страшную разруху в душах людей.

Отца Антона Отечественная война успела отметить. Его призвали на фронт в сорок четвертом, и он получил боевое крещение в Югославии.

Вместе с югославскими партизанами наши войска взяли в окружение выходившие из Греции части армий «Е». Были бои с большими потерями с обеих сторон. В одном из боев отца Антона ранило. Второе ранение он получил уже в Германии, был отправлен домой и Победу встретил в госпитале.

Антон был младшим в большой сибирской семье, а младшим всегда достаются поблажки и от родителей, и от старших братьев и сестер. В восьмидесятих годах жизнь в Сибири была хорошей. Жили все в достатке, не было разделения на «богатых» и «бедных».

Многодетным семьям полагалась помощь от советской власти, хотя многие ей и не пользовались. Был случай в селе, где жили Сапожниковы. Одна из матерей, у которой муж не «просыхал от пьянки», пришла в сельский совет просить помощи и председатель сорвавшись от ее постоянных просьб и жалоб на жизнь, сказал:

— Вы со своим мужем достали всех, вам государство помогает постоянно, одевает, кормит детей, но вы сами тунеядцы, вы даже огорода своего не имеете, не хотите работать, пьете, зачем вы тогда плодите нищету.

Уже на другой день председателя по жалобе этой матери сняли с должности, а жаль мужик, он был прямой и справедливый.

Детство у Антошки было таким же, как и у всех мальчишек, выросших на Ангаре. Обязанности по дому — прополка, окучивание картошки, покос, заготовка дров и многое другое.

Ленивых в деревне не любят, поэтому дети с детства знают, что такое труд.

И конечно каждый мальчишка на такой большой реке рыбак. Одни с детства привыкают ставить сети, самоловы с лодки, их этому учит отец или старший брат. Другие уходят с ночевками на таежные речки, впадающие в Ангару, где под грохочущими перекатами стоят темноспинные хариусы, шевеля радужными хвостами в струях прозрачной воды.

А еще есть в деревенской жизни одна замечательная сторона, это праздничные гулянки. Нет, на них собираются не для того чтобы напиться, а просто отдохнуть от повседневных забот, почувствовать себя моложе, выбросить из себя вместе с лихой песней или пляской что то закисающее внутри.

И не важно, какой это праздник, чей-то юбилей, проводы в армию, свадьба или просто отмеченный праздником листок календаря.

На таких гулянках всегда самый знатный гость — гармонист, так уж пошло истари. Пусть иногда его заменяет патефон, потом проигрыватель, после магнитофон, но без гармошки настоящей гулянки не бывает.

Отец Антона умелый гармонист. На своей гармошке русского настроя он может подобрать незнакомую мелодию и сыграть любую плясовую.

С раннего детства Антошка с упоением слушал игру отца на гармонии и сам пытался что-нибудь изобразить.

Больше всего он любил, как отец играет «сербянку». Крохой он просил отца сыграть ему сербьянку перед сном вместо сказки. А когда мама рассказывала ему сказки на ночь и в них была прекрасная принцесса, Антошка всегда ей подсказывал:

— И ее звали — Сербьянка!

Становясь старше, Антошка научился от отца игре на гармошке, играл плясовые, но все одно сербьянка была его любимой мелодией. Ему нравилось даже само слово сербьянка, оно каталось во рту, как шарик, и было такое теплое и домашнее.

Нравилось, как пляшут гости у них в доме сербьянку, выстукивая каблуками по половицам дробы и выпевая под гармонь частушки.

У каждого было по десятку своих любимых частушек, которые никогда не повторялись, создавали особый и каждый раз новый сценарий пляски.

У отца любимой частушкой была

*Сербьянка, сербьянка,
сербьянка модная
Бери ложку, ешь картошку
не ходи голодная.*

Мама Антона в девках была очень бойкой и знала множество частушек. Иногда она, смеясь, рассказывала:

— Папка ваш был первый парень и жених на деревне, пришел с фронта грудь в медалях, чуб кудрявый выпустит из-под фуражки, глазами, как жеребец, молнии метает на девок, а уж как играть на гармошке станет, то тут любая красавица готова за ним, куда скажет, пойти.

Мне, чтобы завоевать и отбить его у подруг, пришлось так плясать в молодости, как сейчас ни одна девка не пляшет.

*Гармонист, гармонист
Я тебя уважу*

*Твои кудри расчешу
Вазелином смажу.*

Уже в школе Антон играл на гармошке и баяне и знал всю историю танца сербиянка.

Сербиянка балканский танец, и в Россию его завезли цыгане, а до него была кадрили, которая постепенно видоизменялась, в нее вводились свои фигуры, и мелодия сербиянки сразу вписалась в этот танец.

Начиналась кадрили с приглашения на танец, тройка из парня и двух девок приглашала парня, отсюда (три притопа, два прихлопа). Тройка отходит спиной на место а парень идет за ними и все это под припев частушек

*Сербияночку плясать
Надо осторожно,
Не коси глаза на девок,
Оступиться можно.*

Дойдя до «стенки», парень начинает выделывать коленца, потом выбирает подругу, и они отходят.

*Сербияночку плясать
Нужно соображение.
Сначала — дробь, дробь, дробь,
А потом — кружение.*

Антон пробовал играть сербиянку и на баяне, но звучала она и оживала только под гармошку. Что-то родное и близкое жило в этом цыганском ритме. Может, привлекала в нем именно русская удаль, рвущаяся с мелодией из груди и заставляющая ногами стучать так, словно пытаешься проломиться куда-то в неведомое.

А слова частушек нужны были только для того, чтобы выкинуть вместе с ними из себя тревогу и беспокойство, скапливающееся где-то под сердцем от непонимания своего человеческого существования.

Быстро летит время, омывая собой нашу жизнь, меняя многое на совершенно иное. Так отошли с поколениями отцов и дедов их танцы, а на смену им пришли другие. Но все одно прорывается иногда сербияночка под гармошку сквозь визгливые завывания и гром нынешней музыки далеким отголоском прошлого.

И тогда рождается в душе услышавшего ее человека, нечто родное и вечное, неуловимое и зовущее куда-то в другой мир, мир мечты и недостижимых новых чувств.

Вот и Антона время сделало юношей и отправило на встречу с самостоятельной жизнью. На проводах в армию не обошлось без гармошки, пляски и частушек. Сербиянку играл и отец Антона, и он сам, плясали все.

А больше всех Ирка Самохина. Ох, и настырная девка, со школьных лет не отстает от Антона. У Антона к Ирке простые дружеские чувства, как к сестре, если достанет можно и послать, но даже сестра может обидеться, а Ирка нет.

На гулянке, когда играл Антон, Ирка плясала перед ним и так была дробь, что звенел хрусталь в стенке, на плечах у нее цветной платок, концы которого она зажала в кулаки, раскинув руки словно крылья, такая сказочная птица.

*Ты пляши, пляши, пляши,
Ты пляши, не дуйся,
Если жалко сапоги,
То возьми, разуйся*

Пропела ей мама Антона. У Антона еще не было любви к девушке, для него любовь представлялась такой мечтой, недостижимым чувством. Ему иногда снилась

прекрасная принцесса, которую мог бы полюбить, но никогда он не видел ее лица, она всегда стояла к нему спиной. Прощаясь, Ирка сказала Антону:

— Я буду ждать тебя, сколько бы ни пришлось...

— Ты чего, дурочка, не вздумай, если подвернется хороший жених, выходи замуж.

— Нет, я все равно буду ждать...

А потом армейская жизнь, учебка. Когда Антону предложили пойти в миротворческие войска, он согласился. И вот он десантник и находится в Косово. Он увидел, как живут сербы, увидел их девушек сербок, которых по привычке звал сербиянками.

Кровь, слезы, война, беженцы и полнейшая неразбериха в том, чья правда правдивей. А самое главное — грязные люди, пытающиеся на всей этой войне нажиться. Их Антон научился определять сердцем. И когда пришлось стрелять в людей, торгующих человеческими органами, стрелял без сожаления: это были нелюди — вампиры.

Однажды около их блок поста остановились табором сербы-беженцы. Уставшие голодные дети, осунувшиеся, придавленные неизвестностью взрослые вызвали сострадание.

Полевая кухня десантников принялась готовить ужин для беженцев. Антон со своим другом из Омска пошли в табор. На одной из повозок Антон увидел футляр с гармошкой.

Он попросил хозяина показать гармошку. Тот стал рассказывать, что это гармонь русского капитана, воевавшего здесь в сорок четвертом. Мой отец был проводником у советской роты, провел солдат через перевал, и те ударили фашистов с тыла, рассказывал он. После того боя капитан подарил отцу гармонь, но, правда, никто из нас на ней играть не научился.

Антон вынул гармошку из футляра, пробежал пальцами по клавишам, проверяя, не западает ли где, и рванул сербиянку.

Моментально вокруг собрался круг зрителей из десантников и беженцев.

Гармошка, соскучившаяся за столько лет по пальцам гармониста, звучала, нет, пела, а Антон выводил немислимые коленаца.

*Сербиянка, сербиянка,
Ты и впрямь красавица,
Только грустная ты очень
Это мне не нравится.*

Пропел Антон, а его друг, ударив беретом о землю, кинулся плясать вприсядку.

И тогда из толпы беженцев вышла девушка. Она сбросила платок с головы на плечи, концы зажала в кулаки, раскинула руки и поплыла в танце вокруг лихого десантника из Омска.

И что-то случилось с Антоном. Он вдруг увидел в танцующей сербиянке Ирку Самохину. И почувствовал, что очень соскучился по ней, что ему так не хватает ее настырного внимания. И тогда он пропел:

*Сербиянка, сербиянка,
В танце ты как птица,
В тебе вижу свою милку,
Или все мне снится.*

А вечером Антон написал письмо Ирке Самохиной, в котором признался, что скучает по ней.

Игорь Карлов
(г. Подольск Московской области)

КАК БЫ НЕ ТАК

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Старый Арбат» — ароматные слова, словно утренний кофе отпускника, проснувшегося рано (без будильника, по привычке, по привычке уработавшейся ломовой клячи), но непосредственно по пробуждении вспомнившего, что спешить некуда, можно понежиться в постельке, а вместо того, чтобы второпях давиться растворимой бурдой, пытаясь очередной дозой кофеина понудить организм к производственной активности, — заварить себе чашечку крепкого тягучего напитка и выпить небольшими медленными глотками. В такие-то вот внезапно неспешные минуты, до слезы ясно осознав, что впереди у тебя двухнедельная вечность, исполненная безмятежной неги, и можно поистине насладиться кофе, постичь умом своим, для чего Господь спустил на землю усеянные небольшими зеленоватыми зернышками ароматные кусты, для чего вразумил людей сушить, обжаривать и молоть эти зернышки.

Что же касается Арбата, то и его прелесть сполна раскрывается тоже утром. Не в лиловых сумерках, пронизанных первыми вспышками неоновых искр центрального гламурного безумия, и не в пору ночной ресторанно-таксистской свистопляски, и, само собой, не днем, когда нескончаемая толпа, достигнув верхнего экстремума в своем бесконтрольном размножении, сродственном размножению раковых клеток, начинает пухнуть, подниматься, как дрожжевое тесто, затапливать все пространство узкой улицы по вторые-третьи этажи домов... Нет, утром, утречком, в конце лета. Не самым даже ранним утром, когда уже вовсю трудится районное отделение банка сбережений, тогда как расположившиеся по соседству магазинчики, сами названия которых есть антоним бережливости, только лишь позевывают дверными проемами, нехотя раздвигают жестяные веки витринных жалюзи. Именно, утром, когда первые торговцы сувенирами начинают раскладывать на прилавках аляповатые безделушки, ожидая интуристов, ошалевших от московского широкого разгула и потому нежадных; когда уличные художники еще не успели повсюду расставить и развесить свои картинки — хитрые силки на несостоявшихся Джоконд из провинции. Утром, когда патентованная метла дворника-таджика уже взвихрила с мостовых предписанное управдомом количество пыли, которая теперь стоит в воздухе, подрагивает в розовато-золотистых солнечных лучах, помогая высветить, подчеркнуть столичные объемы да средневековую кривоколенность окрестных кварталов. Конечно же, утром, когда интеллигентски рефлексирующую арбатскую тишину бесцеремонно загоняет в подъезды визгливый, чудно интонированный диалог (впрочем, не так странен пронзительно громкий разговор, как его участники: непостижимым образом явившаяся из диких степей в центр мегаполиса скифская каменная баба с плоским круглым лицом — но, разумеется, живая, наживейшая, поминутно поправляющая на грубо вытесанных грудях и ягодицах фанерные листы с меню ближайшего ресторана — и

раздающий рекламные листовки негр). Итак, говорю я вам, утром, когда лениво разбредаются по своим рабочим местам на панели странные персонажи, словно бы явившиеся из отлетающих в небеса тревожно-томительных снов горожан: позывающие зазывалы в костюмах а-ля рюсс, потрепанные бутафорские пираты, церемониймейстеры в камзолах и сбившихся набок париках, склонные к педофилии гигантские поролоновые куклы... Словом, в тот час, когда Арбат находится в руках своих профессиональных хранителей, а празднo-любопытной публики пока, к всеобщей радости, мало.

Лишь краткой утренней порой можно причаститься ко вкусу песенно-текучей асфальтовой реки и ее многочисленных притоков: увидеть новыми глазами знакомые еще по школьным хрестоматиям здания; в очередной раз придирчиво оглядеть изваяния-новоделы и новоделы-постройки, чтобы в очередной раз убедиться, насколько болезненно приживаются они на древней почве; в подробностях рассмотреть открыточные фронтоны с пленяющими неброской прелестью башенками, балкончиками, барельефами, розетками... Казалось бы, именно с этой целью — увидеть воспетую бардом улицу — не поддающееся исчислению количество экскурсантов, понукаемых бездушными погонщиками-гидами или неорганизованных, самочинно-залетных, ежедневно ныряет в бесконечную арбатскую толкотню. И что же? Как идущий на нерест лосось, вклинившись между тысячами столь же целеустремленных тушек, столбенеет в неподвижности, не двигаясь и мешая двигаться собратьям, так и запрудившие все видимое городское пространство шленды препятствуют друг другу совершить предписанный путеводителями променад по Арбату.

Прогулка здесь днем есть ритуальное убийство времени. В толпе, то влекущей тебя на стремнину, то затягивающей в водоворот, то прибывающей к берегу у стоячего затона, как ни старайся, смотришь либо себе под ноги, либо в затылок впередиидущего. Тут уж не до видов из рекламных брошюр: невозможно остановиться даже на миг, чтобы пристальнее взглянуться в красоту достопримечательных мест, ибо людской поток по своему произволу несет тебя — щепку. Редкий смельчак найдет в себе силы противостоять течению, упрямым островком застыть, скажем, неподалеку от «Праги», чтобы вдоволь налюбоваться мидовской высоткой, которая сквозь легонькое марево московской пыли кажется колоссальной сказочной скалой, где в потаенных пещерах обитают маги, вершащие судьбы мира...

А наутро Арбат вновь выглядит милым, чистенько прибранным, необыкновенно просторным, словно детская, на пороге которой замер ее хозяйчик, вернувшийся после долгих каникул, замер на секундочку, чтобы оттенить момент превращения обустроенного заботливыми родителями уютного мирка в фонтанирующий нестройными звуками бедлам.

Пройдитесь в покойный ранний час по почти безлюдной улице! Вы убедитесь, что Арбат по-прежнему перетекает из прошлого в будущее, и на несколько минут сами окажетесь сопричастниками творящегося волшебства. Происходит это так. Сперва к обыденным, ординарным звукам просыпающегося города примешиваются явственные, но долетающие словно бы из другого измерения шумы: то заставит насторожиться возникший из ниоткуда по-военному четкий стук каблуков, то начинает нервировать надоедливое шарканье за спиной, то вдруг напугает надсадное отхаркивание невидимки в двух шагах от вас; едва уловимый стук колес свадебного экипажа Пушкина сливается с тихим перебором гитары Окуджавы и разбитным оркестром, играющим мелодию из «Принцессы Турандот»... А затем к слуховым галлюцинациям добавляются видения: по незримой меже между шумом и тишиной, между хаосом и космосом скользят фантомы миллионов прохожих (им предстоит непременно материализоваться уже через несколько часов), смешиваются с призраками бывших

здешних обитателей, которым вовеки не обрести плоти. Неприкаянные тени живших некогда по соседству домовладельцев, литераторов, полярников упорно ищут своих бывлых пристанищ — и не могут найти: сменены замки, заложены прежние окна, прорублены новые двери...

Вот и в «папанинском» доме вместо парадного, в старое время доступного для немногих избранных, ныне зияет почти не закрывающийся проем — недорогая кафешка ждет гостей: нагулявших аппетит прохожих, привычных к тяжелой пище командировочных, прикормленных постоянных посетителей... Среди них, завсегдаев забегаловки, выделяется странноватая старуха — не то полоумная пенсионерка, не то одно из привидений, шагнувшее сюда с арбатской мостовой, не то ряженая, вроде профессиональных уличных зазывал...

На первый взгляд — и впрямь комедиантка, переодевшаяся в барахлишко «из подбора», чтобы жестоко разыграть публику. Кто другой надумает влезть в вызывающе колоритные обноски горьковских босяков из стародавних постановок? Кто еще, кроме язвительной клоунессы, в летнее время обуется в карикатурные войлочные чеботы?

Но стоит несколько минут понаблюдать за старухой, как станет понятно, насколько чуждо ей стремление к эпатажу. Ее собранная из случайных вещей экипировка по своему продумана. Кофтенку (кажется, серую? или болотного цвета?) и юбку (вроде бы клетчатую? или в полоску?) почти не видно под добротным кардиганом, считавшимся лет тридцать назад супермодным. Сей предмет гардероба, далекий от современных трендов, но прекрасно сохранившийся, носится постоянно и явно напоказ, с тайной целью отвлечь внимание от венчающего наряд и также несменяемого (однако, к сожалению, изрядно траченного молью) головного убора — фантазмагорической шляпки, напоминающей одновременно и рыцарский шлем, и рог единорога...

Если бы кто задумал устроить аллегорический маскарад, эту старуху пригласил бы непременно. И, явившись на костюмированный бал, она была бы безошибочно узнана в первую же минуту. В первую же секунду несколько злорадно-азартных голосов одновременно воскликнули бы: «Я тебя знаю, маска! Ты — Одиночество в старости».

Ну, что ж... Ну, да, одиночество в старости...

А ведь чуть ли не вчера «одиночество» и (тем более!) «старость» казались столь далекими, столь чуждыми понятиями, что разобраться, кроется ли за ними какой-нибудь реальный смысл, помог бы разве лишь словарь. Только вот кто в чудесную весеннюю свою пору готов сменить потрепанный плащ первооткрывателя вселенной на мантию заучки, постигающего мироздание по словарным статьям? Кто променяет трещащий под натиском шторма капитанский мостик на скрипучее кресло книжного червя, дабы отыскать в залистанном глоссарии точное толкование абстрактных существительных? Да нет таких!

Посему все унылые словечки из старперского лексикона до времени мирно полеживают под толстыми обложками пыльных фолиантов, как стальные чушки в снаряженных ящиках. Но настает час, и с мстительным торжеством обрушиваются на голову несведущего человека холодно посвистывающие согласными термины, оглушивают, контузят.

Знать бы об этом молоденькой учительнице, торопливо пробегающей мимо заставленных книгами стеллажей школьной библиотеки! Знать бы, почувствовать бы опасность... Как бы не так!.. Беспечно потряхивает она локонами, с вызовом постукивает каблукками, гордо поддергивает плечиками. В те давние годы она была энергична и чуточку заносчива. Ее окружали сотни юных веселых лиц. Ни старческая дряхлость, ни страх тоскливого молчания наедине с собой тогда не тревожили ее.

Напротив, перед молодым специалистом, сразу по окончании института приня-

тым на работу в одну из лучших столичных школ, открывались блестящие перспективы: она, несомненно, добьется выдающихся успехов на учительском поприще, возможно, даже станет педагогом-новатором; всегда будут рядом творческие, интересные люди, настоящие друзья, с которыми так здорово проводить время в турпоходах по самым красивым местам страны; обязательно сложится чудесная, словно с картинки, семейная жизнь... Зачем же вникать в суть неприятных слов, особенно тех, которые никогда не будут иметь к ней ни малейшего касательства? Зачем излишними копаниями в смыслах сбивать ритм неуклонного поступательного движения вверх, ритм, столь удачно заданный при самом начале карьеры?..

Теперь же только и осталось: одиночество, старость... Теперь старуха не поручится, что в оны дни именно в ее жизни напряженная «рабочая» тишина уроков перемежалась шумными переменами. Теперь кажется, что не она, а кто-то другой душевными июньскими вечерами с видом чуть уставшего от пылких откровений, однако все еще благосклонного наставника выслушивал излияния теребящих новенькие аттестаты прожекторов. Теперь ей уже не вспомнить, отчего выступление на очередном педсовете представлялось безмерно важным, чуть ли не определяющим в судьбе; с какой стати колкое замечание коллеге делало героем дня; с чего вдруг предъявление завучу вполне умеренных претензий по организации учебного процесса обрело в глазах окружающих черты сознательного диссидентства. Теперь уже невозможно объяснить себе, почему дочь, зачатая вне брака, некоторое время добросовестно, но безуспешно пытавшаяся называть папой едва знакомого мужчину, в итоге так и выросла в неполной семье? Когда и каким образом эта забавная девчушка успела превратиться в дородную тетку с дурным, злым глазом? Как это так получилось, что даже с ней, пусть не самым симпатичным, зато единственным родным человеком, старуха за последние пять или шесть лет не обмолвилась ни словечком?

Теперь случайные люди в арбатском кафе стали ее семейным кругом... Нет, скорее, классом, которым она по привычке пытается руководить. И вот, если кто-нибудь из посетителей вдруг начинает кричать в телефонную трубку или в разговоре переходит на повышенные тона, самозваная классная дама, с годами не утратившая железную хватку блюстителя школьных уложений, немедленно вскидывается на смутьяна. «Давай-давай!» — провокационно подначивает она распоясавшегося подопечного, и первые же звуки ее хорошо поставленного, хотя чуточку надтреснутого, голоса убеждают: перед нами опытный специалист (так первые аккорды сонаты свидетельствуют о мастерстве композитора).

Эх, если бы за столиками собралась публика, способная (пусть и не в полной мере) оценить виртуозность дидактических пассажей! Знатоки насладились бы симфонической соразмерностью строгости и сарказма, вложенных в прозвучавшие слова. Ценители воздали бы должное маэстро, тысячекратными повторениями одних и тех же сольфеджио добившейся удивительной интонационной выразительности буквально каждого звука. Доки по части тонкостей школьной жизни, догадались бы, что за годы непрерывного педагогического стажа исполнительница достигла такой мощи воздействия на слушателей, что могла одной-единственной фразой обескуражить самого опасного хулигана в районе. Однако в шумливой столовке никому нет дела до талантов какой-то посторонней бабки, даже тем, к кому она непосредственно обращается. И уж, конечно, никто не соглашается играть роль провинившегося школяра, а потому вместо благоговейного уважения старуха встречает в лучшем случае безразличие...

Но, несмотря на явное пренебрежение окружающих, отставная училка продолжает наседать на расшумевшегося гостя. Самоуважение профессионала обязывает ее достойно завершить начатое, а профессионал не может не знать основополагающего

правила чтения нотаций: развитие темы не менее важно, чем гармония и тональность. Поэтому старуха, не теряя темпа, переходит ко второй части назидательной импровизации. «Давай, громче давай! А то на улице тебя не слышат!» — настойчиво теревит она возмутителя спокойствия, который, не прекращая беседы, раздраженно машет рукой на зануду, отворачивается, скорчив страдальческую мину, невольно начинает говорить спокойнее, тише. Прекословище же только того и надо! Губы ее чуть вздрагивают, кривятся, опускаясь уголками вниз — это старая сдерживает улыбку. Она вновь добилась своего, хотя и отмахивались от нее как от назойливой мухи! И, уже отходя прочь, торжествующая победительница, желая, чтобы последнее слово даже формально осталось за ней, бросает побежденному: «А то давай еще громче. Внизу тебя тоже не слышат!»

Впрочем, «внизу», в подвальном помещении кафе, сейчас некому прислушиваться даже к самым громким разговорам. Там, в закрытом по утреннему времени пивном зале, пока пусто. Лишь через несколько часов начнут собираться любители пенного напитка, раздражая и одновременно ввергая в соблазн абсолютное большинство «верхних» едоков, у которых нет ни времени, ни возможности предаться обстоятельному алкогольному гедонизму: успеть бы насытиться, пока не закончился короткий перерыв на службе. Эти праведники поневоле, тоскливо-завистливым взглядом проводив решительно направляющихся в хмельную преисподнюю счастливых, с напускным равнодушием отводят глаза, с еще большим остервенением пускают в ход механические молотилки челюстей, заглатывая огромные, не прожеванные как следует куски.

Начиная с обеда, только успевай делать замечания! Старуха разворачивает воспитательную работу со всем энтузиазмом бодрящегося вопреки возрасту ветерана. Жаль, нет уже прежних сил: спустя краткий срок накачивает непреодолимая (хотя и приятная!) усталость, которую, надо полагать, испытывает честно отстоявший смену сознательный пролетарий. Стало быть, пора возвращаться в пыльную свою комнатушку. Зато потом весь вечер, проходящий в бестолковой суете с чайником вокруг телевизора, и позже, ворочаясь на узком жестковатом матрасике, с удовлетворением вспоминает старуха недоуменное лицо какого-нибудь выпивохи, имевшего несчастье у нее на глазах расслабленной походочкой подняться из гамбринусова подполья и нетвердыми шагами направиться к выходу. Сколько же гневных инвектив обрушилось на его голову! С какой интенсивностью изливался на него праведный гнев! Бедолаге оставалось одно — быстренько ретироваться, даже не пытаясь огрызнуться в ответ на внезапные нападки, затеряться в кишках народом переулках, раствориться в исподволь густеющих сумерках.

Хотя на Арбате приходится быть бдительной в любое время суток. Не единожды на глазах самоотверженной воспитательницы разыгрывалась весьма огорчительная и утомительно однообразная сцена: в неурочный ранний час не протрезвевший после вчерашнего клиент вламывается в кафе, начинает требовать пива, сетовать, что ему не дают как следует отдохнуть. Подобных наглых пришельцев терпеть никак невозможно! Старуха с горячностью одного из лучших бойцов комсомольского оппортюнда немедленно встает на защиту установленных правил, клеймит позором и выдворяет дебошира. Законность торжествует! Надолго ли?..

Ах, если бы только пьяницы вели себя в общественных местах неподобающим образом! Существуют еще бездомные — особая категория нарушителей. Вот кто цинично, нагло игнорирует любые этические нормы. Вот на кого не найти управу! Отставная шкрабина испытывает к окрестным бомжам и бомжихам почти классовую ненависть: заделались, понимаешь, какой-то новой арбатской знатью! Пробуждаются, когда солнце чуть ли не в зените, и вот лезут из смрадных щелей на свет божий, вот уродуют лицо столицы! Эткими барами фланируют по центру, точно обозревая,

все ли благополучно в их вотчине. Плюс ко всему, как будто подражая празднующемуся городскому дворянству прошлых веков, завели всяческую живность! Один вонючий аристократ разгуливает в окружении своры дворняг, другая светская дама с подбитым глазом прижимает к груди котенка... Да еще объясняет сердобольным прохожим, что ему, видите ли, надо свежей рыбки купить, сшибает рублишки на прокорм вшивого вымеска...

Тут иной пожилой человек, всю жизнь самоотверженно работавший на государство, рыбные деликатесы разве во сне увидит, а какие-то антиобщественные элементы... мало того что сами жируют, так еще взялись котят откармливать! Устроились в жизни, ничего не скажешь! Добро бы шастали по помойкам, не показываясь на глаза честным людям, искали пропитания себе и прирученным ублюдкам в мусорных баках, нет — на предприятиях общепита антисанитарию разводят!

Центровые подзаборники, действительно, чувствуют себя вольготно в старухином кафе. Заходят они сюда смело, деловито прохаживаются между столиками, с панибратской развязностью обращаются к самозабвенно жующим гражданам. Любой мало-мальски сочувственный ответ, благосклонный кивок или даже заинтересованный взгляд служат бродяге сигналом к основной фазе обработки клиента: в просительный монолог подпускаются жалобные детские нотки, до того чистые, до того искренние, что отказать несчастному в незначительной сумме просто невозможно. Как бы ни контрастировал с видом немолодого уже, крайне неопрятного приставалы тон вымаливающего игрушку ребенка, примитивный, в общем-то, психологический прием в большинстве случаев оказывается действенным — застигнутый врасплох едок чаще всего раскошелливается. Осторожно, дабы не замарать одежду лоснящимися от жира пальцами, извлекает он из карманных глубин свой лопатник, бегло осматривает содержимое разверстого, будто для потрошения, портмоне и, сдерживая отрыжку, протягивает нищему бумажку или горсть монет.

Психологи-практики с окрестных свалок прекрасно изучили нашу, откровенно сказать, примитивную натуру: набивший брюхо человек подает легче и щедрее... Когда расслабляющее ощущение избыточной сытости разливается по телу, утроба полностью подчиняет нас себе, превращая в бесхарактерных тугодумов. В голове, отяжелевшей от аморфных наплывов полусна, лениво ворочаются банальные, пошлые мыслишки: «Питаться-то всем надо, а я уже утолил голод, признаться, даже переел, так что поделюсь с нищевродом, чтобы тот поскорее свалил отсюда, не портил мне аппетит своим отвратительным обличем и неприятным запахом...» Побирושка — живое воплощение расхожей сентенции о том, что не стоит зарекаться от суммы — точно рассчитал! Послеобеденный брезгливый гуманизм обязательно заставит сытого мелкой подачкой откупиться от навязчивой демонстрации вида чужой нужды...

В какой все-таки своеобразный клубок сплелись в этом кафе говорящие и слушающие, жующие и пьющие, жарящие и парящие, раз за разом пересчитывающие деньги существа, не то паразитирующие друг на друге, не то поддерживающие удачный симбиоз! Возможно, у кого-нибудь картины подобного сосуществования низших организмов вызывают неприятие, чуть ли не омерзение, но отставленная от места учительница следит за жизнедеятельностью простейших с отстраненностью выдавшего виды натуралиста. Она деловито фиксирует реакцию одноклеточных на погружение в размягчающее волю, парализующее разум пресыщение, отмечает, как они ведут себя под воздействием выжимающего дешевые слезки заискивающе-лукавого убожества...

Когда в НИИ вечности и вечного покоя будут подводить итоги поставленного над всеми смертными эксперимента, отчет пожилой естествоиспытательницы тоже подошьют к делу. Старуха выступит экспертом по пустым разговорам, скучным

грешкам, постыдным глупостям, наивным хитростям и первобытной заурядности. А экспертное заключение готово уже сейчас (осталось только подпись поставить): никто из подопытных не выдержал длительного облучения повседневностью, что обусловило крайнюю степень их несчастья в ходе проведенного исследования.

Из-под набрякших старческих век внимательно следят за каждым из нас помутневшие от времени и горестных впечатлений жизни глаза: и за теми, кто с низкопробными ужимками выклянчивает себе пропитание, и за теми, кто кичится поданным грошиком, забыв, что за столом нельзя прикармливать животных да немущих — потом не отделаешься. Построже надо с попрошайками, построже...

Старуха, было дело, пыталась прямо объяснить все это неразумным своим подопечным, призывала в помощники администрацию кафе, пылая благородным негодованием, изгоняла бомжей из помещения. И всякий раз после подобного инцидента ее подлавливали на улице решительно настроенные оборванцы мрачного вида, в грубой форме объясняли, что не стоит вести себя так безоглядно спесиво — может плохо кончиться. Несколько вызывавших приступы тошнотворного страха разговоров оказалось достаточно, чтобы чертова перечница прекратила свои выпады, хотя по лицу оставшейся безмолвной свидетельницы продолжающихся безобразий было видно, что примириться с происходящим она так и не смогла.

Однако есть еще одна причина столь жгучей ненависти защитницы универсального порядка к бездомным. Как ни трудно признаться в том себе самой, в глубине души она осознает, что неказистым одеянием да чудаковатым поведением до тождества напоминает побродяжку. Не обидно ли: люди с абсолютно разными судьбами, с полярными взглядами, с несравнимым отношением к миру, с несхожими привычками в конце жизненного пути приходят к одинаковому итогу! Вот чего категорически не может понять и принять старуха. Оттого и злится.

Единственное, что примиряет введливую пенсионерку с вселенской несправедливостью, — возможность повелевать основной массой посетителей кафе. По крайней мере, воображать, что повелевает. Особенно же приятно командовать иностранными туристами, порой заглядывающими на огонек. Иностранцев старуха моментально берет под свое покровительство, общаясь, правда, исключительно при помощи мимики и жестов, поскольку языков не знает... Да и к чему? Скромные потребности представителей рода человеческого без всяких слов понятны любому и в любой точке планеты. Энергичным жестом направишь забугорников в очередь к раздаче, покажешь, с какой стороны подходить к кассе, — и уже можешь считать себя субъектом международной деятельности, таким дипломатом-любителем.

Впрочем, нечасто зарубежные гости соблазняются стряпней поваров недорогой закуской. Втянут ноздрями любопытных носов доносящийся с кухни чад, поглядят на неубранную посуду на столах — и помашут рукой отрицательно. Тогда старуха смекает: забрели в поисках туалета. Милостиво дозволяя приезжим приобщиться к достижениям отечественной сантехники, она указывает расположение мест общего пользования с тем величественным видом, с каким, должно быть, некогда государыни-императрицы жаловали чужестранцев русскими титулами. И провожает интуристов столь же царственно, сопровождая легкий наклон головы доброжелательной, хотя все же несколько высокомерной улыбкой: мол, помните наше беспримерное гостеприимство и великое к вам снисхождение... Как ни редки такие минуты, они дарят волнуемую возможность ощутить себя классной дамой в мировом масштабе, а это дорогого стоит.

Но большую часть дня старуха проводит в непрерывном мельтешении, как бы генерируя вокруг себя завихрения суеты. Двери кафе не успели распахнуться, а знакомая всем работникам фигура в неказистой шляпке и неизменном кардигане уже

маячит на пороге. Все начинается с покупки чашки чая и долгой оживленной беседы с официантками, которые, не прерывая разговора, играючи убирают посуду, оставшуюся после немногочисленных пока посетителей. Темы для обсуждения у подружек известные: о парнях, о том, как прошло вчерашнее свидание, о девичьих обидах, о сердечных неурядицах... Тут старая учительница имеет непререкаемый авторитет: какими бы запутанными или драматичными не представлялись ситуации, переживаемые неискушенными в любовных делах разносчицами, обязательно придет ей на память аналогичный случай, произошедший с одной из бывших учениц. И за каждой назидательной историей последует проверенный житейским опытом совет, которому молодаяки внимают, словно словам оракула.

В ответ на пристальное (даже с легким налетом мистики) внимание девушек консультантка-доброхот старается по-своему отблагодарить их: то подскажет, в каком магазине продукты подешевле, то возжелает передарить выданную на кассе вместе со сдачей дисконтную карту на одну поездку в такси: «Мне-то ехать некуда, а вам пригодится...» Но как бы убедительно старуха ни просвещала товарок относительно выгоды и удобства отлаженной системы скидок, официантки, сдерживая улыбки, упорно отказываются принять столь щедрый подарок — самим девать некуда бесполезные картонные прямоугольнички, сотнями валяющиеся в подсобке.

Так и катится день. Еще несколько раз старуха с чашкой кипятку подходит к кассирше, получая с чеком еще одну скидочную карту, одноразовый пакетик чая (он будет использован дважды!), сахар, конфетку за счет заведения. Весь ее рацион и состоит преимущественно из чая да даровых конфет. Впрочем, она настолько своя здесь, что персонал сквозь пальцы смотрит на то, как из-под знаменитого кардигана извлекается порой на свет божий завернутое в целлофан яблочко... Пусть уж старая поточит зубки, ничего страшного. Не гнать же ее! Предстоит длинный рабочий день, когда может пригодиться каждая пара рук, сколь бы немощны они ни были...

Да, да, в суматошный обеденный час, когда харчевня забита до отказа, когда забегавшиеся официантки перестают справляться с горами громоздящихся повсюду столовых приборов, престарелая активистка тоже берется за дело: то сметет в мусорный бак объедки, оставленные кем-то из посетителей, то соберет на поднос использованные чашки-миски, то отнесет к окну посудомоек несколько тарелок... Зачем?..

Старуха понимает, конечно, что слишком слаба и медлительна, что почти незначителен ее вклад в общий трудовой порыв. Да ведь дело не только в желании помочь приятельницам! Беспреданная, хотя и лишённая практического смысла, хлопотня — это ее пропуск в мир энергичных, занятых, полезных для общества людей, это оправдание ее теперешнего существования. Так пусть же дребезжит на весь зал грязная посуда на подносе, дрожащем в дряблых руках, обсыпанных старческой «гречкой». Пусть звякает на весь дом, на весь Арбат! Пусть грохочет неуверенной морзянкой на всю Москву, пусть разнесет по всему свету послание одной из малых мира сего: «Я есть, я существую!»

Ежедневно отправлять в эфир свой писклявый позывной — потребность, не меньшая, чем потребность в пище и воде. Отними у старухи рожденный суетой звон бытия, и что останется? Лишь горечь былых потерь... Тогда уж лучше лечь да помереть. А помирать ей никак нельзя, ведь, пока есть она, есть и бывшие ученики, и новые знакомцы из кафе, и заполонившие Арбат гуляки, и интуристы, и даже бесчинствующие бездомные. Без нее — что же будет со всеми этими людьми? Что произойдет с дешевой, но нужной же для чего-то забегаловкой? Устоит ли сам «папанинский» дом?..

...Двери кафе безостановочно распахиваются и закрываются, впуская алчущих или провожая утоливших голод. За мелькающими створками (словно бы на сеансе оптического театра) видно прерывистое движение оживленной улицы: то пропылит

пара сапог, догоняющих метлу, то пролетят куда-то стоптанные кроссовки подросткового размера, то вспыхнут черным бриллиантом безукоризненно чистые штиблеты столичного франта... А иной раз терпеливому наблюдателю выпадет случай узреть восхитительное зрелище — легкий ход двух пар обнаженных женских ног.

Две подружки-соперницы плывут по мостовой, что по подиуму, ступают павами две амазонки из таинственного племени Девушек Из Центра... До сих пор остается загадкой, каким образом приживаются и возрастают на нашей суровой почве сии эфемерные существа (вполне вероятно, инопланетного происхождения). Про них вообще известно немного... Ну, например, что пешком те куколки практически не передвигаются, поскольку их нижние конечности предназначены природой для иных функций... Если же все-таки возникает необходимость пройти небольшое расстояние, то шествуют они почему-то всегда попарно. Кроме того, путем многолетних наблюдений установлено, что надменные красавицы ведут ночной образ жизни, а куда скрываются и где обитают в дневное время — опять неведомо...

Надо полагать, в ареале центровых девчонок происходит жесточайшая видовая борьба, поскольку они всеми силами стремятся устранить любой намек на собственную индивидуальность, непременно мимикрировать под общий стандарт. Чтобы выжить и оставить потомство приходится действовать грубо, цинично, исходя во всех поступках из двух основных постулатов, простых, зато накрепко засевших в модно причесанных головках: украшать мир — наша миссия на Земле; наша свирепая, доходящая до едкой мелочности меркантильность — производная от нашей миссии, неизбежный и объяснимый побочный эффект.

Знаменосицы собственной непреложной правоты, прелестницы мерно чеканят шаг по старинной мостовой, словно бы на параде в честь окончательного торжества обезличенной красоты, которая, вопреки предположениям классиков русской литературы, оказалась абсолютно индифферентна к морали. Идут, словно пишут, упиваясь властью над царством мужчин, и при каждом шаге профессиональной чаровницы общепринятые представления о границах приличий причудливо смещаются, игриво колеблются вместе с подолами коротеньких юбочек.

И не оторвать глаз от матового сияния молодой кожи голых ног, открытых любопытно-бесстыжим взорам до самых нежных, самых сокровенных изгибов и оттого кажущихся еще длиннее! Ножки записных красоток (это даже на взгляд можно определить) упруги и чуть прохладны. Похожи на косые лучи августовского солнца, еще способного на томную страсть, однако утратившего былой испепеляющий задор и легкомысленно сдающегося победительнице-осени. Хотя от нее-то, как подсказывает вдруг пробившийся родничком холодок в сердце, милости ждать не приходится: деспотичная владычица уже примеряет свой златотканый багряный халат — торжественное облачение для дней чудовищных казней, когда падут миллионы и миллионы безвинных листьев.

Ну, что ж... Шагайте, девушки, шагайте... Вы, похоже, уверены, что знаете, куда заведут вас ваши длинные ноги... Вы, верно, полагаете, что античной лепки ножки долговечнее каррарского мрамора... А устойчивее ли власть вашей мимолетной красоты, чем ваш высоченный каблук? А найдется ли в конце вашего пути хотя бы одно местечко, где вам разрешат присесть в кругу собеседников, откуда вас не прогонят, несмотря на то, что вы бестолковы и неприглядны, словно пугало?

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии имени «Левша» им. Н. С. Лескова, постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

*В этот город торговли
Небеса не сойдут.*

Александр Блок

В черте буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.
Все схвачено цепкостью быта,
Где идол для многих — комфорт.
И будто бы все поизбыто,
Чем русское сердце живет...

* * *

Не кривите физиономий,
Что чужой, как апрель январю,
Что не кланяюсь в пояс мамоне
И любовью к бабле не горю.
И плевать на наследников ярых
В мире всех торгашей и менял
Тех, которых Спаситель из храма
В гневе Божьем кнутом выгонял.

* * *

*Жаль мне себя немного
Жалко бездомных собак*

Сергей Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
Мне жаль, что исчезла эпоха
И с нею — «прямая дорога»
В рабоче-крестьянский кабак.
Там грели сердца за гроши.
Но нынче — иные буфеты,
Где нет и в помине души
Есенинской болью пропетой —
Где нет и в помине любви
К ненастному отчему краю.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

* * *

Союз хулите
 не на шутку.
Но кем он был —
 вам не достичь.
— Чего ж вы врете,
 проститутки! —
Кричит
 сквозь мавзолей
 Ильич...

* * *

Не зная сердечных угрызений,
Легко меняют эти люди
Суровый пафос обличений
На подлый пафос лизоблюдства.
Не стоит их клеймить презреньем.
От дней Господнего творенья —
У них такое назначенье,
У них такое назначенье...

* * *

Среди молчунов и крикливых
Под свист паровозный хрипой
Мы пили советское пиво
В дыму привокзальной пивной.
Бутылки в наклейках смазливых
Смели ту пивную мою.
Печально... Но я не о пиве.
Его я не очень люблю.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

О, светлая Оптиная пустынь
В лесном заповедном краю.
Грехи и душевную усталь
Я храмам твоим предаю.
И всею душой богомольца
Уверен в бессилии зла,
Коль есть надо мною под солнцем
Святые твои купола...

ПЛЕСЕЦК

Сосна, как шпиль на круче,
На круче ледяной.
И северные тучи —
Над северной тайгой.
Не из варягов в греки,
Бурливы и ясны,
Прут северные реки,
Вальцуя валуны.
И по соседству где-то
Верша огонь и гром,
Выносит ввысь ракеты
Известный космодром.

* * *

Я твердо взял
из дней армейских дальних,
Что нет у нас
реальности другой —
Забиться
в благодати тихой спальни,
Проснуться
под сирены
грозный вой.
Банально мыслим
и живем банально
В ладу с собой
и часто — не в ладу.
Одна на всех —
железная реальность
Всему на свете
подведет черту...

* * *

В концертном зале
верткая попса
Поет на все, стараясь голоса.

И вторит ей
 рукоплесканья гром.
А мне б,
 как встарь
 за дружеским столом
Полднего
 пустого кабака
Всем существом
 Ивана-дурака
Послушать,
 как шарманкой
 о былом
Грустит метель
 за мартовским окном.

* * *

Главное, чтобы с мели —
Стронулось, понеслось.
Или к какой-то цели,
Или же так — на авось.
Главное, чтобы случилось
То — где и кровь, и пот.
И впереди счастливый
Или летальный исход...

* * *

Всерьез иль между делом —
Я знать бы не хотел —
Где, за каким пределом
Последний мой предел...
За этим поворотом
Иль вон за той верстой
Навек затихнет кто-то,
Что был когда-то мной...

* * *

Красный шар
За серебряный лес уходил.
Над заснеженным лугом —
Суровое небо.
Словно был и не был,
Словно жил и не жил...
И любил эту явь,
Но не больше,
 чем небыль...

* * *

Застынь
во мне

тяжелое молчанье,
Собою
суетливость
придави
глухого озлобления
и отчаянья,
когда вокруг —
ни веры,
ни любви.
Когда вокруг —
блистает
глум прокудливый.
Цветами зла
расцвечены пути.
Спаси меня,
угрюмость
неподкупная,
чтоб я
по-русски мог
свой крест нести...

* * *

Памяти матери

Средь забот и говорильни
Снилось счастье — день за днем.
Отоснилось...
Холм могильный.
Крест...
Закатный блеск на нем.
И мужик,
Идя сторонкой,
Под вороний грай окрест,
Душу тронув самогонкой,
Скажет вдруг —
Красивый крест...

* * *

Я в глазах у зверья
находил человечность —
пониманье,
уступчивость,
преданность дому.
Их люблю за наивность.
Их люблю за беспечность.
Неспособность полнейшую
к замыслу злему...
Потому в непогоду
или после попойки
рад я видеть

в угрюмые эти часы,
как, сощурив глаза,
где-нибудь на помойке
блудный кот благодушно
смеется в усы...

* * *

Когда резвилась русская стихия,
Мой «жигуленок» враз грузовиком
Он вытащил
и запросто,
кивком
Простился,
как и принято в России,
Где никогда
в словес излишний жар
Не оформляют то,
что здесь исконно.
Ведь дар добра,
он, как и всякий дар,
От Бога,
а не от мудрости законов...

МЕДЫНЬ

Маневры. Станция Медынь.
С платформы в поле
Полным ходом
Шла техника.
Дымилась стынь.
И служба не казалась медом.
Среди калужских деревень
Ревели бронетранспортеры.
Держалась воля, как кремь
В морозом спаенных просторах.
Сверкала даль.
Синела синь.
И были валенки — по пуду.
Зима. Учения. Медынь.
Твои снега я не забуду

* * *

Геннадию Луткову

Все на потом в душе моей
Ей ничего сейчас не надо.
Среди тяжелых этажей
Благоуханье снегопада.
И я, подняв на небо взор,
Внимаю светлому явлению,

Летящему наперекор
Всемирному грехопаденью

ЛЕДОХОД

Геннадию Залетову

Рвались к речке ручьи напролом.
Никогда не забыть эти воды,
Где дрожали во дни ледохода
Окна в стареньком доме моем.
Вижу домик по детству плывет,
Парусами белеют березы.
Навернулись у бабушки слезы,
Оттого, что гремит ледоход.

* * *

И какие тут
уместны силы.
И какой
уместен опыт тут.
Коли те,
что улыбались мило,
мило улыбаясь
предадут.
Жизнь идет.
Несется скорый поезд.
Выпекают хлеб.
Играют гимн.
Жизнь идет.
Одних
спасает
совесть —
Божий дар,
неведомый другим.

* * *

Юрию Савинкову

Это было давно и правда...
Среди праздников. Среди буден.
Это было давно когда-то
И уже никогда не будет.
Что имел - я уже не имею,
С кем мечтал - нет на свете уж многих.
И сквозит обреченно время
Дрожью луж вдоль пустой дороги...

* * *

Зимой на березу слетались шеглы.
На ветки, седые от инея.
За ней огороды пусты и белы...
И небо холодное синее.
Все было отрадно для детской души,
Что виделось ей за избушкою.
И, может, поэтому в зимней глуши
Легко я заучивал Пушкина.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

III. ДЕЖАВИЮ*

1. Сказание о геростратах

Новочеркасск

...От нужды — не из охальства
Шел толпой к начальству люд:
«Ты разуй глаза, начальство,
Как рабочие живут:

Втрое снижены расценки,
Цены — ввысь. Как дальше жить?
Нас уже приперли к стенке:
Хлеба, мяса не купить!..»

Но приспешник свинопаса
Нагло бросил: «Вашу мать!
Не графья! А нету мяса —
Будь любезен ливер жрать!»

Кто-то крикнул: «А по роже?!
Ах, вы ж, красные князья!
С нами этак-то негоже!
Так с рабочими нельзя!

Мы тебе напомним, парень,
Кто здесь главный гегемон!..»
Брошен метко первый камень.
Град камней возглавил он...

Ох, не вовремя глумливый
Принаглел, не в добрый час, —
Гнев великий, справедливый
Охватил рабочий класс,

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

Своего дождавшись часа.
Пассажирский поезд, стой
И плакат «Хруща на мясо!»
В дальний путь возьми с собой!*

Пусть повсюду все узнают,
Кто о том не знал еще,
Что над нами вытворяет
Этот вражий сын Хрущев!

Нам ли, Разина потомкам,
Новых бар ярмо сносить!..
Был протест казацким, громким,
И другим не мог он быть.

Накалялась обстановка.
Кровь казачья горяча.
Полохнула забастовка,
И с портретом Ильича

Горожане шли к горкому.
А законченный урод
Из Кремля велел главкому
Танки двинуть на Народ.

«Как же это так? Свои же...—
Измился генерал ** :
— Впереди врага не вижу...»
И давить людей не стал.

Но над ним, как коршун, *Плиев* *** :
«Исполнять,— кричит,— приказ!...»
За дела его лихие
Прокляни его, Кавказ...

* 1 июня 1962 года 10:00 около 200 рабочих Новочеркасского сталелитейного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. В 11 часов они направились к заводоуправлению, по пути к ним присоединились рабочие других цехов, в результате около заводоуправления собралось до 1000 человек. Люди требовали от начальства ответа на вопрос «На что нам жить дальше?». Вскоре появился директор завода Б. Н. Курочкин. Заметив недалеко торговку пирожками, он оборвал одного из выступающих и заявил: «Вместо пирожков с мясом, будете жрать с ливером!» Эта фраза вызвала негодование рабочих, директора начали освистывать и выкрикивать в его адрес оскорбления. Курочкин скрылся, однако именно его фраза послужила поводом для последующих событий. Вскоре забастовка охватила весь завод. Возле заводоуправления людей становилось все больше: услышав тревожный гудок, приходили люди из близлежащих районов и других предприятий. К полудню количество бастующих достигло 5000 человек, они перекрыли железнодорожную магистраль, связывающую Юг России с РСФСР. На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущева на мясо!» (См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Новочеркасский_расстрел.)

** Генерал Шапошников Матвей Кузьмич, командир танковой части СКВО, вызванной в Новочеркасск для подавления выступления рабочих. Получив приказ командующего операцией ген. И. А. Плиева двинуть на народ танки, ответил: «Не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками».

*** **Исса́ Алекса́ндрович Пли́ев** (осет. Плиты Исса; 12 (25) ноября 1903 — 6 февраля 1979) — советский военачальник, генерал армии (1962). Командующий Северо-Кавказским военным округом в 1958—1968 гг. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). 2 июня 1962 года войска возглавляемого Плиевым округа приняли участие в подавлении выступления новочеркасских рабочих.

Так, герой войны когда-то,
Плиев дал команду «пли!».
Застрочили автоматы,
И десятки полегли...

То не яблоки, не груши
Вниз посыпались с ветвей,—
То тела детей, а души
Превратились в голубей.

Перепуганная стайка
Устремилась в небосвод:
«Милый боженька, узнай-ка
Что Хрущев стрелял в Народ!..»

«...Что он дал приказ сегодня
Убивать людей войскам!..»
«...Что безжалостно он отнял
Нас у наших пап и мам!..»

«...По вине Хрущева рано
Суждено нам умереть...»
«...Мы росли на радость мамам,—
Нам не дали повзрослеть...»

«...Покарай убийцу! Что же,
Пусть сполна ответит тать!..
Почему ж ты медлишь, боже?..»
Видно, некому карать...

Но зато была расправа
Над несчастными людьми,
Что Хрущеву так по нраву —
Просто медом не корми!

Там, где «удаль» показали
*Фрол Козлов** и Микоян,
Развернулся сей хозяин,
Безнаказанностью пьян.

Не имел к Народу жалость
Злой и мстительный пострел:
Сотня в тюрьмах оказалась,
Семь попали под расстрел.

Стал *кровавым воскресеньем*
Тот субботний день тогда.

* **Фрол Ромáнович Козлóв** (5 (18) августа 1908 года, дер. Лоцинино Касимовского уезда Рязанской губернии — 30 января 1965 года, Москва) — советский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1952—1965 годах.

Но народоизбиенье
Утаили на года.

По-хрущевски — шито-крыто.
Расстарался КГБ...
Но недолго же, Никита,
На вершине быть тебе!..

* * *

Все до времени сходило
С рук отпетому хамлу —
Небрежение к кормилу
И ботинком по столу...

Дальше грянули *Карибы**.
На зловещей их волне
Перейти черту могли бы,
Быть бы ядерной войне.

Но как только пережили
Страх животный в пору ту,
Меж собой вверху решили:
Хватит, ну его к шуту!

Заигрался, мол, бедняга,
Надо ж делать что-нибудь...
И на пенсию во благо
Предпочли шального пнуть**.

Пожурили — между прочим,
Но остался невредим
И за то, что наворочал,
Не подсуден, не судим.

Пожалели? Если честно,
Там была иная суть:
Ворон ворону, известно,
Глаз не выклюет! Ничуть!

(Продолжение следует)

* В 1962 году произошел **Карибский кризис**. Весь мир стоял на краю пропасти. «Холодная война», тянувшаяся между СССР и США уже почти двадцать лет, могла перерасти в ядерный конфликт.

** 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС, организованный в отсутствие Н. С. Хрущева, находившегося на отдыхе, освободил его от должности первого секретаря ЦК «по состоянию здоровья»

Стивен Ули
(г. Кельн, Германия)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стивен Ули (Steven Uhly) — поэт, писатель, переводчик немецко-бенгальского происхождения. Родился в Кельне в 1964 году. После окончания школы учился на переводчика в Валенсии, затем изучал немецкую, испанскую и португальскую филологию в Кельне, Боне и Лиссабоне. Два года возглавлял Немецкий федеральный университет в г. Белен (Бразилия). Занимался преподавательской деятельностью в университете Порту-Алегри и Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана. На данный момент живет с семьей в Мюнхене. Переводит поэзию и прозу с испанского, португальского и английского. Роман Стивена Ули “Adams Fuge” был удостоен премии «Туркан», а роман “Glückskind” стал немецким бестселлером и был экранизирован Михаэлем Верхевеном в 2014 году.

ЛЮБЯЩИЕ

Давай с тобой рассоримся,
пока все воздвигнутое не обрушится.
Все полные счастья улицы,
все залы ожидания, все дома свиданий,
каждое отдельное помещение.

И когда мы с тобой разобщенно
будем пробиваться сквозь вязкий
свет нашей любви,
то быть может тогда мы осознаем,
насколько велика и сокрушительна она,
насколько она безысходна.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Смерть торгует усталостью
и после продажи дает о себе знать.
Я себя ни в чем не виню,
у товара хорошая цена.
Скажу больше: он станет еще дешевле
со временем.
Нужно лишь научиться ждать.

МОЛИТВА В КОМЕ

Днями напролет дни, тихие, громкие
дни полные вечеров полных смеха,
дни полные молчания в переполненных автобусах.

По-прежнему холодно, весна отдалена на один градус,
город сжат до одного квартала,
плечи высокоприподняты,
улицы сужены
до тупиков.

СЕМЬЯ

Мы вывели друг друга гулять
на окрестное поле.

Пять человек,
каждый на привязи у другого.

Ни один из нас не был свободен,
ни один из нас никуда не исчез.

Чудесный день.

НОЯБРЬ

У ноября
плешь в ветвях,
одежда сброшена на землю,
дыхание болезненно.
Мы желаем всем животным счастья
и покупаем подарки
на Короткий День.

ЛЮБОВЬ

Любовь нельзя назвать домом,
скорее это открытое море.

Долгое время держал я себя взаперти
чтоб ненароком не перевернуться на лодке.

Я потерял множество лет
пока не научился мыслить по новому.

Теперь я живу вплавь
и в лодку садиться больше не желаю.

ПОЛУРАСПАД

Смерть
поравнялась с бортом
уже довольно давно.

Порой мне кажется,
что она понемногу
приближается.
Порой я боюсь, что она
внезапно выхватит меня
прямо с палубы.

Но она держит свой курс.

И я все пытаюсь выяснить у
секстанта своих предчувствий:
когда же мы с ней пересечемся?

Перевод с немецкого Ала Пантелеята

Ал Пантелеят (г. Харьков, Украина) — поэт, переводчик. Основатель творческого объединения «Письма на бетонных стенах» и организатор благотворительного фестиваля на стыке искусств “Silence a Noise”. Родился в 1989 г. в Харькове, где и получил диплом переводчика с немецкого и английского языков. Проходил стажировку в Граце (Австрия).

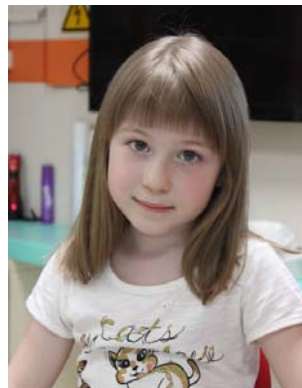
Стихи и переводы публиковались в таких периодических изданиях как «ДетиРа», «Крещатик», «Новый берег», «Новая юность», «Окно», а также сетевых литературных ресурсах «Сетевая словесность», “Litcentr”, “Pegasov”, «Верлибры и другое», «ЛитРАЖ». Один из авторов поэтических сборников «Разноточие» и «Вулична поезія».

Лауреат журнала Окно (2015). Участник Летней академии в Литературном Берлинском колоквиуме.

Вика Щербакова
(г. Санкт-Петербург)

8 лет

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Их было четыре штучки.
С первой по третью — люди.
А четвертая — верблюдик.
Верблюдик уплыл в небо,
Человек растаял бесследно,
Лишь двое в небе остались —
И долго там обнимались.

Потом с них дождик закапал,
Как будто бы он заплакал...
Ведь нельзя обниматься вечно
В небе двум человечкам.
Капли попали в речку,
И эти два человечка
Снова встретились вместе,
Просто в другом месте.

ЛЮБИМЫЙ МИШКА

Жил на свете мишка — новенький совсем,
Полубился мишка в нашем доме всем.
Милым был тот мишка. Милый, черный нос,
Милая ромашка, что он в лапах нес.

Но проходят годы — мишка стал стареть.
Нос уже ободран, жалким стал медведь.
Но не позабуду мишкиных хлопот.
Пусть на свете мишка много лет живет!

Я залезу в мамину швейную коробку.
Там возьму наперстки, нитки и иголку.
Мама, не ругайся, что взяла без спроса.
Мишке очень трудно нюхать мед без носа!

На бока потертые я из лоскуточков
Сделаю красивые, яркие цветочки.
Вместо носа пуговку черную пришью.
Мишка снова новенький! Я его люблю!

РУССКИЕ СКАЗКИ

Прочитала сказки я,
И узнала для себя,
Что в лесу полно чудес!
Прямо сцена, а не лес!
Белки песенки поют,
Гуси по небу снуют.
Хитрая лиса живет —
Всех обманывает, врет!

В самой чаще дом стоит.
У него труба дымит.
В доме бабушка Яга.
Костянущая нога!
Ждет она к себе гостей,
Но никто не ходит к ней.
Бабка Ежка варит суп,
О полено точит зуб.

Но не чтобы есть детей.
Просто, в чаще — скучно ей!

МЯГКИЙ ЕЖ

Никто не дружит с ежиком в лесу.
Все любят зайчиков, пушистую лису.
Никто не хочет ежика обнять,
И ласково к себе его прижать.
Всем страшно, что его иголки
Колючие, как веточки у елки.

В свой день рожденья он один сидел,
И песенку хорошую запел.
На звуки вылез на полянку крот.
И ткнулся ежику в живот.

«Ты кто такой? Красиво ты поешь»
Ему ответил ежик: «Просто Еж!»
И крот сказал ежу: «Ты милый,
пушистый, мягкий и красивый».
Тут стало ежику приятно,
А крот ушел к себе обратно.
Не бойтесь уколиться об ежа.
Колючий он на вид, но мягкая душа.

Ольга Артемова
(п. Медвенка Курской области)

Ольга Викторовна Артемова родилась в селе Долгое Золотухинского района Курской области. Закончила Курский государственный педагогический институт. Заведует музеем имени Д. Я. Самоквасова в Медвенском районе Курской области. Член Союза писателей РФ. Стихотворения О. Артемовой публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», газетах «Российский писатель», «Петербургская газета», «Труд» («Труд-Черноземье»), в региональном еженедельнике «Юго-Восточный экспресс», в др. Является победителем Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (организатор — «Учительская газета»). В соавторстве с сестрой Натальей с циклом очерков «Герои, которых мы знали» вошла в короткий список участников конкурса, посвященного 70-летию Великой Победы, сетевого литературного журнала «Камертон». Трижды Ольга становилась лауреатом областного конкурса имени К. Д. Воробьева на лучшее журналистское произведение на военно-патриотическую тему. Победитель областного конкурса «Малый бизнес Курской области — глазами прессы». В 2009 году в Курском отделении Союза писателей РФ вышла книжка ее стихотворений «Быть собою». В 2010 году — общими с сестрой сборник стихотворений «Родники». С 2004 по 2008 год в издательстве «ЭКСМО» у Ольги и ее сестры Натальи вышло 12 совместных книг под общим псевдонимом.

* * *

Нас воспитывала честность мамы,
Простота и светлый ум отца,
Игры допоздна у «нашей ямы»,
Тускари вздыманье до моста.

Милый сад — подарок деда Гриши.
Дед погиб на фронте в тридцать лет,
Но стучит по деревенской крыше
Яблоком тугим его привет.

Нас растили строго и ревниво
Старых книжек стройные ряды,
Гул комбайнов на колхозной ниве,
Школьные заполненные дни.

Снежные, искрящиеся зимы,
Церковь — до креста не долететь! —
Льющийся над детским нашим миром
Из ее разбитых окон свет.

* * *

Из памяти так много стерто лет.
Они ушли. Кто в рубище, кто в глянце.
И время их зацеловало след.
А этот день, простой, со мной остался...

Звенит заботой трудною коса.
Из сада льется вечера прохлада.
И как-то очень близко небеса,
И в жизни больше ничего не надо.

Как только слышать голоса родных:
Отца и матери, сестры и брата —
И светом наполняться, как родник,
И ничего не ведать об утратах.

* * *

Добро пожаловать в мою печаль!
Располагайтесь в ней совсем как дома.
Наверно, вам уже немного жаль,
Что столько лет мы не были знакомы?

Вон там в углу спит утренний туман.
А вот звезда навек сложила крылья.
Здесь побывал пустых надежд обман
И умерли напрасные усилья.

В гостиной вместо дорогих ковров
Шуршат тихонько золотые листья.
А в душе из серебряных оков
На вас захочет майский дождь пролиться.

Стучится в двери позабытый день.
Грачи влетают в окна и жар-птицы.
И почему-то пахнут, как сирень,
Прочитанные в юности страницы.

Здесь поутру я выбегаю в снег —
Такой, как в детстве, без распада меты.
И долгим эхом сад тревожит смех
Людей, которых в мире больше нету.

Здесь громок стук растроченных минут.
Тут снам одним и тем же повторяться:
На цыпочки опять я привстаю —
И не могу никак достать до счастья...

* * *

Будешь моей неизбывной радостью.
Будешь печалью моей затаившейся.
Звуком шагов в обеззвученной старости.
Песней, не складно, но все же сложившейся.

Будешь ручьем и первой проталиной,
Желтым листом над рощею нищею.
Горном, в котором судьба переплавлена.
Чистой водой и простой самой пищею.

Лето упорно зима погребает.
Тихие сны видят мудрые люди.
Только ребенок где-то гадает:
Любит — не любит. Будешь? Не будет...

* * *

И лишь Господь нас примет всех:
Ненужных, жалких, осужденных,
Богатством, славой обреченных,
Приживших боль и тяжкий грех.

Нас, среди которых нет святых
И даже добрых слишком мало,
Он встретит, может, чуть устало,
И все-таки не как чужих.

* * *

Цветет в оврагах мать-и-мачеха,
Хотя Москва сулит морозы.
Цветет! Лишь чуточку взлохмачена,
Ведь у земли свои прогнозы.

На грязной деревенской улице
Ни смеха детворы, ни гама
И лишь старуха грустно шурится,
Как рвется марта телеграмма.

В Москве погода переменчива.
Там — новый курс, аэродромы,
А маленькая эта женщина
Весь век у поля да у дома.

Где жизнь была то мать, то мачеха,
Где песни пелись у колодца...
Где все татарником захвачено
И скоро песня захлебнется.

* * *

Я не ищю сочувствия у вас,
Но в ожиданье близкого покоя
Покорно принимаю жизни власть,
Как белый снег и небо голубое.

И в этом безнадежном декабре,
Где не мятежный, а мертвящий ветер,
Так благодарна, Господи, тебе,
Что даже я жила на этом свете.

Наталья Артемова
(п. Медвенка Курской области)

Наталья Викторовна Артемова родилась в селе Долгое Золотухинского района Курской области, вблизи одного из красивейших мест Соловьиного края — Коренной пустыни. Закончила Курский государственный педагогический институт. Работает главным специалистом-экспертом отдела ЗАГС Администрации Медвенского района Курской области. Член Союза писателей РФ. Стихотворения Н. Артемовой публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», газетах «Российский писатель», «Петербургская газета», «Труд» («Труд-Черноземье»), в региональном еженедельнике «Юго-Восточный экспресс», др. Н. Артемова является победителем Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (организатор — «Учительская газета»), лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». В соавторстве с сестрой Ольгой с циклом очерков «Герои, которых мы знали» вошла в короткий список участников конкурса, посвященного 70-летию Великой Победы, сетевого литературного журнала «Камертон». Заняла I место в областном конкурсе авторских сценариев, разножанровых литературных произведений «Наша слава и наша память», посвященном 70-ой годовщине Победы в Курской битве. В 2009 году в Курском отделении Союза писателей РФ вышла книжка стихотворений Натальи Артемовой «Где плачет иволга». В 2010 году — общий с сестрой Ольгой сборник стихотворений «Родники». С 2004 по 2008 год в издательстве «ЭКМО» у Натальи и Ольги Артемовых вышло 12 совместных книг под общим псевдонимом. Сестры работали в жанре психологический детектив.

КАРТИНКА ИЗ ДЕТСТВА

Господи, как же вернуть эти дни!
Медленно-медленно день уплывает,
Снегом январским весь мир укрывает,
Топится печка. Мы в доме одни.

А ожидание льется рекой.
Возле окна мы сидим молчаливо,
Робкое сердце немного пугливо
Сумерек зимних впускает покой.

Пляшут веселые тени от печки.
Воздух за окнами кажется синим.

Как они счастливы вечером зимним,
Господи, эти твои человечки!

СЕСТРЕ

Время пройдет — все забудется,
Так не печалься, не плачь,
Пусть твое сердце не студится
В тяжкие дни неудач.

Выйдем с тобой, где за вишнями
Горбится старый плетень.
Видишь, как золотом вышитый,
Этот сияющий день.

Видишь, уже над крыжовником
Снова хлопочет пчела
Маленьким скромным садовником,
Мир охраняя от зла.

* * *

Научите меня рисовать.
Научите — и я нарисую
Тополей изможденную стать,
Монастырь и дорогу сырую.

И себя в полинявшем платке —
Русской бабой на этой картине
И закат... И, как угли, в руке
Опаленные гроздья калины.

* * *

Что ты хочешь? Друг друга кляня,
Мы ножами уже не по пьянке.
Так зачем же мне снится страна,
Где весной по оврагам фиалки?

Где ласкает истерзанный снег
Хлипкий ветер в орешнике сером,
И прозрачный, невидимый смех
По березовым рощам рассеян.

Там, где верно и трепетно ждать,
Глядя вдаль через колкую сечу,
И потом, задыхаясь, бежать
Журавлям, самым первым, навстречу.

Так, чтоб ветер холодный трепал,
Рвал и путал весенние звуки,

Чтоб пуховый платок не спасал
Побелевшие плечи и руки.

И живя лишь мечтой о тебе,
Позабыв все былые раздоры,
С замираньем ловить на себе
Восхищенно-веселые взоры.

Вот и все. Только это лишь сон.
А ведь снилось мне самое русское —
Рыхлый снег и заката огонь,
Медный крест под холщовую блузкою.

* * *

Так велико могущество тепла,
Что, кажется, еще одно усилие —
И ты поверишь, что печаль прошла,
Душа очнется и расправит крылья.

И выйдешь в сад, встревоженный весной,
С последним снегом, потемневшим, грузным,
И рассмеешься громко над собой,
Над всем прошедшим, жалким и ненужным.

Таким ненужным, что настанет миг —
И сердце оторвется от причала
И поплывет, как паруса двойник,
Как лоскуток цветного одеяла.

А на земле останется одно
Больное тело, полное печали,
Слепое тело, где уже давно
Усталости положено начало.

Но, может быть, в заветный час тепла
Оно захочет тоже пробужденья.
Оттаявшая черная земля
Ему надеждой станет и спасеньем.

* * *

Там, на горе, старенький дом,
Окна закатом расцвечены в нем,
Старая елка плывет над землей,
Время прошито зеленой иглой.

Если на сердце невзгоды дождем,
Вспомнится елка, маленький дом.
Зябнет-горит на ресницах слеза,
Плачут и плачут о чем-то глаза.

* * *

Разве мы много просим у Бога:
Чтобы была нам посильной дорога,
Чистому сердцу от неба напиться,
Ясной душе не скудеть, не мутиться.

Чтоб не растаяли в полдень, как тени,
Запахи слов и июньской сирени,
Чтоб и в конце, как сладчайшую новость,
Жизни читать оскудевшую повесть.

Чтобы любимым глазам не ослепнуть,
Чтоб в человека верой окрепнуть,
Чтобы судил Он всех мудро, но строго.
Разве мы много просим у Бога?

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Родилась и живет в городе Тула. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Стихотворения пишет с детства. Написано более трехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Автор трех книг: «Моменты истины» (Тула, 2011 г.), «Гармонические колебания» (Тула, 2011 г.), «Закон звезды» (Москва, 2013 г.). Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. С 11 февраля 2013 года член Московской городской организации Союза писателей России. В 2013 году МГО СПР награждена медалью имени М. Ю. Лермонтова. В 2014 году награждена медалью, выпущенной к 60-летию МГО СПР.

* * *

В царстве мертвых стихов
Тишина,
 тишина.
Ночь ауканья сов
Лишена,
 лишена.

...Пруд стеклянный — окно
В цепенеющий мир...
В царстве мертвых никто
Еще не говорил.

В царстве мертвых стихов
Что ни строчка — тоска.
...Ив за косы не смог
Ветер злой оттащить.—

Нет у ветра ни сил,
Нет у ветра ни слов...
Это кто сотворил
Царство мертвых стихов?

Поднялась выше гор
Кладезь умерших рифм.
Здесь прошел Полный Вздор,
Строфы все умертвив.

Только пепел и прах —
Их сухой суррогат.
Слово ценящий — прав,
Пустослов — виноват.

В царстве мертвых стихов
Темнота,
 темнота.
Новый образ — не нов,
Фраза та, да не та,

От метафор — зола,
Смысл не вызрел — усох.
...А не я ль возвела
Царство мертвых стихов?

* * *

Зимние сумерки.
Детство мне вспомнилось —
Время, когда всех рассудит по совести
Та — неподдельная светлая подлинность,
То, без чего остаемся мы вскорости.

Школа.
Калитка со мною обмолвилась
Словом скрипучим.
Какое привольное
Время, когда далека еще молодость,
Зрелость не близко, а старость — тем более!

Тянет дымком...
На морозе щекотится
Ветер, играя цветными помпонами.
Ель повзрослевшая — вечная школьница —
Просится в класс через стекла оконные.

Близятся праздники.
Скоро каникулы —
Ими на четверти жизнь разграничится.
Ель дожидается, чтобы окликнули
И похвалили,
 как хвалят отличницу.

Санки срываются с горки.
Накатаны

Горка и жизнь.
Превращаются взрослостью
Игры — в дела,
А слова непонятные
В то, что с годами осмыслится полностью.

Сад постарел,
Преисполнился мудрости...
Шаг — я за тою — святой — территорией
Школьного сада,
и детства,
и юности,
Ставших давнишней
волшебной историей.

* * *

Слушать песни скрипучих телег
Выхожу к переспелым колосьям.
Попросилась ко мне на ночлег
Перехожая странница — осень,—

Попросилась ко мне на порог,—
Закручинилась сразу крушина,
Как меня жить под чертополох
Осень выгнать из дома решила.

Ах, беда ты моя — не беда!
Ах, ты горе мое — не горе!
...Продырявит собою арба
Небо сочное и голубое.

Собирать по оврагам пойду
Черной ночи березовый деготь.
Только хочется в небе арбу,
Дотянувшись, рукою потрогать,

Только тянется в гору обоз,
Только в след мне ругается осень,
И поют крестовины колес,
И шумят межколесные оси.

Мне себя согревать —
горевать
Под тележные песни и крики.
...И грустят, опустев, погреба
В ароматах сухой костяники.

* * *

Ночь. Англтер...
...Выбрана самая

Злая из мер —
Самоизгнание, —
Кто-то внутри
В яростном приступе
«Сдайся — умри», —
Шепчет неистово.

Ночь. Коридор
Тонок, как лезвие...
Прыгнув во двор,
Кошкой облезлою
Жметя луна
К холлу гостиницы, —
Кискнешь, она
Сразу откликнется.

Ночь. Сочинил
«Друг, до свидания».
Голос в ночи
Воспоминанием —
Речка, межа,
Детство, Рязанщина...
...Мысли спешат
В сторону кладбища...

Ночь. Видит сон
Старая ключница, —
Стая ворон
Черных ей чудится,
Косами взрыт
Луг — ей мерещится,
Плачет навзрыд
Где-то помещица.

Ночь. Пересуд
Между консьержками:
Двое идут
В номер — не мешкают;
Первый стучит,
Дверь отворяется, —
Будто, свечи
Дрогнуло пламяце.

Ночь. У луны
«Мяу» — не липово.
Освещены
Раны убитого.
Прочит расстрел
Эта история.
...Ночь — Англетер,
Утро — Астория.

* * *

Ваших душ я легонько коснусь,
Поиграю, о нет, не на нервах,
Словно ветер, взлетевший на куст,
Расвищусь на свирели, во-первых,

Расшумлюсь на рожке, во-вторых,
Разыграюсь на дудочке, в-третьих...
А еще — самый лучший свой стих
Расскажу, ваши чувства заметив.

Перегуд,
 перелив — от крыльца
И до самого неба — лучисто —
Стихотворная песня чтеца
Сумасбродного резво помчится!

...Не играю, когда, онемев,
Загрустят луговые гвоздики,
А играю, как только во мне
Быть счастливой желанье возникнет,

И как только задобрит зарю
Солнцелик, улыбнувшись ейно, —
Я играю и песни пою
На стихи своего вдохновенья.

Пусть мотивы известны уже,
И стихи — пусть — не трели,
 а трельцы,
Но легчает с чего-то в душе,
И мягчает с чего-то на сердце.

Каждый трепетный вздох мне не чужд —
В нем моя отразилась безумность.
...Я коснулась сейчас ваших душ,
Будто,

 бережно
 тайны
Коснулась.

Нина Гаврикова

(г. Сокол, Вологодская область)

Нина Павловна Гаврикова родилась и живет в городе Сокол Вологодской области. Работала художником-оформителем на предприятии, после перестройки кладовщиком. Сейчас на пенсии по инвалидности. Входит в состав ЛиТО «Сокол» и МСТС «Озарение». За заслуги перед организацией МСТС «Озарение» награждена грамотой и медалью. Руководитель детского литературного клуба «Озаренок» в Соколе. Победитель областного конкурса «Золотая Юнона» (Женщина года 2015) в номинации «Сердце отдано детям». Пишет стихи и прозу.

ЗИМА СЕДАЯ С ВОЗРАСТОМ СОЗВУЧНА

(Триолет)

Старею, милый, знать пришла пора.
Зима седая с возрастом созвучна.
Не радует желанное вчера.
Старею, милый, знать пришла пора.
В ячейках памяти лишь искры от костра,
Закаты дней сложу в сундук поштучно.
Старею, милый, знать пришла пора.
Зима седая с возрастом созвучна.

СЧАСТЬЕ

Одна по улице бредешь,
А на душе опять тоскливо.
С утра то снег, то снова дождь
И кто-то плачет сиротливо.
Сидит котенок на крыльце,
Бездомный и голодный кроха.
Где счастье? В этом вот жильце!
Поверь, что все не так и плохо.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний морозящий нудный дождь
Меланхолично капает на стекла.
Теплом и светом привлекают окна.

А куртка тонкая насквозь промокла,
Пронзает тело внутренняя дрожь.

В зеркальных лужах отраженье ног
Прохожих редких, спутников случайных.
Крик журавлей пронзительно — прощальный.
Берез продрогших диалог печальный,
Что в этом мире каждый одинок...

Наступит скоро зимняя пора,
Рассыпавшись, как сахарная пудра,
Прикроет землю, это ей не трудно.
Природа поступает очень мудро,
Капель с небес закончит до утра.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Красивые слова приходят с болью,
Как жизнь однообразна и сера.
Но мир преображается с любовью,
Врываясь в душу с дождиком, с утра
Твержу слова, как мантры заклинаний:
— Не жить мне без тебя! — в который раз
Прокручиваю вихрь воспоминаний.
Хочу использовать последний шанс.
Ведь время для любви не безгранично.
Оно торопится, считая день за днем.
Зачем была холодной и циничной?
Давай рискнем, сначала все начнем?

ЛЮБОВЬ

Любовь, как паутиночка тонка,
Как луч надежды, мнимо иллюзорна.
Она легка, как в небе облака,
Блуждает, одинока, беспризорна.
Одно мгновенье — оборвется нить,
Как сон, вдруг растворится эфемерный,
Конечно, сложно чувства сохранить,
Великая любовь — восторг безмерный!
Но без любви на свете не прожить,
Жизнь без нее становится фантомной.
Придется научиться дорожить
Волнением души и грустью томной!

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

«Сикстинская мадонна». На холсте
Алтарный образ кисти Рафаэля.
Величие и святость в простоте,

Стоит Мария — ей не до веселья.
(Босые ноги топчут облака).
Потуплен взор, как будто виновата,
Несет младенца нежно на руках,
Внезапную тревогою объята.
Предвиденье трагической судьбы,
Прикрыла сына скромно покрывалом.
Застыли губы, от немой мольбы
Ее лицо еще красивей стало.
Какие же печальные глаза?!
Склонюсь перед Царицею Небесной,
Мне хочется Марии рассказать...
Просить о чем-то может неуместно.
Но я прошу о доле сыновей,
Природный жребий выпал им невзрачный.
Прошу, как просят сотни матерей,
Пусть жизни путь окажется удачным.
Прошу, спаси от зол, врагов и бед,
От ран телесных и от ран душевных.
Даруй им благодать на много лет
И здоровья в заботах повседневных.
А за грехи родителей прости.
Наверно, выгляжу сейчас смущенной.
Покой сердечный дай им обрести...
С колен встаю уставших окрыленной.

ПАДАЕТ СНЕГ

Светлая память Светлане Пугач

Тихо падает снег, но не тает на длинных ресницах.
Белоснежный покров невесомо на землю ложится.
Восхищает своей красотой, чистотой неземною,
Свежесть ветер принес, непогода привычна весною.
Будто белую шубку, снимает зима, как царица.
Тихо падает снег, у кормушки кружится синица.
Осторожно снежинки в ладошку ловлю и скучаю.
Во дворе свое бывшее счастье напрасно встречаю.
Воробей жадно крошки клюет, но не может смириться.
Местный житель двора, он ни с кем не желает делиться.
Улыбаюсь невольно, скрывая тоску и усталость.
Видно, в двери стучит непреклонная бабушка-старость.
Тихо падает снег, растекаясь на черных ресницах.
Снова год пролетел, перевернута в жизни страница.
А тебя рядом нет — одиночество душу терзает.
Жизнь, как этот снежок, потихонечку тает и тает...

Николай Тимохин

(г. Семей (Семипалатинск), Казахстан)

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ДЖОНА КИТСА

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия), 2013. Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Беларуси и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Беларуси и Германии.

КОГДА БЫ СТАЛ Я ЮНОШЕЙ ПРЕКРАСНЫМ... (1816)

Будь у меня прекрасный внешний вид
То вздохи бы мои неслись стрелой.
И овладели полностью тобой,
Ведь страсть к тебе пылает и кипит.

Но в битве я, увы, не победитель
И без доспехов жертвую собой.
Я не гонюсь за женской красотой,
Люблю одну тебя, мой повелитель.

Ты сладостнее, ты краше и милей,
Чем розы Гиблы в утренней росе.
У них пьянящий, нежный аромат
Его я ощущаю все сильнее.

Когда луна лицо покажет всем,
Мои цветы порадуют твой взгляд.

К ОДИНОЧЕСТВУ

О, Одиночество! Уж если нам
Придется вместе долго быть с тобой
Давай мы место выберем в горах,
Чтоб красотою насладиться там.

Вид с высоты — не верится глазам,
Долина утопает вся в цветах.
В ней кто-то распугал пчелиный рой,
Я узнаю оленя по прыжкам.

Картину эту счастлив наблюдать,
Но мне дороже милый разговор.
Для добрых слов и мыслей — здесь простор.
И это все — души моей отрада.

Беседа радует мой слух и взор —
Два сердца бьются в унисон опять.

НА СОНЕТ

И если, будто пленник, наш язык
Закован рифмой должен быть в Сонете,
То, словно Андромеда, дочь царя,
Он станет красотой своей велик,

Понятным и доступным всем на свете
И покорит все страны и моря.
Проверим лиру мы и ударенья,
Мелодию чтоб в строчках отыскать.

Найдем созвучье и размер отметим
Ведь это важно для стихотворенья.
Чтоб уберечь его богатство, как Мидас,
Сухие листья выбрав из венка.

И Муза посетит творца тотчас
Мила ее походка и легка.

К СНУ

О, нежный тихой полночи бальзам,
Смыкающий перстами наши очи.
Останемся мы верными мечтам,
Рассвет желая встретить в доме отчем.
О, Сон целительный! Будь добр ко мне,

Дослушай этот гимн. Я стану спать.
Сомкнув глаза, предамся новизне.
Вокруг моей постели ты опять
Раскинешь много мака лепестков.
Спаси меня от бед и от грехов,
От угрызений Совесть моей,
Она таится будто крот в тиши.
Мне помоги, ключом своим сумей
Плотней закрыть ларец моей Души.

НАПИСАНО ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ГОМЕРА ЧАПМЕНА

Бывал я часто в сферах золотых
Порой, их красотой был удивлен.
И даже жил на островах таких,
Где бардов вдохновлял сам Аполлон.

О месте говорили мне одном,
Гомер владел им, правил много лет.
Я воздухом земли той опьянен,
И Чапмен мне открыл ее секрет.

Но я повел себя как наблюдатель,
Что на планету устремил свой взор.
Иль как Кортес, конкистадор — мечтатель,
Он водной глади полюбив простор

Со свитой покорил немало стран,
И тут увидел — Тихий океан.

ОДА К ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ

1

Тебя зовут невестою покоя,
С тобою безмятежность, тишина.
И тот, кто сотворил тебя такую,
Напишет пусть стихи тебе сполна.
Легенда окаймленная какая
Витает над богами день и ночь
В Аркадии долинах, без прикрас?
Как этим людям чем-нибудь помочь?
Чтоб без борьбы — погоню избегая,
Свирели, бубны, бешеный экстаз?

2

Чарует слух мелодия сполна,
Звучит лишь слаще нежная свирель.
И душу радует собой она
Как это делает весной капель.
Не растает с песней юный друг

Его влекут деревья красотой.
Он сам, любовник, жаждет поцелуя
Желая с милой избегать разлук .
Перед собой не видя цель другую,
Он будет жить одной своей мечтой.

3

Ах, эти ветви полные удачи
Они не сбросят листья до весны.
И музыкант счастливый, не иначе,
Им песни новые сотворены.
Любовь он воспевает много раз,
Всегда горячую и молодую,
Трепещущую нежную всегда
Но страстную безудержно подчас.
И сердце выселит печаль любую,
Ей места в нем не будет никогда.

4

А кто идет на жертвоприношение?
Ты назови алтарь такой, о, жрец.
Ведешь ты телку явно на мученья.
Она мычит и чувствует конец?
И это странный город у реки,
А может быть, у моря, с цитаделью.
Людьми покинутый он на рассвете?
В нем не слышны на улицах шаги.
Лишь тишина, совсем не до веселья.
Никто там на вопросы не ответит.

5

Аттическая форма! Красота —
Из мрамора толпа дев и мужчин,
Лесные ветви, жизни суета.
И для бесед нет тем и нет причин.
Холодная как вечность Пастораль!
Так времена сменяют поколенья,
Ты станешь посреди другого горя.
И человеку скажешь, без сомненья:
«Есть в правде красота». Вот только жаль,
Что путь к ее познанию часто горек.

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в Минске, окончил БГУ. Автор многих поэтических книг, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. С. Есенина и им. Б. Корнилова (Россия) и др. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Почетный член СПБ и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Живет в Минске

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

Вдали от России
 непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
 вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
 И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.

Вдали от России
 и птицы летят по-другому —
Еще одиноче безрадостно тающий клин...
Вдали от России
 труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
 среди поседевших долин.

Вдали от России...
 Да что там — вдали от России,
Когда ты душою порой вдалеке от себя...
Дожди моросили...
 Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России, Россию любя?..

Вдали от России
 круты и пологие спуски,

Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»...
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских не знает границ...

* * *

«Ни души...»
Игорь Северянин

Не проще тени... Не светлей звезды...
Не сумрачней обиженной дворняги,
Не тише вековечной немоты
И не живей рисунка на бумаге —
Она парит, прозрачная душа,
Уносится в трубу со стружкой дыма,
С туманами ночует в камышах,
Везде жива, везде неуловима.
Когда бредешь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но все душа, но все душа при этом...

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Вы, наверно, о нас?.. Мы степенной походкой пройдем
Мимо wspomненных дат, мимо праха великих сражений.
Может, шли мы неверно объявленным «верным путем»,
Но мы видели свет... И казался нам сумрачным гений...

Пусть зловещие орды все мнили пойти на восток,
Мы мгновенно разбить их наивно и яростно мнили.
Был их замысел — низок, полет наших мыслей — высок,
И врагов обращал он в ничтожное месиво гнили.

Мы домой возвращались, не очень-то зная куда,
Где был дом — пепелище, а женщины — скорбные вдовы.
Мы скрипели зубами... А силы собирала Орда —
Дым Отечества нашего был им, как запах медовый.

И Орда одолела... Не нас — тех, кто следом пришел,
Тех, кто вытравил память из шариков гемоглобина.
Им чванливо велели, и ноги поставив на стол,
Потешались: «Плевать им, что харкает кровью рябина...»

И они растоптали — и знамя, и наших вождей,
И державных поэтов, и эти багряные грозди.
Это было о нас: «Гвозди б делать из этих людей!...»
А у них в дефиците и люди, и души, и гвозди...

Ну, так в чем нас винить? Мы свое отстрадали и так.
Нету праздников наших... Зато процветает химера.
Мы пока что молчим... Но очнется матрос Железняк,
И еще гроыхнет вороненая сталь револьвера...

* * *

Чуть первые тени прорежутся из темноты
И лысые кроны в пруду затрепещут нелепо,
Кресты золоченые станут совсем золоты,
И вспышкой застывшей почудится цвет курослепа.

Зеленым дыханьем наполнится чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат суетливые клены.
И встанешь... И вздрогнешь... И все, что имеешь, отдашь
За галочий крик и над церковью крест золоченый.

Пустые хатенки... За Храмом и дали пусты...
И заново ловишь куда-то пропавшие звуки.
И женщина рядом... И с ней уже можно на «ть»,
А значит, и можно страдать от грядущей разлуки.

Господь не поможет — о зряшнем его не проси!
В ладони — ладонь... И грядущим терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо шныряют язи,
Пуская сквозь жабры разлукой дразнящее небо.

Пройдемся немного... Тебя провожу до угла...
А там, не начавшись, конец и любви, и тревоги.
Но птица вспорхнула и клювом простор подождла,
И пух с тополей... И ребенок стоит у дороги...

* * *

К сентябрю все реже редколесье,
Все прозрачней кроны тополей.
Сквозь прорехи в дымчатой завесе
Птичий клин острее и черней.

Шаг... Другой... Трава еще лоснится,
Хоть и порыжевшая на треть.
На стволах прозрачная живица
Все спешит до стужи загустеть.

Постоишь... Подумаешь, что осень —
Это тоже время перемен.
Что кусты посохли... И что очень
Много боли в прозелени вен;

Что не все дожди отморосили,
Что не вся исчезла благодать,
Что еще пока хватает силы
О своем бессилии сказать...

* * *

Гудки паровозов... Проблем миллион...
Но я получал, хоть проказник,
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка полярный» — на праздник.

Пока из разрухи вставала страна,
Погибших запомнив едва ли,
Мой батя нарочно не ел допоздна,
Чтоб съели мы что-то вначале.

Все деньги у мамы... Но все-таки он
Твердил: «Без подарка негоже!..»
В кармане шинели — «Ромашка», «Цитрон»
И «Мишка...» подавленный — тоже.

Все помнится — эта большая рука
И килька с картошкой на ужин...
Мы знали — родная страна широка,
Нам берег турецкий не нужен...

Давно мое детство — не явь и не сон,
Но в память вошли благодарно
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка...» и «Мишка полярный»...

* * *

Морозец серебрит твое дыханье,
Похожее на ветра колыханье,
Похожее на перышко лебедки,
Летящее в озерную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Все размывает время-невидимка,
А ты все смотришь, смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалою сиренью
От старой фотографии резной,
Где ты одна — заря и непогода,
Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд... Но есть еще прозренье,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймешь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что все ушло — обиды, люди, лица...

Пусть только этот выдох серебрится,
Пускай парит над узкою тропею
Пока еще тропу не замело...

* * *

Надежде Мирошниченко

Мне любезен рассвет... И закатное солнце любезно.
Мне любезна коняга, что мирно бредет в поводу.
Эта бездна без дна... Мне любезна бездонная бездна,
Мне любезны синица и горечь полыни во рту.

Раздаю все, что есть... Ничего, от меня не убудет —
На великой Руси и беспмятный помнит добро.
Надо мной небеса... Где-то в небе — хорошие люди,
Помолиться за них в час суровый совсем не старо.

Эге-гей... Небеса... Прогремите — а я вам любезен?
Вы послали мне с ливнем ночные свои письма.
Мы с бродячей собакой чужой частокол перелезем,
И в саду очутимся, откуда все небо — без дна.

Я голодному псу потреплю жестковатую холку,
С благодарностью глянет заброшенный пес на меня.
И тогда осенит, что бродил я и зря, и без толку...
Бесполезно бродить мог до самого Судного Дня.

Но спасибо тебе, отворенное в полночь оконце,—
В этот сад поднебесный, что воздух Отчизны сберег.
Значит, скоро рассвет... Значит, снова дорога за солнцем —
Птицам на проводах нипочем электрический ток.

Виталий Квитковский
(г. Калининград)

Родился в 1939 году. Пишет стихи на украинском и русском языках. Печатался в журнале «Перець» и газете «Мысль».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой малюсенький, баю-баю!
Больше я песен тебе не спою.
Месяц в окошко глядит золотой...
Вот, оставляю я маму с тобой.
Денег давать вам не буду — нема.
Их заработает мама сама.
Деток полно и от мамок других, —
Чем же, сынок, ты особенней их?
Так оставайся и умником будь;
Папку родного, смотри, не забудь.
Лет через двадцать вернусь я домой,
Чтоб присмотрел ты, сыночек, за мной,
Чтоб обеспечил ты старость мою...
Спи, мой малюсенький, баю-баю!

Перевод с украинского Владимира Резцова

НА БОЙНЮ

Ведет козел овец на бойню,
И те доверчиво идут
На удивление спокойно, —
Недвижен даже деспот-кнут.

И лишь когда одна из тыщи
Поднимет голову слегка,
Он над строптивой так засвищет,
Что вздрогнут впалые бока.

Вновь тихо. Только учит, бля,
Козел непротивленью злу.
И непонятно, что страшнее:
Кнут — иль доверие козлу.

Александр Гугнин
(г. Новополоцк, Белоруссия)

Гугнин Александр Александрович родился 3 мая 1941 г. в Москве. Войну пережил у родственников: в деревне Матвеевское Калининской (Тверской) области и в железнодорожном поселке Грязи Воронежской области. После войны жил на хуторе под Новгородом, в Вильнюсе, с 1953 г. — в Полоцке. После школы работал на ударной комсомольской стройке, в совхозе, три года служил в пограничных войсках в Калининграде. Окончил МГУ и почти на 40 лет задержался в Москве. В 1999 г. вернулся в Полоцк, где похоронены бабушка и родители. Доктор филологических наук, профессор. Стихи пишет с 9 лет. Опубликовано 2 сборника: «Пути земные и иные» (1993) и «Пленник земных горизонтов» (1996). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2000 г.

* * *

Душой прижаться к сердцу твоему
И не сказать об этом никому...
Ты знаешь ли, подруга тяжких дней,
Как много нежности в душе моей?

Вся жизнь в трудах и глупостях прошла.
Ни счастья, ни покоя я не знал.
С трудом простые вещи различал —
Вот так-то, милая, такие вот дела...

* * *

Судьба играет нами? Или каждый сам
Судьбой своей небрежно управляет?
Кто гонит нас по жизненным стезям?
Кто смеет утверждать, что точно знает?

Зачем души туманная мечта
Нам в юности так много обещает?
Зачем тщеславной жизни суета
С прямых дорог нас в сторону смещает?

Мы мыслим, думаем и взвешиваем «за»,
И «против» тоже взвешивать умеем.

Но видим вдруг прекрасные глаза —
И, все забыв, мы сердцем пламенеем.

Иль все случайность? — ведь случайно я
Увидел девушку когда-то на перроне
И спрыгнул с поезда, и вся судьба моя —
Уже не в этом, а в другом вагоне...

Один мой друг увидел ночью сон:
Вставай, иди на *N*-вокзал, найди там *N*-вагон,
И встречу судьбу свою коленопреклоненно!
Мой друг вскочил и вышел на перрон —
И вдалеке уехал, счастьем опьяненный...

Вот весь расчет — мы счастья в жизни ждем,
И наша жизнь — для счастья и удачи.
Но риск велик — и к счастью мы придем
Рискуя, жертвуя... — А ты хотел иначе?..

* * *

«Подъем, подъем! — Вперед идем!
Куда, пока еще не знаем,
Но песни дерзкие поем
И жизнь, как солнце, прославляем!»

«Куда идти?» — Вперед, вперед! —
Лишь впереди нам счастье светит.
Лишь тот, кто движется, найдет —
Другого счастья нет на свете!

И там, где светится заря,
Мы праздник юности устроим,—
И, значит, жили мы не зря,
Мой друг, ты можешь быть спокоен.

И там, где рушатся миры,
И где Вселенная не знает,
Куда идти,— там знаем мы:
Другого счастья не бывает!

* * *

Мы будем петь. И песни будут плакать
О нашей юности, о прожитых годах,
О том, что растоптала жизни слякоть,—
Полет высокий обратился в прах.

И трепетная радость бытия
Угасла догорающею спичкой,
И, неразлучные, мы врозь уходим: ты и я,—
Дверь заперта, и нет у нас отмычки,

Чтоб снова, как в былые времена,
Как праздник лучший ждать неожиданной встречи,
Чтоб выпить счастье — сразу и до дна —
И ничего не оставлять на вечер...

Но вечер неизбежен и суров,—
Здесь на Земле не вечно счастье длится:
Последний тост: «Будь счастлив и здоров:
А мне б домой дойти и по пути не сбиться!»

* * *

На крыльях метели
Стихи прилетели,
Звенели и пели
До самой капели.

Когда же в апреле
Стихи отзвенели,
Пастушьи свирели
На сердце запели.

Но в заводи сонной
Под небом июля
В дремоте бездонной
Все песни уснули.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

1

Высокий лес. И узкая дорога
Петляет, спотыкаясь на корнях,—
Дружище, потерпи еще немного:
Не мы одни — весь мир уже впотьмах.

Все идеалы разом потускнели,
А вместо солнца — золотой телец.
И оттого скрипят угрюмо ели,
Предчувствуя безрадостный конец.

Здесь человек — свинья, венец природы —
Леса охомутил со всех сторон
И валит, пилит при любой погоде —
Для собственных стараясь похорон...

И что, мой друг, сейчас мы можем сделать,
Чтоб не озлобиться и зло не умножать?
Писать стихи? Вести с людьми беседы?
И ближних наших кротко просвещать?

Иль гневные писать статьи в газетах?
Кричать с трибун? Собрать партийный съезд?
Давай, мой друг, подумаем об этом,
Без суеты осмотримся окрест...

2

Здесь тихо, хорошо, уютно и спокойно —
Светлозеленый, мягкий, теплый мох,
И сосны ввысь поглядывают стройно,
Чтоб путник отдохнуть без опасений мог.

Дремотой пахнет пряный можжевельник,
Приветливо ветвями шевелит,
Чуть дальше ласково кивает ельник —
В нем жизнь, задор и молодость бурлит.

И путник рад, что он здесь — гость желанный,
Как друг, которого с любовью ждут,
Как родственник, любимый и неожиданный,
Которому всегда готов приют.

Не ты ль сказал, что счастья нет на свете?
Мой друг, ты зачерствел или ослеп душой!
Иль ты забыл, как радуются дети,
Любуясь в поле бабочкой простой!

Иль вспомни луг, где стрекотун-кузнечик
Взлетает ввысь, как чемпион-атлет:
В избытке сил, не напрягая плечи,
Он славит жизнь, благословляет свет!

Мой верный друг, давай стряхнем усталость
И, в мягких мхах понежившись, уснем.—
В который раз опять отгоним старость
И, сил набравшись, дальше в путь пойдём!

3

Скромно пьем, душой взбодряясь,
С чабрецом и с мятой чай
И плывем, в волнах качаясь,
На неведомый причал.

Пароход куда пристанет,
Ах, о том не знаем мы,—
Кто-то свыше выбирает
Наши тюрьмы и сумы.

Наше дело — быть готовым
К испытаниям любым,
Наше дело — поиск слова,
Мы идем, спешим за ним,

И с дороги чтоб не сбиться,
Вспомним старые грехи,
Чтоб в страстях не заблудиться,—
Пишем честные стихи.

Все равно поймут потомки,
Кто хитрил, кто честным был,
Кто души своей обломки
В пламя истины сложил...

4

Здесь ласточки летали над обрывом
И гнезда-норы рыли для птенцов,
Стрелой мелькали — или вдруг лениво
Скользили над вершинами лесов.

А мы лежали на лугу у речки,
Счастливые, смотрели в небеса:
На облака, скользящие беспечно,
На ласточек, сверкающих в глаза.

Их щебет звонкий душу как оркестр
Божественный и чистый вдохновлял,
И как родник, живительно чудесный,
Все тело соком жизни наполнял.

И жить хотелось, и трудиться тоже:
Лепить гнездо, выращивать птенцов,
И песни петь, и радовать прохожих,—
Родных небес повсюду слыша зов!

Веселый гомон, пенье птиц,
Дерев ветвистое участие,
Разливы неба без границ!

Еще чуть-чуть, и зелень брызнет,
И солнца яркость расцветет,
И снова кажется, что в жизни
Чудес сплошной ковер течет.
Весна, прекрасное творенье
Души!

И в теле бродит сок
Желаний,
страсти,
настроений.
Вновь у Весны берешь урок:

Прекрасна жизнь!

Под звуки музыки весенней
Исчезли прежние сомненья.
Палитре чувств не прекословь.
Любовь с Надеждой манят вновь.

❧❧❧❧

Лидия Шишко
(г. Витебск, Белоруссия)

Член литературного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Родилась в маленькой красивой деревеньке Рог Солигорского района Минской области, что на Полесье. Любовь к поэтическому слову привила бабушка Арина Емельяновна. Стихи начала писать в старших классах. Увлекалась творчеством Фета, Гумилева, Есенина и Сельвинского. Зачитывалась Мариной Цветаевой и Екатериной Шевелевой. После школы закончила с красным дипломом финансово-экономический техникум, позднее получила высшее экономическое образование. Работала в основном в страховых и налоговых органах. После аварии на Чернобыльской АЭС переехала, как переселенец, в сентябре 1986 года в Витебск. Печаталась в местных и республиканских газетах, Антологии современной русской поэзии Беларуси, 2003 год.

ГОРОДУ ПОЛОЦКУ

Веков признание — софит.
Над Полотою неба своды.
Небесный храм Двину хранит,
Софии свет струится в воды.

Рассвет рождается в закат,
но этой осени нет дела,
что, развекованы, молчат
седые камни, память-стела.

А город войнами гоним,
в руинах плыл, прошел пожары,
глотал набегов едкий дым,
но отражал врагов удары.

И зря тащил Наполеон,
войска Удино и Сен-Сира,
баварский корпус поражен,
и отступил француз-задира.

Цена столетий страшных дат —
покой, где дышит позолота.
И осень обняла солдат,
вписавших жизнь в ее полотно.

Войной плененные — набат,
их души светятся в сапфире.
А боль безвременных утрат,
взлетит строкой в Славянской Лире.

Я в этом форте не сойду
до полутона и обмана.
По серой осени бреду
среди крестов и нег тумана.

И сотый раз, пройдя окрест,
мой город, вежа, сила, дата,
и воздвизальный славя крест —
я Евфросинией богата.

К. С. А

Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Глаза твои вижу, как раньше —
красивые спелые вишни.
Отчаялось чайкой счастье
пытаться ко мне вернуться.
Я в город Петра на причастье
спешу, чтобы с ним улыбнуться.
Скучала ли я? Признаюсь:
забыть тебя не сумела.
У Спаса несмело покаюсь,
что птицей к тебе не летела.
Качай бессмысленно речи,
Нева, разводя мостами.
Последние наши не встречи
нельзя поменять местами.
Устала нести прощенье,
искать, покидая бухты,
одно на двоих возвращенье.
Мечты рассыпаются в двух... Ты...
Ну что ж, проживу прощанье,
душою играя скерцо,
слезами верша завещанье —
слова, что не высказать сердцу.
Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Ты вспомни тот день, без фальши.
Весна и сирень...

И вишни...

И голубь на школьной крыше...

В ТВОЮ СУДЬБУ ВОШЕДШАЯ

В твою судьбу вошедшая,
открыто-виноватая,

шальная, сумасшедшая,
тревожно-угловатая.

В душе испепеленная,
покорно-предзакатная,
тобою возвращенная,
восставшая, понятная.

Внезапно окрыленная,
дыханием согретая,
заоблачно рожденная,
реальностью одетая.

Прозреньем восхищенная,
забыть вину успевшая,
от спеси защищенная,
в твоих губах сгоревшая.

* * *

Вестью дрожь на губах. **Дрожь.**
Серый день за окном. **Дождь.**
Сизый дым в тишину. **Прочь.**
Дальше сон не пойму. **Ночь...**

Кочевые ветра. **Пыль.**
Громовое вчера. **Быль.**
Рикошетом обман. **Ноль.**
Дальше сон не пойму. **Боль...**

Белый голубь в окно. **Грусть.**
Ты — письмо в никуда. **Пусть.**
Год за годом полет. **Новь.**
Дальше сон не пойму. **Кровь...**

КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!

А голуби прямо с крыш,
бросаясь под ноги, целуются.
КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!
Слышь?

«ОТПУСКАЯ РЫБКУ»

Озерной глади мир изранен.
Сады теплят, звенит трава.
А воздух зыбок и туманен
и по лицу текут слова...
Не плачь ты, рыбка золотая,
судьбу мою опять латая.
За многоточьем... запятая...

Желаний нет, моя святая.
Он был со мной...
Светает...

В ТО ЛЕТО

По хлипким лужам и аллеям
я за тобой из века в век
и тонкой ниточкой алела
и пропадала в сонме рек.

Где нет случайности предела:
за гранью разума и сил,
устан в пути, не долетела —
мой ангел крылья опустил.

Твою же сдержанность немую,
что донесло дыханье мне,
вновь вспоминаю и тоскую
в глуши, забывшись в тишине.

Твоя любовь — венец сонета,
давно прочитана была
в стихах известного поэта
и вдруг в то лето расцвела.

Она из давних встреч-прощений,
прощаний вешняя вода,
из самых светлых возвращений...

Сказала: «нет»
услышал: «да».

* * *

Позови. Пойду навстречу.
Что чужой ты, не замечу.
Но подумаю, вдруг мой,
Бесновато-озорной.
Улыбающийся чутко.
Ты — волшебная минутка.
И глаза как синь морей...
Дай мне руку поскорей.
Обними как в ночь тогда.
Люди смотрят? Ерунда.
Посудачат, поглядят,
Целовать не запретят.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВЕСНА

Где-то там, в вышине,
В поднебесном пространстве
Разлились в тишине
Разноцветные краски.
В облаках бродит солнце.
Спускаясь на землю,
Луч деревьев коснется,
Весенний и первый.
В непрогретую почву
Тепло проникает.
И теперь уже точно
Снег последний растает,
Разбежится ручьями
До последней снежинки
И водой напитает
Цветы и травинки.

СИРЕНЬ

Приснилось детство.
Словно акварелью
Раскрашен сон —
Из прошлого привет.
В нем вечная весна
Цветет сиренью
И радости струится
Добрый свет...

* * *

Когда разрывает тебя изнутри,
Поэзия руку протянет – живи!
И Ангел Хранитель возьмет под крыло.
И вновь заскрипит по бумаге перо.

И будет опять полноводной река
Спасительных слов за строкою строка.

И всем неудачам и бедам назло
Пишите, чтоб чаще вам в жизни везло!

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор поэтических сборников «Как мимолетен день», «Отражение», «Времена и время». Переводит с болгарского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов, в том числе: 1er prix на 35-ом международном конкурсе «Цветочные игры в Пиренеях», 2 место в международном конкурсе «21 игры цветов», Пиренеи. Призер международного фестиваля «Славянские традиции — 2014 г.», (Крым), Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса имени С. Клычкова «Душа моя, как птица...», международного конкурса «Посох и Лира», серии Международных литературных конкурсов «Большой финал». Победитель, международного фестиваля «Славянские традиции — 2015 г.». Награждена премией «Славянские традиции» и значком «Писательское братство». Стипендиат Министерства Культуры РФ. 2 место в международном конкурсе «22 игры цветов», Пиренеи (2016). Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза писателей и Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

НА ЮГА

Вот махну на юга! Убегу от докучного снега.
Он засыпал мой город и души людей остудил.
И в призывное море нырну я в одеждах с разбега,
Позабыв о снегах, буду плыть, сколько хватит мне сил.

Десять дней среди скал и в объятиях теплого моря,
Где волна за волной набегаёт на берег крутой.
И где чайки кричат и о чем-то неистово спорят,
Где мерцают закаты, пленяя своей красотой.

Десять дней февраля пролетят, словно пули, мгновенно.
Возвращусь я в Россию, а там на пороге — весна.
И растают снега, и оттаёт душа непременно,
И простуженный город очнется от долгого сна.

НОЧЬЮ

На улицах выли бездомные псы,
И хлопали ставни тревожно.
Тринадцать ударов пробили часы.
Тринадцать? Такое возможно?

Не спится... Я выну из шкафа тетрадь
И буду писать про метели.
Они за стеной завывают опять,
Которые дни и недели.

И я напишу про голодных собак,
О долюшке их незавидной.
Что ночью был явлен таинственный знак,
Он посланный мне очевидно.

Но я не боюсь тайных знаков небес,
Все в жизни предельно и ясно.
И слышу, затихли метели окрест.
В окошко смотрю... Как прекрасно!

КУКЛА

Забытая кукла в коробке картонной.
Тряпичная Катя живет в кладовой.
Детьми она брошена бесцеремонно
И с нею играет теперь домовой.

Растрепанны волосы, платье не ново,
Повыщвели брови, печаль на устах.
И детские руки не шьют ей обновы,
И ровно двенадцать на старых часах...

Ушедшая сказка... и выросли дети,
Как птицы слетели с родного гнезда.
Уснул домовой, он меня не заметил.
Верну Катю позже в коробку назад.

Я с куклой в руках. Мы с похожей судьбою.
Стою у раскрытого настежь окна.
Смотрю на дорогу с призывной мольбою...
И снова сегодня останусь одна.

ЗИМА

Утопает в снегах замороженный город,
В белоснежных накидках примолкли дома.
Их пронзают ветра и безжалостный холод,
И рисует узоры на стеклах зима.

Тонким кружевом шали окутаны ели,
На аллейке, прижавшись друг к другу, стоят.
Словно девицы, разом они погрустнели,
На роскошные ветви, накинув наряд.

К остановке спешит одинокий прохожий
И заходит в холодный, продрогший трамвай.
А за ним — следом я. Вся промерзла до дрожи...
Увези нас, вожатый, в пленительный май!

ПЬЕСА ЖИЗНИ

Время выпито, словно вино,
Из бутылки с названием «Доля».
Проливалось по каплям оно.
Каждый сам выбирал себе роли.

А затем их с азартом играл
На подмостках, считая потери...
Приближается пьесы финал,
И за нами закроются двери...

ПЕРЕМЕНЫ

Меняется город, эпохи и люди.
Меняется облик домов, площадей...
А нас за беспамятство время осудит,
За эту помпезность бездарных идей.

Среди небоскребов бездушных и серых,
Пронзающих небо бетонной главой,
Искусственных парков, цветов омертвелых,
Старинный домишко стоит чуть живой.

А был он когда-то красивым, высоким,
С крылечком парадным для знатных гостей.
Теперь заколочен, пустой, одинокий
И ждет о грядущем печальных вестей.

А рядом, склоненная набок церквушка,
Ей выпало много на долгом веку...
И голуби вьются у самой макушки.
У самой макушки столетья текут.

Яков Шафран
(г. Тула)

ЗВУЧАТ КОЛОКОЛА
(Цикл стихотворений)

Член Академии российской литературы, член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.) и лауреат Всероссийской литературной премии им. Г. Д. Гребенщикова «Белуха». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Приокских зорь» «Ковчег».

* * *

Борьба со злом священна —
Какой бы ни был флаг.
И дружба неразменна.
Ее хранящий — благ.
В сражении со скверной,
За совесть, не за страх,
Одна Россия верно
На том стоит в веках.
Сему примеров много —
Не Сирия одна,—
Когда, похоже, с Богом
Воюет Сатана.
Террор, насилье, казни,
Удар из-за угла,—
Чтоб множить безобразье,
Чтоб землю сжечь дотла.
Но за родных, за правду,
Как в прежние века,
Стоят не за награду
Там русские войска.
Война — на грани риска.
Но ведь не в этом суть.
Там армии российской
Смогли престиж вернуть!

* * *

*31 октября (хеллоуин) 2015 года над Синаем
террористами был взорван российский
пассажирский самолет с 224-мя людьми
на борту. Все погибли...*

Отпуск на Красном не всем по карману.
Там отдыхает не бедный народ.
Но в этот день, повторять не устану,
Нет для меня бедняков и господ.

Взрыв в небесах. Потрясенные Лики.
Ангелов крылья опущены. Боль.
Душ над останками слезы и крики.
Солнечный мир, превращенный в юдоль...

Там на борту был мальчиш-первоклассник.
Как он мечтал повести самолет!..
Но для кого-то хеллоуин — праздник,
Значит, кому-то в прощальный полет.

Есть ли у зла оправдания малость?
Точит террор втайне жало свое.
Там, над Синайской пустыней взорвалось
Красным по желтому сердце мое.

* * *

*24 ноября 2015 года турецким истребителем
был сбит российский бомбардировщик Су-24.
Катапультировавшийся подполковник Олег
Пешков был расстрелян террористами с земли.*

Во вред себе и выгоде во вред.
России — зло, а господам — презент.
И безразлично, что придет вослед.
Безумный шаг? Неумный президент?..

Опасен злобу затаивший враг.
Еще опаснее коварный друг.
Наш самолет — на острие атак:
А вдруг сломается Россия, вдруг?

Турецкий залп — и самолет в огне.
Но катапульта все же шанс на жизнь.
А дальше — «на войне, как на войне»:
Держись, солдат, в борьбе с врагом держись!

Вот там уже виднеется вдали
Позиция своих, сирийский флаг...
Но снова залп, на этот раз с земли —
Коварен злостный и жестокий враг.

Погиб пилот, но в вечности — герой.
Погиб, но в мире стало меньше зла.
Не потому ли над родной страной
В помин его звучат колокола?

* * *

Бывает, и грешнику выпадет милость,
Придет как ответ на моления его.
Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость, зачем, отчего?

С соседями вежлива и справедлива,
Как мудрая старшая всем им сестра,
Душою своею добра, незлобива,
На зло неспособна — на помощь быстра.

Ты алчность не любишь, не ценишь гордыню
И нищим готова рубаху отдать,
Несешь всему миру любовь, как святыню,
Моля небеса за сынов, словно мать.

Но,— будто бы мачеха, гарпия злая,
Что кровных детей привечает, любя,
А золушку морит, к страданиям глухая,—
Сей мир лишь рабой хочет видеть тебя.

Россия, толкают тебя прямо в пропасть.
Так мало друзей, что готовы помочь,
Отбросивших страх, осторожность и робость,
При первой беде не стремящихся прочь.

— О, Господи, как отвести катастрофу? —
Взываю в ночи, припадая к кресту.
Похоже, весь мир превратился в Голгофу,
А наша Россия подобна Христу.

* * *

В разнотравье, как в оправе,
Всей земле окрест сродни,
Средь полей, лугов, в дубраве
Сладкозвучный жил родник.
И к нему шли издалече
Поколения века:
Сил набраться после сечи,
Слушать пенье ручейка.
Здесь прославились святые
Через веру и посты.
Здесь стоят совсем простые
Деревянные кресты.
И хоть здесь сплошная стройка —

Нет полей, дубрав, лугов —
Жив ручей — струится бойко,
Жив родник из родников!
Пусть теперь то разнотравье
Лишь в низине теплит взгляд,
Здесь жителям поправит
Он, родник, несущий лад.
И к нему припав однажды,
Исцелится той водой
И душой, и телом каждый,
Ибо тот родник — святой!

* * *

Три ствола поднимаются ввысь.
Будто маслом писалась картина:
У единого корня срослись —
Значит, дерево это едино.

И руками за руки держась,
Три сестры хороводят под ними.
И звучит по округе не джаз
Из далекого штата Вирджиния,

А поет там большая семья,—
Хоть кому-то и домом Боруссия,—
Три сестры: «Ридна мати моя...»,
После — «Песня моя, Белоруссия».

И потом, под тенистым шатром,
Стол накрыв разносолами русскими,
Заведут «Степь да степь кругом...»
Так, что станут просторы узкими.

Их родства не разъять, как ни злись,
Как с народами кто что ни делай —
Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!

Сергей Редков
(г. Тула)

РАДИКАЛЫ

Они закрывают не лица —
У глупости нет лица,
Стараясь в историю влиться,
Шагают тропой подлеца.

Сжигают людей и гордятся,
Сажают врага на рога:
Такие всегда пригодятся
Быть куклами в чьих-то руках!

Швыряться камнями — не строить.
Давить сапогом — не лечить.
Забыли, что суд будет строгим?
Денечки в аду — горячи!

БЕСПОЛЕЗНАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ НА БУДУЩЕМ СУДЕ

Карателям — с проклятием!

Я — артиллерист.
Это — хорошо.
Потому что я — не вижу крови.
Мне не ведом риск:
Цель в прицел нашел,
И давай сносить снарядом кровлю!

Если кто убит,
Я здесь ни при чем.
Не шепчите мне упрек на ушко!
Совесть моя — спит.
Если кровь ручьем —
В этом виноват не я, а пушка...

О ЧЕМ ЛУЧШЕ НЕ ПИСАТЬ

Душа пятилетней девочки,
Убитой осколком снаряда,
Ко мне по ночам прилетает
И мучает долго меня.

Я девочку ту вопрошаю:
— За что ты меня так терзаешь?
— За гибель мою,— говорит она,—
Ответить ведь должен хоть кто-то!

К убийцам своим приходила я —
Не видят меня и не слышат.
Но ты же — другой? Ты же чувствуешь,
Как боль заполняет вселенную?

Я ей отвечаю: «Да, чувствую,
Но мир я не в силах исправить.
Стучу кулаком лишь по воздуху
И прячусь в заботах ненужных...

А жизнь, как ни в чем не бывало,
Забыв про войну, продолжается:
Сирень по весне расцветает...
Да только не радует глаз.

НЕЧЕСТИВЦАМ

Лютый ветер
По земле...
Чьи во мгле
Дети?

Словно звери
Зло творят,
Ищут в ад
Двери.

Надругались
Над собой,
За разбой
Взялись.

Только завтра —
Вас сметет.
В мир придет
Правда!

Сергей Лебедев
(г.Тольятти)

Лебедев Сергей Александрович постоянный автор журнала «Приокские зори». Живет в городе Тольятти. Лауреат премии «Левша» им. Николая Лескова. Член Российского союза профессиональных литераторов (Самарская региональная организация).

ДЯДЯ ВАНЯ

*Светлой памяти моего дяди
Ивана Ивановича Шумилова.*

Исхлестанный веником в бане,
Омытый холодной водой,
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовый.

Простой он пастух деревенский,
Крестьянских колен и не счесть,
Увидеть порядок немецкий,
Ему все же выпала «честь».

Но только не любит об этом
Он в мыслях своих вспоминать:
Дахау, собак и кастеты,
Баланду и нары — кровать.

Три долгих мучительных года
Провел на чужбине пастух,
Пытали и «слуги народа»,
Но взгляд у него не потух.

Он знал, что его испытанья —
Не сон, не горячка в бреду,
К награде, пускай, не представлен —
Присяге был верен в аду!

Когда его дело закрыли,
Ушел в пастухи навсегда:
Здесь мысли, как облако плыли,
Да лес, да Ветлуги вода.

Война, как открытая рана,
Хоть время — повязкой тугой...
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовой.

ПЕХОТИНЕЦ

*Светлой памяти моего тестя
Яшина Алексея Ивановича*

Он курил по привычке свой «Север»,
Молчалив, будто в чем виноват,
Незаметен, как в зелени клевер,
Пехотинец и бывший солдат.

По лицу, как окопы, морщины:
От забот и от прожитых лет,
Память снова по снегу тащила
С перебитой ногой в лазарет.

Не ходил он в шеренге парада,
Знал окопную правду сполна,
Землю рыл он у стен Ленинграда,
Видел все, что приносит война.

Непогода его одолела,
Вновь к дождю разболелась нога,
Будто болью запомнить велела —
Пол-Европы измерить смогла.

Чернозем, и песок, и суглинок
Узнавала пехота в боях,
Миллионы сапог и ботинок
Износила на ратных полях.

Как награду хранил пехотинец
Со звездой солдатский жетон,
А медаль — за Победу гостинец,
Получил уже в сорок шестом.

Он курил по привычке свой «Север»,
Молчалив, будто в чем виноват.
Незаметен, как в зелени клевер,
Пехотинец и русский солдат.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Земля — от взрыва на дыбы,
Пронзительны осколки,
Летели по небу гробы,
Мы в ужасе замолкли.

А хватка страха так крепка,
Что в крике стынет горло,

Немеет в ярости щека,
А душу дрожью сперло.

И вот ты с горькою землей
Навек уже простился...
Своею грешной пятерней
Впервые окрестился...

Не зная Бога с юных лет,
Вдруг понял сразу что-то,
И за грехи от прошлых лет
Покрылся липким потом.

Но кровь, размазав по щеке,
Слезу утер скупую,
Страх удавил в своей руке,
На немца — в штыковую!

Немеет в ярости — «Ура!»
И в крике стынет горло,
Врагу — граненая дыра,
Мой страх в атаке стерло!

Земля и небо на дыбы,
Пронзительны осколки,
Летели по небу гробы,
А в них враги замолкли.

НА МАРШЕ

Ворон одинокий, голая ветла,
Облака зарница кровью залила.

Выжженной деревни печи не дымят,
Липы обгорелые выстроились в ряд.

Братская могила всей деревни здесь,
В трауре глубоком почернела жесь.

Стены словно угли кучею под ней,
Сожжены здесь люди в ярости огней.

Одинокий ворон, тризну прокричи,—
Некому оплакать смерть и боль в ночи.

Выжженной деревней, молча, мы прошли,
О пощаде, ворог, ты нас не моли.

Красная зарница, в лужах кровь блестит,
Черный ворон, молча, прочь домой летит.

МАЙ СОРОК ПЯТОГО

Берлин... Каналы словно реки,
А в них останки от войны.
Нашли покой сверхчеловеки
В холодных водах глубины.

У нас — ликующие лица,
В глазах — весеннее тепло,
И хоть земля еще дымится,
Но все же, дышится легко.

Все позади — бои, атаки,
Глаза закрытые друзей,
В крови забрызганные траки,
И шелест мины на ничьей.

Все позади, но не забылось,
И будет горько, если вдруг
Со временем придет остылость —
Истории замкнется круг.

Когда ученья лжепророки
Вдруг извратят и перегнут,
Исправят даты, имя, сроки
И память добрую распнут...

Тогда от Волги до Берлина
Поднимемся в атаку вновь...
В багровом пламени калина —
Не смоеет время нашу кровь.

ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ!

Я молитвой себя успокою,
Только вряд ли мне это забыть,
Как ребенок с недетской тоскою,
Прошептал: «Всем огонь прекратить».

На лице у мальчишки Донбасса
Вместо детской улыбки — мольба,
И подвал у него вместо класса,
И не школьный звонок, а пальба.

Да, закроют воронки асфальтом,
Вставят скоро и стекла в окно,
Привезут новых плит из базальта,
На плакатах заменят сукно.

И, конечно, вернутся улыбки,
Только нам никогда не забыть,
Как мальчишка под грохот зенитки,
Все шептал: «Всем огонь прекратить».

**ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ**

Сергей Одиноков
(г. Тула)

**СПАСИТЕЛЬ НАШЕГО
ГОРОДА**

Выпускник Тульского областного колледжа культуры и искусства и филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3; 2014 г., № 3; 2015 г., № 2), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахах «День тульской поэзии» (2013 г.), «НЛО» (2013 г.) и «Ковчег» (2012—2015 гг.).

*Посвящается 160-летию со дня рождения
выдающегося земляка, санитарного врача
и истинного патриота г. Тулы
П. П. Белоусова.*

Посреди Тулы раскинул кроны своих могучих деревьев Центральный парк культуры и отдыха им. П. П. Белоусова. Идешь по его гладким, ухоженным дорожкам, а навстречу тебе выбегают неугомонные, шустрые и любопытные белки. С деревьев доносится сказочное пение птиц. Приветливый солнечный свет пробивается сквозь листву и нежно ласкает тебя своими лучами. И воздух вокруг такой свежий, живительный... Поистине волшебная атмосфера! Не зря Центральный парк культуры и отдыха — любимое место досуга всех туляков и гостей города. По его аллеям прогуливались Л. Н. Толстой, В. В. Вересаев, а С. А. Есенин, побывав в Туле в 1918 году, был просто очарован его красотой. «Полюбил я ваш парк! — говорил поэт. — Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. Это самое лучшее, что есть в Туле».

Центральный парк — гордость не только туляков: он по праву входит в десятку лучших парков Европы. На его территории имеются редкие виды растений и животных, поэтому он является особо охраняемой природной территорией и отнесен к объектам общенационального достояния. Ни один город России не может похвастаться столь разнообразным природным комплексом и прекрасным местом для досуга. Поэтому сохранить парк и передать его будущим поколениям — наша почетная обязанность.

Однако мало кто знает, что на месте ныне благоухающего и цветущего парка в конце XIX века располагалась... свалка! Да и Тула сама по себе была далеко не привлекательным местом: кругом — болота и наполненные водой зловонные канавы, на улицах — непролазная грязь и разбросанный повсюду хлам. И в воздухе — духота, пыль и отходы от промышленных предприятий. Ни деревьев, ни благоухающих цветов, ни поющих птиц — ничего! Хотя в дворянской части города были и деревья, и кустарники, но в кварталах рабочих и бедняков — пустота. У многих в садах, правда, росли груши, сливы, яблони... Но все это, как правило, в небольшом количестве и только на территории участка. Все, что за ней, — «чужая», неухоженная, никому не нужная земля...

Естественно, что в такой обстановке бактериям и микробам было полное раздолье. И Тула вымирала от повальных болезней: в городе и области постоянно вспыхивали очаги инфекционных заболеваний. Из-за плохой воды жители болели брюшным тифом, страдали от желудочно-кишечных расстройств. В деревнях бушевали венерические болезни. Многие люди были совершенно неграмотны в вопросах личной гигиены. Средняя продолжительность жизни туляков не превышала даже 22 лет. Городу был просто необходим человек, который мог бы исправить положение, просветить жителей, спасти их от вымирания. И таким спасителем стал санитарный врач П.П. Белоусов.

Что же нам известно о нем?

Петр Петрович Белоусов родился 23 января 1856 года в селе Мантырьево Одоевского уезда Тульской губернии. Его отец, Петр Александрович Белоусов, выпускник Тульской духовной семинарии, служил в местном приходе священником. В семье царил мир, покой и порядок. Родители с раннего детства приучали детей к трудолюбию, никогда не делали за них то, что они могли сделать сами. За каждым ребенком были закреплены свои обязанности по дому. Старшие с теплотой и заботой относились к младшим, и все дети охотно помогали родителям.

Белоусов поступает сначала в Тульское, а затем в Белевское духовное училище, которое оканчивает с похвальной грамотой. В 1872 году юноша приезжает в Тулу и учится в духовной семинарии. Казалось, что его судьба решена: Петр Петрович, как и отец, станет священником. Но будущего спасителя Тулы тянула другая стезя — наука. И в 1876 году, успешно окончив семинарию, П. П. Белоусов поступает в Московский университет на медицинское отделение. При этом на его плечи навалился огромный материальный груз: выпускнику семинарии полагалось быть только священником, и Петр Петрович, отказавшись от церковной службы, должен был заплатить духовному ведомству штраф 180 рублей (сумма денег, потраченная на его содержание). В семье с пониманием отнеслись к решению сына посвятить свою жизнь медицине, но оказать посильную материальную помощь не могли: не было средств. Ценой огромных усилий молодому человеку удается собрать требуемую сумму.

В 1880 году Петр Петрович окончил Московский университет и 2 июня был утвержден в степени лекаря. С этого момента начинается его великий труд на медицинском поприще. 2 года он проработал сельским и городским врачом в Подольской губернии, затем — 6 лет в Одоевском уезде и в самом Одоеве. В своей работе

П. П. Белоусов проявил бескорыстность, честность, безграничную любовь и заботу о пациентах. Самой высшей ценностью для него была человеческая жизнь. И санитарный врач делал все, чтобы спасти каждого. Нуждаясь сам, он не брал деньги за лечение и бесплатно снабжал лекарствами своих бедных больных. Петр Петрович откликался на каждый призыв о помощи, в любое время суток отправлялся в самые глухие концы уезда и возвращал к жизни почти безнадежно больных людей.

И жители окрестных сел и деревень всем сердцем полюбили заботливого доктора. В каждом доме его встречали улыбкой, проходя по улице, низко-низко кланялись в пояс. К нему шли за советом, как к родному отцу. И Петр Петрович просвещал жителей, учил содержать себя и свой дом в чистоте, заботиться о своем здоровье.

О полной преданности врача своему делу свидетельствует один случай: жителю деревни О-ва, болевшему сифилисом, было необходимо ехать лечиться в Тулу. Больной поставил Белоусову условие: он отправится в город на лечение, если оно будет бесплатным, доктор оплатит дорогу до Тулы и обратно, будет кормить за свой счет и еще даст 3 рубля. И Петр Петрович не только выполнил все эти «непременные» требования деревенского жителя, но и после лечения часто проводывал своего бывшего пациента, осведомлялся о его самочувствии!

В апреле 1886 года П. П. Белоусов временно уходит в отставку для того, чтобы продолжать учебу. Он отправляется в Петербург сдавать экзамены на степень доктора. Осенью 1889 года Петр Петрович едет в Москву к профессору Ф. Ф. Эрисману — своему главному наставнику, под чьим руководством он позже будет защищать диссертацию. А еще в мае П. П. Белоусову предложили в Туле должность санитарного врача. Петр Петрович соглашается, но с условием, что ему ежегодно будет предоставлен двухмесячный отпуск для научных занятий в столичных лабораториях.

И вот Белоусов снова в Туле. С. А. Рассаднев, наш тульский педагог, краевед и писатель, так описывает внешность санитарного врача: «Удлиненное чистое лицо. Высокий лоб. Густые брови. Треугольничек усов, борода, идущая от ушей. Шею красиво облегает белый воротничок. Под форменный пиджак уходит темный галстук, завязанный широким узлом. Волосы подстрижены коротко, расчесаны на косой пробор». Увидев, в каком состоянии находится город, санитарный врач пришел в ужас. Необходимо сказать, что антисанитария — проблема не только Тулы: от этого страдала Россия в целом, а также страны Западной Европы и США. Для решения проблемы необходимы были серьезные меры. И вскоре такие меры были приняты.

Сначала Белоусов совершил подробный осмотр города. Все подмеченные им нарушения строго заносились в записную книжку. Благодаря работе санитарной комиссии, председателем которой был В. И. Смилович, удалось выяснить основные причины смертности населения: плохое водоснабжение, неудовлетворительная очистка территории и антисанитарные условия жизни тульских мастеровых. К этому прибавлялась полная безграмотность людей в вопросах гигиены и беспорядочное пьянство. И Белоусов со своими коллегами приступает к работе по спасению горожан.

В Туле было много нищих и бездомных. По инициативе П. П. Белоусова в городе создается дом трудолюбия, где все бедные смогли найти себе заработок. Был открыт и городской ночлежный дом для всех тех, кто не имел крыши над головой — не царский дворец, но все же с лучшими условиями, чем в частных ночлежках.

Очень беспокоило санитарного врача и состояние городского рынка, где присутствовало большое количество поддельных пищевых продуктов. На рынке можно было запросто купить разбавленное водой молоко, маргарин по цене коровьего масла... Подделкам не было конца! И Петр Петрович открывает специальную химическую лабораторию, следившую за качеством товаров, создает санитарно-аналитическую станцию. Суррогаты исчезли.

Огромная проблема была и с отхожими местами. Для ее решения П. П. Белоусов совершает большое путешествие, изучает состояние очистки отходов более чем в 60 городах России и за границей. В результате его плодотворных исканий в 1890 году в Туле, впервые в мире, появились так называемые ассенизационные поля: все нечистоты вывозились на специальные участки, которые распахивались и засеивались зерновыми и огородными культурами. Земля перерабатывала нечистоты и превращала их в необходимые для роста растений вещества. Таким образом, решались сразу две задачи: санитарная и агрономическая. Первые поля ассенизации послужили образцом создания их в других городах России, и скоро в Тулу со всех концов страны и даже из-за рубежа стали приезжать специалисты и перенимать опыт работы П. П. Белоусова.

Большие сложности были и с водоснабжением. Жители города и области брали воду из колодцев и реки, либо покупали ее у водовозов, которые наполняли свои бочки той же речной водой. Было необходимо строительство водопровода. И П. П. Белоусов приложил все усилия для его создания: читал лекции о необходимости строительства водопровода, выпустил за свой собственный счет брошюру «Данные для санитарной оценки русских водопроводных вод», докладывал о тяжелых случаях заболевания населения брюшным тифом на заседаниях тульской санитарной комиссии и, в конце концов, добился результатов. В ноябре 1893 года водопровод был открыт. Хотя качество воды в нем было еще достаточно низким, да и пользоваться им далеко не все, но это стало огромным шагом на пути оздоровления Тулы.

И, наконец, одной из важнейших заслуг П. П. Белоусова было создание парка.

На южной окраине города торчал выжженный солнцем и истоптанный коровьими копытами небольшой клочок земли — выгон для скота. А рядом с ним располагалась огромная городская свалка. Весной 1893 года все чаще и чаще стал приходить на это место Петр Петрович. «Работают люди, как в аду,— думал врач,— а отдыхать им негде. Город не имеет ни окрестностей, сколько-нибудь замечательных, ни воды, ни лесу: камни-голыши да опаленные солнцем холмы». И возникла у него идея создать здесь парк. Его появление позволяло решить сразу две важнейшие задачи: во-первых, у туляков появится замечательное место для отдыха, а во-вторых, почва сама переработает отходы, изолирует их от человека, и тогда исчезнет необходимость отодвигать свалку от наступающих городских строений.

И Петр Петрович вступает в спор с городским начальством. Его убеждали, что особой надобности в парке нет, что главная проблема города — болота, нужно сначала их осушить, а затем, если потребуется, то можно и парк разбить. Но санитарный врач был настойчив и вскоре с помощью своих товарищей-единомышленников добился выдачи территории свалки и загона под парк. Однако никакой помощи при его возведении оказано не было.

Тогда санитарный врач сам стал воплощать в реальность свой замысел. На его средства были закуплены саженцы из государственных засек. И Петр Петрович стал ежедневно выходить на территорию будущего парка и собственноручно сажать деревья. Посмотреть на эту работу приходила огромная толпа зевак. Одни просто глазели, другие посмеивались, считая, что «барин дурака валяет», а третьи и вовсе возмущались: «Какого выгона не стало! Куда теперь коровушек гонять будем? Выдумщик тоже нашелся, лихоманка его возьми!»

Но Петр Петрович не обращал внимания на толпу и продолжал трудиться. Поначалу он работал один. Потом к нему присоединились его верные друзья и помощники: председатель санитарной комиссии Викентий Игнатьевич Смидович и городской врач Федор Сергеевич Архангельский. Потом появились учителя гимназий со своими учениками. Постепенно ротозеев и зевак становилось все меньше, число помощников

увеличивалось... И вскоре работа закипела! Создание парка стало общим благородным делом. Те, кто еще вчера думали только о себе и равнодушно смотрели на «чужую» неухоженную землю, теперь трудились не покладая рук на благо родного города. Видя, как население неустанно создает зеленый уголок, городские власти, в конце концов, «расщедрились» и выделили средства. И работа пошла с удвоенной силой! Каждую весну труды по озеленению города возобновлялись: покупались новые саженцы, делались посадки. Парк рос в высоту, расширялся, и вскоре под сенью его деревьев стали мило прогуливаться горожане, вдыхая прелестный запах молодой листвы и цветов.

Вот так, благодаря усилиям П. П. Белоусова, на южной окраине Тулы на месте свалки и выгона появился великолепный парк!

Вскоре, однако, здоровье санитарного врача стало ухудшаться. Петр Петрович тратил все силы на благоустройство города, ему давно требовался отдых, но санитарный врач продолжал трудиться: без отпусков, без выходных, без передышки... Однажды, в ненастную погоду, собирая пробы почвы с ассенизационных полей, П. П. Белоусов заболел гриппом, который затем осложнился суставным ревматизмом и плевритом. Болезнь на семь месяцев приковала санитарного врача к постели, но он все равно не переставал работать: ведь нужно было защищать диссертацию...

И 13 апреля 1896 года в Москве П. П. Белоусов с успехом защитил свою работу. Он не стоял за кафедрой, а сидел: очень сильно болела нога и беспокоила высокая (38,5) температура. Коллеги высоко оценили вклад П. П. Белоусова в развитие медицины, и 4 мая 1896 года определением университетского Совета Белоусов был утвержден в степени доктора.

Болезнь тем временем прогрессировала. 30 мая Петра Петровича отвезли в Москву в больницу профессора А. А. Остроумова. У больного обнаружили «болотную лихорадку» и развивающийся туберкулез. По рекомендациям врачей Белоусов едет на лечение в Ялту. Через месяц его парализовало. Но и тяжело больной, умирающий санитарный врач продолжает думать о родном городе: столько еще предстоит сделать! Из-под пера доктора выходит статья «К вопросу об обезвреживании нечистот почвою», которая была опубликована в журнале «Общественно-санитарное обозрение» за 1896 год (№№ 14, 15).

29 июня товарищ-врач привозит умирающего Белоусова домой. И в ночь на 2 августа Петра Петровича не стало.

Заботливый доктор и истинный патриот города был похоронен в Туле на Всехвятском кладбище в воскресенье 4 августа. Проводить великого земляка в последний путь собрались люди разных сословий, чинов и профессий: представители администрации, члены судебных ведомств, врачи, педагоги, учащиеся, рабочие... Почти весь город.

Торжественную речь над могилой П. П. Белоусова произнес его близкий друг, доктор Н. И. Долгополов. «Белоусов был велик для города Тулы,— говорил он.— Будущее поколение оценит его и глубоко будет благодарно за самоотверженный труд при создании парка... Будем верить и надеяться, что мечты и идеалы санитарного врача не будут забыты на его родине...» Н. И. Долгополов также выразил надежду, что туляки в благодарность своему спасителю назовут парк именем его основателя. Спустя некоторое время так и произошло. И хотя парк неоднократно переименовывался (сначала он назывался Петровским: по названию возвышенности, на которой находился; затем, с 1906-го по 1934 годы, — Белоусовским, а во второй половине 30-ых годов носил имя полярника-исследователя О. Ю. Шмидта), его создатель не был забыт: 12 октября 1960 года ему был установлен бронзовый бюст, а спустя столетие со дня своего основания парк вновь стал носить имя Петра Петровича Белоусова.

Многое испытал на себе этот прелестный уголок: видел и революции, и Великую Отечественную войну... Но уцелел! И теперь встречает всех гостей своими зелеными объятьями. И от каждого из нас зависит его судьба. Недопустимо, чтобы детище П. П. Белоусова вновь превратилось в свалку! Необходимо помнить, как самоотверженно трудился над его созданием наш дорогой земляк. Поэтому нужно беречь парк, сохранить его для наших детей, внуков, для будущих поколений. Ведь это значит подарить им жизнь, здоровье и долголетие!

Уже давно нет с нами Петра Петровича Белоусова. Но память о нем жива, как и живы плоды его трудов. Вклад доктора в благоустройство города трудно переоценить. Он стал основателем и во многом новатором санитарной работы, которая была с успехом продолжена его преемниками: Леонидом Григорьевичем Сухининым, Виктором Петровичем Балашевым, Маргаритой Дмитриевной Львовой, Диодором Ивановичем Спасским и многими другими. О жизни и работе выдающегося врача написаны книги, статьи; сведения о нем встречаются в медицинских справочниках, энциклопедиях, биографических словарях...

К счастью, сохранился дом, в котором жил наш великий земляк: это дом № 36 по улице Пирогова. На его стене висит табличка, которая гласит: «В этом доме проживал основатель Центрального парка культуры и отдыха в г. Туле Белоусов Петр Петрович». Когда С. А. Рассаднев искал сведения о П. П. Белоусове, он заходил и сюда. Новые хозяева дома были очень удивлены и обрадованы тем, что здесь когда-то жил такой замечательный человек.

А время проносится очень быстро. Еще быстрее пролетает человеческая жизнь. И случается, что от человека на земле не остается ничего, кроме двух дат на надгробии и тире между ними... Печально. Ведь каждый из нас наверняка желает остаться в памяти потомков. И не просто остаться, а чтобы о нем вспоминали с теплом, добротой, радостью...

Сделаем ли мы что-то стоящее или нет, во многом зависит от нас самих. И примером для нас служит жизнь и деятельность выдающегося туляка, доктора медицинских наук, санитарного врача и истинного патриота Петра Петровича Белоусова.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ОККУПАЦИИ

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат Международной литературной премии «Славянские традиции» (2013), лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

НИКАКОЙ ВОЙНЫ НЕ БЫЛО

Никакой войны 22 июня 1941 года не было. Было воскресенье. Провинциальный Богородицк жил мирными заботами. Одни спешили до полуденной жары прополоть и полить огород. Другие обходили городской рынок, по сей день именуемый богородчанами на старый манер «базаром». Третьи собирались отдохнуть в парке и поплавать на пруду.

Ровно за неделю до начала войны, 14 июня, газеты опубликовали официальное заявление Телеграфного агентства Советского Союза: *«ТАСС заявляет, что... слухи о намерении Германии... предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».*

Никакой войны не было. Накануне в школах прошел выпускной вечер, и вчерашние десятиклассники думали, с чего в понедельник начнут устройство своей взрослой жизни. Они прекрасно знали Устав РККА, утверждавший, что *«если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с целью полного разгрома противника на его же территории».*

В кинотеатрах один за другим шли пропагандистские фильмы, сюжет которых легко укладывался в формулу: на нас напали и сильно об этом пожалели. Между прочим, кино о войне между СССР и Германией снимали еще до начала самой войны. Во всех шедеврах этой серии, в том числе в самом известном «Если завтра война» (1938 год), противник если и не назывался прямо, то его выдавала немецкая речь и форма со свастикой.

Никакой войны 22 июня 1941 года не было ровно до 12 часов 15 минут. Мой семнадцатилетний дед, возвращавшийся домой из магазина, вместе с другими горожанами остановился у репродуктора на богородицких «крестах» (перекресток современных Коммунаров и Ленина), чтобы послушать последние известия. Интернет, телевидение и мобильная связь появятся значительно позже, и уличные радиоточки — пока самый быстрый способ распространения информации.

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому

Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолетов наши города...». И тут же толпой завладело одно слово, вобравшее в себя все тревожное выступление народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова.

Странное дело эти слова. В скольких из них встречаются буквы: «в», «о», «й», «н» и «а». И лишь одна комбинация этих пяти букв означает горе, разлуку, смерть, голод, болезни... Не случайно в народе еще долго жила присказка: *«Лишь бы не было войны».*

И так же долго пели появившуюся в первые дни войны песню на мотив довоенного «Синего платочка»:

*Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...*

Киев, правда, бомбили в шесть утра, но не это главное.
Теперь война была.

ПСИХОЛОГИЯ НОСКОВ

Магазинные запасы соли, спичек и мыла немедленно переключались в закрома хозяек. Станным образом эта миграция будет сопутствовать всем социальным потрясениям страны до конца XX века. С богородицкой станции «Жданка» пошли первые эшелоны с мобилизованными и добровольцами.

— *Дед, кого тогда призвали в Красную Армию?*

— *Поначалу мобилизации, то есть призыву на военную службу, подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно, то есть мужчины двадцати трех — тридцати шести лет. Но война сместила эти возрастные границы. Фронт поглотил и восемнадцатилетних, и тех, кому за сорок. Последний призыв прошелся по родившимся в 1926 году.*

Впрочем, людей из города забирали не только на фронт. В первые месяцы войны из Богородицка были вывезены все этнические немцы. Среди них и потомки военнопленных, осевших в городе еще после первой мировой. Лев Шершов вспоминал: *«Как-то вечером я вместе с несколькими одноклассниками возвращался из горсада с танцев. Вдруг нас обогнала грузовая машина. Среди сидевших в открытом кузове мы увидели нашего Костю Шаренберга. Он закричал: «Не забывайте меня! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Вместе с Костей в машине ехала и самая молодая из наших учителей — «немка» Мария Федоровна Бекман. Со своими русыми косами она очень напоминала премьер-министра Украины Юлию Тимошенко. Бекман нравилась Косте, но он как ученик ничего себе не позволял». Поговаривали, что богородицких немцев вывезли в Казахстан, и там они сгинули. По крайней мере, в городе их больше никто не видел.*

Оставшиеся в Богородицке стали учиться выживать. Как и по всей стране, ушедших мужчин заменили женщины и подростки. Именно они практически вручную собирали урожай 1941 года. По иронии судьбы он оказался богатым. По планам первых месяцев войны уже в 1941 году Товарковский район должен был поставить фронту сотни центнеров зерна, 11019 овец, более 7 тонн шерсти и около 2 тонн овчины. Кроме этого фронтовики должны были получить 3100 пар шерстяных рукавиц, 3100 пар носок, и 1500 пар валенок.

В посылки на передовую обычно вкладывали письма примерно такого содержания

ния: *«Дорогой боец нашей родной армии! Пусть тепло этих рукавичек согревает твои руки и твое сердце. У тебя миллионы и миллионы верных друзей и помощников. Мы верим в тебя и знаем, что враг будет разбит!»* Такие письма становились важным психологическим оружием. Воин понимал, что о нем заботятся, его помнят и любят, причем не только родные и близкие. И жизни всех этих беззащитных людей, оставшихся в тылу, зависят, в том числе, и от него.

Местный житель Иван Козарь вспоминал: *«Мы, вездесущие мальчишки (а мне исполнилось только 17 лет), тоже старались оказать помощь хоть чем-то... Через нашу станцию Товарково не один, а десятками проходили эшелоны с войсками, вооруженной техникой, в южном направлении, на фронт. И не было ни одного эшелона, которого мы бы не проводили с приветствиями, букетами полевых цветов, подношениями холодной воды и разными угощениями. Все желали красноармейцам скорой победы над фашистами».*

СОБАКИ ПРОТИВ ПРОТИВОГАЗОВ?

Спустя полтора месяца после начала войны солдаты фюрера всю гуляли по Минску, загорали на рижском взморье и подбирались к киевским тортам. Чем значительнее становились потери Красной Армии, тем короче делались и без того редкие сообщения о делах на фронте.

— Дед, скажи лучше, как жилось в тылу?

— В тылу нарастала паника.

— И все?

— *Всех женщин, стариков и подростков, способных носить оружие, учили стрелять, ликвидировать последствия бомбежек, оказывать первую медицинскую помощь, спасаться от отравления химическими веществами.*

Еще в 1930-е годы в СССР раскинулась широкая сеть кружков Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству, обучивших миллионы людей основам противохимической обороны. Первичные осоавиахимовские организации создавались даже на базе многоквартирных жилых домов. На фасадах домов, жильцы которых коллективно сдавали нормы комплекса ГТО, размещался знак «Готов к противохимической и противовоздушной обороне».

С целью пропаганды движения под девизом *«Не хочешь быть отравлен газом — учись владеть противогазом»* совершались самые невероятные акции. К примеру, в феврале 1936 года состоялся лыжный переход Москва — Ленинград. Все 75 лыжников, естественно, шли в противогазах. В Сталиногорске (ныне Новомосковск) 940 человек прошли на лыжах в противогазах и противонеприятных костюмах 15 км.

А вот противогазовый переход Калинин (ныне Тверь) — Москва в феврале 1936 года вызвал неожиданную критику, так как *«лошади и собаки в пути пугались людей в противогазах. Этот факт говорит о том, что противогаз не стал обыденной, необходимой принадлежностью каждого, ... а лошади, привыкшие, например, к автомобилю, боятся противогаза».*

В предвоенные годы одной из лучших оборонных общественных организаций Тульской области считалась осоавиахимовская организация Веневского района. На ее базе как раз на границе с Московской областью и создается запасной полк, в который попал дед.

«РАИСА СЕМЕНОВНА» МОЩНЕЕ «ОГУРЦОВ»

Требовалось срочно любым способом прикрыть дыры в рядах действующей армии, поэтому в первые дни войны Генеральный Штаб Красной Армии утверждает

«Положение о запасных частях военного времени сухопутных войск». В запасные части отправляли не подлежащих призыву рабочих оборонных предприятий и не достигших призывного возраста мальчишек, окончивших 7 классов. Одними из первых запасные части создавались вокруг Москвы на пути вероятного наступления противника.

— Дед, ты был добровольцем?

— Можно и так сказать. Многие действительно просились на фронт. Другим стать добровольцами предлагали. Выбора не было. Не желавших записаться в добровольцы могли записать в дезертиры или предатели. Я вообще-то мечтал о военном училище, но не прошел по зрению.

— Но ты же все равно оказался на фронте.

— С 20 августа по 6 сентября 1941 года я был солдатом минометной роты Запасного полка, дислоцировавшегося в лесах под г. Веневом. Сначала привезли нас в Тулу. Там, где теперь Глушанки, был пересылочный пункт для таких, как я, новобранцев со всей области. Спали где придется. Мама собрала, что могла, из еды, тем и питался.

— А что потом?

— Под Веневом нас сначала направили на санитарную обработку, а затем стали беседовать, выясняя уровень военных знаний, грамотность, деловые и политические качества. После всех экзаменов меня определили в минометную роту.

Запасные части готовили преимущественно рядовой состав «для подразделений стрелковых, пулеметных, минометных и 45-мм артиллерии». Новобранцев учили основам военного дела, прежде всего умению стрелять и обращаться с оружием, давали навыки противоздушной и химической обороны и, конечно же, вели занятия по политической подготовке. Базовый срок обучения составлял 1,5 месяца. Дальше всех готовили минометчиков и артиллеристов — 3—4 месяца. Обученное пополнение, в основном, ждал фронт, однако ребят со средним и высшим образованием направляли для дальнейшей учебы в военные училища.

— Дед, чему вас учили?

— Мы были команда скороспелых, толком недоученных вояк. Оружия на всех не хватало, а имевшееся было разных систем, часто устаревших, патроны не соответствовали по калибру. Зато каждый день политинформация. Разговоры только о войне. Только птицы летали, как и раньше. Может, и они чирикали о войне?

В первые месяцы войны, когда оснащения не хватало даже действующим соединениям, об обеспечении запасных частей говорить не приходилось. Их целиком вверили заботам местных властей. Даже командиры набирались из местных добровольцев. Правда, на эти должности старались назначать людей, имевших хоть какой-то опыт военной службы, прежде всего участников гражданской и финской войн.

Очевидец событий, калужанин Иван Калинин вспоминал: «Тогда нас, мальчишек 1923—24-го года рождения, отправили под Тулу, где муштровали в течение почти трех месяцев. Это была жуткая картина, как нас учили... Эти «учителя» понятия не имели, что такое война. Мы знали, что у немцев танки, пулеметы, автоматы... А у нас была винтовка, которую называли «дудорга». Она и стреляла-то не всегда — заедала».

Про «дудоргу» вспоминал и дед: «Первой наукой, которую схватывал новобранец, был фронтовой язык. По нему отличали своих от чужих, им же путали вражеских радистов. Винтовку звали «дудорга», патроны — «семечками», снаряды — «огурцами», самолеты — «бомбовозами», танки — «утюгами». Реактивные снаряды для знаменитых «Катюш» из-за маркировки «РС» называли тециным именем «Раиса Семеновна».

КАШЕМЕТНЫЕ ВОЙСКА И ОБОРОНА МОСКВЫ

— Человек ко всему привыкает. Люди и на войне старались обустроить жизнь. Вот что у солдата всегда при себе?

— Не знаю... Автомат?

— Ложка. Без автомата прожить еще можно, а вот без ложки... Полевая кухня ждать не будет, не успел поесть сейчас — еще неизвестно, когда в следующий раз придется. Поэтому держали ложку всегда при себе, чаще всего за голенищем сапога или за поясом. Не зря говорят: «Дорога ложка к обеду». А на сытый желудок все веселей. Самые сообразительные ложки из дома брали. Некоторые на отправном пункте невзначай прихватывали. Выкручивались, как могли.

— Дед, а ты как обзавелся своей ложкой?

— Позаимствовал у немецкого самолета.

— Шутить?

— Бои до нас тогда еще не докатились, а вот артналеты уже начались. Особенно запомнилась первая бомбежка и первые жертвы. Все как-то повзрослели и поуменьли, еще острее поняв всю значимость происходящего.

Вспоминает Алексей Макаров, ветеран тульского следствия, живший до войны в деревне Докторово Веневского района: «Немецкие самолеты регулярно летали бомбить Новомосковск (тогда Сталиногорск). Неразорвавшиеся снаряды попадались и на полях. Один из таких, похожих на пол-литровую банку с крылышками, нашли женщины. Непонятную красивую штучку рассматривали всей бригадой, пока она не взорвалась...»

— Дед, а откуда все-таки ложка?

— Артиллеристы на наших глазах несколько раз сбивали немецкие самолеты. Мы уже знали: если дым белый, значит, горит масло, а если дым черный, то горит бензин, и жди взрыва бензобака. Из обшивки фюзеляжа такой сбитой машины я по примеру других и отлил себе ложку. Глиняную форму лепили прямо в земле. Обшивка самолетов легко плавилась, говорили, что она из специального сплава на основе алюминия.

— А почему твоя ложка такой своеобразной формы? Скорее, похожа на небольшой округлый черпачок?

— Форма проверенная, бывалые солдаты подсказали. Во-первых, если на морозе каша к котелку примерзнет, то ее выскрепать проще. Во-вторых, такой ложкой из общего котелка больше зачерпнуть можно! Между прочим, на фронтовом языке ложка — «кашамет». По аналогии с «Наставлениями» по стрелковому оружию у нас ходило довольно длинное шутовское «Наставление» по ложке. Помню, начиналось оно с того, что ложка — кашамет образца 1941 года — состоит из держала, едала и соединительного рычага. При этом держало может применяться для нарезки хлеба и сала, а также для намазывания масла, если они есть.

Ложки часто помечали инициалами. Некоторые, на радость современным поисковикам, умудрялись нацарапать даже фамилию и домашний адрес. Этому способствовало и популярное военное суеверие: если заполнишь «смертный» медальон, погибнешь в ближайшем бою. Потому фронтовики чаще и охотнее подписывали ложки, котелки, кружки, пилотки... Все, что угодно, но не специально предназначенные для этого личные солдатские медальоны. По таким ложкам судьбы не одного солдата удалось прояснить. Кстати, своей фронтовой ложкой дед пользовался до конца жизни, не признавая никакие другие.

Уже в сентябре 1941 года, в связи с приближением фронта к Москве, бойцы запасных «кашаметных» частей, в большинстве своем не успевшие закончить подготовку, вольются в действующую армию и партизанские отряды и сыграют свою роль

в обороне столицы. Они же 24 ноября на двадцатиградусном морозе будут биться за Венев, пока не закончатся боеприпасы. Оставшихся в живых немцы расстреляют в упор. Последнего защитника города политрука Поликарпова решат взять живым. Подпустив фашистов поближе, Иван Сергеевич выхватит из-под шинели связку гранат и дернет кольцо...

Но к тому времени дед находился в госпитале: *«5 сентября 1941 года под г. Веневом я был ранен в левую руку и голову во время налета фашистских самолетов».*

ШТОРЫ ДЛЯ ВРАГА

Вслед за уходом первых добровольцев в городе появляются первые похоронки и первые раненые. Зачисленная на курсы сандружинниц одноклассница деда Анна Митяева (Крапивина) вспоминала: *«Здание дворца, где размещался санаторий «Красный шахтер», переоборудовали под госпиталь. Нашей задачей было подготовить помещение для раненых, встретить их на станции, доставить в госпиталь. Раненых было очень много. У нас были пропуска (ведь хождение по улицам разрешалось до 9 часов вечера)».*

Госпиталь развернулся и в здании образцовой школы № 1. Моя бабушка Екатерина Саморукова (тогда Кудрявцева), с 1939 года учительница школы №1, вспоминала, как они вместе с учениками помогали медперсоналу: *«Прямо в классах, ставших больничными палатами, ребята устраивали для фронтовиков импровизированные концерты, писали под диктовку раненых письма. Все вместе мы штыковыми лопатами рыли во дворах домов так называемые «щели» — узкие окопы, куда вскоре пришлось прятаться от налетов. Теми же лопатами копали противотанковые рвы на подступах к Богородицку и не только».*

Командантский час, запрещавший жителям находиться на улице в темное время суток,— одна из примет перешедшего на военное положение Богородицка. Наша армия отступает, все ближе и ближе отходя к Москве. У людей на улицах начинают проверять документы.

— Дед, в фильмах про войну окна в домах всегда заклеены крест-накрест полосками белой бумаги. Зачем?

— Чтобы уберечь их от взрывов.

— Но если бомба попадет в дом, то какие окна, от дома мало что останется...

— От этого да, но рядом стоят другие дома. Так вот чтобы взрывная волна не выбила стекла и там, клеили полоски бумаги. А на ночь окна занавешивали плотными шторами. Для светомаскировки. Любое светящееся окно могло стать ориентиром для вражеских бомбардировщиков. Поэтому неплотно закрытые шторы в военное время расценивались как диверсия и помощь врагу.

— Сурово.

— На войне как на войне. Из молодежи создавали группы самозащиты, наблюдавшие «за воздухом».

— Это как?

— Смотрели за налетами вражеских бомбардировщиков.

— Вот именно, что смотрели. Что простой парень или девушка могут противопоставить самолету?

— Они могут вовремя потушить сброшенную на их дом зажигательную бомбу и сохранить крышу над головой. Для этого заранее на крышах или во дворах домов припасали ведра с песком и водой. Если сброшенную сверху зажигательную бомбу быстро подхватить и сунуть в мокрый песок, то она остынет, и взрыва не будет.

— А если не успеешь?

— ...

БОМБЫ ОТ «BMW»

— Дед, я никак не пойму. Фашисты дошли до Богородицка только в середине ноября 1941, а бомбить город начали гораздо раньше. Неужели самолеты так далеко залетали на чужую территорию?

— Еще как, до нескольких сотен километров. К примеру, 600 километров до Киева, оккупированного только через три месяца, люфтваффе преодолели уже в первые часы войны. Богородицк почти ежедневно обстреливался вражеской авиацией и артиллерией с октября 1941 года.

Иван Козарь: *«Все чаще появляется фашистская авиация, которая бомбит ст.Товарково, склады боеприпасов, сброшены бомбы на стадион п.Товарковского, где обучался состав призывников».*

Секретарь Товарковского РК ВКП(б) Василий Родионович Ребриков: *«Летел стервятник и так низко, что простым глазом были видны фашистские знаки. Шел так тяжело и медленно».*

Чтобы обмануть бдительность советских артиллеристов, фашисты рисовали на крыльях своих бомбардировщиков красные звезды. Очевидцы вспоминают, что такие самолеты бомбили город перед самой оккупацией.

Жительница Богородицка Варвара Введенская: *«Вдруг раздался страшный грохот, из окон посыпались стекла, со стен и потолка полетела штукатурка, в передней комнате погас свет. Чтобы попасть в подвал и спрятаться от бомбежки, надо было пройти двором. Но нам было страшно выглянуть из дома, так как... город одновременно подвергнут артиллерийскому обстрелу... поэтому мы все сгрудились в темном коридоре, тесно прижавшись, друг к другу... Сверху на нас что-то сыпалось с потолка, малыши плакали... А потом пришли мама с тетей, обрадовались, что все мы живы. Они рассказали, что на территории заготзерна тоже было очень страшно. Фашисты с самолетов обстреляли мирных жителей, стоящих в очереди за зерном... позже мы узнали, что погибло 47 человек. Видела, как везли на нескольких подводах эти окоченевшие, скрюченные трупы ни в чем не повинных мирных людей».*

Моя бабушка Екатерина Саморукова (Кудрявцева): *«От бомбежки мы прятались в подвале. Спали, не раздеваясь и не разуваясь, потому что в любой момент мог начаться вой сирены, обозначающий воздушную тревогу. Днем после ночных налетов люди были измотанными, с красными от бессонницы глазами».*

Иногда сброшенные бомбы взрывались не сразу, убивая и калеча любопытствующих. Многие жители вспоминают неразорвавшуюся бомбу, некоторое время лежавшую чуть выше перекрестка улиц Коммунаров и Урицкого напротив современной музыкальной школы. Чуть ниже этого перекрестка жила моя бабушка.

Интересно, знают ли сегодняшние богородчане, разъезжающие по городу на «BMW», что моторы для их машин, как и двигатели самолетов, бомбивших город в 1941 году, сделаны одним производителем? Знаменитый концерн работал на военную авиацию еще со времен Первой мировой и поначалу даже не помышлял об автомобилях. Конец Второй мировой войны чуть было не стал концом и для «BMW».

«УДИРАТЬ, И УДИРАТЬ ПАНИЧЕСКИ»

Представить себе то, что происходило... Нет, «происходило» — слишком спокойное и обстоятельное слово. Не было никакой упорядоченности в том, что творилось... Да, представить себе то, что ТВОРИЛОСЬ в городе осенью 1941 года перед началом оккупации, можно благодаря дневнику секретаря Товарковского районного комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (РК ВКП(б) Василия

Родионовича Ребрикова: *«11 октября. Жена уехала с госпиталем N 1069. Перешел на казарменное положение. Стервятники беспокоят каждый день.*

20 октября. Люди бегут... Смотреть тяжело на создающуюся картину. Партийный актив надломился, приходят в РК с плачем, с истерикой, требуют эвакуации. Дали команду, чтоб коммунисты эвакуировали свои семьи, кто куда сумеет. Многие командиры пьянствуют, возят каких-то крашенных бабенок. Жрут и спят, и ничего не делают. Уезжали бы скорей к чертовой бабушке.

24 октября... Явственно слышна канонада. Фронт рядом. Распоясались жулики, мародеры. Обнаглели до того, что днем кинулись грабить состав с хлебом и другими продуктами. Дал команду пристреливать сволочей на месте. Пристрелили одного на станции Жданка ... одного в Малевке, одного в Бегичеве и одного на шахте N 63. Сразу утихомирили всю сволочь.

9-го ноября была большая очередная паника. Звонят и говорят, что Узловую заняли немцы и все узловское начальство ушло из района. Делаю попытки связаться с Узловой — безрезультатно. Пышляем в Узловую разведку... Разведка ... доложила: немцев у Узловой нет, но нервозность жуткая. Панику подняли железнодорожники, они начали удирать, и удирать панически.

Панику провоцировала прежде всего неопределенность. Никто не знал, что прямо сейчас происходит на фронте и где этот самый фронт в данный момент находится. Сегодня, когда владеющий информацией владеет миром, представить себе информационный голод военных лет крайне сложно. Тем не менее, представьте.

Никакого телевидения, тем более Интернета, нет и в помине. По радио вещает одна программа, для прослушивания которой нужно выйти на улицу, ведь все радиоприемники у населения отобраны, дабы исключить общение с вражескими радиостанциями. Газеты появлялись позже радиосообщений, но в них была все та же скупая сводка с фронта. И радио, и тем более газеты зачастую передавали новости с опозданием и не в полном объеме. Телефоны — почти исключительная привилегия госучреждений. Иногда что-то узнавали из писем с передовой, но почта идет долго, к тому же подвергается цензуре, вымарывающей черной мастикой даже намеки на состояние дел на фронте. На письмах времен войны рядом с почтовым штемпелем появилась отметка «проверено военной цензурой».

— Дед, это же тоталитаризм!

— Это война. Когда кругом боевые действия, письма вполне могут попасть к врагу. Тогда неосторожные фразы, написанные без злого умысла, могут стать причиной поражения армии и в конце концов привести к гибели огромного числа людей. К тому же, родным бойца важнее всего было знать, что их сын или отец жив.

В такой ситуации, когда военные события передавались преимущественно из уст в уста, поводом для слухов и паники становилась любая мелочь. Снова В. Р. Ребриков: *«Помню был такой случай. Ночь ... Звонок телефона. Беру трубку. Сообщают: в город вошли немецкие танки, двигаются якобы по направлению к Туле. Ставлю на ноги народ. Оказывается, что прошли два трактора «ЧТЗ» и встали у райисполкома».*

К сожалению, анекдотичность ситуации ничего не меняла. В. Р. Ребриков: *«Сколько слез, истерик, детского плача. Картина очень удручающая ... Когда плачут женщины от страха, как-то принято считать за обычай, а вот когда нюни распускают мужчины, становится неприятно. Трусость прет через край. Спим ... не раздеваясь... С Тулой связи нет. Все приходится решать самому».*

Положение Тулы, увы, выглядело не многим лучше. Именно к городу оружейников — последнему рубежу перед Москвой — неумолимо рвалась 2-я танковая армия под командованием непобедимого Гейнца Гудериана.

Накануне Орел сдали без боя. Просто ехавшие в трамвае жители внезапно увидели на улицах фашистские танки. Перед тем, как оставить город, сотрудники НКВД расстреляли более 150 заключенных, среди которых муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, жена «врага народа» Льва Каменева Ольга (она же сестра Льва Троцкого), лидер эсеров Мария Спиридонова и многие другие. По неофициальной версии заключенных не расстреляли, а согнали в подвал местной тюрьмы и открыли водопроводный кран.

Оружейную столицу готовились оборонять малочисленный 732 зенитно-артиллерийский полк и 156 полк НКВД, в мирное время охранявший тульские заводы и режимные объекты. На всем пути от Орла до Тулы сколько-нибудь заметных сил, способных противостоять полновесной танковой армии Гудериана, попросту не было.

«МЯСО, ЯЙКИ, МЛЁКО, САЛО!»

В начале ноября приход фашистов в Богородицк стал очевиден. В связи с этим в шахтах демонтировали водоотлив и вентиляцию, ценное оборудование затащили в глухие штреки и завалили. Механизм, позволявший спускаться под землю и подниматься наверх, разобрали и сбросили вниз. Сильнее досталось нефтебазе. Пришлось сжечь 318 тонн нефтепродуктов. Сожгли и элеваторы, на которых оставалось более 8000 тонн зерна. Правда, перед самым приходом немцев часть зерна успели раздать жителям.

Жители тоже готовились к приходу фашистов. Прежде всего, из города постарались эвакуироваться работники госучреждений, члены партии, шахтеры, которых при новой власти почти заведомо ждал смертный приговор. Оставшиеся, как могли, запасались продуктами, спешно закапывали ценные вещи, закапывали или уничтожали документы и фотографии.

— Дед, про вещи я понимаю — чтобы не отобрали, про документы тоже — чтобы себя обезопасить, а зачем уничтожать фотографии?

— Фотографии — те же документы. Если немцы видели на фотографии человека в форме красноармейца, его однозначно ждал расстрел, да и семье могло достаться.

— А в нашей семье вещи закапывали?

— Конечно. Спрятали в огороде документы, некоторые вещи. Зарыли старую охотничью берданку: боялись, если немцы увидят в доме ружье, примут за партизана и расстреляют. Твоя бабушка — моя будущая жена — закопала свою швейную машинку «Зингер».

— Ту самую, на которой она мне костюмчики на утренники в детский сад шила?

— Ту самую.

Вспоминает богородчанка Людмила Северова: «Страх прочно поселился в сердцах людей, страх перед нашествием гитлеровцев, о зверствах которых уже было известно». 15 ноября 1941 года началось «нашествие в буквальном смысле слова. Такого количества людей, техники, машин всевозможных — от легковушек на двух человек до огромнейших грузовиков — мне никогда больше видеть не приходилось. Целая их лавина двигалась по улице Коммунаров в сторону Товарково: регулировщики, выставленные на перекрестках, показывали только это направление.

Жители города как вымерли, все попрятались по подвалам и домам. До нас доходили слухи, что вслед за войсками всегда двигаются каратели. И, надо сказать, уже примерно через неделю после захвата города на площади в районе нынешнего ресторана «Садко» была поставлена виселица, повешены два партизана. Слава Богу, что немцы в городе пробыли всего месяц, и поэтому каратели не сумели развернуться в полную силу».

Для начала жителей собирали и сообщали, что теперь они подданные великой Германии. О том, как проходили эти «сборы», вспоминает Иван Козарь: *«Часов в десять утра, когда наша семья завтракала, в землянку вторгся «новый порядок» в шинелях мышиного цвета. Немцы начали бесцеремонно осматривать землянку. Выбросили все из сундука, но поживиться было нечем. Потом увели отца и брата... Все население поселка собрали в районе отвалов шахты № 54. Для устрашения установили два пулемета: один перед строем людей, второй — на терриконе породы. Вокруг — оцепление солдат. В страхе за мужчин пришли сюда женщины и дети. Стояли мужики в великом раздумье под дулами автоматов: то ли смерть придет через минуту, то ли пожить удастся при новом порядке».*

С 6 вечера до 8 утра устанавливался комендантский час. Коммунисты, комсомольцы, руководители предприятий, учреждений, организаций должны немедленно зарегистрироваться в комендатуре и ежедневно являться для отметки. Объявили и о том, что за каждого убитого немецкого солдата будет расстреливаться 10 жителей города.

Расстрел можно было получить и просто так. Вспоминает житель колхоза им. Степанова Иван Корякин: *«Молодой парень В. И. Бабкин, подстриженный наголо, показался им подозрительным и тут же был расстрелян прямо около дома, на огороде, в присутствии родителей».*

Из воспоминаний жителя деревни Павловка Григория Боровикова: *«Начался самый настоящий грабеж. Кур резали во всех домах. Придут: «Русс! Куры!». Пришли к одному колхознику за гусем. Он сказал, что гусей у него нет. Но тут, как нарочно, гусь загоготал. Немец: «Русс партизан! Капут!», а сам на револьвер показывает. Испугался колхозник и двух последних гусей отдал... К школе подошли два немца... Из классов начали выносить мебель: столы, парты, стулья, рубить их и топить ими печь... дни потянулись однообразно. Одна часть уезжала, другая — приезжала, и требования выставлялись одни и те же: «Мясо, яйца, молоко, сало!»*

— Дед, а как вели себя местные жители?

— Пытались выжить. Офицеры и солдаты занимали дома и квартиры, хозяев сгоняли в одну комнату, а то и вовсе выгоняли из дома. Местным жителям выпадала «честь» готовить и стирать для солдат Вермахта. Гости чувствовали себя полными хозяевами и не стеснялись присваивать содержимое сундуков и комодов.

— Неужели они не брезговали чужими вещами?

— Какое там, тащили все, что только видели, не брезгуя самым простым и неприглядным.

Еще бы, сам Гитлер освободил своих солдат от всякой ответственности за их действия при выполнении плана «Барбаросса»: *«Никакие действия служащих вермахта ... не подлежат пресечению и не могут рассматриваться как проступки или военные преступления...»* Одни солдаты уезжали, другие приезжали, и все начиналось заново.

Вспоминает Варвара Введенская: *«Офицеры стояли в нашем доме дней десять. А затем они съехали, и у нас поселились солдаты. Их было много. Нас они согнали в одну комнату, забрали все подушки и одеяла. Вели себя очень грубо. С первых же дней проверили все шкафы и полки, забрали продукты и все то из вещей, что им попадалось на глаза. Страдали очень от вшей и вечерами нередко приходили в нашу комнату и трясли над керосиновой лампой свое нижнее белье».*

Грабили и просто на улице, раздевая и разувая прохожих. Прежде всего, отбирали теплые вещи, поэтому народ стал хитрить. Валенки и шапки обматывали рваными старыми тряпками, верхнюю одежду специально пачкали в грязи. Помогало, но не всегда.

Варвара Введенская: *«Утром 15 ноября мы вышли погулять. Видим, на плотину въезжают... фашисты. Мотоциклисты остановились, подошли к пожилому мужчине, один из них протянул руку. Тот, очевидно, решил, что с ним здороваются, замешкался, растерялся, но тоже протянул руку. Фашист сдернул с него рукавицу, вторую мужчина отдал сам. Другой фашист сдернул с его головы шапку».*

За месяц оккупации грабежу подверглись 3974 семьи района.

ДИВЕРСАНТЫ И ПРЕДАТЕЛИ

Проводимая советской властью борьба по выявлению шпионов и диверсантов была не так и надумана, как часто утверждают. Не зря волновался Василий Ребриков: *«Через город идут, едут на лошадях, автомашинах из занятых немцами районов. Уйма людей ... многие сеют панику, пускают провокационные слухи, занимаются мародерством. В городе форменная кутерьма. В таком движении люда в город могут прийти шпионы, диверсанты и любая сволочь».*

В Богородицке диверсионные проявления начались еще осенью. На собраниях партактива района отмечалось, что «в очередях около магазинов ... ведется антисоветская агитация». Иван Козарь, живший у станции Товарково, вспоминал: *«По ночам мы дежурили по соблюдению светомаскировки... Эти посты свое дело сделали... были случаи пресечения действий сигнальщиков в помощь немецкой авиации».*

Рассказывает Лев Шершов: *«Диверсанты в городе были. Перед самым приходом фашистов убили милиционера, дежурившего ночью на почте, чтобы воспользоваться телеграфом. Мы тогда жили на окраине города за парком. Примерно за месяц до начала войны у старушки в доме напротив сняла комнату некая девица, представлявшаяся машинисткой. Пишущая машинка у нее и правда была, она регулярно ставила ее у открытого окна и что-то печатала. Только делала она это как-то неестественно быстро. Думаю, она просто молотила по клавишам. Жила она замкнуто, ни с кем не общалась. Перед самой войной к ней приехали двое на мотоцикле. По тем временам мотоцикл — роскошь, их в городе всего несколько штук было. Мотоцикл попросили оставить на ночь в нашем дворе, пояснив, что он сломался, а двор, где жила девица, слишком мал. Обещали забрать через день. Прошло два дня. Мотоцикл стоял на месте. Время было тревожное, и отец сдал мотоцикл начальнику ГАИ Семину Николаю Акимовичу. Никто за этим мотоциклом так и не вернулся. Когда началась война, к девице стал ходить один раненый, с ног до головы обвязанный бинтами. В первый же день оккупации к ней приехали два немецких офицера и забрали с собой. Больше ее в городе не видели».*

Не секрет, что некоторые советские граждане встречали оккупантов хлебом-солью. Были такие и в Богородицке. Именно из таких предателей фашисты вербовали полицаев, старост и бургомистров. Ольга Ломакина (в замужестве Савельева): *«В дом вместе с немецким офицером вошел наш сосед. Он ткнул в нас с сестрой Настей (мы близнецы) и пояснил, что мы комсомолки. Немец что-то записал, и они ушли». Полицаям был дан приказ о подаче списков коммунистов, комсомольцев, передовиков производства, евреев и шахтеров.*

Интересно, что новоиспеченный бургомистр Товарковского района Проселков вместе с полицаями Гореликовым, Кутеповым и Ефремовым такой список заготовили заранее. 150 фамилий были оглашены в первый же день оккупации на общем собрании жителей поселка имени Кагановича (ныне поселок Товарковский). Прямо из толпы были схвачены зам. секретаря комитета ВЛКСМ Иван Костенко, член комитета Николай Романов, зам. главного бухгалтера шахты Романов, зам. главного инженера Бузов С. С. и депутат поссовета Буклина. К их судьбе мы еще вернемся.

— Дед, чем занимались полицаи?
— Контролировали выполнение распоряжений новых властей, к примеру, приказа о сдаче населением огнестрельного и холодного оружия.
— И если находили запрещенный предмет?
— Расстрел. Кстати, в самом Богородицке полицаяев не было.
— Почему?
— Точно не знаю. То ли не успели назначить, то ли желающих не нашлось, то ли не по статусу было. Ведь формально город Богородицк входил в Товарковский район, центром которого был поселок имени Кагановича (ныне поселок Товарковский). А вот староста был — бухгалтер Бегичевской шахты Бабкин.

Рассказывает Людмила Северова: «Никому ничего плохого этот честный человек не сделал, напротив, когда жителей города хотели согнать на площадь и расстрелять, он предупредил нас. От одного к другому переходило его предупреждение, просьба покинуть город, и то, что массовых расстрелов не было, это благодаря старосте. Говорили, что немцы ему этого не простили».

Не простили и свои. Вспоминает житель колхоза им. Степанова (ныне «Россия») Иван Корякин: «Во время оккупации немцы... по предложению колхозников избрали старосту, им оказался председатель колхоза С. И. Комиссаров. На самом деле он был не предатель и не хотел быть старостой. Он всегда приходил к нам и рассказывал моей маме, что немцы собираются делать. Из своих С. И. Комиссаров никого не выдавал... Староста С. И. Комиссаров был взят нашими военными, и с тех пор его след простыл, хотя он плохого нам ничего не сделал».

Впрочем, разница в поведении отмечалась не только у жителей оккупированных земель. Не отличались единообразием и оккупанты.

МАКИЯЖ ДЛЯ ОККУПАНТА

Рассказывает жительница деревни Упертовка Елизавета Трубленкова: «Немцы не очень-то считались с местными жителями... Очень уж досаждал один из них. Что ни день, с вечера ему душно в натопленной избе. Дверь настежь начинает открывать. Как могла, сопротивлялась этому... боялась, что ребятишки простудятся. А ночью тот же немец начинал вдруг мерзнуть, брался стулья рубить, печь топить. Терпела, терпела, да и решила пожаловаться их главному начальнику. Бабы хорошо о нем отзывались, вежливый был, культурный... Выслушал он меня, молча собрался и пошел со мной. Что уж он тому солдату скомандовал, не поняла. Видела только, что обидчик от страха сам не свой, тут же собрался и ушел... Позже, когда во время боев этого главного начальника ранили в живот и привезли на санях, бабы его жалели — все-таки заступался он за них».

Варвара Введенская: «Среди немцев были два переводчика. Один из них оказался единственным, кто удерживал солдат от насилия и бесчинства. По его совету прятали от солдат двоюродную сестру. До сих пор с ужасом вспоминаю, как однажды, когда мамы не было дома, фашист завел меня в их комнату и сделал попытку к насилию. Я еще ничего не понимала и думала, что дядя решил со мной поиграть, начала его щекотать. Только благодаря этому мне удалось вернуться. Тогда фашист схватил оружие, направил на меня и заставил стать к стенке. Спас меня вошедший переводчик. Он резко ударил по стволу, раздался выстрел, и пуля попала в пол. Только много позже, когда подросла, я поняла, что была на краю гибели».

— Дед, получается, что девушкам и молодым женщинам вообще лучше было лишний раз не выходить из дома?

— Именно. Моя будущая жена вообще в подвале сидела. Многие женщины нарочно плохо одевались, пачкали лица маслом, печной сажей.

— *Представляю, как были разочарованы оккупанты.*

— *На каждое правило есть исключение. Две богородчанки добровольно уехали вместе с отступавшими фашистами. Одна из них, правда, через некоторое время вернулась.*

Моя бабушка Екатерина Саморукова, а ей как раз во время оккупации исполнился 21 год, большую часть времени пряталась в подвале. В ее случае причина заключалась не только в девичестве. Бабушка больше всего боялась, что «доброжелатели» сообщат о том, что она учительница немецкого языка и ее угонят в Германию. В их доме тоже «стоял» немец. Курт (кажется, так его звали) был не слишком молод, вел себя достойно и часто делился продуктами. Точно не известно, донесли ли Курту на бабушку, но он нередко говорил при ней так, будто был уверен, что его немецкий понимают. Курт тяготился службой и часто вспоминал оставленную в Германии семью. От него же бабушка впервые услышала и о немецком отступлении. При этом Курт предупредил, чтобы никто не вздумал выполнить приказ германских властей и явиться на площадь. Об этом мы поговорим позже.

В случае с бабушкиным немецким сложно судить, кто именно повел себя порядочно: Курт или местные жители. На войне порой в некоторых фашистах человеческого оказывалось больше, чем в мирных жителях. Вот история жительницы поселка Аварийный Ольги Альмашовой: *«Когда жители узнали о том, что немцы приближаются ... из поселка ушли все те, кому грозила неминуемая гибель ... Среди них был мой муж и еще трое мужчин: Коротких, Елисеев и Лесняков. Все четверо — горняки. Они пошли в сторону Упертовки, но не успели выехать и остались в одном из лесов. Фашисты обшарили все окрестности, но нашим мужчинам повезло, и, переждав несколько дней, они решили вернуться домой. Но лишь только они вошли в поселок, как их сразу же выдала одна из местных жительниц. Причем ее поведение было совершенно непонятным, в армии находились два ее сына и муж. Мужа и его товарищей долго держали в полицейском участке, а потом решили расстрелять. Но один из полицейских вывел их из участка через крышу туалета».*

Прятались от незваных гостей не только люди. Ольга Ломакина (Савельева): *«Спустя несколько дней после того, как немец порезал наших кур, захожу я в сарай и слышу, как кто-то квохчет. Поднялась я повыше и вижу: прячется наша пеструшка на балке под самой крышей. Там у нее уже и гнездо из сена, и даже яички лежат. И ведь будто чувствовала что-то: до конца оккупации из своего убежища не спускалась. Повезло и с нашей коровой. За карие глаза прозвали ее Азой. Хорошее у нее молоко было, мы его перед войной в санаторий «Красный шахтер» сдавали. Немцы ее забрали, а через несколько дней она от них как-то сбежала и домой вернулась. Мы спрятали ее в погребе».*

ОККУПАЦИЯ ОТ ЛУКАВОГО

— *Дед, ты был в оккупации?*

— *Нет.*

— *Тогда откуда ты так хорошо знаешь, что происходило в тот момент в городе?*

— *Я приехал в Богородицк сразу после ухода немцев.*

— *Дед, я тоже следователь. Ты же рассказываешь детали того, что происходило не после, а во время оккупации, причем говоришь, как человек, видевший все своими глазами.*

— *Я приехал в Богородицк сразу после снятия оккупации.*

Старый следователь лукавил. В оккупации он был. Но лукавил дед мастерски. Ни

в одном из официальных документов, включая личное дело полковника юстиции Саморукова В. В., нет упоминаний о его пребывании в Богородицке в период оккупации города. По документам после ранения в руку и голову под г. Веневом с 16 сентября по 17 ноября 1941 года он лечился в подмосковном госпитале, а с 17 ноября 1941 года по 18 марта 1942 года еще несовершеннолетний Владимир Саморуков находился... *«в отпуске по ранению, полученному под Веневом»*. И ни слова о том, где именно парень провел этот отпуск.

Единственный документ, подтверждающий пребывание деда в оккупированном городе, нашелся в архиве города Таганрога, куда дед отправился на учебу в августе 1945 года. Слушатель Юридической школы Саморуков писал в своей автобиографии:

«В середине октября наш госпиталь, находившийся в г. Подольске, в связи с приближением фашистов к г. Москве был эвакуирован. Меня в числе других «ходячих» раненых распустили по домам. В начале ноября 1941 года прибыл домой в г. Богородицк. На пути следования домой заболел. Спустя неделю после моего прибытия местность была оккупирована. Пытался уйти вместе с частями Красной Армии, но из-за тяжелого состояния здоровья это мне не удалось. 20 дней пробыл на оккупированной территории в г. Богородицке. За это время нигде не работал и вообще не выходил на улицу. Находился на оккупированной территории по 17 декабря 1941 года».

Лишь однажды дед разоткровенничался с моим отцом, прояснив обстоятельства своего отпуска осенью 1941 года. Обратил внимание на то, что период оккупации (15 ноября — 15 декабря 1941 года) с лихвой поглощается временем лечения в госпитале и отпуска по ранению (16 сентября 1941 года — 18 марта 1942 года), деду подсказал преподаватель Юридической школы Таганрога. Дед частенько вспоминал добрым словом *«умного еврея»*. Угадать, кто именно из преподавателей помог деду, невозможно. Русскими фамилиями могли похвастать немногие педагоги Юридической школы.

В советское время нахождение на оккупированной территории, мягко говоря, не приветствовалось. Это было пятно на биографии. Человека автоматически начинали подозревать во всех смертных грехах и на всякий случай могли отправить в лагерь или серьезно ограничить в выборе профессии и места жительства. Правда, и здесь бывали варианты. Если в оккупации вы не запятнали себя связями с фашистами, а после войны собирались стать швей-надомницей или забойщиком в шахте, то проблем обычно не было. Если же хотелось занять более престижную должность, причем не в затерянном на просторах СССР славном городке, а в столице, то оккупация могла стать непреодолимым препятствием.

Вернемся в первый день оккупации на общее собрание жителей поселка имени Кагановича. Мы покинули его как раз в тот момент, когда фашисты схватили из толпы работников советских учреждений Ивана Костенко, Николая Романова и других. Рассказывает очевидец Иван Козарь: *«...в легкой одежде, без продуктов питания этапом были конвоированы в г. Плавск, в лагерь (в церкви города), где они пробыли три недели. Единственным продуктом питания были отходы с кухни, все то, что выливалось и выбрасывалось на помойку... Церковь никто не отапливал, согревались телами друг друга и небольшими кострами, ломали для этого деревянный пол. Под полом оказался ход, ведущий в подвал на улицу. Так большинство, в том числе активисты нашего поселка, бежали из адского плена... и... к середине декабря вернулись тайно домой. Дорого им обошлось пребывание во временном заточении в лагере фашистов. Их приравнивали чуть ли не к пособникам оккупантов»*.

Куда большая опасность поджидала на оккупированной территории бойцов Красной Армии. Вспоминает жительница деревни Упертовка Елизавета Трубленко-

ва: *«Как-то откуда-то забрели в деревню два парня в гражданском. Жители предупредили, что здесь немцы, а ребята, видимо, решили, что они обречены, и ничего не предприняли для своего спасения. Фашисты тут же схватили их, убедились, что на нижнем белье, как у всех солдат, стоит клеймо, и расстреляли».*

Видимо, по этой причине через некоторое время (предположительно 5 декабря) дед с неким своим другом ушел в глухой лес, где они прятались в избе старика-лесника. Рассказывая об этом моему отцу, дед вспоминал, что питались они грибами, ягодами и прочими дарами леса из запасов лесника. Отыскать на занятой врагом территории место без немцев было непросто, но возможно. Известно, что некоторые деревни, затерянные в лесах и снегах Ефремовского и Плавского районов Тульской области, немцы просто не нашли.

Возможно, именно этим уходом объясняется то, что в документах деда значится его присутствие на оккупированной территории до 17 декабря, хотя оккупация Богородицка была снята 15 декабря. Есть, правда, и другая версия. Просто советские учреждения начали работать не в день снятия оккупации, а чуть позже. Этим днем деду в документах и отметили выход из оккупации.

Обратите внимание, как подчеркивает дед то, что в период оккупации он *«нигде не работал и вообще не выходил на улицу»*. Для людей, вышедших при немцах на работу, последствия нахождения в оккупации были особенно неблагоприятны. Так оккупанты силой заставили помогать своим хирургам известного городского терапевта Марию Сергеевну Обухову. О том, что она врач, не промолчали соседи. Бедная женщина из-под палки кое-как два дня отработала медсестрой, после чего сбежала. После освобождения эти два дня в немецком госпитале обернулись десятью годами высылки в Казахстан.

Директор богородицкого хлебозавода, член партии с 1916 года, Григорий Дандыкин перед приходом фашистов каждый рабочий день начинал с вопроса властям, печь ли ему хлеб сегодня? Ему приказывали печь, чтобы обеспечить хлебом отходящие части Красной Армии. Дандыкин и обеспечивал. В конце концов, последняя испеченная партия стала первым хлебом оккупантов. После освобождения города Дандыкина арестовали, обвинив в том, что он встречал хлебом врага. Правда, через некоторое время старого большевика отпустили.

Фашисты пытались возобновить работу знаменитых тогда богородицких шахт, однако шахтеры на работу не спешили, а новые власти за месяц оккупации просто не успели довести дело до конца. Многие шахтеры эвакуировались из города или прятались.

Вспоминает Ольга Альмашова: *«Горняки вынуждены были до прихода нашей армии прятаться в шурфе шахты № 63... Ночью я вместе с женами других шахтеров тайком выходила из поселка, чтобы передать продовольствие и курево».*

Несколько раз приходилось слышать историю про то, как во время оккупации люди прятались от немцев в вырытом за двести лет до этого подземном ходе усадьбы Бобринских. Интересно, это только легенда?

Ходили слухи, что вместе с оккупантами в город вернулся и наследник имения граф Алексей Бобринский. Уже после войны живший в Ростове-на-Дону участник Сталинградской битвы Алексей Львович возмущался: *«Мне очень хочется ... приехать и пройти по улице Коммунаров с армейскими наградами на груди, а у меня их 8 штук. Пускай болтуны посмотрят!»* Интересное совпадение: в разбитом вражеском блиндаже под Сталинградом Бобринский нашел немецкую карту Богородицка 1941 года.

АХТУНГ! ПАРТИЗАНЕН!

— Дед, а партизаны в Богородицке были?

— Видимо, были. Во всяком случае, фашисты очень их боялись. Любая географическая карта, обнаруженная в доме, вызывала подозрение в связи хозяев с партизанами. Вечерами, если раздавался стук в дверь, немцы заставляли открывать хозяйку, а сами с оружием стояли сзади. Приходили все больше такие же «постояльцы», но в случае чего первая пуля досталась бы хозяйке.

— Но ведь Сталин в своих обращениях призывал организовывать партизанскую войну на захваченных территориях.

— Перед оккупацией местные власти решили организовать в деревне Суходол партизанское подполье. Работу эту поручили местным партийным активистам, выбрав патриотов с опытом организационной работы, готовых бить оккупантов. При этом мало кто в районе не знал заместителя председателя районного исполнительного комитета И. П. Тадонова или заведующего земельным отделом района И. В. Курочкина, несколько лет отработавшего народным судьей. По роду деятельности постоянно общались с народом и инструктор районного комитета партии В. И. Навольнев и председатель колхоза И. И. Недосекин.

— Их же большинство жителей района знали в лицо...

— Конечно! В первый же день оккупации их, скакавших по Епифанской дороге в сторону Суходола, остановили фашисты. Все четверо оказались вооружены наганами, а кто-то из местных узнал в них руководство района. Через день, 17 ноября, всех задержанных повесили. Тела казненных запретили снимать 40 дней. Они висели до прихода Красной Армии.

К этим четырём фамилиям неслучившихся организаторов партизанского движения Богородицка нужно добавить и фамилию комсомольского вожака Кормилицына. Именно ему отводилась ведущая роль в создании подпольной организации. По крайней мере, так он говорил. И говорил он довольно много, из-за чего разве ленивый не знал, что при немцах тайный штаб партизан будет квартировать в районе деревни Суходол.

Что случилось на пути к Суходолу в первый день оккупации, мы уже знаем. В середине декабря отступавшие фашисты стали забирать с собой мужчин именно из Суходола и окрестных деревень. Всего собрали 51 человека. Весть о том, что «мужиков угоняют», мгновенно облетела район. Женщины прятали своих мужчин в подвалах, на чердаках, даже закапывали в снег. Однако фашистов интересовали только жители Суходола, подозреваемые в связи с партизанами. Судьба угнанных мужчин неизвестна.

Варвара Введенская: «И несмотря на то, что фашисты расправлялись со всеми, кого подозревали в связи с партизанами, какой-то отряд все-таки действовал. Я не знаю, сколько было партизан и был ли это отряд или отдельные разрозненные группы, оказавшиеся в тылу врага наших солдат, но... на железной дороге кто-то вел подрывную деятельность».

Иван Козарь: «Если не ошибаюсь, за минувшие пять десятилетий никогда не упоминались имена 15 — 17 летних ребят, которые решили по-своему вести борьбу с оккупантами. При отходе нашей армии они подобрали два ящика взрывчатки со взрывателями, одну немецкую винтовку с патронами. За месяц оккупации молодые ребята-комсомольцы провели две операции. После прекращения подачи электроэнергии из Каширы была взорвана подстанция шахты № 54 с трансформатором, а на перегоне станций Товарково — Волово железнодорожный путь. Правда, при этой операции Ваня Симарев, Валентин Лигостаев, Володя Бузов и Миша Гимозудинов чуть не попали в лапы немцев».

Почему же эти факты забылись? Точнее, почему о подвиге подростков не вспоминали? Думается, что здесь та же причина, из-за которой в свое время Александру Фадееву пришлось переписывать свою «Молодую гвардию»: писатель не отразил в романе руководящую роль коммунистической партии в организации борьбы юных партизан Краснодона. В Советском Союзе партизанское движение не могло возникнуть стихийно, оно должно было стать результатом мудрой политики партии.

Советская пропаганда, как и современные пиарщики, любила красивые истории. А в Богородицке с мудрой политикой и организующей ролью, мягко говоря, не сложилось. Если бы юные претенденты на роль партизан героически погибли, то без живых свидетелей вполне можно было бы отредактировать подвиг богородицких партизан в правильном русле. Но ребята выжили.

По совести говоря, значительного партизанского движения в Богородицке и быть не могло. Десять тысяч жителей довоенного городка знали друг друга в лицо. Их количество значительно сократили мобилизация и эвакуация. Не позволял укрыться и сам рельеф местности без высоких гор, непроходимых лесов и непролазных болот.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ?

И все же партизаны в Богородицке были. Обыкновенные жители без всяких указаний сверху, как умели, защищали свой город. Они мало думали о том, что рискуют жизнью. Они выживали, защищая родных и близких, свой дом и улицу. Это сегодня никто не подойдет к лежащему на улице, а тогда помощь незнакомым в беде считалась нормой.

Рассказывает Варвара Введенская: *«Моя мама была медсестрой. Больница располагалась на улице Пушкинской, там, где сейчас здание «Скорой помощи». Когда в город вошли фашисты, в больнице находились 12 тяжело раненных советских бойцов, не успевших эвакуироваться. Гитлеровцы забили окна и двери досками и под угрозой смерти запретили жителям подходить к зданию. Но моя мама вместе с другой медицинской сестрой Натальей Ивановной Афонинной ежедневно в сумерках перед комендантским часом посещали раненых. Нам самим жилось очень трудно, и как маме удавалось выкраивать еще что-то для бойцов — уму непостижимо. Каждый день она заворачивала в детское одеяло кастрюлю с кашей или еще какой-то еды, чистые старые простыни для бинтов, некоторые медикаменты, перевязывала сверток лентой и несла, как будто в нем ребенок. А Наталья Ивановна исполняла роль бабушки ребенка. Пока одна отвлекала внимание фашистов, другая отодвигала доску и передавала «ребенка» раненым бойцам, а они возвращали так же завернутую пустую посуду».*

Наверняка были и другие истории, теперь забытые. Просто люди не относились к ним как к чему-то выдающемуся или героическому. Они просто жили и поступали по совести.

— Дед, на плитах богородицкого кургана Славы, где похоронены твои дяди Сережа и Петр Ломакины, указано, что они партизаны.

— Знаю.

— Почему? Чем они знамениты?

— Перед войной мы с мамой жили в доме ее братьев. Дом стоял за парком, на самой окраине города, поэтому здесь иногда находили временное пристанище бежавшие из города люди.

Вспоминает Людмила Северова: *«Где-то в середине октября, боясь уже приближающихся немцев, мы с мамой ушли из самого города и нашли пристанище за парком, в доме Ломакиных. Опасаясь бомбежки города, прятались в балке около старого хутора. Это днем, а вечером возвращались в дом».*

Судя по всему, партизанами Ломакины на плитах кургана Славы названы потому, что укрывали не только мирных жителей, но и наших бойцов. Как минимум точно известно, что некоторое время они прятали в подвале вернувшегося из госпиталя деда. Вероятно, вместе с ним прятался и тот парень, с которым они позднее ушли в лес. Иначе где бы в оккупированном городе познакомились два затаившихся красноармейца?

— Дед, и что дальше?

— Отступавшие немцы поджигали деревянные дома, каменные взрывали. Подожгли и дом моих дядей. Они выбежали и стали тушить соломенную крышу. Поджигатели их расстреляли, тела бросили в огонь. Дом и все имущество сгорели.

— А другие члены семьи?

— Женщины похватили детей и через окно убежали в поле, где по морозу прятались до темноты.

— А ты?

— А я вернулся в Богородицк сразу после ухода немцев.

Виталий Никольский, сотрудник ГРУ 10 армии, вспоминал об освобождении Богородицка: *«Мотоцикл, на котором поджигатели намеревались догнать свои заблаговременно удравшие войска, отказал, и немцы попали к нам в руки. Один из них пытался схватить автомат и был убит. Захваченной в плен поджигатель — белообрый эфрейтор лет 25 — не успел даже бросить факел из пакли, смоченный, очевидно, бензином... Мы еще не закончили допроса, как в село прибыл генерал Голиков с группой офицеров штаба и корреспондентом «Красной звезды» К. Симоновым».*

Константин Симонов напишет: *«Разве можно их назвать пленными, этих убийц и поджигателей, да и вообще, разве применимо к ним какое-нибудь человеческое слово? Пуля в лоб — единственное, что они заслуживают».* Естественно, второго поджигателя тут же «пустили в расход». Может, именно эти двое расстреляли дядей деда?

ГЕНЕРАЛ РУССКИЙ МОРОЗ

Поговорка о том, что дома и стены помогают, родилась не на пустом месте. По крайней мере, под Москвой в ноябре — декабре 1941 года русские морозы явно воевали на стороне Красной Армии, в чем их напрямую и обвинил позднее в своей книге «Воспоминания солдата» легендарный командующий второй танковой армией генерал Гейнц Гудериан: *«По окончательно разрушенной дороге Орел — Тула наши автомашины могли передвигаться с максимальной скоростью 20 км/час, да и то не всегда... войска плохо снабжаются, а с 20 октября они даже перестали получать хлеб... Морозы, наступившие в ночь с 3 на 4 ноября, хотя и облегчили передвижение, однако случаи обморожения наносили войскам большой урон... 7 ноября морозы впервые нанесли нам тяжелые потери. ...12 ноября температура упала до 13 градусов мороза, 13 ноября — до 22 градусов... Теперь же не май месяц, и мы не во Франции! ...мешала гололедица, ибо при отсутствии специальных шипов для гусениц танки не могли преодолевать обледенелые склоны. ...Значительная часть солдат была одета в брюки из хлопчатобумажной ткани, и это — при 22-градусном морозе! ...Наших солдат, одетых в русские шинели и меховые шапки, можно было узнать только по эмблемам... Из-за морозов потели стекла оптических приборов, а специальная мазь, противодействующая этому, до сих пор не была получена. Перед пуском танковых моторов их приходилось разогревать. Горючее частично замерзло, масло густело... каждый полк уже потерял... не менее 400 человек обмороженными, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанко-*

вые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка».

Так вот почему хваленые гитлеровские воины не брезговали никакой едой ирядились в отобранную у местных жителей разномастную теплую одежду, напоминая своим нелепым видом французов в 1812 году. Генерал Русский Мороз воевал уже тогда! Странно, что Гитлер не учел печальный опыт Наполеона. Красивый план молниеносной войны провалился, обнажив просчеты фашистских стратегов. Немецкая армия страдала не только без теплой одежды.

Немецкий хирург Ханс Киллиан в своей книге «В тени побед» вспоминает о плохом обеспечении гитлеровских медиков: *«Перед началом стремительного наступления наших войск вышел строгий приказ весь тяжелый груз оставить на границе, в том числе и рентгеноскопы. В конце концов, подразделения медицинской службы должны поспевать за боевыми частями, им нужно быть мобильными».*

Киллиан описывает солдат, повредивших себе слизистые пищевода и желудка замерзшим хлебом. 80 % раненных — это обмороженные. Пехотинцы обмораживают руки, в которых находилось оружие, танкисты, долго сидящие в своей машине, — промежность: *«Солдат, обморозивший себе уши, губы и язык. Объясните мне — как можно язык обморозить? Не знаю...»* Шок врача вызывает полное отсутствие антибиотиков, в связи с чем раны прижигают каленым железом.

— Дед, а как отмораживали ноги? Немцы же не босые ходили?

— Немцы ходили в узких облегающих сапогах. Набьется в такой сапог снег и поначалу от тепла ноги растает. А вскоре мороз превращает воду в лед, сковывая всю им ногу. Снять такой сапог обычным способом невозможно. Санитары в госпитале его аккуратно разрезают, после чего откалывают с ноги куски льда. Иногда ноги промерзали так сильно, что пальцы просто отламывались.

— Ужас какой-то.

— Или ломает солдат ногу. Ему накладывают гипс. Пока везут в госпиталь, нога отмерзает ровно по линии наложенного гипса.

И снова стон Гудериана: *«4 декабря... Температура упала до минус 35 градусов. 5 декабря... из-за 50-градусного мороза были лишены возможности передвигаться... Потери от обморожения были большие, чем от огня противника... Русские хорошо снаряжены и хорошо подготовлены к зиме, а у нас ничего нет».*

Подтверждения 50-градусных морозов мне найти не удалось, но морозы за 30, на которых замерзали летящие птицы, вспоминают многие ветераны.

Ответное слово «маршала Победы» Георгия Константиновича Жукова: *«Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие основной причиной поражения немецких войск под Москвой, наряду с ошибками Гитлера, считают суровый русский климат... И погода, и природа... в равной степени воздействует на обе противоборствующие стороны. Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах... Произошло это потому, что гитлеровское руководство собиралось налегке пройти по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело не в климате... Другие генералы, буржуазные историки винят во всем грязь и распутицу... Наполеон, загубивший свою армию, тоже ссылался на русский климат. Но я видел своими глазами, как в ту же самую распутицу и грязь тысячи и тысячи москвичей, главным образом женщин, не приспособленных, вообще-то говоря, к тяжелым саперным работам, копали противотанковые рвы, траншеи, устанавливали надолбы, сооружали заграждения, таскали мешки с песком».*

ПЕРВЫЙ, ОН ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ

Проявили себя не только москвичи. Для обороны Тулы спешно организовали Тульский рабочий полк. Ключевым в этом названии стало слово «рабочий». Полк собрали из оставшихся в городе освобожденных от призыва рабочих, студентов и старших школьников.

Хорошо еще, что в оружейной столице своими силами решалась проблема вооружения: ополченцы делали себе винтовки и прямо из цехов шли с ними в бой. Но мало иметь винтовку. Не хватало элементарных знаний и навыков ведения боя.

На полторы тысячи рабочих-бойцов приходилось 3 офицера и одна каска. Каждому третьему ополченцу не было 18 лет. Ветеран МВД Валентин Аккуратов рассказывал о своем первом бое: *«Вспомнил, как в довоенных фильмах показывали атаки, схватил винтовку и побежал на немцев с криком: «Ура!» Как выжил — не знаю».*

Многое делалось в спешке. В результате минное поле, приготовленное для фашистских танков на подступах к современной улице Волнянского, сработало только в мирном 1947 году, когда на него наткнулись строители. Осенью 1941, мины на боевой взвод почему-то так и не поставили. Если бы не это, может, и не назвали бы тульскую улицу именем лейтенанта Григория Волнянского, ценой жизни не пустившего танки в город. Зато, возможно, для двадцатилетнего командира противотанкового заслона, как и для многих бойцов рабочего полка, первый бой не стал бы последним.

Больше недели бойцы рабочего полка, неся огромные потери, из последних сил удерживали фашистов у подступов к Туле. Дожди последних дней октября резко сменились жестокими морозами. Окопы, наполовину залитые водой, в одночасье превратились в каток. Бои шли в районе современного автовокзала (тогда — окраина Тулы). Из-за разрушения линии электропередач Тула осталась без электричества.

Последней надеждой по городу разлетаются слова блаженной Дуняши, оказавшиеся пророческими: «Немцы в Тулу не войдут, я заперла ее на замок, а ключи потеряла». Ситуацию спасла подросевшая на помощь 50 армия. Правда, назвать армией подошедшие к Туле части, только что вышедшие из окружения, можно с огромной натяжкой: из 75 тысяч человек списочного состава в наличии оставалось чуть более 7,5 тысяч человек. Почти половина из них даже не имела винтовок.

Превосходящим силам фашистов оставалось пройти не более 5 километров, чтобы замкнуть кольцо вокруг города оружейников. Враг перерезал шоссейную и железную дороги, связывающие Тулу с Москвой. Гудериан уже обещал своим солдатам зимние квартиры в Туле. И вопреки всему начавшееся 5 декабря на всем Московском направлении наше контрнаступление вновь утвердило Тулу в статусе щита Москвы, никогда не сдававшегося врагу.

По словам генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Болдина, командовавшего защищавшей Тулу 50-й армией, дошло до того, что *«800 немецких солдат переоделись в гражданское платье и в нем пытались пройти через расположение наших войск».*

Дадим последнее слово Гудериану: *«Лишь тот, кто в эту зиму нашего несчастья лично видел бесконечные просторы русских снежных равнин, где ледяной ветер мгновенно заметал всякие следы, лишь тот, кто часами ехал по «ничейной» территории, встречая лишь незначительные охраняющие подразделения, солдаты которых не имели необходимого обмундирования и питания, в то время как свежие сибирские части противника были одеты в отличное зимнее обмундирование и получали хорошее питание, лишь тот мог правильно оценить последовавшие вскоре серьезные события».*

ЛЕГЕНДА О ДОБРОМ НЕМЦЕ

Георгий Жуков: *«Армия Гудериана... начала поспешно отходить в общем направлении на Узловую, Богородицк и далее на Сухиничи, бросая тяжелые орудия, автомашины, тягачи и танки... Была наконец ликвидирована угроза городу Туле».*

— *Немцы переливали дефицитный бензин из танков в грузовые машины, чтобы увезти как можно больше людей. Танки, само собой, бросали. Богородицк служил гитлеровцам одной из баз 2-й танковой армии Гудериана, поэтому оказался буквально забит целыми и изуродованными машинами, танками и броневиками. Грузовики, штабные машины, автобусы, мотоциклы и велосипеды стояли почти в каждом дворе.*

— *Дед, а в плен немцы попадали?*

— *Редко. Наши бойцы не очень-то брали пленных.*

— *Почему?*

— *Потому что отступавшие гитлеровцы оставляли после себя пепелища и виселицы.*

— *И что было?*

— *Были убитые, и не было пленных.*

Тем не менее, главной богородицкой легендой об отступлении фашистов стала история о некоем добром немце, предупредившем жителей о готовящейся на городской площади расправе. По одной версии явивших по приказу германских властей к 11 утра ждал расстрел, по другой — отправка в качестве рабов в Германию.

— *Дед, так что же замыслили немцы?*

— *Думаю, расстрел. Кругом лежал глубокий снег, фрицы сами с трудом выбирались из города, бросая автомобили и военную технику. Железнодорожные пути были перебиты.*

— *Да, вывозить людей в таких условиях невозможно.*

— *А у плотины стояло два пулемета. Площадь ведь тогда располагалась где теперь горсад, прямо у пруда. Так что к расстрелу фашисты приготовились.*

— *Дед, тебя же не было в городе. Откуда ты знаешь про пулемет?*

— *Знаю.*

Большинство горожан, переживших оккупацию, утверждает, что тот самый добрый немец стоял именно в их доме, и именно они разнесли эту весть по городу. Не стоит искать черную кошку в темной комнате. Главное, что план фашистов был сорван. Накануне вечером жители покинули город.

Моя бабушка подалась к родне. В Щекино. 60 километров пешком. Зима не поспешила и навалила снега по колено. Морозы стояли под 30 и более. В числе многочисленных вещей в котомке она несла любимый томик стихов Генриха Гейне на языке оригинала. Шла ночью, днем немецкие самолеты обстреливали.

Варвара Введенская: *«Когда слышался гул очередного самолета, мы разбежались в разные стороны по полю и ложились на снег в надежде, что хоть кто-то останется в живых. А когда налет прекращался, опять сходились к маме, но каждый раз на поле оставался кто-то из горожан. Стоны, крики, плач».*

Как часто бывает, нашлись воспоминания и более везучих беженцев, находившихся там же и тогда же. Людмила Северова: *«Четырнадцатого декабря мы с мамой, все наши соседи, захватив самое необходимое, оставив дома и квартиры, стали уходить из города. Мы дошли до Ломовки. Немцы в нас не стреляли, только смеялись и фотографировали».*

Жительница поселка Аварийный Ольга Альмашова: *«Перед наступлением наши летчики обстреляли поселок и попали в гараж, где находились баллоны с кислородом.*

Баллоны начали один за другим взрываться, а немцы, наверное, думали, что это стреляют русские, начали спешно уходить. Кто уезжал на машинах, кто на лошадях, побросав все свои орудия. Наши пришли вовремя... немцы решили повесить на следующий день 25 жителей. Не успели».

Елизавета Трубленкова: «Решила отсидеться в дзотах, что немцы построили. Сунулась туда, а там уже чуть ли не вся деревня схоронилась. Коров и коз неподалеку привязали. Да не пускают свои же деревенские к себе — Валька-то, моя меньшая, раскричалась. Она вообще горластая была. Только я не отступала: «Ишь ты, дочь моя выдаст своим криком, а коровы, что рядом привязаны, не выдадут?» Переругалась со всеми, но все-таки влезла в укрытие».

«ОЖИДАЮТСЯ МАССОВЫЕ РАЗРУШЕНИЯ И УБИЙСТВА»

— Дед, расскажи, как освобождали Богородицк?

— Наши начали артобстрел города еще с вечера.

— Дед, но ведь в городе оставались не только фашисты? Наши войска об этом знали?

— Возможно, знали.

— Как же можно ровнять с землей город с мирными жителями?

— По-твоему, Красная Армия должна была послать телеграмму: «Уважаемые мирные жители! В связи с внезапным штурмом убедительно просим покинуть город, так как ожидаются массовые разрушения и убийства?» На войне как на войне.

— ...

— Иначе победы не видать.

Позже пленные рассказывали, что гитлеровское командование приказало удерживать Богородицк во что бы то ни стало. Прижимистым немцам не хотелось отдавать размещенные в городе большие запасы горючего, боеприпасов, продуктов и другого имущества, ведь Богородицк стал базой снабжения 2 танковой армии Гудериана. К тому же гитлеровцы опасались, что, прорвав их оборону у Богородицка, 10-я армия Ф. И. Голикова выйдет в тыл силам Гудериана и встретится с защищавшей Тулу 50-й армией И. В. Болдина. В результате оборону рубежа Узловая — Богородицк — Товарково держали 6 дивизий Вермахта.

Слово генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову, командующему 10-й армией, освобождавшей Богородицк: *«На город наступала 324-я стрелковая дивизия, которую здесь возглавил... полковник Г. М. Немудров... Тем временем разыгрался буря. Снежные вихри затянули сплошной пеленой землю и небо. Опустилась ночь. Под прикрытием вьюги части дивизии вплотную подошли к городу. Глубокий снег затруднял развертывание артиллерии, но расчеты выкатывали орудия на руках и действовали смело. Они вели огонь прямой наводкой. Подразделения 1093-го полка, внезапно появляясь из метели, атаковали вражескую пехоту и смяли ее. Небольшими группами наши доблестные воины проникли в совхоз, расположенный в предместье города, и на северо-восточную окраину города».*

Интересно, что творилось в душе Ф. И. Голикова, оказавшегося в самой гуще войны, в возможность которой еще полгода назад он отказывался верить? Перед войной именно Филипп Иванович, возглавлявший Главное разведывательное управление Красной Армии, вторя установке Сталина, отрицал вопреки имевшимся фактам возможность нападения Германии на СССР. В 10-й армии об этом знали.

Вот что вспоминал сотрудник разведотдела 10 армии Виталий Никольский: *«Армией в ту пору командовал бывший начальник РУ Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, приложивший перед войной немало усилий к тому, чтобы*

сгладить остроту информации с мест о готовящемся немцами нападении на СССР... Разведотдел штаба армии был почти полностью укомплектован бывшими сотрудниками РУ, не имевшими, к несчастью, так же, как и начальник, опыта практической работы в войсках. Но это все были молодые, энергичные, смелые командиры, восполнявшие недостаток боевого опыта старанием, готовностью выполнять любые задания, не считаясь с их трудностью и опасностями».

Военная удача несколько раз ускользнет от Ф. И. Голикова, но это случится позднее, под Воронежем и Сталинградом. Бои под Тулой стали одними из самых успешных в карьере генерала, о чем он с удовольствием писал: «...в юго-восточную окраину [Богородицка] ворвался 1-й батальон 1091-го полка под командованием лейтенанта Н. А. Королькова. Бойцы батальона захватили 12 пленных, артиллерийскую батарею, несколько автомашин и оружие... Часам к пяти утра ружейно-пулеметный огонь стих, а отблески огня стреляющих орудий и звуки рвущихся артиллерийских снарядов отдалялись все дальше... Вскоре не стало слышно и их... Богородицк взят. С рассветом... нам представилась тяжелая картина: дома горели, на улицах лежали трупы расстрелянных жителей, по городу, разыскивая родных, металась женщины и дети. В центре Богородицка стояла виселица с трупами двенадцати замученных гитлеровцами местных жителей».

— Дед, как все было?

— Метель разыгралась такая, что нельзя было ничего различить на расстоянии нескольких метров. От грохота артиллерии можно было оглохнуть. Горело все. Огонь освещал улицы лучше электрических фонарей. Лопались оконные стекла, грохали падающие внутрь домов крыши, в ожидании конца ревели запертые домашние животные.

— Дед, ты там был?

— Был. Через несколько дней. Мне рассказывали. Вошедшие в город освободители поразили истрепавшихся жителей новым обмундированием: белые полушубки, шапки с подшлемниками, валенки.

— Валенки? Разве это военная форма?

— В них теплее всего. Забыл, какие морозы стояли? Нашим ребятам носы и щеки гусиным жиром мазали, чтоб не отмерзали.

— А почему полушубки белые?

— Для маскировки. Ведь кругом снег. По нему и передвигались больше на лыжах и санях. Машины моментально глохли или застревали в сугробах.

Вспоминает Ф. И. Голиков: «При своем отступлении противник вынужден был бросить в Богородицке более 170 грузовых и специальных машин, 53 мотоцикла, 57 легковых машин, 9 зенитно-пулеметных установок, 3 исправные противотанковые пушки, одно тяжелое орудие калибра 210 мм, десятки ящиков патронов и много военного имущества. Наши потери при освобождении Богородицка были незначительны».

Виталий Никольский, сотрудник разведотдела 10 армии: «Из подвалов и погребов... начали выползать местные жители. Все они наперебой рассказывали о страданиях, которые им пришлось пережить за короткое время оккупации... Богородицк был освобожден. Трудно описать волнение, охватившее нас при встрече с жителями города. Со слезами радости они обнимали и целовали солдат и командиров. Старики крестились и крестили проходящие подразделения. Город горел... Войска проходили через центральную площадь, на которой стояла большая виселица в виде буквы П, на которой, тихо раскачиваясь от порывистого зимнего ветра, висели трупы. Их было много. Подростки, женщины, старики... Войска проходили мимо виселицы, как бы отдавая воинские почести погибшим бойцам, и не могло быть более убедитель-

ной и действенной пропаганды против фашизма, чем вид этих босых обезображенных смертью людей... Войска двигались к Плавску».

Ночное, сопровождавшееся метелью, наступление Красной Армии стало для гитлеровцев большой неожиданностью. На железнодорожной станции Жданка остался брошенным целый железнодорожный состав с продовольствием и обмундированием. В поселке Товарково спешно отступавшие фашисты сожгли госпиталь вместе со своими тяжелоранеными. Весь следующий день немецкие самолеты бомбили оставленные в городе склады.

ЖИЗНЬ И ШКУРА

Оккупация обернулась для людей экзаменом, который каждый сдавал по-своему. Впрочем, как и любой другой экзамен. Одним досталось по полной программе. Другим повезло, и это испытание они пережили без особых потрясений. Кто-то рассчитывал на собственные силы, кто-то хитрил и изворачивался.

— Дед, это те самые полицаи и предатели?

— Да. Уважения они, конечно, не заслуживают, но вряд ли из сытого настоящего мы имеем право осуждать людей, пытавшихся спасти себя и своих близких.

— Мы не можем, а как к ним относились тогда?

— По-разному. Одни не любили, но и не осуждали. А другие говорили, что спасали они не свою жизнь, а свою шкуру. Разницу ощущаешь?

— Да уж.

— Это ты сегодня знаешь, что оккупация продлилась месяц, а в 1945-ом пришла Победа. А тогда Красная Армия спешно отступила, немец стоял у самой Москвы, вести с фронта все хуже и хуже, Богородицк стал частью еще непобедимой Великой Германии, подмявшей под себя почти всю Европу. Человек слаб. Не все верили в возвращение наших. Объективно говоря, оснований для такой веры в тот момент было мало. Каждый выживал, как умел.

— Получается, оккупация стала экзаменом на веру?

— Оккупация стала экзаменом на порядочность. И сдали его не все.

— Люди разные, ситуации у них тоже разные. Может, у кого-то просто не было выбора?

— Выбор есть всегда: оставаться человеком или нет. Даже среди фашистов находись люди. Моя двоюродная сестра Оля (Ольга Константиновна Ломакина, по мужу Савельева), тоже пережившая оккупацию города, вспоминала, как они с девочками вечером, уже после наступления комендантского часа, собрались у подружки. Стали петь песни. И в этот момент в комнату вошел немецкий офицер с автоматом. Все замолкли, ожидая худшего. Незванный гость сел и... запел «Интернационал», причем по-русски. Язык явно не был для него родным, но владел он им хорошо. Немцу стали подпевать. После первого куплета он остановил нас: «Тише, дойтчен солдатен услышат», — поднес палец к губам и вышел.

— И что?

— И все. Он свой экзамен сдал.

— Сложно все. Враги разные, наши разные...

— У разных людей и жизни разные. Совесть, правда, одна. Многих главный экзамен ждал впереди. Мало выжить в оккупации. Предстояло пережить полную разруху и хронический голод, обострившиеся из-за них болезни. Предстояло победить.

Алексей Гусаков
(г. Тула)

СЛОВО О ЛИТЕРАТУРЕ

Член Союза писателей России, автор нескольких книг поэзии, лауреат областной литературной премии имени Льва Толстого.

Нет ничего отвратительнее в русской литературной жизни всякого рода обществ, казалось бы, по разным обстоятельствам, объединивших совершенно различных обитателей этой самой литературной жизни. Но при внимательном рассмотрении у всех этих обществ обнаруживается абсолютно одинаковое свойство: все они держатся на единодушном неприятии русской составляющей, как ни странно, в русском же языке...

Такое единодушие само по себе было бы безвредно, если бы не внушало в этих сообществах, их постоянным или проходящим участникам, чувство беспокойной значительности и, что стыднее всего — чувство обязательной необходимости присутствия их в пределах самого русского языка....

Эти сообщества притягивают людей, совершенно далеких от поэзии, и которых на самом деле всегда подспудно волнует вопрос: насколько они ущербней и беспомощней других в плане стихосложения, и оттого постоянно и неумолчно бродя внутри своих групп, страстно надеются высмотреть в стихах собратьев то, чем можно оправдать свое творчество.

Поэтам, пишущим качественно и профессионально, такие общества противны хотя бы из-за того, что хорошему поэту нужна аудитория, а не косноязычные рассуждения о поэзии людей, никаким образом за нее не ответственных и существование которых в этой поэзии представляется возможным только им.

Мне довелось посетить некоторые областные и городские писательские союзы в центральной части России, и почти везде состояние дел не внушает надежд на какой-нибудь качественный скачок вопреки расхожему мнению о переходе количества в качество, ибо литература — штучный товар, и порядка десяти тысяч членом Союза писателей — это, я бы сказал, следствие коррупции бездарности, как и в других областях нашей государственности.

Вообще, коррупция и есть неотъемлемая составляющая бесталанных индивидов.

Поколение, воспитанное советской системой, что бы там ни говорили теперь, имело крепкую образовательную (лучшую в мире) базу, стойкую патриотическую направленность (без чего ни один поэт как поэт состояться не может), несмотря на все идеологические перекосы, сотворяемые, опять же, ординарными невыразительными функционерами.

Имена наиболее достойных — у грамотных людей на слуху, но кто приходит сейчас на место, пусть и не равнозначных, но, все-таки, действительно — писателей

и поэтов? Восемьдесятитлетние, как и семидесятитлетние, передают бразды шестидесятитлетним, среди которых не очень выделяется кто-то значительный, а среди пятидесятитлетних этот процент еще более клонится в сторону уменьшения, и говорить о сорокалетних и тридцатитлетних, совершенно не могущих сдвинуться с нуля, здесь не приходится.

Случилось посидеть в жюри на одном то ли конкурсе, то ли семинаре поэтов, номинально молодых, от 16 до 40 лет, и то, что вдохновенно озвучивалось участниками, вгоняло в совершеннейшее недоумение бессмысленностью восприятия этими участниками себя в поэзии, умеющими рифмовать (и то не всегда), но откровенно не могущими осознать, что поэзия смысла — и есть то, к чему надо стремиться.

Поэт — понятие абсолютно элитарное, и все, что он творит, изначально предназначено лучшей части общества, настоящей элите, а не той, которая нынче себя таковой провозгласила. Осознанно или неосознанно люди, пишущие стихи, все-таки выделяют себя изо всех прочих именно желанием присутствия себя в элите, и это желание заслоняет в них здравый смысл и критическое отношение к своему творчеству.

Раньше членство в Союзе писателей как раз подразумевало вхождение в элиту в той стране, где мы жили. Настоящая элита, растерзанная на длине века, осколочно поблескивала в советский период. Что мы имеем сейчас? Абсурдное количество поэтов и писателей, заменивших качество количеством.

Литературная критика находится в таком состоянии на сегодняшний день, что определить ее как обязательную и неотъемлемую составляющую современной творческой жизни, при всем многолюдстве на других направлениях, не представляется возможным и, мало того, предпосылкой, что положение вещей как-то уравнивается в будущем, не наблюдается.

Только при полном незнании предмета, обозначаемого как критика, можно всерьез воспринимать абсолютно субъективные, в большинстве своем ангажированные, и, что самое удручающее, беспелляционные в самой своей подаче, будь они хвалебные или уничтожающие, замечания о произведениях того или иного писателя (в данной статье — поэта).

Первый и самый правдоподобный постулат критики, взятый на вооружение, — опять же, не по своей воле, а в продолжение устоявшейся традиции, передаваемой, как заклинание, от одного поколения к другому, — состоит в том, что поэту, дескать, просто необходимо как можно больше читать других поэтов, дабы развиваться во всех направлениях. Скажем сразу, что подобное утверждение имеет право на существование, но не должно накладываться на доверчивого или неопытного автора сочинений обязательств по выполнению этого не только спорного, но и к тому же вредного совета, впрочем, так же, как и для более развитых литераторов.

Сочинения других авторов необходимо читать, но читать только после глубокого знакомства с мировой классикой, и чем раньше пора этого знакомства настанет, тем больше возможностей и вероятностей, что в соответствии с природным дарованием этот труд даст положительный результат в дальнейшем.

В блаженную пору открытия для ума и души лучших образцов мировой и отечественной литературы на всю последующую жизнь заливается тот фундамент, на котором поднимутся стены собственных творений, выложенные по разумению и просто умению каменщика.

Когда наряду с великими писателями читают Бродского или Рыжего, Лескова перемежают с Боборькиным, а Сергеева-Ценского с Пикулем, то это не приносит никакого зла здоровому изначально дарованию, умеющему быстро и бесповоротно отделить действительное от надуманного, чтобы больше никогда не возвращаться к этой точке

Воспитанный только на Маяковском, Хармсе и Хлебникове никогда не сможет встать в один ряд с тем, кому глубоко знаком Данте, Лонгфелло и Бунин, а все потому, что первых можно только копировать, тогда как в развитии начал творчества они сообщают экспериментальное направление, ищущее в игре слов оправдание бессмысленности творчества, а вторые ставят слова на службу смыслу, отчего те распространяются в стройные порядки, которым хочется соответствовать без подражательства, но с затаенной увлеченной надеждой дотянуться до гармонии, сложившейся из смысла, красоты речи и образов, и не щипать несчастного Пушкина за бакенбарды безумными верлибрами, хокку и тому подобными выкидышами болезненной души.

Критика отечественная осталась в золотом веке русской поэзии, а та часть, что попыталась пройти дальше, сгнила в растленном серебряном веке, когда местечковая поэзия, заявившая о своих претензиях на место в русской литературе, так преуспела в этом, что до сих пор великая русская поэзия не может отмыться, и это, главным образом, из-за того, что критика из инструмента, которым виртуозно пользовались еще Белинский и Писарев, стала одним из способов продвижения угодных и умерщвления неугодных.

Можно возразить, что для критики (в сегодняшней ипостаси), ищущей объекты для приложения, таковых уже много лет не находится, так как критика не имеет права развлекаться на ничего не стоящих произведениях, слишком распространившихся во всех направлениях, а должна выводить на свет сюжеты многослойные, неординарные, могущие содействовать пониманию окружающими своего места во времени и вне его, строго благожелательно рассматривая их со всех значимых позиций, и на побочную точку зрения найдется немало доброхотов.

Решусь согласиться, но с небольшой оговоркой: объекты потому не находятся, что их не ищут, хотя не факт, что они вообще есть, но поиском их навряд ли кому охота заниматься, ибо для этого нужен такой же талант, как и для написания стихотворений. Были невразумительные попытки реанимировать русскую поэзию, но без самостоятельной и талантливой критики мы получили всего несколько имен, в гениальности которых то самое подобие критики убеждает нас спорадически от юбилея к юбилею, вероятно, от вопиющей безысходности на поэтическом поле, назначившее их великими русскими поэтами, чему нет желания и понимания противиться всем остальным, принимая как правильное.

Слабо, но все же надеюсь на то, что написанное мною воспримут не как посягательство на священных для кого-то коров, а как спокойный и благоразумный просмотр состояния дел в современной поэзии, пропущенный через собственный опыт и понимание, независимо от любых других, и постараюсь в дальнейшем не грешить субъективностью в силу этих самых опыта и понимания.

Вопрос критики сцеплен с таким множеством других вопросов во всех областях жизни, что иному человеку пришлось бы задуматься: а стоит ли оно того потраченного времени и тех приложенных умственных сил? Осмысление положения дел в поэзии ничего само по себе не стоит без пристального непредвзятого взора на состояния дел страны, будь то политика или экономика.

В стране, снабженной огромными богатствами природы, государство, частично захваченное недоброкачественными людьми, ищущими лишь собственной выгоды от занимаемых должностей, принуждает великое большинство народа жить на пороге и за порогом бедности, — того народа, чувство справедливости в котором является главным движущим стимулом на протяжении всей его истории, и поэзия остается одним из последних решительных оплотов, за которые народ, в массе своей пока еще просвещенный, держится иногда совершенно бессознательно, но с отчаянным упор-

ством. Потому не должно вызывать удивления то огромное количество пишущих, обнаруживших в себе потребности и способности, часто преувеличенные, к литературной деятельности. Только на этом поле человек может выразить свое отношение к совершенно ущербным людям во власти, лишенным всякой морали, как и надежды на исправление. Общество, до конца не развращенное, пробует сохранить основы любви и самой сути жизни, изо дня в день методично разрушаемых прислугой антирусского лобби, аккумулирующего для этого разрушения все ресурсы, отхваченные у законных хозяев.

Такие умозаключения логично приводят к осознанию того, что русская поэзия нужна только тем, кто на самом деле не равнодушен к своей Родине и к ее будущему. Власти сегодняшних чиновников хорошая, высокая, великая поэзия не нужна, а скорее наоборот, она угрожает ей как вечный антипод тому животному, точнее, людоедскому началу, доминирующему в этой власти. Призывы к совести, чести и всяческому добродетелям могут и обязаны оставаться в отведенных для этого местах, да и то под негласным присмотром.

О какой критике можно говорить, если сломан стержень, скреплявший поэзию разных поколений в ее преемственности, если вросшие с советских времен во все возвышенности литературного ландшафта старшие товарищи упорно, насмерть отстаивают занятые позиции от талантливых и бесприютных авторов новых призывов. Обсевшие все сколь-нибудь значимые должности в литературе, сами давно уже творчески бесплодные, — причем, многие — изначально, — с маниакальной лихорадочностью дерутся между собой за медали и грамоты, гранты и звания, создавая союзы и академии, принимая в них не по весу талантов и дарований, а по весу кошельков и лояльностей, и, в довершение всему, озабоченные своим потомством, которому всеми правдами и неправдами заботливо завещают нагретые места. Нужна ли им критика — вопрос риторический, поскольку такая критика мгновенно обнажит всю несостоятельность их творчества, которое и дало им все те блага, пользуясь очевидным отсутствием внятного и обстоятельного разбора в каждом случае отдельно.

Частично в роли критиков выступают редакторы журналов и газет, во многих случаях единолично составляя порядки и критерии публикаций сообразно своему уровню или полному отсутствию такового, и такое положение вещей может устраивать только этих редакторов.

А теперь ответьте: нужна ли, к примеру, мне их критика, если все их достоинство заключается в том, что они раньше меня оказались на белом свете или в нужном месте, и, соответственно, расположились раньше на господствующих высотах?

Это самый больной вопрос критики — кто может ей служить? Кому должен верить свои стихи поэт, если у него нет уверенности в профессионализме условного критика, да и не стоит забывать, что, как мы все знаем, каждый пишущий все равно в душе считает свои стихи лучше других?

У всякого здравомыслящего автора всегда есть к чему стремиться, и есть такие же авторы, творчество которых он явно или подспудно уважает, а значит и мнение их должен ценить. Формат этого портала позволяет напрямую обращаться друг к другу, чем непременно можно пользоваться для написания критических, обязательно публичных, статей друг другу по обоюдному согласию.

Советую примириться с тем, что уровень собственного творчества, как и оценки чужого, у каждого разнится на порядки, и, вполне естественно, большее количество таких критических статей не будет представлять ценности, но зато мы абсолютно точно получим некоторое количество достойных разборов не на уровне препарации отдельных стихов, а на уровне серьезного проникновения в среду обитания того или иного поэта, что и явится, как мне верится, началом возрождения института настоя-

щей критики, без которой поэзия просто задохнется, и о смыслах которой необходимо говорить.

Можно понять людей, пишущих дерьмово и выносящих это на люди в том плане, что иначе они в своем дерьме захлебнутся, но нельзя понять людей, с удовольствием это непотребство разбирающих и оценивающих, хотя, конечно, за деньги многие готовы переступить через себя и поплескаться в любой указанной луже.

Передачи телевидения страшны не убожеством творчества участников, а, похоже, сознательным культивированием этого убожества, что является составляющей, весьма очевидно, культурной политики некоторых государственных институтов в целом.

Обрезание образования на русский язык и литературу, при этом с введением в программу изучения чуждых русскому языку писателей, настойчиво ведет нас в такие пустыни, где сегодняшние отпетые графоманы будут восприниматься журчанием родников.

Занимательно то, что многочисленные «поэты» как раз и составляют наконецник копыя, входящий в сердце народа. Разрушающее действие, особенно на неустоявшиеся умы людей нового поколения, происходит всякий раз, когда эти служители слова без малейшего стыда и сомнения, выплескивают на аудиторию потоки записанного вдохновения.

Я выступал перед молодой аудиторией и видел, как она ловит слова и как она им хочет верить, потому что молодой ум еще не может представить, чтобы какой-то солидный член лито или союза может быть обычным лжецом, с воодушевлением пропагандирующим свою несостоятельность.

Пропаганда в сегодняшнем дне имеет больше возможностей, чем десятки лет назад, и если при тех ограниченных ресурсах она сумела вдолбить в не совсем необразованные мозги мифы о гениальности пастернаков и бродских, то жутко и думать, что она забивает сейчас, и кого назовут великим с согласия публики.

Для примера можно привести раскрутку Прилепина, играющего отведенную роль в убийстве русской литературы. Не верю, что оскудела талантами земля русская, хотя утвердить меня желают в обратном авторитетные в своих кругах критики, с такой неунывающей настойчивостью восхваляющие совершенно серых, вторичных, а иногда и просто негодных писателей, что возникает подозрение в личном интересе этих самых критиков. Взять того же Владимира Бондаренко, до такого неприличия возносящего Захара Прилепина, что диву даешься. Тот у Бондаренко уже и новый Горький, и живой классик русской литературы и проч.

О постыдно неграмотном, неинтересном, неумном романе «Обитель» написал Владимир Григорьевич столько ласковых слов, что впору в отдельную брошюру связать, да и в серии ЖЗЛ Прилепина увековечить — материала накопал достаточно.

Признаться, меня мало заботят их личные отношения, но удел критика вытаскивать на свет белый действительные таланты, а не муссировать, благо речь и письмо развиты, сочинения людей, ищущих в литературе или через нее любых предпочтений, что всегда обратно пропорционально таланту.

Вообще, в современной литературной среде сложились разновеликие муравейники, обитатели которых время от времени лениво ходят друг на друга войной — там свои перебежчики, пленные и герои. Клановость пронизала не только власть и так называемый бизнес, но и литературу.

Конечно, клановость существовала и ранее, но сейчас, когда творчество, пусть и самое гениальное, не дает средств к сносному существованию, только принадлежность или приближенность к определенной группе деятелей от литературы, успешных прихватить газету, журнал или фонд, должность или имя почившего классика,

способна выставить перед публикой самого никчемного борзописца, и в некоторых случаях способна заставить поверить некоторую часть публики в то, что этот борзописец и есть наша литература.

Вы давно открывали «Наш современник» Куняева или «Литературную газету» Переверзина? Если у Куняева еще встречаются блестящие критические статьи, ну, хотя бы Воронцова, то «Литературная газета» — просто сплошной стыд, прозой на уровне средней школы как-то пытающаяся доказать, что она еще литературная, а стихи в обоих изданиях даже не заслуживают упоминания.

Мне искренне жаль Александра Проханова, который периодически предоставляет полосы своей газеты «Завтра» под выдержки из «Дня литературы» Бондаренко, который при каждом, даже неудобном случае, старательно пропагандирует свои, как видится, чересчур субъективные вкусы. Жаль мне Проханова потому, что делает он это, скорее всего, по старой дружбе, и отойти посмотреть издали на околосредствительную возню у него нет времени, да и желания.

«Преемственность патриотической линии в отечественной литературе. Александр Проханов и Захар Прилепин» — подпись под фотографией в № 29 газеты «Завтра». Помилуйте, какая преемственность?

Если Проханов великодержавник уже многие годы, гонимый и либералами, и демократами, писатель, у которого есть свой узнаваемый стиль, пусть не совсем мне импонирующий, но свой, то человек, не имеющий ни стиля, ни способностей стиль этот выработать, побывавший и тут, и там, решивший проехаться (вполне небескорыстно) по дорогой сердцу каждого либерала теме Гулага, где абсолютно ожидаемо смог разродиться только описаниями сцен своих половых фантазий, а во всем остальном жалок и неубедителен, можно сказать — никакой, думаю, не может претендовать не только на преемственность, но и на совместную фотографию с Прохановым.

Я честно прочитал «Обитель» до конца, хотя стоило мне это многих усилий и несвойственного терпения.

Возвращаясь к тому, с чего начал эту статью, хочу настоятельно уведомить критиков, и того же Бондаренко, что им пора бы заняться делом, а не профанацией ангажементов в литературе.

За последние 25 лет не появилось ни одного (!) достойного писателя, хотя бы уровня Распутина, ни одного поэта уровня Кузнецова.

Это говорит где-то и об угасании талантливой начала, и о невозможности русских, именно русских, талантов дойти до широкой аудитории. Казалось бы, интернет дает возможность всем, но он до того забит шлаком, что металл разглядеть совершенно невозможно.

Стихотворные сайты вносят свои пять копеек, с одной стороны давая возможность публиковаться всем без разбора (авось читатель разберется), а с другой стороны, устраивая издевательские дегенеративные конкурсы, рейтинги и прочие закоулки, внешнего посетителя старательно направляет в те подвалы, где плодятся только комары, но никак не поэзия.

Лукавство редакций телевизионных «поэтических» программ в том, что они, выпячивая дешевые поделки, знают им цену и позволяют ведущим, кои совсем не дураки, вдоволь издеваться над приглашенными, которые этого заслуживают уже тем, что приперлись со своими бредовыми конструкциями на эфир.

Но награждают пафосно, по-взрослому, что добавляет перчика в это блюдо. Я не так часто смотрю эти программы, можно сказать, совсем редко. Иногда захожу на «Народного поэта», иногда даже знаю, кто стал поэтом года или получил большую премию по литературе. И мне всегда почему-то стыдно за взрослых людей, номинантов или лауреатов, хотя им самим не стыдно.

Поэт — сгусток мыслей, чаяний, судеб народа. Читатель ищет в его стихах то, что хочет или о чем подозревает, но не может выразить это емко и красиво.

Заслуженные домохозяйки, страдающие гормональной ломкой, отставные военные, скучающие на ранней пенсии, юродствующие выкидыши эзотерики, да и вполне состоявшиеся люди на иных поприщах, чувствуют потребность заявить о своем существовании, в чем нет никакой беды, но никому это не интересно, кроме них и группы сочувствия.

Сколь угодно можно злорадствовать по поводу поэтов, но движение, неуклонное, поощряемое злонамеренными версификаторами, пробившимися во власть, заставляет с опасением смотреть в завтрашний день литературы, из которого вдохновенная бездарность, подкрашенная нецензурщиной, уже сейчас сжимает горло великой русской литературы.

НЕКОНЪЮНКТУРНЫЕ РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ КРЕСТЬЯНКИНА

Я держу в руках книгу своего коллеги, члена Союза писателей России, прозаика Сергея Крестьянкина «Главное — оставаться человеком».

Хорошее название, а что внутри?

Открываю и сразу натываюсь на рассказ «Дура». Настораживаюсь — каким-то негативом повеяло от такого названия. Но с другой стороны, взялся читать книгу, надо прочитать ее всю, чтобы составить о ней свое собственное мнение.

Героиня произведения Галина Прошкина едет в автобусе и думает, как распорядится зарплатой, которую задерживали несколько месяцев на заводе и неожиданно сегодня выдали. Дело происходит в 90-х годах, когда Советский Союз развалили и все предприятия останавливались и закрывались. А то, на котором трудилась Прошкина, еще как-то пыталось удержаться наплаву. Женщина мечтает, что отдаст долги и купит дочери что-нибудь вкусненькое. Живут они вдвоем — муж погиб в Афганистане.

И тут она замечает, что сумка ее открыта, а молодой человек выдергивает из нее свою руку и, быстро пробравшись к выходу, выходит из автобуса. Галина Николаевна выскакивает вслед за парнем, идет за ним и уговаривает отдать кошелек, так как — это все деньги, какие у нее есть и ей нечем будет кормить ребенка. Она рассказывает о своей жизни, о погибшем муже, о заводе... «Нет, без денег мне домой никак нельзя. Я приду, а Машка спросит: «Мама, а что мы сегодня будем есть?» Нет, она не спросит, какие конфеты или пирожные мы будем есть. Она спросит: «Мама, а мы сегодня будем кушать?» Глядя ребенку в глаза, я не найдусь, что ответить. Тогда лучше в петлю... Сил больше нет...».

Но парень продолжает спешно идти и заворачивает за угол дома.

Поняв бесплодность попыток, Прошкина опустила на траву и заревела от безысходности, размазывая слезы по щекам.

И вдруг вор вернулся. «Если правда, что вы мне рассказали про завод, дочку и погибшего мужа, я верну вам деньги, но только половину, ведь я не один «работал». Ждите». И, действительно, через некоторое время он пришел и отдал половину зарплаты, а в качестве компенсации и свои золотые часы ей оставил — «подарок отца, который тоже погиб в Афганистане...».

И совсем неожиданно в конце повествования героиня заявляет: «А знаешь что, ты заходи к нам с дочкой. Буду тебя подкармливать...» Ну не дура ли?! Нет. Просто такой человек, знающий не понаслышке, что такое нужда и голод и готова подкармливать вора, который отнесся к ней по-человечески.

После прочтения этого рассказа сразу почему-то пришло на ум другое произведение — «Идиот» Ф. М. Достоевского. Я никоим образом не ставлю в один ряд с Достоевским Крестьянкина, но вы знаете, от образов этих разных героев повеяло чем-то похожим. Может быть теплотой души, добротой, состраданием... И название, которое поначалу меня насторожило, теперь воспринимается мной совершенно в других красках и с иным смыслом.

Или взять рассказ «Леня». Спивающийся человек. Жена умерла, и он с детства воспитывает ребенка, если это можно назвать воспитанием. Много мест работы сменил, и отовсюду его увольняли за пьянство. Где-то подрабатывает и тратит деньги на выпивку. Ходит по магазинам, собирает картон и бумагу, сдает макулатуру и вновь «навеселе».

Так они и жили. Сын подрастал. Неожиданно Леня умер. Соседи зашли к маль-

чику помочь с похоронами. И что они увидели в квартире: естественно, «протертый диван, поломанные стулья, ободранные обои... Но что поразило людей — это шкаф и несколько полок битком набитых книгами. Здесь были и классики, и исторические книги, и приключения, и даже труды философов...» Леня понимал, что не сможет справиться с пагубной привычкой и ничем помочь сыну, поэтому «в минуты просветления» он решил оставить ребенку прекрасную библиотеку. И даже когда ему очень хотелось выпить, он мог вынести из квартиры и продать все что угодно, но книги не трогал.

В рассказе «Буханка» мы переносимся в послевоенное время, когда разгромили фашистов и стали восстанавливать свою страну. Много детей осталось без родителей. Один из них — Ваня, девятилетний мальчик. Он бродил по рынку и не смог сдержаться от голода — схватил буханку черного хлеба и стал убегать, пытаясь на ходу отламывать куски и жевать. Его догнали, стали бить. Кто-то начал защищать мальчика: «Что же вы, как фашисты! Взрослые мужики навалились. И кого бьете? Мальца!»...

Читая рассказы С. Крестьянкина, ловишь себя на мысли, что явственно видишь эти образы и ситуации, в которые попадают и люди, и животные.словно фильм смотришь.

Тем ценно его творчество, что неназойливо подводит читателей к осознанию того, что можно и нужно совершать хорошие поступки. Все рассказы, на первый взгляд, просты и легки для восприятия, но сколько там душевной теплоты и энергии автора, который переживает вместе с героями и за самих героев!

В книге есть целая глава «Эти забавные животные». Конечно, в ней все написано про животных. И на первый взгляд кажется, что здесь записаны лишь интересные наблюдения за кошками, собаками, воробьями... Но рассказы «Дружба», «На Рождество», «Теплое местечко» показывают нам войну глазами ребенка. Действие происходит в Латвии в сороковых годах. И во многом благодаря сообразительному поросенку Хрюне, девочка Инга, да и все домочадцы легче переносят суровые военные годы.

И это, на мой взгляд, весьма ценная сторона его творчества.

Произведение «Главное — оставаться человеком», которое стало одноименным названием этой книги, является авторским воспоминанием о своем двоюродном деду — архимандрите Иоанне Крестьянкине. О нем Сергей Крестьянкин рассказывает, прежде всего, не как о монахе, а как о человеке.

При расставании Иван Михайлович Крестьянкин напутствовал автора такими словами: «Не важно, к какой религии ты принадлежишь, ходишь ли в церковь или ты в силу целого ряда причин после развала царского строя и отделения церкви от государства, являешься атеистом. Главное — оставаться человеком в любых обстоятельствах, жить по совести и поступать по-людски».

Сергей Крестьянкин следует этому совету, и поэтому его произведения совершенно не конъюнктурны — это не легкий детективный жанр, фантастика или модное ныне направление — фэнтези, а обычные рассказы об обычных людях или животных, но пропитаны добротой и любовью.

Не зря же писательница, можно сказать, наш классик Наталья Деомидовна Парыгина, прочитав попавшиеся в свое время ей в руки произведения С. Крестьянкина, рассмотрела в нем интересного, самобытного, имеющего свой стиль, серьезного, а где-то и с долей юмора прозаика. Предложила и дала рекомендацию для вступления в Союз писателей России.

«Главное — оставаться человеком» — хорошая, нужная, своевременная и актуальная книга, к сожалению, с не очень большим тиражом.

Бесполезное дело — пересказ книги. Нужно брать ее в руки и погружаться в чтение самому. Иначе теряется колорит и богатство языка, тускнеют сочные краски.

Знаю, что по военным рассказам С. Крестьянкина был поставлен спектакль молодежным театром. Это ли не показатель интереса молодых к таким произведениям?

Я не пожалел о потраченном времени. Книга легка для восприятия и молодежи, и более старшего поколения. Это добротный образец художественного творчества.

Марк Дубинский, г. Тула

ДВЕ СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, КАК ДВЕ ЛИНИИ ЖИЗНИ

Писатель Яков Шафран, автор книг «Жизнь как один день», «В пути», «Льется жизни стих» и других, вновь решил порадовать своих читателей новой книгой. Это роман под названием «Круг замкнулся». В аннотации этого романа сказано: *«Действие романа охватывает период с 1913 по 2009 год. Любовь, семья, дети, работа, бытовые и социальные проблемы героев предстают перед читателем на фоне исторических и общественных коллизий разных лет. Духовно-нравственные поиски, выбор своего пути, переплетение личного и общего происходит у персонажей порой в условиях далеко не тепличных, а иногда и в борьбе за существование, что не мудрено, ибо они — дети России, страны с непростой судьбой. В произведении даются экскурсы и в древнюю историю, ибо известно — от качества анализа прошлого во многом зависит будущее».*

В общем, написано так, чтобы завлечь любителей остросюжетной и исторической прозы. К сожалению, в аннотации сказано только об одной сюжетной линии, а на повестку дня вышло две. Одна линия охватывает современный отрезок жизни, а другая исторический, дореволюционный период. И эти сюжетные линии идут рядом друг с другом, не соприкасаясь, вызывая тем самым неподдельный интерес у читателя. Долго не можешь понять, что же автор замыслил этими двумя различными сюжетными линиями? И когда уже заходишь в полный тупик, когда начинаешь верить, что под одной обложкой и одним названием сокрыты два разных, не имеющих ничего общего друг с другом, литературных произведения, автор умело и неспешно начинает раскрывать карты, словно дает читателю глоток холодной воды в знойный летний день. Благодаря этому читатель вдруг узнает о том, что главный герой романа, точнее современной его составляющей, Андрей Васильевич Курилов не кто иной, как потомок одной из главных героинь исторической части романа: *«Прабабушка же Курилова Дерябина Аграфена Петровна была крестьянкой и родилась в селе Юзинка Патрусевской губернии в 1889 году. (...) Домочадцы вспоминают — бабушка была трудолюбивой, честной, любила детей, была немногословной»*, — пишет автор.

Андрей Курилов жил со своей семьей в родном городе Патрусевске и руководил частной фирмой под названием — «Неотложка». Это частная служба скорой медицинской помощи. Открыв в городе новое дело, Курилов столкнулся с чиновничьим беспределом, особенно новому делу мешали представители санитарно-эпидемиологической и противопожарной служб.

«Приходят и говорят: «Вам тут нужно покрасить, тут побелить, щит не на том месте висит». А сами все высматривают и высматривают, а в глазах — деньги, деньги, деньги. Давай им и давай, ненасытным», — в сердцах рассказывал Андрей о своих проблемах жене Юлии. И когда уже начинаешь усиленно переживать за главного героя романа, Яков Шафран, словно сберегая нервы своих читателей, умело и ненавязчиво уводит читателей из современных взбеленных бюрократическо-чиновничьих кабинетов в спокойное прошлое, в 19-й век, на подмосковную дачу доцента Московского университета и кадета по своей партийной принадлежности Михаила Григорьевича Заянчицкого. И чем больше вчитываешься в помещичью жизнь, тем больше и больше вновь начинает казаться, что перед тобой уже совершенно другое литературное произведение, которое никаким боком не касается ни к частной фирме «Неотложка», ни к жителям города Патрусевска, ни тем более к патрусевским

бюрократам. Так кажется до того места в романе, в котором автор рассказывает читателю, как на дачу к Заянчицкому приезжает Санкт-Петербургский профессор и писатель Николай Иннокентьевич Земсков. В разговоре профессор и писатель рассказывает своему другу помещику, что едет из столицы в свое имение в село Юзинку Патрусевской губернии. Ну, наконец-то! Вот она — разгадка! Село Юзинка! Так это же родовое село бабушки нашего главного героя Андрея Курилова. И вновь — интрига! С новым еще большим интересом начинаешь искать хитросплетения, спрятанные от читателей на некоторое время Яковом Шафраном в литературных тайниках.

А дальше Яков Наумович сам начинает раскрывать читателю свои тайники. Тайники сильных духом и верой настоящих русских интеллигентов, русских помещиков, прекрасно описывая в своем романе чистоту их помыслов и духа, гармонию и покой русских помещичьих усадеб.

Влюбляя читателей в своих литературных героев, Яков Шафран словно расшифровывает перед ними код подлинного народного единения, и код этот не что иное, как скрепа между прошлым и настоящим. И как противостояние старинному и благообразному веку, вновь в душу читателя врывается современный век, город Патрусевск, с его сумасшедшим ритмом и беспредельными нравами. На Андрея Курилова наваливается новая беда. Только он с трудом решил вопросы с бюрократическими проволочками, как на него служба по контролю за оборотом наркотических средств возбуждает уголовное дело за хранение с целью сбыта этих самых средств. И мы видим, как переживает Курилов из-за случившегося, как он усиленно ищет выход из сложившихся обстоятельств, но, в конце концов, в бессилии опускает руки. Но в большей степени не этот случай выбил Курилова из привычной колеи, а предательство его товарищей, коллег по работе в неотложке, которые на стадии предварительного расследования, фактически обвинили его в злоупотреблениях. Казалось, все ополчилось против Курилова, даже его адвокат, перестав защищать Курилова должным образом, за что Андрей Васильевич расторгнул с ним договор, решив самому защищать себя на суде. Он был уверен, что сможет доказать суду свою невиновность, свою честность.

А честность и порядочность в роду Куриловых существовала издавна, еще со времен его прабабки Аграфены Дерябиной, которая вышла замуж за своего односельчанина Курилова Григория Степановича. Не найдя для себя хорошей работы, супруги Куриловы уехали из своего села в город Патрусевск, где устроились работать на оружейный завод.

Шли годы. Гриша и Груша Куриловы родили и воспитали детей, пережили Первую Мировую войну, революцию, отстаивали новую власть в войне гражданской. В тридцатых годах, будучи в Москве Григорий Курилов, посещая Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, неожиданно для себя встретил своего земляка, Юзинского помещика Николая Иннокентьевича Земскова. Долго и о многом поговорили тогда они, сидя в небольшом кафе. Из разговора Григорий Степанович Курилов узнал, что Николай Иванович Земсков после революции эмигрировал за границу, но в начале тридцатых вернулся в СССР. Сейчас живет в Ленинграде, стал профессором и писателем. А перед расставанием обменялись они адресами и телефонами, договорились еще раз непременно встретиться. Несмотря на все жизненные, общественные и политические переустройства, они никогда не были врагами, всегда уважительно относились друг к другу. Они — бывший барин и помещик и его бывший крестьянин — жители села Юзинки Патрусевской губернии.

Яков Шафран в своем романе специально не стал предлагать читателю конфликт между барином и его крестьянином. Это такой авторский психологический прием по внедрению в читательское сознание, что в жизни нет никакой необходимости делиться по классам и озлобляться друг на друга. Что пора нам забыть о «белых» и «красных», а стать обычными, одинаковыми гражданами своей страны и работать на ее

укрепление. На протяжении романа читатель имеет возможность наблюдать за становлением этих двух героев, наблюдать, как вместе со своей страной менялись и они, превращаясь из барина и крестьянина в обычных граждан страны Советов, и не столь важно, что один из них принадлежал к интеллигенции, а другой к рабочему классу.

А тем временем в первой, современной, сюжетной линии романа страсти накаляются до предела. На повестке дня суд над Андреем Куриловым. Суду автор в своем романе отводит большую и серьезную роль. Сам процесс он описывает в двух главах, описывает многогранно и безукоризненно с юридической точки зрения, однако, предавая ему некую форму древнебиблейского Синедриона, где в отношении Курилова, как в свое время и в отношении Иисуса Христа, при вынесении приговора, важную роль сыграл не закон, а сложившиеся жизненные обстоятельства. В то время, когда судьи ушли в совещательную комнату для принятия решения, один из городских чиновников по фамилии Михайлов, после того, как жена Курилова Юлия заключила с ним коммерческую сделку в его пользу, которую тот давно добивался, снял телефонную трубку и сказал в нее кому-то: «Все нормально». Это и повлияло на судебное решение. Вместо запрашиваемых обвинением девяти лет лишения свободы, Андрей Курилов был оштрафован на 600 тысяч рублей. Взяв в банке кредит, Андрей Васильевич выплатил штраф и вновь приступил к исполнению своих обязанностей.

После сюжета с судом, начинает казаться, что действие романа идет к своему логическому завершению. Но не тут-то было! Не тот писатель Яков Шафран, чтобы отпустить своих читателей, не предложив им новую интригующую тайну. Одну из глав своего романа он так и назвал «Тайная тетрадь. Последний сон».

«Кроме преподавания, научной работы и писательства, было у Земскова и тайное занятие — толстая тетрадь в темно-синей коленкоровой обложке. Когда все дела по подготовке к очередной лекции и семинарским занятиям сделаны, когда написана очередная страница статьи и глава повествования, обычно где-то ближе к полуночи, он доставал из сейфа заветную тетрадку и раскрывал ее на очередной исписанной мелким почерком странице. Иногда, как и сегодня, он просматривал написанное ранее, делал исправления и пометки. Содержание всех бесед с коллегами, друзьями и знакомыми до революции и в эмиграции о России, все собственные мысли и тогда, и сейчас, о ее корнях и причинах истории, судьбе и будущем были здесь. (...) Он имел полнейшее право дать ход своим мыслям о будущем России, как он его понимал, и о том, что сейчас, по его мнению, необходимо делать. Ясно было, что доверять эти мысли, как и всю тетрадь, нельзя никому... Потому писал Николай Иннокентьевич и «хоронил» тетрадочку в сейф, подальше от разных глаз, до поры до времени».

Для кого или для чего записывал Земсков в тетрадь свои мысли, он и сам точно не знал. Но он был уверен, что наступят времена, когда эта его тетрадь будет востребована, когда его изложенные на бумаге мысли будут изучать историки и краеведы. Поэтому из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день он, словно статист, фиксировал происходившее вокруг на его взгляд нужное, главное и вечное.

«Дописал сегодня Николай Иннокентьевич последнее слово в своей тетради, поставил точку и откинулся на спинку стула. Почему-то вспомнил о Григории, сильно потянуло к нему. Закрыв он глаза, мирно и благостно стало на душе. И видит Земсков: на белях крыльях какие-то существа несут его к солнцу, и чем ближе они подлетают, становится ясно, что не солнце то вовсе, а в центре света стоит Сам Господь и улыбается ему. «Господи! Помилуй мя грешного!» — прошептал он и вздохнул. Почему-то исчезли все звуки — не капала больше вода из крана на кухне, не постукивала ветка клена в стекло окна под сильным ветром, разыгравшимся сегоднешней ночью, исчезли и все ощущения: стула, пола, рук, ног, халата на теле; исчезла резь в уставших от занятий глазах. Исчезло все, кроме света. И он понял, что этот свет вечен».

На дворе стоял октябрь месяц 1945 года.

Скончавшегося в своем рабочем кабинете Николая Иннокентьевича обнаружила жена. Она тут же позвонила сыну Дмитрию — полковнику, служившему в штабе Ленинградского военного округа, и тот, отложив в сторону все дела, срочно выехал на дачу, где жили родители. Когда Дмитрий вошел в кабинет отца, тот так и сидел, откинувшись на спинку стула. На столе лежала синяя тетрадь, заполненная почерком отца, и Дмитрий, закрыв ее, быстро спрятал за китель. Прочтя тетрадь, Дмитрий сразу понял, что написанное отцом обнародовать нельзя — уж больно смелое вольнодумство было сокрыто под синей обложкой тетради, а потому он, как опытный штабист, спрятал тетрадь до поры до времени.

Это время, время обнародования записей Николая Иннокентьевича, наступило в конце 90-х годов, во времена государственного переустройства. Обнародовать записи честь выпала его правнуку Кеше, теперь уже Иннокентию Николаевичу Земскову. Много усилий применил Иннокентий для публикации прадедовых записей, но в какое-либо издательство он не обращался, везде получал отказ. Отчаявшись, он решил издать книгу с записями из синей тетради за свой счет, и с этой целью начал искать спонсоров. Купив информационную газету, Иннокентий начал обзванивать руководителей различных учреждений и просить их о помощи. Но к своему великому сожалению везде получал отказ, пока не увидел в газете знакомую фамилию генерального директора одной из фирм. Фамилия его была — Курилов. *«Ба! Курилов ведь фамилия Григория, того самого крестьянина, а затем рабочего села Юзинка, где родина прадеда, с которым тот встречался перед войной в сороковом году и имел с ним продолжительную беседу, о чем написано в синей тетради», — подумал Иннокентий Николаевич. — А вдруг этот директор — потомок того Курилова?»*

Чувства не подвели Иннокентия Николаевича Земскова. Генеральный директор Андрей Васильевич Курилов был правнуком Григория Степановича Курилова, того самого, о котором писал в синей тетради его прадед.

«Встреча Курилова и Земскова подобно той, когда два дальних родственника, никогда ранее не видевишиеся, вдруг пересеклись на жизненных путях-дорогах, вызвала обоюдный всплеск эмоций. И каждый, как водится при этом, старался рассказать не о себе, что обычно происходит при встрече старых друзей и близких, а при общих знакомых. Так Андрей Васильевич вспомнил о своем прадеде Григории и о помещике Земскове, к которому прадед всю жизнь относился с глубоким уважением за его доброту к крестьянам и к нему самому...»

Была ли случайной встреча правнуков Николая Иннокентьевича Земскова и Григория Степановича Курилова? Судя по сюжету романа то да. Их встреча — это случайное стечение обстоятельств. А если отбросить материальное и взглянуть на вещи взглядом духовным, то встреча Иннокентия Николаевича Земскова и Андрея Васильевича Курилова — это, конечно же, судьба, знак, провидение. Да и сам роман своим названием «Круг замкнулся» подтверждает загадочность своей темы, таинственность сюжетных линий и неожиданность жизненных перипетий своих героев.

Начав повествование романа со встречи представителей рода Земсковых с представителями рода Куриловых в 19-м веке, автор заканчивает его встречей представителей их родов в веке 21-м, тем самым соединяя две линии жизни — Куриловых и Земсковых в один круг. Круг как фигуру не только геометрическую, но и загадочную, не имеющую ни начала, ни конца, — фигуру, означающую бесконечность и вечность. Бесконечность дружбы, любви и счастья и вечность человеческого бытия. Об этом и пишет в своем романе писатель Яков Шафран.

Геннадий Маркин,
член Союза писателей России

ПОИСКИ ИСТИНЫ

(О новой книге Сергея Лебедева
«Своя дорога»)

Так совпало, что почти одновременно в конце 2015 года вышли в свет две книги, казалось бы, не совсем связанные друг с другом. В городе Красноярске был издан библиографический и биографический справочник «Литераторы Енисея: от истока до устья», одна из глав которого посвящена постоянному автору журнала «Приокские зори» Сергею Лебедеву. Почему в Красноярске? Да потому что география публикаций произведений поэта обширна — это и Нижний Новгород, и Самара, и Тольятти, и Красноярск, и Санкт-Петербург, и Тула. Вот поэтому и оказалось имя Сергея Лебедева среди литераторов Красноярского края и Хакасии, как автора, заявившего о себе во всероссийских и региональных изданиях, в том числе и в журнале «Новый енисейский литератор».

Вслед за справочником увидел свет новый сборник произведений Сергея Александровича уже как постоянного автора и члена редколлегии журнала «Приокские зори». В сборнике с названием «Своя дорога», изданном в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», автором представлены стихи и проза. Мысли, которые Сергей Лебедев выращивает в стихах, не становятся внезапными открытиями для читателя. Это мысли о жизни, назначении человека, о любви, приходящие в минуты размышлений. Но то, о чем говорит поэт в своих стихах — не случайно, написаны они не на потребу. Это размышления ищущего человека, хотя и выбрана, и пройдена часть пути. А путь этот не гладкий, среди розовых долин, наполненных лепестками роз, а ухабистый и трудный. Этот путь — литература и, понимая истину, поэт открывает свой сборник таким эпитафием:

*Ошибок было больше, чем открытий,
Но я прошел дорогою своей.
Конечно, не известный, а забытый,
Я уведу на водопой коней.*

*Пусть только миг, но испытаю счастье,
Когда в ночи я не вернусь назад.
Ну, а сейчас, без ложного причастья:
Всему, что видел, я, конечно, рад.*

(Размышления, с. 18)

Восемь строк, но в них поведано столько, чего иной писатель не сможет описать в своем романе. Открывая внутренний мир, поэт доверяет нам свои мысли, которые открывают его взгляд на жизнь, на события, на отношения между людьми. Чтобы суметь выразить это в стихах, не обязательно иметь литературное образование, глав-

ное иметь внутренний интеллект, позволяющий увидеть некую тайну поэзии. Читаешь стихотворение «Я слышу», и понимаешь, что автор способен к открытию тайны шепота листвы деревьев ранним утром или тишины речного берега в минуты вечернего заката.

*Не поверишь словам моим, дело твое,
Только врать никакого резона,
Знаю я, что порою кричит воронье,
И слова колокольного звона.
Слышу шепот листвы у тенистых аллей,
И журчанье ключа под березой,
Как колосья широких, дебелих полей,
Озабочены ветра угрозой.*

(Я слышу, с. 26)

Отражение своего кредо и философии поэт провозгласил в стихотворении «Нет, не продам я душу суете». Прочитав его, понимаешь, что это короткое стихотворение написано «не в один присест», насколько чувствуется в нем откровение и боль поэта за Родину.

*Нет, не продам я душу суете,
Не оскверню неуваженьем
К России, к матери, к мечте,
К лесам и далям с птичьим пеньем.*

*Пытаются мне в душу наплевать,
Глумясь над Родиной, открыто.
Не верить в прошлое, в отца и мать,
В глаза берез, дождем умытых.*

(Нет, не продам я душу суете..., с. 29)

Не лишена поэзия Сергея Лебедева и сострадания ко всему живому в жизни, трогательны строки о случайно увиденном в стихотворении «Вера в любовь»:

*Несмышленный, глаза в ресницах,
Тянет к мякишу теплый рот,
Он хозяина не боится,
И губами кусок берет.*

*А хозяин ласкает шею,
С белой звездочкой гладит лоб,
Но ударить, пока не смея,
Ощущает внутри озноб.*

*А теленок довольно чмокнул,
Голубые глаза поднял —
Обух в лоб! И хозяин охнул...
На колени телок упал.*

(Вера в любовь, с. 37)

Раскрывается душа поэта во многих стихотворениях, объединенных в цикл «Припадаю к Руси». Это «Мы из одной деревни», «Основы мироздания...», «Письмо родителям», «О русской душе», и «Родине предков».

*От полей, от сохи, от невода
В горький воздух меня увели,
Но поверь, где бы не был я,
Не забуду ветлужской земли.*

(«От полей, от сохи, от невода...», с. 41)

*Мы из одной деревни,
Ее название — Русь.
И потому, наверно,
К истокам снова рвусь.*

(Мы из одной деревни, с. 42)

*...Россия, из последних сил
Ты тянешь газовые жилы,
Я удивляюсь, как мы живы,
Нас мор вселенский не скосил?*

(«Россия, бедная моя...», с. 43)

*...Заброшенных погостов,
Оставленных домов
Мне слышны крики
в росталь
Без слов,
Без слов,
Без слов.*

(«Основы мироздания...» с. 45)

Поэт уверенно и открыто заявляет свою гражданскую позицию в циклах стихотворений посвященных Великой Отечественной войне и событиям на Украине. Читая стихотворения, понимаешь, что каждое из них Сергей Лебедев пропустил через свое сердце. В стихотворениях о войне следует отметить «Балладу о телогрейке». Проникновенные стихи о любви и надежде, которая живет в сердце женщины до того мгновения, пока она не получает известие о гибели от собственного мужа.

Нельзя без волнения читать стихотворения «До Киеву дяде Пете» и «Донецкая молитва». Война сама по себе страшна, но, пожалуй, нет большей жестокости и несправедливости на земле, когда на войне погибают незащищенные и безвинные дети.

*...Дядя Петя, спаси, пожалуйста,
Застрелили мамулечку вечером,
Целый год мы без детства и радости,
Нам и кушать в подвале нечего.*

*А дружок наш Колесник Мишенька
Без руки он в больнице, израненный,*

*Из ушей кровь течет, не слышит он,
Горько плачет о нем его маменька.*

(До Киеву дяде Пете, с. 76)

*...На асфальте лужи крови
И воронки от разрывов,
Нет страшнее детской боли...
В жилах наша кровь застыла.*

(Донецкая молитва, с. 77)

Искренняя неподдельная чистота звучит и в строках большой поэмы автора «Воспоминание о деревне», написанной хорошим русским языком и предназначенной для чтения юному поколению. Настрой и суть поэмы определяют отношение Сергея Лебедева к истории России, его «любовь к отеческим гробам». Всего лишь несколько строк из сказанного, но уже по ним можно понять с каким глубоко лирическим настроением автор выразил свои переживания, отображая в поэме события, коснувшиеся его семьи в двадцатом веке.

*...И детства мне святая память
Опорой будет до конца,
Незыблем дом, его ведь ставят
На крепость нижнего венца.*

*Дожди и бури, и ненастья
Порой испытывал в судьбе,
Но одолел я все напасти,
Ведь сила русского — в родне.*

*...Поникли избы у дороги,
Подгнили старые кресты.
А на иконах лица строги...
Прости нас, Родина, прости.*

*А Русь уходит в лес и травы,
И не прощает нам она,
Проросшей импортной отравы,
Что забываем имена.*

*...Двадцатый век, десятилетье
Тридцатых сумрачных годов,
Я не сторонник разных сплетен,
У правды несколько ходов.*

*Мне эту правду не осилить,
Но строго нечего судить,
Как пуля, бьет она навьлет,
Какой свинец в ту пулю лить?*

*...Знакомых всех и незнакомых
Средь елей вековых приют...*

*Деревня ждет решений новых,
Но на ее судьбу плюют.
Уходит слово и дыханье,
Летят по небу имена,
С надеждой робкое прощанье,
А нам — другие времена.
И ворон медленно кружится,
И на могилах — тишина,
За их бессмертье — нам молиться,
Им — рай и неба вышина.*

(Воспоминание о деревне, с. 125)

Хочется несколько слов сказать о прозаических произведениях Сергея Лебедева и в частности остановиться на эссе «Одиночество поэта». Автор посвятил его отмечавшемуся в 2015 году 120-летию со дня рождения русского поэта Сергея Есенина. Литературных работ посвященных Сергею Есенину за все годы издано бесчисленное количество, поэтому автор поставил перед собой трудную задачу — еще раз сказать о поэте, теперь уже свое слово. Надо отметить, что это у него получилось. С. Лебедев избрал оригинальную форму эссе, а именно — обращение лично к поэту. Ведь письмо — это живой материал, который позволяет оживить в своих словах того, к кому он обращается.

Эссе Сергея Лебедева было опубликовано в третьем номере журнала «Приокские зори» за 2015 год. За эту публикацию в литературном конкурсе Самарской региональной организации РСПЛ «Волжское слово» Сергей Лебедев был награжден дипломом «За лучшую публикацию в 2015 году».

Для читателей, открывших сборник произведений Сергея Лебедева «Своя дорога», будет интересно и полезно в очередной раз познакомиться с творчеством тольяттинского поэта.

**Ольга Борисова,
Председатель Самарской
региональной организации РСПЛ,
поэт, поэт-переводчик.**

Борис Рябухин
(г. Москва)

«МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ...»
Размышления о книге Светланы Замлеловой
«Скверное происшествие»*

Рябухин Борис Константинович — поэт, член Правления Академии российской литературы

В Сибири услышал я от одного писателя каламбур: «Чуть чего — мы за Тютчева». Сейчас заговорили о все о патриотизме. Наверное, неслучайно. У нас готов «проверенный» годами символ патриотизма — емкое и краткое стихотворение Федора Тютчева.

*Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней, особенная стать —
В Россию можно только верить*

Это стихотворение было написано Федором Тютчевым на клочке бумаги, и оригинал хранится в Пушкинском Доме. Впервые оно напечатано в сборнике «Стихотворения Ф. И. Тютчева», М., 1868.

Привожу автограф в его в оригинальной пунктуации неслучайно, после слова «Умом» тире, запятая после слова «У ней» и в конце нет точки. Потому что эти знаки как-то объясняют мое рискованное утверждение, что текст нами — патриотами понимается неправильно. На самом деле стихотворение выражает не гордость за Россию, а иронию, точнее сарказм Тютчева, который жалеет такую непонятную родину, как жалеет распятого Христа. Отсюда и остается одно — «верить» в нее, как верим в Бога.

Не размахивайте руками!

Так же не понимаем мы сарказм Николая Лескова в образе Левши. Мы гордимся, что самородок может подковать блоху. Но ума, знаний у него не хватает понять, что танцевать заводная блоха с подковами не будет. Отсюда и слова легендарного генерала Платова своим удалым казакам: «не чистить ружья кирпичом!».

Вот на таком понимании мудрости жизни и ведет «посмертный» рассказ герой романа Светланы Замлеловой «Скверное происшествие».

С писательницей Светланой Замлеловой я познакомился через ее книгу «Гностики и фарисеи», редактируя ее с большим удовольствием в издательстве «Художест-

* Светлана Замлелова «Скверное происшествие». История одного человека, рассказанная им посмертно. Роман. — М.: Буки Веди, 2015. — 230 с.

венная литература». Наибольшее удовольствие мне доставляло, капнутые по капле в каждом произведении книги забытые нами замечательные русские слова. И в это книге я, как драгоценности, встречал такие слова. «А впрочем, *опоздничивость* всегда была характерной моей чертой, я довольно часто всюду опаздывал», — прочитал я в главе «Скверное происшествие»

Я получил от нее в подарок отличную книгу «Скверное происшествие». Читаю: «Доводилось ли вам испытывать то чувство, когда отчетливо понимаешь, что сущность твоя многолика? И что эти лики неусыпно следят друг за другом и неусыпно друг друга оценивают...»

Доводилось мне, доводилось! Еще в юности в своем венке сонетов о 14 друзьях, обращаясь к одному из друзей, я писал: «Нам по семь лет, нас больше нет, не узнаю тебя другого!» А рассуждая, нашел ответ на давний вопрос: куда подевались мои сущности в 5 лет, в 25 лет, в 50 лет, да каждого года сущности мои? Да никуда не делись! Ведь они же не могли умереть, если я живой. Они всегда во мне «многоликом», как точно сформулировала Светлана Замлелова. Я называл себя другим словом — во мне «полифоничном».

И вот новая глава — «Город». И опять у меня подтверждение единомыслия с автором. Читаю — и показываю одновременно мастерство прозаической фразы: «Среди прочих наблюдений, сделанных мной при жизни, интереснейшим, я считаю — об оскудении любви. Не знаю, когда это началось, но уверен, и к двадцатому веку человечество почти утратило способность любить», — говорит герой (мертвый!) романа.

Кстати, надо сказать, что подзаголовок «История одного человека, рассказанная им посмертно» — это не фантазмагория, которой с удовольствием грешат русские писатели от Островского до Булгакова и т.д. Я согласен, что герой — автор умер и стал рассказывать о себе после своей смерти. Но слово «посмертно», вроде, не подходит? Ведь оно означает действие живых, рассказывающих слова почившего человека? Посмертно награжден. После смерти. А герой романа сам рассказывает с того света. Тогда можно написать: «История одного человека, рассказанная им с Того Света». Помнится, нашумел в советское время роман, в котором умерший слышал из гроба, как его «поминали» родственники. Но он не становился в этот миг рассказчиком своих впечатлений.

А что касается единомыслия с автором, то я в юные года на собрании в Союзе писателей ССР, по молодости, выступил со своим «открытием». В изданной в 1976 г. в «Молодой гвардии» книге «Первая любовь», повести и рассказы, где представили о любви свои произведения русские писатели (Тургенев и Достоевский, Бунин и Чехов, советские прозаики Ю. Казаков, В. Лихонос, В. Шукшин, Ф. Искандер...). И поразила, как убывало от шедевра к шедевру это великое чувство любви. Так и сказал — «измельчала любовь». Хотя Фонвизин и писал о том, простолюдины роман начали с конца. Думал, что достанется за гордыню. Но нет, некоторые писатели в буфете ЦДЛ со мной согласились.

Что-то я больше пишу о себе, а не о книге Светланы Замлеловой. Но таких совпадений единомыслия с автором романа не счесть. И я тоже одному автору книги в библиотечке журнала «Молодая гвардия», намекнул, что фамилия Дурасов как-то не соответствует его «умной» книге. Видимо, это тот Дмитрий Дурасов, который написал недавно книгу «Деревянная Свинья: Мифология жестокой любви». Вод до чего скатилось это чудо — пира человеческих чувств. Но мой автор не стал, как романтический Поцелуев, менять свою фамилию на «Керенский». Осадил меня так, что я покраснел от своей нетактичности, и поделом мне. Ведь с такой именитой фамилией, например, был автор в дореволюционной России В. Дурасов, написавший «Гербовник всероссийского дворянства» и «Дуэльный кодекс»...

Радуюсь актуальности книги, приведу еще сравнение события из главы «Скверное происшествие» — с прочтением героя своих стихов (похожих, вроде, на стихи Константина Фофанова), за общим столом. Это неожиданное прочтение, которое не только поразило (даже «заткнуло», как в «Ревизоре») враждебно настроенных к нему гостей, особенно «лидера» этой компании Мишенькина.

Как оно похоже, вместе с героями, на недавний телевечер ведущего поэта Игоря Волгина, пригласившего Евгения Евтушенко на встречу, посвященную памяти поэта Александра Межирова. Видимо, из тактических соображений?

«Я проболтался Мишеньке, что балуюсь стихами. Что тут началось! Он хохотал так, как будто в жизни не слышал ничего смешнее. Это был искусственный, нарочитый смех, тем самым Мишенька просто указывал мне на мое место».

И в точности так смеялся Игорь Волгин, когда все время молчавший Евгений Евтушенко вдруг сказал, что уговорил Межирова, что поправит конец замечательного его стихотворения, и прочел принятый Межировым результат. А Волгин ревниво не сдержался и осмеял поэта, сказав: «Это уже не Межиров, а только Евтушенко!» Тот промолчал. Промолчали и собеседники.

А в книге после чтения стихов тоже сначала — молчание гостей. «...Они не могли этому верить, отчего и вышла заминка. Они не знали, как теперь вести себя. Но на помощь к ним пришел Мишенька (Волгин?):

— Как, как? Коня «добронравного»? — спросил он и громко фыркнул».

Не буду больше перечислять совпадения в книге с моими взглядами. Просто повторю из аннотации несколько слов о том, что новая книга Светланы Замлеловой — это философско-психологический роман, в котором личность рассматривается в контексте минувшей среды и эпохи. Это большое достижение талантливого автора писать об особенностях не своей биографии, как пишут некоторые критики, вроде меня, а особенностях жизни всех современников. То есть на лицо — мастерство автора рисовать картину своего времени, даже в фантастическом жанре.

А что касается упомянутых слов «философско-психологический роман», то это неслучайно. Потому что Светлана Замлелова, помимо литературной и широкой общественной деятельности, еще и кандидат философских наук (МГУ), защитила диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарота». Искарота, который попал как раз в «скверное происшествие».

Сергей Прохоров

(г. Нижний Ингаш Красноярского края)

РАБОТА УМА И СЕРДЦА

Главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», член Международной Федерации русскоязычных писателей.

Уже одно название: «Зато мы делали ракеты» приоткрывает занавес сюжета романа, вернее, его характер, где-то слегка иронический, но с ностальгическими оттенками советской эпохи, легкой грустью по незабываемым 60-м, 70-м, 80-м годам минувшего столетия. Роман, скорее, документальный, что подтверждается множеством фотоиллюстраций того времени Их автор, фотохудожник Владимир Белтов. Многие фотографии любительские и, по всей вероятности, из личного семейного архива автора. А герои романа — советские интеллигенты, еще не сбросившие с себя пут классовой зависимости (из рабочих, крестьян), но уже почувствовавшие себя белой костью.

Такой вот ход мыслей вызвала у меня новая книга тульского писателя Алексея Яшина, вышедшая в г. Туле в конце прошлого года. Она еще, кажется, дышит свежими запахами полиграфического цеха. Прекрасно оформлена: закругленный корешок, цветные обложка и обертка. В 70-х так выходили в свет издания библиотеки «Всемирная литература». А иллюстрация лицевой страницы обложки и обертки — рисунок латвийского художника Олеси Янгол, предваряют три основных заповедей социалистического реализма — творчество, любовь, общественный труд.

Я не зря затеял разговор о книге с обложки. Именно по ней, по одежке встречаются. А хорошую вещь всегда хочется не только подержать в руках, но и рассмотреть поближе и поглубже. Лично я с детства люблю аккуратные книжки и особенно, если с картинками. Поэтому, получив от Алексея Афанасьевича его новую книгу, сперва, игнорируя совет главного ее рецензора Леонида Ханбекова о «стиле» чтения, полистал, познакомился по фотоиллюстрациям с его героями, со временем, которое близко и понятно мне самому — современнику писателя Яшина. И этим не умалил основной сути романа, не потерял главной ниточки повествования, которую писатель вручил рассказчику Николаю Андреяновичу. А тот знает свое дело и то, о чем поведал досконально и в цифрах и в фактах.

О языке романа судить не берусь. Алексей Яшин — профессиональный писатель, имеющий за плечами и литературный институт им. А. М. Горького и бесчисленное множество литературных наград и международных премий. Слог повествования легкий, если не считать названий, терминов, фраз профессиональной инженерной технологии. Но, перефразируя реплику товарища Сухова (героя небезызвестного многим кинофильма): «Ракеты — дело тонкое». А вот описание колхозной повинности... Хотя для сегодняшнего нового поколения это что-то из другого мира. А нам — современникам 70-х, 80-х — это эпизоды из собственной жизни.

«Завершив суету с размещением и устройством своих лежбищ, народ, словно предчувствуя последний погожий денек, высыпал на улицу, сгрудившись у кухонно-

го домика, внутри которого поварахи Тоня и Тамара тихо и беззлобно переговаривались и гремели чем-то металлическим: видно, готовили свое новообретенное хозяйство к завтрашней заутренней готовке».

«Сорокалитровый бидон с молоком подогнали с колхозной фермы еще до наступления темноты с вечерней дойки и поставили под навес кухни.

— Не прокиснет, ночи прохладные,— заметил привезший на телеге бидон возница,— только до утра с кружками немывыми туда не лезьте, все скиснет».

«С клубно-школьного холма открывался в лучах спускающегося к горизонту неяркого солнца замечательный вид на разбросанные дома села с красными «комбайновыми» крышами. За селом — малая изгибистая речка, а за ней поднималось к дальнему лесу огромное свекольное поле, на котором виднелись бурты уже вырытой свеклы, ждавших поутру трудолюбивых инженеров...».

«...со стороны леса на дорогу выскочил местный лихач-мотоциклист со снятыми для громового форса глушителями.

— В сельмаг парень торопится за водярой или червивкой,— громогласно хохотнул подошедший сзади Лева. От него устойчиво пахло уже принятой на грудь — еще до общего ужина — поллитровки «зубровки»...».

Кстати, сельскохозяйственная тема в книге проходит периодически под немудреными и привычными в советское время заголовками-девизами: «Виды на урожай», «Битва за урожай». Это, видимо, авторская ирония. Но ирония, увы, не злобная, а добрая. И вообще Алексей Яшин — о чем бы ни писал, какую бы тему ни поднимал — делает все от сердца, сообразуя с разумом, опытом, накопленными знаниями, увязывая логику ума и сердца с жизнью.

И роман «Зато мы делали ракеты» — достойная работа ума и сердца писателя Алексея Яшина. И я уверен: раскрывший книгу, не захлопнет ее, полистав. Обязательно что-то прочтет, за что-то зацепится, что-то откроет для себя.

Инженеры 70-х... Любительское фото. Молодые специалисты запросто на развалинах мельницы строят цех по производству интегральных микросхем

А. А. Яшин

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»

318

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к директору издательства Пантюхину Олегу Викторовичу по e-mail: ntomach@tsu.tula.ru, дублируя заказ по e-mail: olegrantyukhin@mail.ru Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть минитипографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

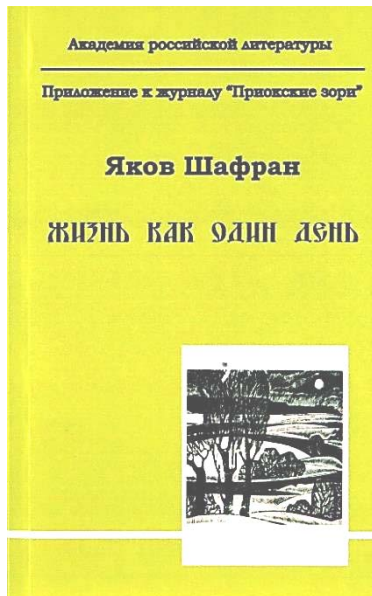
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2015.— № 6, 7.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2016.— № 1, 2.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2016.— №№ 1, 2.
4. *Валерий Савостьянов*. Русский крест: Стихотворения / Предисл. Михаила Чискова.— Тула: «Гриф и К», 2015.— 656 с. (2-е изд.).
5. *Иван-озеро*. Сб. произв. тульских писателей / Под ред. В. Ф. Пахомова. Вып. 11.— Тула: Аквариус, 2015.— 468 с.
6. *Николай Макаров*. Одною строчкой козыряя... Пародии.— Тула: (б/у изд-ва), 2015.— 60 с.
7. *Память*. Алексинское любительское литобъединение (АЛЛО). Альманах № 7.— Тула: Тульский полиграфист, 2015.— 176 с.
8. *АЛЛО*. Альманах № 6: К 85-летию ЛИТО «АЛЛО».— Тула: Тульский полиграфист, 2015.— 388 с., ил. (книга-альбом).
9. *Наш современник*.— 2016.— №№ 1—4.
10. *Валерий Ходулин*. Настраиваю душу на добро. Стихи разных лет в 2-х кн.— Тула: «Арктика», 2016; Кн. 1.— 432 с.; Кн. 2.— 464 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Представлена на Бунинскую премию 2016.
2. *Яшин А. А.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 5.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Шафран Я. Н.* Круг замкнулся: роман.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Яшин А. А.* Зато мы делали ракеты: Роман-новелино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Шелепина Т. В.* Я жизнь люблю!: Стихи.— Тула: «Тульский полиграфист», 2015.— 88 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров*. Медики земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 240 с.
2. *Николай Макаров*. Десантники земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 256 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2015-го года объявлены в № 1, 2016 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2016-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

**ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ОПРЕДЕЛИЛО ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО**

Премия ежегодно присуждается с 1999 года. В 2015 году постановлением правительства Тульской области присудили литературную премию имени Л. Н. Толстого:

— в номинации «Проза»: Яшину Алексею Афанасьевичу за роман «Видение на Патмосе» (Алексей Яшин стал дважды лауреатом данной премии);

— в номинации «Поэзия»: Гусакову Алексею Владимировичу за поэтический сборник стихов «Война»;

— в номинации «Литературная критика, публицистика»: Макарову Николаю Алексеевичу за книги «Знаменитые туляки», «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы — туляки».

*Документ подписан председателем
правительства Тульской области
Юрием Андриановым 11 декабря 2015 года.*

Одновременно поздравляем Алексея Яшина с присуждением ему международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Белоруссия).

ПОДДЕРЖИМ ДОБРОЕ ДЕЛО!

Издательство «Образ» (Москва) выступило с инициативой в литературном и книгоиздательском процессе: печать небольшим презентационным тиражом книг пока еще не очень известных, преимущественно молодых литераторов. Большая часть тиражей рассылается по редакциям литературных журналов и газет с предложением ознакомиться с творчеством представленных авторов, связаться с ними на предмет возможной публикации в журнале или газете.

«Приокские зори» включены в список презентационной рассылки. В наступившем году редакция получила уже книги Алены Алещенковой «Яшенька» и Александра Чаева «Однажды».

Мы непременно свяжемся с авторами названных книг и предложим им публиковаться в «Приокских зорях», а издательству «Образ» выражаем благодарность за начатое доброе дело, которое мы всячески поддержим во благо дальнейшего развития литературного процесса в нашей стране.

НОВОСТИ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

Наградная символика всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации текущего года в журнале «Приокские зори» расширилась: теперь лауреату вместе с дипломом вручается лауреатская медаль и удостоверение к ней.

В ЧЕСТЬ 74-Й ГОДОВЩИНЫ ОБОРОНЫ ГОРОДА-ГЕРОЯ ТУЛЫ

ЖУРНАЛ БИЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СПР «ОГНИ НАД БИЕЙ»

В декабре 2004 года первый номер журнала «Огни над Бией» был отправлен в печать. Вышел он в начале 2005 года.

В первом номере были опубликованы произведения тринадцати авторов. Редколлегия журнала гордится тем, что среди авторов первого номера был и талантливый молодой поэт, а

324

ныне финалист независимой литературной Премии «Дебют», участник нескольких международных литературных форумов в Липках, бийчанин Дмитрий Чернышков.

Журнал «Огни над Бией» стал первым литературным, художественно-публицистическим изданием Бийской писательской организации СПР в Бийске. За одиннадцать лет журнал представил читателям сотни публикаций, авторами которых стали члены старейшего литературного объединения «Парус», многие авторы Алтая, иногородние и зарубежные поэты и прозаики. Для иногородних авторов открыт второй журнал «Приложение к журналу «Огни над Бией», который выходит только в электронном виде и располагается на сайте журнала.

ISSUU — Журнал «Огни над Бией» byLyudmilaKozlova (поиск в Google)

География авторов на сегодняшний день — Алтай, Россия, Казахстан, страны СНГ, Германия, Латвия, Монголия, Австралия.

Журнал «Огни над Бией» это единственный в крае журнал, который в отличие от всех других изданий вступает в переписку и ведет редакторскую работу над текстами совместно с молодыми авторами. Это живой журнал, где авторам Бийска всегда отдается предпочтение. Журнал выходит четыре раза в год. Электронное приложение появляется на сайте одновременно с бумажными номерами.

Поиск лучших произведений современной поэзии и прозы и публикация их на страницах журнала — это главное направление работы нашего издания. Журнал «Огни над Бией» — не коммерческий проект, поэтому работа с авторами идет на творческих началах. Мы сотрудничаем с авторами, которые рассматривают публикации не как способ заработка, но как возможность творческого роста.

Состав редколлегии на сегодняшний день:

Людмила Козлова — (СП РОССИИ), главный редактор, издатель

Дмитрий Шарабарин — руководитель Бийского отделения Союза писателей России
Редакторы отделов поэзии и прозы:

Ольга Заева (СП РОССИИ), **Павел Явецкий** (СП РОССИИ, член. корр. Российской Академии Поэзии)

Иван Образцов (СП РОССИИ) — редактор Краевого обозрения молодых авторов (КОМАР)

Николай Тимохин — Интернет-директор (Всемирная Корпорация Писателей, СП России)

Корректор — **Юлия Романова**

В марте 2016 года вышли в свет два очередных бумажных номера, а также Электронное сетевое приложение к №№ 35—36 журнала «Огни над Бией».

В 35-ой книжке опубликовано продолжение остросюжетного романа «Байка о Черном Байкере» бийчанина Игоря Решетова, который является автором современной прозы в стиле фантастика реализма. В ярких фантастических героях и сказочном сюжете читатели легко распознают реалии сегодняшней жизни, с юмором изображенные автором романа.

В номере опубликована яркая, неповторимая проза Евгения Балакина — автора из Екатеринбурга, который свободно может воссоздавать мир абсурда, всегда существующий внутри любой реальности. Многоплановые, остроумно написанные фантазмагии не мешают автору оставаться реалистом — редкое сочетание творческих качеств.

Салават Вахитов из Уфы, мастер лирической и философской прозы, представлен в номере циклом рассказов, которые доставят удовольствие знатокам хорошей прозы.

Потрясающие трагические рассказы о жизни детей-сирот (иногда при живых родителях) в интернатах опубликовал в 35-ой книжке журнала Петр Любестовский — член Правления Брянской областной писательской организации. Истории детей, ока-

завшихся по воле судьбы на воспитании государства в интернатах — это слепок эпохи перемен, страшным катком прокатившейся по людям России, и с особой жестокостью разрушившей души детей. Эпохи перемен, отправившей самое дорогое, что есть в государстве — детей, на задворки жизни. Цитата: « Неумолимая статистика свидетельствует, что в течение первых трех лет самостоятельной жизни большинство выпускников интернатов не находят себя во взрослой жизни: 40 процентов из них становятся преступниками, 30 — алкоголиками и наркоманами, а каждый десятый кончает жизнь самоубийством. Цифры жуткие и говорят они о полной несостоятельности нынешней коллективной системы воспитания» (П. Любестовский).

В номере читатели найдут уже знакомые им по предыдущим выпускам имена прозаиков Бийска — Ольги Павловой, Владимира Нурғалиева, Николая Поречных, Василия Поликарпова.

Большой поэтический раздел в номере составила неординарная, яркая рок-поэзия молодых авторов Алтая. Это новые для нашего журнала имена — Марина Васильева, Драуг Роменэр, Небо Невидимое, Сергей Нинаш. Интересны и содержательны классические стихи молодой поэтессы, бийчанки Екатерины Рупасовой.

Критика представлена исследовательской статьей Натальи Яковлевой, посвященной сравнительному анализу творчества Василия Шукшина и Леонида Иванова, прозаика из Тюмени, главного редактора альманаха «Врата Сибири».

Читатели, конечно же, обратят внимание на публицистику Михаила Анохина — члена СП России, который живет в Прокопьевске Кемеровской области. О Михаиле Анохине нужно сказать особо. Вот мнение главного редактора журнала Людмилы Козловой:

«Михаил Анохин — человек, получивший громадный запас творческой энергии, кажется, по праву и месту рождения. Село Калары под Таштаголом — центр Азии, Горная Шория — уникальное место планеты, где энергия горообразования фонтанирует в точках разлома земной коры. В таких местах рождаются мудрецы и пророки. Может быть, поэтому Михаил Анохин известен в Кузбассе и за его пределами не только как писатель и публицист, но и как один из вождей забастовочного движения шахтеров, потрясшего страну в 1989-90 гг.

Общаясь с Михаилом Анохиным, начинаешь понимать, что имеешь дело с человеком энциклопедических знаний, самородком, народным академиком от литературы. В любой области знаний, будь то технические науки или гуманитарные — проявляется обширный пласт освоенной информации, глубина понимания вопроса. Знаю это не понаслышке — из личного опыта общения с ним, многих дискуссий и споров по литературным, философским, религиозным проблемам, которые никак не обойти человеку пишущему.

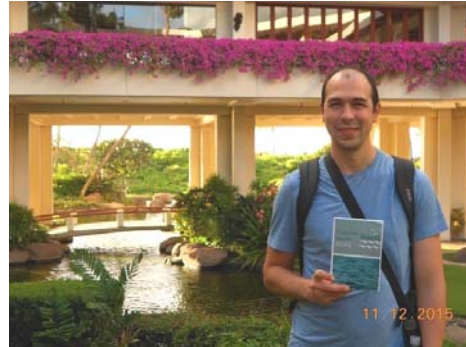
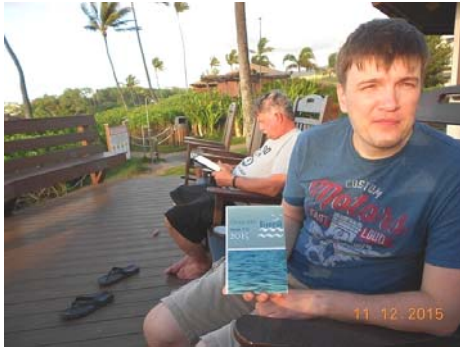
И это не только мое личное впечатление. «Прочел Анохин, как мне кажется, все на свете», — так выразился Валерий Попок, известный русский писатель, живущий в Кузбассе. И это действительно так. Список изученной Михаилом Анохиным литературы, который однажды довелось увидеть, содержит тысячи первоисточников.

Публицистика Михаила Анохина — это пылающее время, воплощенное в строки. Его тексты обжигают и вовлекают каждого в огненный вихрь настоящего. Проза — поражает глубиной и мастерством художественной речи».

Трогательн автобиографический очерк автора из Барнаула Галины Безменовой. Молодая женщина, жизнь которой прошла уже в эпоху сближения с мировой цивилизацией, все-таки успела хлебнуть извечной тяжести жизни, которой так богаты женские судьбы в России. Читая очерк Галины Безменовой, понимаешь, что никакие технические достижения не могут уберечь хрупкую женщину от испытаний.

35 выпуск журнала «Огни над Бией», я думаю, не разочарует самых дотошных читателей.

От редколлегии Людмила Козлова

Журнал читают и на Гавайях

ЖУРНАЛ «ОГНИ НАД БИЕЙ» (36-ой выпуск 2016 г.)

Тридцать шестая книжка журнала традиционно представляет произведения бийчан — членов СП России, участников литературного объединения «Парус» и лучшую прозу и поэзию иногородних авторов. Заметное место в журнале занимает рубрика «КОМАР» — краевое обозрение молодых авторов Алтая. Редактором рубрики является член СПР, поэт, прозаик и публицист Иван Образцов.

В новом выпуске журнала читатель найдет поэзию таких мастеров-традиционалистов, как Дмитрий Шарабарин, Анатолий Краснослободцев, Николай Тимохин, Василий Осин. Современная поэзия с ее сложноорганизованными формами представлена именами известных поэтов Алтая — Евгения Бессмертных, Идалии Шевцовой, Людмилы Козловой, Ольги Заевой, Натальи Куриловой и начинающего поэта из Тувы Натальи Успенской.

Валерий Зотов, Анастасия Зотова, Анна Тананыкина пока ищут свой путь в поэзии. Журнал «Огни над Бией» публикует и произведения начинающих авторов, давая им тем самым возможности для творческого роста.

Самые взыскательные любители современной поэзии найдут в новом номере журнала прекрасные переводы с польского Игоря Елисеева, поэта, зам. председателя Ростовского отделения Союза писателей России. Игорь Елисеев, тонко и точно чувствуя образность и ритмику оригинала, представил для публикации переводы поэзии Малгожаты Мархлевской (Гдыня, Поморское воеводство) — польской поэтессы, галерейщика, переводчицы прозы Альберта Лиханова, Александра Потемкина, Варвары Рязанцевой, Елены Петрово-Ройгно, Жанны Лельчук и стихов Ольги Харламовой, Игоря Елисеева, Галины Щербовой, главного редактора издательства «Прекрасный мир».

Образная система Малгожаты Мархлевской выстраивает вертикаль текста. И переводчик бережно доносит до читателей эту графическую особенность поэзии польской поэтессы:

*«будь как Везувий
а я Этна
что в
прошлом
спрячет
пыль
и лаву*

*а маки
пурпурно-бархатные
расцветут
над
каждым
нашим
словом*

*когда
мысль
последняя
бледной
тенью
за нами
закроется...»*

Традиционно сильна проза поэта, бийчанина Павла Явецкого. Когда-то, несколько лет назад, он опубликовал в журнале «Огни над Бией» великолепную мистическую, фантастическую прозу. В новом номере Павел Явецкий выступает как реалист, но также поражает читателя его особенный, сочный неповторимый авторский язык и умение видеть детали.

Бийчанин Андрей Эйсмонт дебютирует в 35-ой книжке журнала с рассказом «Теплышко». Андрей Михайлович, подполковник запаса, много лет отдал педагогической работе в Бийской кадетской школе. Пишет стихи для детей. Недавно обратился к прозе. Автор рассказа «Теплышко», несмотря на то, что это проба пера, сумел затронуть такие тонкие струны души человеческой, что невозможно читать эту трогательную историю без слез. Это прекрасная проза и для детей, и для взрослых! Никаких нравочений, никакой записной морали — просто история о потере мамы взрослым человеком, о глубокой психологической травме, залечить которую помог мальчик, передавший горящему взрослому «теплышко» — часть своей души.

Горноспасатель и турист Юрий Коврига хорошо известен читателям своей художественно-документальной прозой, которую сам автор определяет как «невыдуманные истории». В 36-ой книжке журнала автор рассказывает, как всегда детально и основательно, историю одной командировки в Москву, когда герою рассказа удалось посетить могилу Владимира Высоцкого на Ваганьковском кладбище. Цитата: «Подходят люди, молча, кладут цветы и так же молча стоят. Много военных, но милиции не видно. Под портретом мраморная табличка: «Ты жил и пел, играл с усмешкой, любовь российская и рана. Ты в черной рамке не уместись: тебе тесны людские рамки!» Слова Андрея Вознесенского. Лишь он и Алла Демидова своей статьей в одной из центральных газет на последней полосе смогли крикнуть: «Кого мы потеряли?» Юрий Коврига точен в своих невыдуманных историях, и в его текстах легко оживает Время.

Олег Корниенко, военный летчик, воевавший в Афганистане, награжденный двенадцатью боевыми наградами, замечательный детский писатель из г. Сызрань Самарской области представил в этом номере цикл рассказов о детях — это часть его новой книги «Тарзанка». Удивительная проза для детей и взрослых!

Особое слово надо сказать о молодом, но очень талантливом авторе этого номера Антоне Лукине из села Ново-Дивеево Нижегородской области. Когда-то Антон прислал нам свои первые рассказы и сразу же стал Лауреатом журнала «Огни над Бией». А сейчас он уже автор многих известных периодических изданий, собственных книг и лонг-листер литературной премии «Ясная поляна». В новом номере журнала опубликован трогательный и нежный, душевный рассказ Антона Лукина «Бабушка Зоя».

Хороша и увлекательна ироническая проза автора из г. Искитима Виктора Афоничева «Хождение через три границы или воспоминания о Советском Союзе». Цитата: «Лето тысяча девятьсот девяносто первого года. К этому времени мозг граждан взорван от муссирования в обществе мнения о неправильности последних прожитых семидесяти лет. У пострадавшего народонаселения, в результате возникшего сквозняка в голове, изо рта — поток идей по переустройству общественно-экономической формации в государстве. Каждый фонтанирующий непременно стремится свои соображения донести до первого встречного, хватая того за грудки, заглядывая ему в глаза. И не дай бог не увидит ему там одобрения!» Точно отмечена именно вот эта особенность начала времени перемен — т.н. плюрализм мнений, идей и нетерпимость к тем, кто не проникся духом нового времени.

Прочтите обязательно потрясающую статью Александра Сидорова, публициста из Австралии, посвященную жизни великого русского поэта Максимилиана Волошина. Вы откроете для себя малоизвестные факты и увидите образ Волошина, может быть, в непривычном, но живом и реалистическом ракурсе.

Один из наших авторов Геннадий Гумилевский высказал необычную идею, которая родилась у него при скрупулезном исследовании Библии. Это мысль о том, что Христианство, возможно, одна из самых древних религий мира, которая существовала еще во времена протоцивилизаций. Спорная точка зрения, но это хороший материал для размышлений о первоистоках религии и философии.

В рубрике «КОМАР» редактор Иван Образцов представил творчество шести молодых авторов Алтая, каждый из которых своеобразен, узнаваем и уже известен в определенных кругах.

36-я книжка журнала, как и предыдущие номера, уделяет основное внимание творчеству земляков, но при этом на его страницах всегда присутствует необходимая доля иногородних или иностранных авторов, участие которых делает литературное пространство журнала открытым для любых творческих контактов, а значит, и для продолжения издательского пути.

Журнал «Огни над Бией» живет, развивается — во многом благодаря поиску новых авторов и новых возможностей сотрудничества с другими изданиями в России и за рубежом, то есть благодаря работе интернет-директора, поэта, прозаика и публициста Николая Тимохина.

Особое внимание рекомендуем обратить читателю на проповедь Александра Менья «Дорожите временем», которую редколлегия опубликовала как напоминание каждому творческому человеку о том, что нельзя терять времени, отпущенного тебе на творчество, «ибо дни лукавы». Это главное!

От редколлегии Людмила Козлова

По дороге к новому творческому юбилею

Академия российской литературы подвела итоги прошедшего, юбилейного для академии, 2015 года и утвердила план организационных и творческих мероприятий 2016 года

В своей отчётной речи президент академии Леонид Ханбеков осветил годовую деятельность коллегий и отделов Академии, вклад каждого в общее дело, перспективные направления развития деятельности академии, ставшей в последние годы весомым участником современного литературного процесса не только России и бывших союзных республик, но также и литературно-общественной жизни русскоязычного дальнего зарубежья.

Были заслушаны отчёты руководителей творческих направлений: коллегии прозы — Наталья Гай, критики — Романа Тишковского, сатиры и юмора — Петра Гулдедава. Конструктивный отчёт руководителя орготдела Евгения Скоблова обозначил линию развития технической базы академии, определение функций и полномо-

чий каждого члена и необходимость чёткой обратной связи по плановым и экстренным вопросам. Было заслушано и принято предложение правления по награждению самых активных членов организации почётными юбилейными грамотами.

Следует отметить выступление Валентина Сорокина, в котором известный поэт с большим издательским и руководящим опытом обрисовал возможные перспективы взаимодействия федеральных писательских союзов, организаций и объединений с литературными организациями регионов.

Альберт Иванов в своём выступлении рассказал о функциях и направлениях работы фонда «Литературный центр Петра Проскурина» и подчеркнул важнейшее значение своевременной финансовой и нравственной поддержки писателей.

По ряду основных вопросов, касающихся деятельности Академии, участники собрания определили план работ и ответственных лиц.

Нина ПОПОВА

Алтайская премия митрополита Макария

В Алтайской краевой библиотеке им.В.Я.Шнишкова состоялась торжественная церемония награждения лауреатов и дипломантов православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского

Победителей выбирали в трёх номинациях. Эта премия была учреждена в мае 2015 года, а инициаторами выступили Алтайская митрополия, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шнишкова и журнал «Бийский вестник».

Открывая церемонию награждения, митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей отметил, что результаты конкурса превзошли все ожидания:

— Мы думали, что будет несколько десятков работ, а их было более сотни. Уровень большинства произведений во всех номина-

тами, безусловно, огромный авторский труд, во многих чувствуется душевный порыв, желание восславить Церковь Христову и родные просторы. Ведь чем живёт и дышит человек? Любовью. К Богу, к семье, к земле родной.

Задача конкурса состояла, в основном, в том, чтобы оживить интерес к церкви, жизни внутри неё, к её проблемам, донести художественный и документальный рассказ о вере и служении до обществу. И эта задача была выполнена.

Победителями конкурса и лауреатами Макарьевской премии стали Валентин Зайцев из Барнаула (проза), Николай Перевелов из Москвы (поэзия) и Павел Коваленко из Бийска (православное краеведение). Дипломы получили ещё десять известных алтайских и российских писателей, а также несколько библиотечных и культурно-просветительских учреждений и обществ.

Наш корр

**ПОЗДРАВЛЯЕМ РАГИМА МУСАЕВА С ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ
ЛАУРЕАТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША»
ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА В НОМИНАЦИИ ДРАМАТУРГИЯ ЗА 2015 ГОД**

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 23 ФЕВРАЛЯ

Уважаемый Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас и весь мужской коллектив журнала «Приокские зори» с наступающим праздником, Днем защитника Отечества! Доброго всем здоровья, несгибаемого духа, новых творческих взлетов и удачи во всем!

*С искренностью — Галина Лялина,
г. Донской Тульской обл.*

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич! Примите самые искренние поздравления с Днем защитника Отечества (С Днем Советской Армии).

Всех благ Вам на посту главного редактора в защите страны, науки и литературы. Наши поздравления всему коллективу «ПЗ». Как я уже писала, все Вами присланные книги переданы для аналитического изучения. Дальнейших Вам творческих успехов и духовных сил.

*С дружескими чувствами
Авдеевы Геннадий и Людмила,
г. Москва*

Дорогой Алексей Афанасьевич! Большое спасибо за доброе ко мне отношение. Для меня «Приокские зори» стали неотъемлемой частью моей жизни. Спасибо Вам. Позвольте поздравить Вас с Праздником Дня защиты Отечества! Успехов в Вашем благородном деле сбережения русской литературы! И, как врач, желаю крепкого се-вороморского здоровья!

*С искренним уважением
Р. Артамонов,
г. Москва*

*С Днем Защитника Отечества!
Мирного неба!*

*Ольга Борисова,
г. Самара*

В ГОРОДЕ САМАРА ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА «ВОЛЖСКОЕ СЛОВО»,

организованного Региональной организацией РСПЛ. В номинации «Лучшая публикация в периодической печати 2015 года» признана победителем публикация С. А. Лебедева «Одиночество поэта или письмо С. А. Есенину» в журнале «Приокские зори» № 3 2015. На конкурс в этой номинации было представлено 39 работ различного жанра. Награждение победителей прошло на заседании Самарской региональной организации РСПЛ.

На фото слева направо: Молько А. В. , председатель Самарской городской организации РСПЛ, кандидат филологических наук; Борисова О. М., председатель Самарской региональной организации РСПЛ; Лебедев С. А., победитель в номинации «Лучшая публикация в 2015 г.»

О НАС ПИШУТ

№1(74)2016

СЛАВЯНСКИЙ МИР

http://www.m-s-p-s.ru/data/2016/02-2016/5_OLG_174.pdf

Тульские традиции «Приокских зорь»

Выходящий в Туле литературно-художественный журнал «Приокские зори», который бессменно возглавляет известный писатель Алексей Яшин, под занавес Года литературы отметил своё десятилетие

В наше время такая дата – уже событие, говорящее о том, что журнал не только сумел выжить в непростых экономических

условиях, но и обрёл своё лицо, своих авторов, собственный голос, который

слышен далеко за пределами родной области. За верное служение художественному слову журнал удостоен нескольких высших литературных наград. Издаются «Приокские зори» при поддержке Тульской писательской организации, Тульского государственного университета и Академии российской литературы, а распространяются, благодаря своей электронной версии, по всей России и за рубежом.

Закрывая особый для себя год, журнал по традиции назвал имена лауреатов Всероссийской литературной премии «Левша» им. Николая Лескова за лучшие публикации в «Приокских зорях».

Обладателями почётных дипломов стали Сергей Крестышкин (проза), Владимир Сашожаков (поэзия), Рагим Мусаев (драматургия), Валерий Ксенофонтов (публицистика).

Особой номинации «За поддержание традиций русской художественной литературы» был удостоен Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

Мы поздравляем лауреатов с наградами, а редакцию журнала и его авторов — с первой круглой датой! Желаем «Приокским зорям» роста и процветания!

О.П.

НАМ ПИШУТ

Дорогие коллеги!

Второй раз мою биографию — писатель, журналист, художник — поместили в сборник КТО ЕСТЬ КТО: ВСЕМИРНОЕ ИЗДАНИЕ.

НИЖЕ ПИСЬМО из РАНИ.

Русская академия наук и искусств
новый

Номер гос. регистрации 096.436 от 9.3.2000

115533 Москва а/я 3

n@wswr.ru; n@iacr.pro; http://iacr.pro; www.wswr.ru

19/3 от 12.2.2016

Уважаемый Гаммер Ефим Аронович!

Поздравляю Вас с выходом в свет 19 издания ежегодного справочника КТО ЕСТЬ КТО: ВСЕМИРНОЕ ИЗДАНИЕ, одна из страниц которого посвящена Вашей биографии. Издание 2016 года (синий переплет с золотым тиснением, 512 страниц формата А5) включает около 700 биографий. Справочник представлен в крупнейших библиотеках мира и в интернете. В него предоставили биографии такие интересные люди, как Алексей Арбатов, Николай Валуев, Михаил Горбачев, Анатолий Вассерман, Николай Дроздов, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Лю Болин, Валентина Матвиенко, Дмитрий Медведев, Рустам Минниханов, Евгений Миронов, Барак Обама, Александра Пахмутова, Владимир Путин, Николай Сличенко, Аман Тулеев, Анатолий Фоменко, Александр Хинштейн, Ирина Хакамада, Игорь Ясулович. В 2012 году справочник удостоен литературной премии им. Маяковского. Надеюсь на Ваше участие в очередных проектах РуАН, а также в новых справочниках.

*Редактор справочника, профессор, президент РуАН
Виктор Алексеевич Никеров*

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич!

Только вернулась с непальских мероприятий, где отмечали 175-летие со дня рождения первого русского востоковеда, открывшего для России Непал И. П. Минаева. В 2011 году в «ПЗ» была моя большая статья «Лев Толстой, Иван Минаев и неварская литература», а теперь в Катманду издали книгу поэтических, литературоведческих материалов и переводов российских авторов по Непалу, куда вошла моя статья по творчеству основоположника непальской литературы Ачарья и большая, на треть книги, поэма. А теперь получила задание подготовить к изданию (литературное редактирование) книги непальца, работавшего в посольстве Азербайджана.

Вышел и уже 16-ый альманах студии «Вдохновение», работа над которым у меня тоже много времени заняла. Теперь будем делать презентацию в библиотеке им. Платонова в г. Пушкино совместно со студией «Русич», где тоже издан толстый том военной тематики, и в нем моя подборка стихов, рассказов, литературоведческая статья. В двух номерах журнала «Рать» также есть мои публикации. Творческий литературно-музыкальный вечер состоялся в музее Скрябина, где я читала свои стихи музыкальной тематики, а играли лучшая российская скрипачка, заслуженная артистка Элеонора Дмитерко, народная артистка пианистка Татьяна Рубина и пианист Александр Блок. Звучали произведения туркменского композитора, участника итальянского сопротивления Оразмухамеда Курбан-Ниязова, к 95-му юбилею которого издана книжка моих стихов и воспоминаний о нем и выпущен диск с музыкой и стихами. Выступала так же на вечере Памяти жертв Холокоста (читала свою поэму «Право на жизнь», вошедшую в сборник «Право голоса») и на митинге в связи с прорывом блокады Ленинграда. Так что загруженность большая, не считая основной работы.

*С неизменным уважением,
Людмила Авдеева Москва,
28 января 2016 г.*

Добрый день, Алексей Афанасьевич!

Направляю Вам письмо Комитета по культурным связям с заграницей КНДР и Оргкомитета 10-й Пхеньянской международной выставки научно-технической литературы, в котором они просят довести его до сведения СП РФ с целью возможного приезда делегации или отдельных авторов. Я сообщила в МГО и думаю, что у Вас такое количество научных и художественных книг, которые могут заинтересовать участников, деятелей культуры и науки из разных стран. На каких условиях для желающих будет поездка и точные даты, они мне сообщат, когда получат все данные о решивших участвовать авторах и делегации. Ваша книга для ВВЖ, как я уже писала, передана адресату. Сейчас все брошены на предвыборную кампанию и юбилей шефа. Одновременно, направляю Вам и Якову Наумовичу Шафрану, сказку-притчу «История исчезнувшего государства», которая родилась в связи с приближающимися выборами (10 стр.). Будет время, прочитайте, пожалуйста. Может, пойдет в «ПЗ».

*С неизменным уважением,
Авдеева Людмила Евгеньевна,
22 марта 2016 г.*

ПИСЬМО ИЗ КНДР

Комитет по культурным связям с заграницей КНДР

Уважаемая товарищ Людмила Евгеньевна! Шлю Вам теплый дружеский привет. Товарищ Юн Кен Зу передала мне от Вас привет. Большое спасибо! Я очень рад тому, что в России есть такой близкий друг, как Вы. Весело вспоминаю нашу встречу в Москве. Весть об издании Вашей книги «Заря надежды» передавали наши СМИ, в том числе центральное ТВ и газета «Нодон». От имени Оргкомитета 10-й Пхеньянской международной выставки научно-технической литературы я хочу пригласить Вас лично, Институт мировых цивилизаций и Союз писателей России. В сентябре этого года (2016) в Пхеньяне пройдет 10-я Пхеньянская международная выставка научно-технической литературы. Эта выставка проводится через каждые два года. Раньше на этой выставке многие организации разных стран мира принимали участие,

в том числе научно-исследовательские, просветительные учреждения, фонды, издательства, библиотеки и вели обмен культурой с нашей страной. И из России приезжали на эту выставку много организаций, в том числе Российский гуманитарный научный фонд, Фонд «Русский мир», Дальневосточное отделение Российской Академии наук, Дальневосточный технический университет и другие. Если Институт мировой цивилизации и Союз писателей России будут участвовать на этой выставке, то они могут представить свою организацию нашим людям и консультироваться с нашими соответствующими учреждениями о культурном обмене и сотрудничестве. К тому же, тогда пройдет и мероприятие по случаю 70-летия основания Университета имени Ким Ир Сена, самый большой университет у нас в стране, в международном масштабе. Предусмотрено, что там будут принимать участие известные деятели университетов первого класса из разных стран мира. Еще во время выставки Союз писателей России может совещаться с нашим Союзом писателей КНДР, писателями, издательствами и др. о вопросах по обмену опыта, совместного создания произведений, совместного издания книг, совместного перевода книг, сотрудничеству в дальнейшем. Прошу предложить дирекции Института мировой цивилизации и Союза писателей России об участии на этой выставке. Такой обмен может помочь укрепить сотрудничество и развивать дружбу между Кореей и Россией. Желаю Вам крепкого здоровья, счастья в семье, успехов в работе и в творчестве. Прошу сообщить мне Ваше замечание.

*С уважением и наилучшими пожеланиями.
Комитет по культурным связям с заграницей КНДР,
Оргкомитет 10-й Пхеньянской международной выставки
научно-технической литературы.*

Пи Кан Рим

dmw <dmw@star-co.net.kp>

ТУЛЬСКАЯ ПРЕССА ОБ АЛЬБОМЕ «ДОКТОР ГУМИЛЕВСКАЯ»

В газетах «Тула» № 5 (55) от 10.02.2016 и «Тульские известия» № 21 (6423) от 12.02.2016 опубликованы статьи о Вере Сергеевне Гумилевской, 130 лет со дня рождения которой отмечалось 6 февраля 2016 года. К этой дате член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова и литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого Николай Макаров выпустил альбом «ДОКТОР ГУМИЛЕВСКАЯ».

Газета «Тула»:

«Вера Гумилевская: многодетная мама

...художественный альбом, изданный к 130-летию со дня рождения заслуженного врача РСФСР, акушера-гинеколога Веры Сергеевны Гумилевской. Автор-составитель — наш земляк, военный медик, член Союза писателей России Николай Макаров.

В издании собраны уникальные исторические материалы: архивные фотографии, документы разных лет, выписки из медицинских карточек, рукописная автобиография Гумилевской...

Элеонора ЩЕРБАКОВА».

Газета «Тульские известия»:

«Тот завод, откуда вышел весь народ

...6 февраля исполнилось 130 лет со дня рождения знаменитого тульского доктора. Сотрудники Центрального родильного дома возложили к могиле Гумилевской цветы. Тут же состоялась презентация сборника архивных документов, имеющих отношение к жизни и работе матери-основательницы того самого «завода». Полноцветный, большой по формату альбом издан на пожертвования членов коллектива и поэтому вышел минимальным тиражом. С его подготовкой к печати роддому помог член Союза писателей России Николай Макаров...

Екатерина ГАРБУЗОВА».

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Редколлегия нашего журнала пополнилась: ее членом стал Виктор Васильевич Буланичев, главный редактор известного в России и за рубежом литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник», издаваемого с 2003 года, с которым «Приокские зори» плодотворно сотрудничают уже не первый год. Надеемся, что Виктор Васильевич внесет в наш журнал свежую алтайско-сибирскую струю.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран, Г. Н. Маркин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2016
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

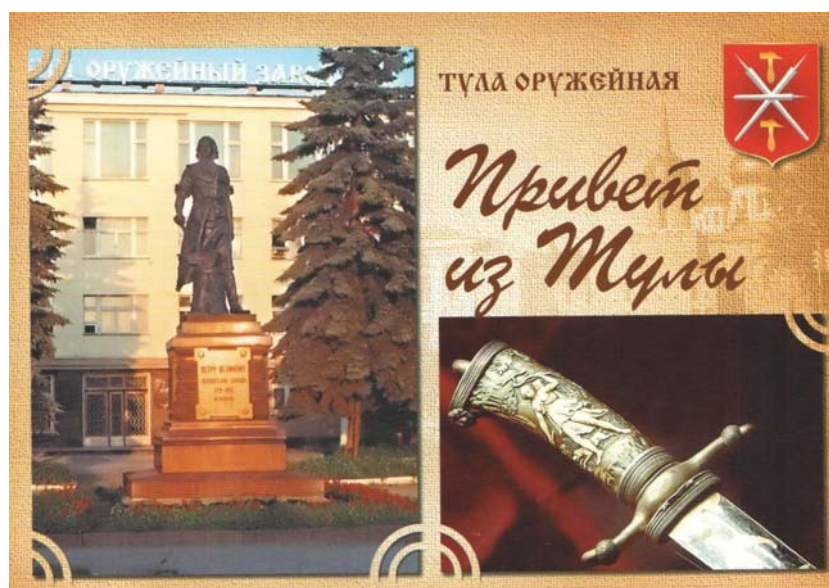
Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадия Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: ntomach@tsu.tula.ru, продублировать по e-mail: olegpantyukhin@mail.ru

С признательностью — редколлегия журнала

С ОПТИМИЗМОМ ВО ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ИЗДАНИЯ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

**КРУПНЕЙШИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЕ ОБОРОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ТУЛЫ:
КБП ИМ. АКАДЕМИКА А. Г. ШИПУНОВА И ФГУП «ГНПП «СПЛАВ»**

Открытки-коллажи публикуются с разрешения © Издательство «Свамия»: комплект открыток «Тула — город оружейников»; авторы: В. Н. Кузнецов, Е. А. Петрова, Ирина Александрина, Виктор Сумарков, А. Михайлов